

РАСКОЛОТОЕ ОБЩЕСТВО: ПУТЬ И СУДЬБА РОССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТЕОРИИ АЛЕКСАНДРА АХИЕЗЕРА

Нам давно нужна теория, которая дала бы достаточно ясное понимание того, кто мы есть, что с нами происходит, куда мы идем и что с нами может стать, если мы не переменимся и будем и далее следовать накатанному пути нашей истории. Эта теория должна быть объясняющей, чтобы ответить на мучающие нас вопросы, и понимающей, проникнутой общими болями и бедами, объективной и одновременно пристрастной, исполненной мудрости и здравого смысла, достаточных, чтобы удержать от крайностей, от следования застарелым мифам, и масштабной, чтобы меру оценок и значений задавали мировая история, общечеловеческие ценности. По определению, такая теория должна была появиться в России. Как кажется, этот труд появился.

НОВАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

О книге А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» специалисты говорят как о важном прорыве в знании о России. И еще — как об осуществленном ответе на вызов времени. На безнадежно-гордое «мы непредсказуемы» и знаменитое тютчевское «умом Россию не понять», на вновь активно утверждаемые идеи «особого пути» появился ответ, который осветил пониманием, связал нитями зависимостей, причин и следствий важнейшие основы общественной жизни. Есть ощущение, что Россию наконец-то «поняли Умом». Почти тысячестраничное исследование охватывает путь российского общества от становления государственности до сегодняшнего дня и устремляется в логику вариантов будущего. Дело, однако, не только в обилии проанализированных фактов, не в объеме осмысленного и переосмысленного материала, но в глубине

интерпретации анализируемых событий; дело в самом подходе к осмыслению проблем, в новой методологии. Создана масштабная научная теория, где дано последовательное, системное, достаточно полное описание социокультурных механизмов динамики российского общества, его исторического изменения. Автором предложен новый взгляд на социокультурные процессы развития общества, разработан теоретический аппарат, научный язык, включающий около 350 категорий и терминов. Общество рассмотрено и в своих целостных, общесоциальных характеристиках, и в расчлененности, и — несмотря на все предубеждения против теорий общего характера — в нашем случае это абсолютная, не только теоретическая, но и практическая необходимость. Ибо главная направленность теории — уловить и осмыслить то, что называют самобытностью, а на языке социальной теории — спецификой российского общества: его культуру, особенности связей между обществом и культурой в их историческом развитии. Подобная задача требовала разработки целостного подхода, привлечения возможностей разных наук. И действительно, автор опирается на достижения разных областей современного социального знания: философия, философия истории, экономика, социология, культурология, история хозяйства и социальная психология «сплавлены» в теории А. Ахиезера воедино, а традиции отечественной и мировой социально-философской мысли продолжены вплоть до выхода на новые уровни познания российского общества. *Открытие* — а именно это слово, не сговариваясь, употребляют читатели малотиражного издания книги «Россия: критика исторического опыта» (М., 1991) — состоит прежде всего в определении социокультурной специфики российского общества на основе оригинальной версии цивилизационного подхода к человеческой истории; в периодизации циклов русской истории, длинных «исторических волн», выводимых автором из массовых изменений в нравственных ориентациях людей, из логики этих изменений; в разработке философского воспроизводственного метода, позволяющего обнаружить особый тип противоречий, напрямую связанных со способностью общества обеспечивать свою жизнедеятельность и самовоспроизводство. Все вместе это позволяет говорить — что было сразу отмечено рецензентами — об изменении оснований толкования истории России, о формировании новой парадигмы исторического знания общественного развития России, дающей новые ключи к пониманию современных проблем страны.

Эта книга пришла к нам из мира неофициальной подпольной науки. Она долго шла к читателю, и мне уже пришлось писать, что судьба ее — часть общей судьбы независимой мыс-

ли в России и всего только одна из бесчисленных иллюстраций *страха общества перед самопознанием, критикой собственных иллюзий, осмыслением своего исторического опыта.*

Автор находится «внутри» ситуации, но и способен взглянуть на нее как бы «извне». Его собственная жизнь отвечает многим условиям, которые должны были быть, чтобы реализовать этот тип одновременно объясняющей и понимающей рефлексии. Столичный житель, сын интеллигентных родителей (отец окончил киевский университет как юрист, работал в Германии, затем в редакции «Правды», владел одиннадцатью языками), но жили в страшной бедности, фактически в нищете. Детство и юность прошли в знаменитых московских коммуналках с их пестрым населением и фантастическим бытом. Судьба забросила в российскую глубинку, которую знал не понаслышке: жил во время войны в колхозе, на Урале, в Васильсурске среди марийцев, мать ходила в городском пальто с модным тогда каракулевым воротником и в лаптях. Три года работал в Заокском районе Тульской области председателем районной плановой комиссии, поселился в избе, с утра до ночи толпился пришедший на прием народ, и вопросы решались самые житейские — дрова, распределение сенокосов, комбикорма. Учился на факультете экономики сельского хозяйства Московского экономического института — выбрал сам, особых трудностей избрание какого-либо другого факультета и института не составило бы. Степенями и должностями не интересовался, да и сейчас, проработав в одном из небольших престижных академических институтов более двадцати лет, — всего лишь кандидат наук. На достаточно частое удивление — почему не защищаешь докторскую? — отвечал одинаково: «Нет времени». Времени, действительно, не было. Нет кабинета, больная мать на руках, детишки, жена, разрывающаяся между работой и домом, вечная нехватка денег. И книга, которую стал писать с 1974 года, постоянная внутренняя сосредоточенность — и работа, работа, работа. В 1982 году произошла катастрофа — обыск у одного из знакомых, был изъят полный машинописный экземпляр рукописи, более 1 000 страниц через один интервал. Безумные ночь и день — ходил по городу с сохранившимся экземпляром и не имел куда, не знал кому, не решался у кого-нибудь спрятать. Сожженные черновики — сторело все, — и самое страшное — весь огромный справочный аппарат, указание на сотни источников, страниц, все сноски. Учитывая размеры рукописи — потеря, которую, несмотря на последующий каторжный труд, до конца восполнить так и не удалось.

В 1991 году в Философском обществе СССР вышла небольшим тиражом упомянутая выше книга автора, издание некоммерческое, осуществленное несколькими энтузиастами. Автор сам вывозил последний том трехтомника из типографии 19 августа. Машина лавировала среди танков и БМП неудавшегося августовского путча: легковушка с тиражом книги неожиданно «возглавила» колонну танков, оттеснив ведущего ее работника КГБ. Его злость можно было понять. Кто знал тогда, что впереди?

Настоящее издание — продолжение и развитие идей книги 1991 года. За это время состоялись «круглые столы», вышло более двадцати рецензий и других публикаций, посвященных книге 1991 года. Идеи, проблемы, концепции, выдвинутые ее автором, стали заметным фактором общественной жизни: вошли в научный оборот, оказали значительное влияние на публицистику, предстали аргументами в партийно-политических спорах. Надеюсь, труду А. Ахизера суждена долгая жизнь, новые переиздания, переводы. Судьбы книг, научных теорий, как и судьбы людей, неисповедимы. Некоторые ученые как бы предназначены в лидеры научных направлений, школ. Им с молодых лет сопутствует известность, степени, звания, должности, ученики и последователи, авторитет — в отечественном и мировом научном сообществе. Однако, есть, наверно, какой-то смысл в том, что книгу, открывающую новую страницу в познании России, написал скромный философ, никогда не читавший систематических курсов, не имевший учеников, коллеги которого вряд ли рискнули заподозрить в нем создателя фундаментальной научной теории. Когда тайно и с большим трудом вывезенная за рубеж анонимная рукопись в 1983 году попала одному из наших соотечественников — профессору социологии, тот предположил в ней авторство крупнейшего нашего авторитета в этой области. Имя же ее создателя было относительно малоизвестно вплоть до выхода упомянутого трехтомника. Да и как было его знать, когда из опубликованных до 1991 года 150 научных работ большая часть вышла в малотиражных академических изданиях и была посвящена плановым исследованиям. Это были работы по теории урбанизации, социальной экологии, математическим методам в градостроительстве, но вовсе не по социологии, философии и истории России. Крупные, серьезные работы почти не выходили. Неопубликованной осталась монография о смысле жизни, большие статьи об управлении, социальной практике, культуре, где развивались, постепенно складываясь, теоретические взгляды А. Ахизера на природу и основные характеристики социальной реальности, его философия. Поэтому фактически

неразгаданным остался путь серьезного философа. Основной труд его жизни, его теоретическая система открывается в этой книге как готовый результат, многие логические элементы которого остаются «за кадром» — в тех, неопубликованных, не узнанных никем работах.

Книга названа критикой исторического опыта, но ее можно было бы также назвать критикой исторической инерции. Главную трагедию России автор видит в отставании рефлексии, самосознания, способности к самоизменению общества от сложности подлежащих решению проблем. Недостаточная способность к самопознанию и самоизменению в соответствии с этим познанием способствовала, в частности, утверждению в массовом масштабе утопических — мифологических и псевдомифологических — представлений о социальной реальности, путях развития общества, что имело разрушительные последствия, дезорганизовывало общественное бытие на всех его уровнях. Дело не в одном или нескольких неверных решениях, дело в систематической утопической практике, в той чрезмерной доверчивости к своему опыту, вере, «революционной справедливости», миссии, которые рано или поздно обнаруживают свою иллюзорность, свое расхождение с реальностью.

Историческая инерция — свидетельство привязанности человека, общества к освоенному опыту, постоянное отставание в освоении инноваций и, следовательно, снижение адаптивных возможностей общества, его приспособления к постоянно меняющейся ситуации. Инерция истории преодолевается лишь постоянной критикой исторического опыта, причем критикой массовой.

Мы уже пережили в своей истории не один виток критики исторического опыта. Так можно ли вновь говорить о ее необходимости потомкам людей, хором певших о «разрушении до основания» старого мира, пытавшихся «сбросить Пушкина с корабля современности» и, действительно, не только крушивших храмы и сбрасывавших вниз колокола с колоколен, но и переживших ужас гражданской войны. Чтобы ответить на этот вопрос, *нужно понять, что имеет в виду автор под критикой исторического опыта.*

В глубинах общества всегда есть место самоизменению, самокритике, и эта самокритика есть необходимый и неизбежный элемент самой истории. Этот процесс зиждется на том, что историческую инерцию, сохранение привычных ценностей, структур, институтов, трансляцию опыта из прошлого в будущее всегда дополняет постоянное его преодоление, рождение нового содержания культуры, нравственности, форм и типов

деятельности, отношений, сообществ. Этот процесс может приобрести формы и масштабы, адекватные сложности общества и требованиям времени, но он может и отставать от потребности в нем, получить патологические формы. Под критикой исторического опыта автор имел в виду осознание обществом, его частью неизбежной ограниченности сложившейся культуры, отношений и институтов, способность их изменять. Предметом его анализа была сама способность общества соединять постоянную самокритику с самоизменением, что, естественно, не сводится к критике «ошибок» политических деятелей, классов и партий, к разрушительному отрицанию прошлого, той его «отмене», которая не может обернуться ничем иным, как катастрофой, самоизбиением. *Критика исторического опыта есть, таким образом, идеальная и практическая критика массовой деятельности — ее культурных, нравственных, практических смыслов.* В тех случаях, когда способность к самоизменению общественного субъекта недостаточна, развивается острейшее противоречие между одновременными попытками общества (его отдельных групп, личности) вести историческое существование и отказаться от него, между исторической инерцией и стремлением ответить на «вызов истории», что требует выхода за рамки накопленного опыта.

А. Ахиезер полагает, что инерционность до сих пор остается угрозой для общественного развития России. Вопрос «какое, милое, у нас тысячелетие на дворе» все еще таит в себе двусмысленность, он актуален, и книга предупреждает об опасности архаизации, катастрофического упрощения культуры, общественных структур, всего общества, подстерегающей его на путях следования исторической инерции.

САМОБЫТНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Историческая «болезнь» России — социокультурный раскол. Не традиционное «Кто виноват?», но «Как это могло случиться?» — вот вопрос, который задает автор современности и нашему прошлому. Как могло случиться, что общество время от времени обращается против себя самого, сокрушая в остром приступе ненависти к себе созданную культуру, уничтожая целые социальные слои, разрушая государство, и вновь пытается как будто начать жизнь сначала, с чистого листа, осуществить радикально иной проект жизнеустройства?

На обыденном уровне эта общеизвестная особенность российского исторического развития предстает как иррационально-непознаваемая. Ее называют коллективным безумием, невидимым, всепроникающим злым черным духом, бссовством.

Наш современник пишет: «Все вдруг идет наперекосяк. Победители словно оказываются в сказочном заколдованном лесу, существующем по сказочному же, иррациональному порядку... Только что страна была полна живых, энергичных, засучивших рукава людей, а вот уже и нет никого, под ногами путаются (да еще огрызаются!) человекоподобные скоты, неспособные к осмысленному труду...»¹ Но о том же в похожих словах писал в прошлом веке А. Никитенко, бывший крепостной, ставший академиком и цензором: «У нас ныне настоящее царство хаоса. Хаос во всем: в администрации, в нравственных началах, в убеждениях. Хаос в головах тех, которые думают управлять общественным мнением»².

Для науки, научного разума, социальной теории загадка русской истории принципиально познаваема. Она лишена того мистического ореола и садомазохистского ужаса, эстетического подъема и восторга, которые, на мой взгляд, сильно способствовали ее демонизации. Чтобы ответить на вопрос, как нечто могло случиться, следует прежде всего понять, кто был действующим лицом исторической драмы, т. е. «Кто мы?» или, иначе, «В чем специфика российского общества?» На языке почвенников разных времен это — постоянно актуальный вопрос о самобытности России.

Наука в одном из своих смыслов есть преодоление метафор. Исходная интуиция, испытываемая, дополняемая, опровергаемая в размышлении и споре, проходит свой путь, превращаясь в понятие, на дне которого покоятся остаточные метафорические смыслы. В данном случае измышлять метафору не было нужды: она сложилась в длительной философской традиции размышлений о России и представляла как догадка, питаемая наблюдением эмпирических фактов, различных конкретно-исторических явлений. Глубокое раздвоение русской души, о котором писали столь многие мыслители, может быть признано общим убеждением. О церковном расколе, ставшем трагедией для многих поколений русских людей, расколе на «дневную» и «ночную» культуры, о «мнимой цивилизации», привнесенной из Европы, конфликтах между деревенской и городской жизнью писали и говорили И. Киреевский, В. Соловьев, В. Ключевский, А. Герцен, Г. Флоровский, Н. Лосский, Н. Бердяев, Г. Федотов, Д. Мережковский, австриец Вальтер Шубарт и многие другие, вплоть до В. И. Ленина, указывавшего на противоположность двух культур в одной нации, конфликт между которыми «неизбежен». Потря-

¹ Козлов Ю. У бедных нет будущего: Отчего же у нас не ладятся простейшие дела?// Независимая газета. 1992. 28 июля. С. 5

² Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 38.

сающие образы Санкт-Петербурга — зримое воплощение раскола, города, повисшего над бездной, грозящего раствориться, кануть в никуда, исчезнуть, как фантом, как мираж, — идут от Гоголя, Достоевского к Андрею Белому: «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, с той чреватой днями поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит, — надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа — Россия» (А. Белый).

Раскол стал той исходной ключевой метафорой, которая была положена А. Ахиезером в основание представлений о российском обществе и стала центральной категорией системы понятий, разработанных им для объяснения и понимания социокультурных процессов, происходящих в России. *Появился интегральный образ нашего общества*, наглядно выражающий наше отставание в решении проблем от их накопления, недостаточную способность к коммуникации, к результативному диалогу.

Раскол — в христианском смысле — результат недостатка любви людей друг к другу, неспособность миром сладить общее дело, достичь устраивающего всех компромисса, примирить сталкивающиеся интересы. Раскол, однако, — понятие не религиозно-церковное и не социально-психологическое, и причина его — вовсе не природа человека, так же как не являются его причинами свойства национального характера, какие-нибудь особенности, коренящиеся на этническом уровне. Россия — «расколотое» общество, к такому выводу приходит А. Ахиезер, потому что в ней действуют одновременно противоположные, пытающиеся стать господствующими логики. Каждая из этих логик по-своему рациональна и несет в себе свой собственный проект жизнеустройства, культурную программу, каждая воплощается в социальные институты, образцы и традиции, имеет представления о должном поведении, отношении к природе, обществу, другим людям, народам и странам, государству, власти, прошлому и будущему, вплоть до мироздания в целом. Обе логики почвенны: ни одна из них не является «чужой», «наносной». Но это не рядоположенные логики: они связаны генетически. Первая из них основана на традиционной российской нравственности, складывавшейся с древнейших времен, вторая возникла позднее как элемент развития общества. В любом обществе существует «социокультурное противоречие», отрывающее мысль от дела, идеал от его воплощения, но требуются особые условия, чтобы из этого противоречия возник социокультурный раскол. Будучи одним из выражений нарушения социокультурного закона, сформу-

лированного автором, крайнего обострения социокультурного противоречия, раскол имеет место, например, в модернизующихся обществах. В России, однако, он возник гораздо раньше: вместе с государственностью и принятием христианства. За многие века раскол не только не исчез, но глобализовался, приобрел особо тяжелое, длительное течение, превратился в характеристику общества, в элемент его самобытности. Все глубже и глубже проникая в общество,— автор прослеживает историю социокультурного раскола достаточно подробно,— раскол определил, наконец, основной социальный тип личности как «расколотый». Последнее произошло относительно недавно, во второй половине XIX века, когда стала дифференцироваться, раскололась народная крестьянская почва. Постепенно раскол стал «хронической болезнью» общества.

Очевиден вопрос: почему в других обществах естественно возникающий при культурной, социальной дифференциации раскол был преодолен или по крайней мере ослаблен до масштабов, не угрожающих существованию целостного сообщества, достаточных для формирования глубинного консенсуса, единого нравственного основания культуры? В самой общей форме ответ, видимо, может состоять в том, что спонтанно нарастающая дифференциация должна постоянно компенсироваться возникновением интегративных механизмов, действующих по принципу обратной связи в кибернетической системе. В России колоссальность неосвоенных пространств и редкость населения резко снизили необходимость в формировании подобного рода интеграторов. Не способствовала их развитию и натуральность и полунатуральность хозяйственных укладов, замедлявшая, кроме того, и сам процесс дифференциации, т. е. развитие. Города всегда были слабы и больше похожи на деревни, развивавшаяся в них культура, с одной стороны, давала импульсы для формирования культурных и социальных интеграторов, о которых говорится выше, но, с другой стороны, эти импульсы были недостаточны, чтобы «переработать» всю территорию страны. Отсюда слабость созидательных функций государства, пытавшегося восполнить «разрывы» в социальной «ткани» административным нажимом, вплоть до прямой жестокости. Но государство — лишь один из интеграторов, причем наименее гибкий и мобильный. Чтобы общество было богатым, преуспевающим, все оно должно быть пронизано густой сетью таких интеграторов — обратных связей.

В результате раскола в обществе образовались цивилизационные типы: традиционный, где господствует ориентация на сохранение достигнутой эффективности общественного воспроизводства, и либеральный, где преобладает постоянное стрем-

ление повысить эффективность воспроизводства³. Это основополагающее различие проявляется во всем строе жизни, во всех ее сферах.

Две цивилизации, фантастически сплетенные в теле одной страны, означают по меньшей мере столько же типов ментальности, систем нравственности, основных политических культур, хозяйственных систем, типов самосознания и т. д. Расколотое общество — особое общество, преобразующее любые воздействия извне и изнутри самим фактом раскола. Фактически это означает необходимость постоянного учета не только «либеральных» элементов культуры, до сих пор показывавших себя более слабыми внутри страны, но и основного массива общества. Скрытая реальность этого основного массива, составляющие его элементы и факторы, прослеживание и конкретизация процессов, происходящих в толще общества — основное содержание книги.

Сплав двух цивилизаций порождает особую «промежуточную цивилизацию». Понимание цивилизационной специфики общества как «промежуточной», предложенное в исследовании автором, отрицает типологическое единство советского и западного обществ. Достижения индустриальных форм труда, массового промышленного производства, высокоразвитых науки и искусства сами по себе еще недостаточны, чтобы объединить по этим показателям общества в единый тип. Понимание капитализма как одного из этапов «либеральной» цивилизации, к которой только движется Россия, означает, что российское общество оставалось и остается до сих пор докапиталистическим. Капитализм, который исторически развивался в стране, никогда не мог овладеть обществом до его глубин. Автор убежден, что для постоянного воспроизведения того или иного хозяйственного, экономического, социального порядка решающей для общества является деятельность основной части населения. Элиты, и тем более остальные меньшинства, обладают ограниченными возможностями по сравнению с утверждаемой каждый миг волей, деятельностью, поступками большинства. Потому и самая жестокая тоталитарная государственная власть всемогуща только в разрушении, в уничтожении, в подавлении. В позитивном смысле она слаба, куда слабее, чем реальная демократическая власть, более глубоко отражающая волю большинства, рассчитывающая на спонтанную и инициированную позитивную творческую энергию

³ Традиционная и либеральная цивилизация — основные типологические единицы человеческой истории. Традиционная цивилизация включает все древние государства, средневековую Европу; либеральная — развитые капиталистические общества, вне зависимости от их геополитического положения.

граждан. Слабость тоталитарной и всякой другой власти, опирающейся на насилие, обусловлена тем, что центральной власти, бюрократии, репрессивным органам приходится брать на себя обеспечение, контроль, поддержание всех основных функций общественной жизни, в то время как население пытается замкнуться, не принимать на себя общесоциальные заботы, уменьшить до минимума творческую энергию, направленную на воспроизводство общества.

В этом свете фундаментальным представляется факт, что не менее 85% населения, начиная от отмены крепостного права, стали возвращаться к освященным традицией и тысячелетним опытом формам жизни, к активизации локальных миров. Нельзя не видеть, что замыкание большинства населения в рамках локальных сообществ поставило под угрозу существование государства. Небольшой группе людей в деревне, отклонившихся от устоявшихся порядков жизни, противостояла основная масса общинников. Рост рыночных отношений вел к их обнищанию и выступал катализатором дискомфорта состояния, оценивался как разрушительный — и действительно таковым был для значительной части населения страны. Это вызывало укрепление дорыночных отношений. Примеры этой тенденции бесчисленны на всех уровнях общества, что зафиксировала, например, художественная литература. В «Прощании с Матерой» В. Распутина вернувшийся с первой мировой войны солдат убивает мелочную торговку, единственную в сибирском селе, убивает не из мести или корысти, но за вредоносность ее занятия. Сейчас конец XX века, но все еще торговля не пользуется симпатиями населения. В. Белов пишет о нелюбви к ней своих односельчан, по-прежнему в обществе господствует уравнильное понимание справедливости.

В книге показано, что в истории России постоянно боролись государственническая и антигосударственническая, анархическая тенденции. Когда А. Ахизер пишет о силе антигосударственнической традиции в стране, это воспринимается как парадокс. Но парадокс здесь кажущийся. Исследователи крестьянских обществ знают, что крестьяне как наиболее массовый социальный слой этих обществ обладают догосударственными нравственными идеалами. Эта особенность — вовсе не следствие религиозной культуры, верований, этнонациональных предпочтений. Она не коренится также в каких-то особых психологических свойствах души. Догосударственные идеалы крестьянства — результат хозяйственной деятельности, особенностей организации общества, основанного преимущественно на традиционных сельскохозяйственных занятиях. Мировой

опыт свидетельствует, что самообеспечивающиеся хозяйства, а именно такими были натуральные и полунатуральные хозяйства, базируются на идеях крестьянского самоуправления, на основе самостоятельной автономной жизни в локальных мирах. Крестьянский двор и сельский мир — основа основ социальной жизни крестьянства. Долгое время крестьяне были убеждены, что и город им не нужен. И действительно, в городе складывались другие типы отношений, появлялись новые ценности, традиционную крестьянскую мораль и обычаи город разрушал. Конечно, времена, когда земледелец был свободным от государства, прошли очень давно, но вспомним, что именно в России длительное время существовала реальная возможность ухода на новые земли и социальная память о ничем не стесненной воле была по-настоящему жива. Убеждает авторский анализ подрыва нравственных устоев общества в результате манифеста о вольности дворянской 1762 года. Если дворянин больше не слуга царя, не воин, защищающий земледельца то за что же последний должен кормить помещика, работать на него? — Освобождение крестьян было с этого момента только делом времени. Однако, — и об этом обычно до сих пор не говорили, — крестьяне хотели освобождения полного — не только от землевладельца-помещика, но и от государства. От вечной необходимости платить, отдавать часть произведенного ими в тяжком труде. Крестьяне сохраняли свои нравственные идеалы вольной догосударственной жизни и в XX веке в условиях развивающегося индустриализма, что стало предпосылкой их трагической судьбы в советское время. До сих пор эта тема в полном объеме так и не осмыслена.

Автор считает, что в ленинской оценке России к 1917 году как страны среднеразвитого капитализма желаемое принимается за действительное. Экономической «смычки» между индустриализующимся городом и крестьянским большинством не произошло. *Деревня в целом, несмотря на беспрецедентную по глубине освободительную реформу 1861 года, а затем столыпинские реформы начала XX века, осталась докапиталистической.* Наряду с островками становящихся капиталистических отношений в деревне и в несоизмеримо больших по сравнению с ними масштабах росло сопротивление этим отношениям, нарастала мощнейшая волна уравнительной справедливости. Именно она смела российское дооктябрьское государство и способствовала установлению советской власти. *Октябрьские события 1917 года — это традиционалистский взрыв,* давший массовый выход наверх архаичным нравственным идеалам и, как это ни парадоксально, обеспечивший социальной энергией устремления правящего модернизаторского

меньшинства. Буржуазное развитие России в рамках этого объяснения, как и соответствующее движение к либеральной цивилизации, предстают катализатором этого взрыва, ибо распространение буржуазных ценностей, товарно-денежных отношений шло одновременно с ростом, с определенного момента опережающим, глухого сопротивления их развитию, на что обычно закрывают глаза.

Смелая гипотеза, выдвинутая в книге, связывает катастрофы, переживаемые Россией, с масштабами и уровнем развития товарно-денежных отношений. Все четыре социальные катастрофы, когда происходила дезинтеграция государства, страна раздиралась междоусобицами, сопровождались резким изменением места и роли товарно-денежных отношений. Так было в результате гибели Киевской Руси и возникновения Московского государства, когда развитие менового хозяйства сменилось натуральным. Так было и в катастрофе Смутного времени, которой предшествовали попытки перевода натуральных повинностей в денежные, о чем говорили историки Н. А. Рожков и М. Н. Покровский. Сходный процесс произошел и в 1917 году, когда развитие капиталистических отношений в городе и деревне привело к взрыву уравнилельности, вызвало неслыханную натурализацию и возрождение крепостничества (теперь уже не в помещичьей, но в государственной форме колхозов). Четвертая катастрофа — гибель СССР, окончание советского периода — развилась в момент попыток экономических реформ, направленных на развитие рыночных отношений. Действительно ли общество отторгает рыночные отношения, отвечая на их развитие реакцией натурализации? Каков в этом случае должен быть путь реформаторов, учитывая неизбежность рынка как единственного механизма, обеспечивающего тот уровень функционирования всего общества, который достаточен для современной цивилизации?

Признание нашего общества докапиталистическим с преобладанием дорыночных отношений — радикальный вывод, требующий разработки совершенно иного категориального аппарата экономической и политической науки, особых методов реформирования общества, свободных от постоянного «вчитывания» в происходящие у нас процессы с позиций, которые характерны для развитых капиталистических обществ. Автор начинает поиск этих категорий, когда, например, использует категорию «хозяйство» вместо привычной категории «экономика», так как последняя, по его мнению, может применяться только к развитым рыночным хозяйствам. В других случаях он выходит из положения, обращаясь к категории «псевдо» (целый ряд таких понятий включен им во второй том настоящего

издания — «псевдорынок», «псевдокапитал», «псевдоурбанизация», «псевдолиберализм» и т. п.) как характерной для «промежуточной» цивилизации, того неорганичного синтеза, которой она воплощает.

Попытка понять трагический опыт советской истории подвела А. Ахиезера к анализу «лингвистической реальности» — мифов, идеологии, сопровождавших возникновение советской государственности; до цели — общего счастья — оставалось, казалось, малое: сломить сопротивление свергнутых классов; их уничтожение отождествлялось с достижением новой (коммунистической) жизни. В действительности, однако, была найдена идея новой интеграции общества и реальные механизмы этой интеграции через «партию нового типа» и идеологию, воплощавшую триумф победившей части расколотого общества. Если бы, однако, эта часть могла существовать самостоятельно, а общество «низшего класса» оказалось жизнеспособным! Временно раскол, казалось, исчез, новое единство вдохнуло в людей неслыханный энтузиазм. Уничтожив частную собственность, советская власть последовательно и твердо довела до крайних пределов то, что царское государство осуществляло неполно и непоследовательно, в том числе начавшуюся после 1861 года индустриализацию за счет крестьянства и государственную поддержку монополий в промышленности. Большевизм смог выполнить это за счет своего постоянного стремления одновременно «вписаться» в культурные представления различных социокультурных групп, часто далеких по своим представлениям, ценностям, образу жизни, убеждая каждую из групп, что он выражает именно ее ценности, а затем используя эти группы в своих конъюнктурных целях. Результатом вскоре стало не общее благо народа (как это провозглашалось), но совершеннейший утилитаризм и демагогия, его прикрывающая, манипуляторство, причем не только в сфере экономики и политики, но и в сфере духа. С легкостью отождествлялись научная истина и мифы, все огромное «расколотое» общество было подчинено задаче сконцентрировать массовую социальную энергию на цели создания Великой Державы. Опираясь на господство уравнилельных ценностей, растущий утилитаризм и социально-утопические представления крестьянства, большевистская власть смогла использовать социальную энергию этого самого массового слоя населения, чтобы его руками подавить более самостоятельную и склонную к предпринимательству часть крестьян. Осуществила руками этой же крестьянской России, изгоняемой в город, индустриализацию, проводимую за счет того же крестьянства, обираемого до нитки, до голодной смерти в деревне. Путь индустриали-

зации на добуржуазной основе, который был реализован в Советской России и превратил страну в «современную», позволив на время ей стать «сверхдержавой», — уникальное явление в мировой истории.

Эволюция нравственности. Типам цивилизации отвечают складывающиеся в них типы нравственности. Исходной «природной» формой традиционной российской нравственности А. Ахиезер считает *вечевую*, которая распадается на *соборную*, персонафицированную в патриархальной общности и сходных с нею сообществах, и *авторитарную* — воплощение силы, власти, авторитета и собственности Первого лица тех же сообществ. Динамика этих типов нравственности, их взаимоотношения между собой, переходы от конфликта к согласию между ними составляли содержание общественной жизни традиционного общества в России. Органическая целостность, незамутненность традиционной культуры нарушается со временем внутренними причинами: общество дифференцируется, одни его элементы отрываются от других, выдвигаются новые нравственные типы. Возрастающее значение среди них приобретает *утилитарная нравственность* (которая начинает развиваться в традиционной цивилизации). Вокруг утилитаризма и разворачиваются исторические драмы, занимающие последние несколько столетий общественного развития страны.

Утилитаризм, общая для всех народов на определенной стадии их развития нравственность, связан с тем открытием человечества, что все окружающее — и природа, и вещи, и люди — может быть использовано, превращено в средства для человеческой деятельности. Утилитарная нравственность укореняется в верхних слоях общества, воплощаясь в идею общего блага. Она проникает в толщу народа, в его практическую повседневную жизнь. Но утилитаризм двойствен: с одной стороны, он способствует наращиванию богатства, умений, творчества во всех его формах, с другой, если он не умерен высшими типами нравственности, легко склоняется к эксплуатации человека, в поиске средств становится напористым, агрессивным, беспощадным.

Утилитарная нравственность, однако, вовсе не противоположна высшим ценностям, и это доказывает опыт Запада, и в философии, и в религии сумевший дать высшие обоснования этой нравственности и тем самым ограничить ее агрессивный напор. Но на русской почве утилитаризму сильно не повезло. Он остался вне обоснования высшими ценностями, не разработанным ни в элитарной культуре, ни в религии, что привело к нравственной необеспеченности идеи общественного развития как таковой. Общество и в лице духовной элиты, и в лице

церкви чуждалось самой идеи пользы во всех тех случаях, где она не выступала как польза государства или народа. Высшая интеллигенция обратилась к *либеральным идеям и ценностям*, проникающим с Запада, оставив утилитаризм неразвитым и грубым. Сферы деятельности, социальные слои, обеспечивающие общественное богатство через личный интерес, до сих пор воспринимались и воспринимаются как подозрительные. Торговля, предпринимательство, деловой успех, активная деятельность, направленная на личные ценности, карьеру, богатство,— все осталось нравственно ущербным, подвергающимся осуждению. Как же удивляться, что люди в России бедны? Модернизация осуществлялась, имея целью лишь пользу государства, но не улучшение повседневной жизни людей. Традиционная нравственность вообще не знает модернизационных ценностей, не поддерживает активной преобразовательной деятельности, негативно оценивает новшества. Проникающая же с Запада и ограниченно развиваемая в высших слоях русского общества либеральная нравственность постоянно выхолащивалась, усекалась. Из нее бралось лишь то, что могло «работать» на идею общей пользы, в основном то, что могло помочь развитию технических умений, научных знаний. В сфере духа она осталась абстрактно-отвлеченной, непроработанной на почвенном материале. И до тех пор пока либеральная нравственность оставалась беспочвенной, уделом небольшого числа людей, ее можно было перерабатывать в утилитарном духе, подчиняя низшим формам нравственности, использовать как средство.

С нравственной стороны рассмотрен в книге опыт революционной интеллигенции, большевизма. Автор полагает, что на каком-то этапе революционная интеллигенция, ориентирующаяся на благо народа как на высшую ценность, стала считать, что ради этой цели можно быть утилитарными во всех остальных случаях, в том числе заниматься утилитарным манипуляторством в сфере духа, использовать любые другие формы нравственности для осуществления того, что считаешь полезным, причем не лично для себя (личная заинтересованность с негодованием отвергалась), но для общества. В результате этого большевизм утвердился во мнении, что он может делать с людьми все, что считает целесообразным, т. е. неограниченно утверждать свою волю. В этом большевики шли за теми террористами из народников, которые полагали нравственным распоряжаться чужими жизнями ради народного блага (как они его понимали). Православная нравственность, уходящая от мира, от напряженных и драматичных социальных проблем, оставила общество наедине с его проблемами;

конфликт разыгрывался в основном между постепенно подтачиваемой традиционной нравственностью (соборной и авторитарной) и необлагороженным грубым почвенным утилитаризмом.

А. Ахиезер связывает наиболее глубокие изменения в обществе с массовой нравственностью. Утилитаризм, медленно, мучительно разъедающий народную традиционную нравственность, одновременно несет с собой не только опасность гибели патриархально-традиционных форм доличностного соборно-авторитарного самосознания, но и надежду на утверждение новой нравственности, более высоко оценивающей личность, ее ценности. Этот процесс имеет противоречивый характер с точки зрения динамики самого утилитаризма: развитые его формы, связанные с буржуазной культурой, предпринимательством, производительным трудом, были отброшены в результате октябрьской катастрофы, однако низовой, грубый и неразвитый утилитаризм за годы советской власти сильно укрепился в массах, потеснив, а кое-где и решительно отбросив традиционную нравственность. Тем не менее Россия, как и прежде, осталась расколотым обществом, страной «промежуточной» цивилизации. В некотором смысле процесс ее вхождения в либеральную цивилизацию после Октября стал еще менее органичным, ибо общество пыталось использовать в качестве механизма своего преобразования не достоинства, а недостатки. Незрелость, фрагментарность буржуазной культуры и рыночных отношений, несформированность рынка, неразвитость капитализма как социально-экономического строя парадоксальным образом стали оцениваться как достоинства антикапиталистического пути в новую цивилизацию. Это стало возможным из-за неправомерного отождествления либеральной цивилизации в целом, во-первых, с одним из ее начальных этапов, а во-вторых, с одним из наиболее заметных ее результатов — индустриализмом.

Руководствуясь подобными установками, советские модернизаторы направили все усилия на индустриализацию. Советское общество оказалось способным добиться ограниченных результатов, частью перенять, частью развить самостоятельно индустриальные формы труда и промышленного производства, науку и технику. Но эти результаты покоились на представлениях, идеологии, менталитете, ценностях не либеральной, а промежуточной цивилизации. Между ее элементами не было согласия, и постоянно тлеющий конфликт игнорировался, загонялся внутрь.

Достижение А. Ахиезера в том, что он сумел подняться над обычным в нашей культуре взглядом, негативно оценивающим

утилитаризм, отлучающим его от высших ценностей, и показал необходимость утилитаризма как стадии в развитии человеческого духа, в амбивалентности своей способного не только освящать грязные дела, но и поддерживать и развивать высшие смыслы человеческой деятельности. И прежде всего важно то, что утилитаризм определяет трудовую этику, этику делового успеха. А. Ахиезер показал, что, минуя утилитаризм, напрямую от традиционной к либеральной нравственности пути нет. Промежуточная утилитарная нравственность — необходимое звено в развитии общества и личности, имеющая свою функцию, в частности, как основа производства, производительного труда, профессионализма, выступающего в качестве составляющей труда. Вовсе не обязательно протестантская, но уж непременно достижительная, нацеленная на эффективность деятельности этика не может сложиться вне утилитаризма, утверждающего полезность деятельности как таковой, преобразующей мир и человека в нем.

Там, где многие видели иррациональный «русский хаос», загадочность непознаваемой славянской души, автор разглядел жесточайший конфликт типов воспроизводства, культуры, нравственности. В общем-то характерный для многих модернизирующихся обществ внутрикультурный разрыв он осмыслил в категориях культурной самобытности, исследовал его как определяющий факт социокультурной эволюции. Теоретики модернизации предполагали, что общество, модернизирующееся «вдогонку», может попасть в ловушку. Но никто до сих пор не проследил с этой точки зрения исторический путь России.

«МАЯТНИК АХИЕЗЕРА»

Инверсионные циклы. Расколотое общество просто не может изменяться иначе, чем осуществляя «маятниковые» колебания между полярностями. Логически совершенно ясно, что оно естественным образом вследствие раскола переходит от одной патовой ситуации к другой. Исторический «маятник», если следовать схеме автора, качнулся уже пятнадцать раз. Подобный тип динамики в сложном обществе — поляризованный, катастрофический — несет в себе разрушительный потенциал дезорганизации, так как создает повышенную опасность отбрасывания, деградации значительной части накопленного опыта.

То, что на философском языке называется инерцией истории, в реальной истории приобретает форму циклических изменений. Идея циклов стара как мир. Бессмысленно отрицать

наличие ритмов в нашей жизни. Существуют периодические колебания в космосе, природе, биологические циклы в человеческой жизни. Столь же естественны циклические размерности в обществе. Теория циклов экономической активности Н. Кондратьева, циклы и конъюнктуры историка Ф. Броделя, циклы истории А. Тойнби признаны в науке. Циклическая социокультурная динамика в традиционных обществах — это не только мифологические представления древних народов, за этим стоит некая историческая реальность. Что такое социокультурный цикл? Он понимается как естественно-исторический механизм, не непреложный «железный» закон исторического развития, но могущая быть замеченной тенденция, возникающая как функция и результат массовых процессов. Он складывается как следствие огромного числа человеческих действий, к этому циклу не имеющих никакого отношения, наподобие того, как возникает «невидимая рука» рынка.

Перебор вариантов показывает, что возможностей здесь не так уж и много: на некотором уровне абстракции они фактически могут быть сведены к тому или иному варианту циклической динамики либо к линейным изменениям прогрессивного или регрессивного характера. А. Ахиезер показывает, что социокультурная динамика России есть динамика размыкания циклов, постоянно усложняемая неуклонно пробивающимся сквозь циклическую логику линейным прогрессивным движением. Возможно, такова в некотором общем смысле динамика большинства обществ, и различия наблюдаются лишь в соотношении, мере цикличности и линейного развития. Если в традиционных обществах, стабильных и малодинамичных, доминируют циклы, а в их верованиях, идеологиях, мифах, религиях господствуют идеи вечного возвращения, круга времен, то в нетрадиционных обществах вперед выдвинулась идея линейного времени. Как известно, это и есть идея истории, исторического времени, которая начала утверждать себя уже в христианстве. Идея циклов в этих обществах также сохранила свое влияние, но была подчинена идее прогресса.

Россия сочетает оба типа динамики — циклический и линейный, но господствует в обществе *модифицированный инверсионный цикл*, восстанавливающий вновь то, что уже было, однако восстанавливающий лишь в некотором смысле, лишь отчасти, ограниченно и неполно.

Автор описывает *два законченных цикла российской истории и начало третьего*, в который общество, по его мнению, вступило после августовских событий 1991 года. Каждый из циклов включает семь этапов. Они формировались взаимопереходами нравственных систем, реализовавшими себя в массо-

вых социальных процессах. Одной из форм раскола является раскол между циклической формой исторических изменений и прогрессом. История страны может быть рассмотрена как результат их взаиморазрушающих и взаимопроникающих отношений.

Первый цикл — от начала российской государственности до Октября 1917 года. Второй включает советский период до гибели СССР.

До сих пор среди специалистов нет единства по вопросу о преемственности между дооктябрьской и советской историей. Наблюдается поляризация мнений, начиная от утверждения о полном разрыве между царской и советской Россией вплоть до утверждения, что они — суть одно и то же. Автор считает ограниченными обе точки зрения. Он говорит о подобии циклов русской истории, но подобие дооктябрьского и советского циклов структурное: общей остается логика изменений, последовательность этапов, типы политической культуры, принятия решений. Вместе с тем значительные качественные изменения касаются и социального, и технологического, и культурного, и нравственного факторов общественной жизни. В книге показано, как общество мучительно отходит от синкретизма, какие сдвиги в народной почве приносят ее изменения от преимущественно доиндустриальной крестьянской к маргинальной полукрестьянской-полугородской. А. Ахиезер рассматривает историю России как непрерывно развивающийся процесс. Он не только не отождествляет циклы, но признает наличие общих сдвигов, имеющих решающее значение с точки зрения развития общества. *Таким сдвигом является в первую очередь дальнейшее укоренение утилитарной нравственности в стране.* Процессы модернизации, массовый утилитаризм, отражающийся на поведении социальных групп, личности, возможности современных средств массовой коммуникации динамизируют, ускоряют время протекания циклов, их отдельных этапов, 74 годам советской истории отвечает весь предшествующий период развития России.

За время первого цикла русской истории сформировалось традиционное общество, была создана мощная держава, имперская государственность, страна начала переходить к либеральной цивилизации. Однако в рамках этого цикла общество не сумело модернизироваться, попав в ситуацию «заколдованного круга», в «ловушку», «застряло» между цивилизациями: развитие стало происходить в условиях нарастания раскола. Переход затянулся, и стали все более накапливаться культура, отношения и структуры «промежуточной» цивилизации. Сущность последней — в стабилизации переходного состояния, ко-

гда традиционность разрушается, она все более неприемлема, вернуться к ней невозможно, и одновременно недостижима либеральная цивилизация. В этих условиях рождаются идеи прыжков, перепрыгиваний через этапы, ускорений, критика детерминизма, сводящаяся к попыткам утверждения волюнтаристских идей, прямого произвола, которые могут вылиться в безудержное социальное экспериментирование и т. д., но все предпринимаемые попытки ускорить органическое развитие, естественно складывающиеся процессы самоорганизации чреватые *катастрофическими перенапряжениями для общества*. Во всяком случае должна быть обеспечена мотивация модернизации, в чем бы эта мотивация ни состояла.

К сожалению, православие не обеспечивало мотивацию модернизации, и оно в результате было побеждено псевдорелигией, которая лишь утилитарно использовала высшие ценности, но зато сумела создать мотивацию для модернизационных процессов. Не личный интерес и не классовый компромисс, но общее благо народов России, будущая счастливая жизнь всего человечества в справедливом коммунистическом обществе — таковы цели, выдвинув которые, большевистская идеология сумела завербовать сотни миллионов сторонников. Автор называет ее *псевдосинкретической*, ибо на модернистской основе она апеллировала как к традиционалистским массам, страдающим из-за утраты органической синкретической веховой нравственности, так и одновременно к городской индустриальной высоко дифференцированной культуре. Отсюда ее изначальная «ипостасность», двойственность, псевдомифологичность. Эта идеология обращена к особому гибриднему идеалу, тождественному и одновременно противоположному господствующему нравственному идеалу первого цикла. Национальная идея первого цикла в советский период превратилась в классовую, но осталась, как и прежде, государственнической, в скрытом виде — имперской. Самое важное, что псевдосинкретизм не способствовал изживанию раскола, но всячески маскировал, прятал его, утверждая «морально-политическое» единство общества. Тем самым он загонял болезнь раскола вглубь. Исключительная гибкость и ориентация на безудержное утилитарное манипулирование позволяли псевдосинкретизму до поры до времени выполнять эти задачи, каждый раз в момент исчерпания одной своей версии выдвигая другую. Сейчас, отрицая интернационализм советского этапа, мы вновь возвращаемся к национальной идее, но это не означает и не может означать прямых отождествлений с первым циклом.

Структурное подобие между соответствующими этапами — в совпадении их нравственных оснований. Но важнее не сходства, а различия. Одним из чрезвычайно важных для конкретной истории различий, считает А. Ахиезер, являются противоположные ценностные ориентации в началах соответствующих циклов. Так, если второй цикл (советский) начался с ведущей ориентации на интернационализм и архаичную уравнительную справедливость, причем имело место массовое озлобление народа, стремление к захвату собственности, то нынешний, третий период утверждает ценности либерализма, демократии, религиозной нравственности, дает огласие на социальную дифференциацию, рынок. В более абстрактной форме можно говорить, что наряду с преемственностью и элементами циклического развития здесь наблюдается несомненный прогресс. В этом смысле даже, казалось бы, элементы, указывающие на возрождение давно ушедшего (монархические идеи, возрождение казачества, других традиционных укладов), — видимо, не более чем нынешние приметы. Все дело, конечно, в том, что возвращается: системообразующие, важнейшие основания традиционных укладов, основополагающие элементы социального порядка или элементы, имеющие второстепенное значение, не определяющие хозяйственного, политического, нравственного поведения. Важен и масштаб возвращаемого: подхвачены реставрационные идеи всем обществом, его значимой частью, или незначительным числом людей и т. д.

Прогноз. Эту книгу можно читать по-разному. Можно концентрировать внимание на исторических аналогиях, совпадениях, удивляться сходству нравственных интенций и некоторых важных социокультурных и политических процессов между, например, эпохой Петра I и сталинской, Николая I и брежневской и т. д. Можно придерживаться гипотезы, что ритмы истории, колебания «духовного маятника» вполне реальны и, воплощаясь в некоем пульсирующем «обществе-субъекте», обнаруживаются исследователем. Можно быть сторонником иного взгляда, полагая, что исторические ритмы не более, чем познавательный прием, логическая конструкция, накладываемая на исторический процесс исследователем. В любом случае идея циклов важна своей методологической функцией. Знание циклов, любых регулярностей, закономерностей дает возможность дальнейшего углубления в реальное существо происходящих процессов, так как выполняет роль «опоры» для более глубокого познания. Зная структуру циклов, можно попытаться построить прогноз.

Уже сейчас можно сказать, что идеи, изложенные в теории А. Ахиезера, выдержали испытание, несмотря на те крутые

перемены, которые общество переживает в последние годы. Когда автор начал работать над книгой, был апогей застоя (шестой этап второго глобального периода, по принятой в исследовании периодизации). Все казалось незыблемым: и поток нефтедолларов, и «руководящая и направляющая» с геронтократами за стеклами «членовозов», и советское изобилие — американское зерно, французское масло, новозеландская баранина, португальские портвейны и мадеры, дешевые кубинские и марокканские цитрусовые. Бананы и прочие заморские деликатесы дополнялись текстилем и обувью из Восточной Европы. Теперь кажется, что слабость советской власти ощущалась. Вовсе нет. Большинство интеллигентов говорили, что такая простая, охваченная властными обручами общественная структура, какая сложилась у нас, почти так же вечна, как сонные азиатские деспотии древности. Элита довольна и более ничего не хочет. Народ спокоен и сыт. Страна стала сверхдержавой, соперником США в борьбе за мировое господство. Но так думали не все. Прогноз А. Ахиезера был достаточно сложным и даже замысловатым. Не будучи рассчитанным в своих количественных параметрах, он простирался далеко вперед в гипотетическое постсоветское время, в третий глобальный период.

Существует много методов разработки прогнозов. Социокультурный прогноз — весьма необычный вид прогноза. Обычно прогнозирование охватывает некоторые отдельные, зримые результаты деятельности общества, которые можно измерить, экстраполировать с теми или иными поправками на будущее. Социокультурное прогнозирование касается святого святых: его объект — общество в целом. Но общество — это общественный или социальный субъект, как можно прогнозировать действия тех, кто обладает свободой воли? Своеобразие социокультурного прогноза в том, что он осмысляет не результаты деятельности субъекта, но его внутренние движущие силы, способности и возможности развиваться, изменяться, преобразовывать себя, т. е. функции изменяющегося общественного субъекта.

Оригинальность подхода А. Ахиезера состояла в том, что он шел не вперед, в туманное, не имеющее опоры и очертаний будущее, но назад, глубже и глубже, к началам российской истории. Философ, экономист и социолог превратился в историка. Подушные подати, манифесты Е. Пугачева, самозванцы на Руси, реформы П. Д. Киселева и П. А. Столыпина, замыслы Н. С. Мордвинова и деятельность М. М. Сперанского, наказания декабристов, церковный раскол, сочинения протопопы Аввакума, вече древних городов, крепостные фабрики Демидовых, крестьянские волнения и многочисленные слухи — слухи

о подмененном царевиче, царе-Антихристе, стране Беловодье и т. д. — все это волновало и находило свое место в его теории. Мятеежники и сановники, реформаторы и последовательнотвердые бюрократы, анархисты и государственники — жизнь общества развертывалась как невероятная по своим масштабам, своевольная прихотливая стихия, где одна случайность сменяла другую. Не было единого смысла и точки, в которую стягивалось бы все это бесконечное многообразие. Оно жило и пульсировало, двигалось и растворялось. За всем этим подспудно угадывался какой-то ритм, и в историческом прошлом А. Ахизер увидел контуры структуры. Модифицированный инверсионный цикл (так он назвал эту структуру) представлял собой колебательный процесс, включающий изменения важнейших параметров общества — культурных, социальных и нравственных. Расколотовость общества, слабость срединной культуры и соответствующих ей форм мышления привели к тому, что каждый новый поворот кривой выступал отрицанием предыдущего — обрывом части культурного опыта, традиций; подчас он оборачивался катастрофой, массовой гибелью людей, разрушением государства. И увиденная в прошлом структура помогла заглянуть в будущее.

Первый из прогнозов был составлен автором на шестом этапе, в эпоху «застоя». Он делал вывод о неизбежности реформ, которые соотносил с реформами седьмого этапа первого периода, т. е. с 1861-1917 годами. В 1979 году автор писал об опасности краха государственности, возможности четвертой в истории России национальной катастрофы. Внутренние причины этой возможности он видел в противоестественности, неорганичности союза синкретизма и элементов либерализма, объединившихся на базе псевдосинкретизма промежуточной цивилизации. «Пружина русской истории, сжатая национальной катастрофой 1917 года, полностью освободится, исчерпав заложенную в ней программу исторического процесса. Если это произойдет, то это поставит страну перед альтернативой — либо снова сжать пружину в единую плоскость и вновь начать дважды пройденный путь сначала, либо искать новые пути...»⁴. От этой, как он сам считает, наиболее простой предпосылки прогноза автор не отказывается и сейчас.

Для России как страны, безоговорочно и давно преодолевшей стадию традиционной цивилизации, основное содержание прогнозирования — в рассмотрении не тождества или сходства, но различий между соответствующими этапами разных циклов. Иными словами, следует искать сущностные различия

4 Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 301.

между, например, Киевской Русью, временем от октября 1917 до середины 1918 года и современностью (начиная с 1991 года), хотя их и объединяет господство соборной нравственности.

При всей абстрактности такого метода прогнозирования он позволяет — в чем и есть сила всякого масштабного видения — не запутаться в деталях, упростить общую картину, выделив основные тенденции. Уже в 1979 году можно было видеть много конкретных явлений повседневной жизни, свидетельствующих, что массы людей, сбрасывая с себя остатки тоталитаризма, стали утверждать свою личную свободу. Одновременно это означало нарастание опасности распада, которую нельзя отсечь, ибо она внутри каждой клеточки хозяйственной организации, внутри каждого человека. В тот же момент автор делал попытку развить методологические требования к неизбежным реформаторам. Среди них — необходимость анализировать прежде всего сдвиги в массовых нравственных идеалах для определения возможности общества преодолеть рамки промежуточной цивилизации, уделять первостепенное внимание анализу изменений в характере и проявлениях утилитарной нравственности, так как именно от того, какой из типов утилитаризма возобладает (умеренный, потребительски-грабительский или развитой — производительный), зависит облик и сущность нового общества.

В 1979 году А. Ахиезер писал, что неизбежен либеральный характер замысла реформы, но в основе движения к ней будет гибридный нравственный идеал, т. е. кроме либерализма в нем будет присутствовать утилитаризм — разные его версии — и остатки объединившегося с утилитаризмом традиционализма. Он указывал на двусмысленность того согласия на рыночные реформы, которое дает общество. Реформы понимались автором в логике последовательного избавления общества от различных форм крепостничества (в данном случае речь идет о прямой зависимости человека от тоталитарного государства). Позже, в годы перестройки, А. Ахиезер резко критиковал планы молниеносного введения рынка, утверждал неизбежность поворота к проектам, рассчитанным на реального общественного субъекта и длительные сроки. Везде он имел в виду социокультурный срез прогнозирования. Автор видел опасность «схлопывания», дискредитации центральной власти, опасность гибели государственности. В прогнозе 1979 года говорится о возможности третьего цикла русской истории, а в 1992 году уже делается вывод о его наступлении. С августовскими событиями, гибелью СССР и рождением новой России наше общество вступило в третий период своего развития.

Прогноз 1992 года в целом более оптимистичен. Удалось избежать большой крови, когда государство погибло. К власти пришли либералы: авторитарная власть, если она возникнет в сравнительно спокойной обстановке, может быть этапом на пути к рынку и в конечном счете к демократии. Борьба разных форм утилитаризма между собой и усиление национальных ценностей как реакция на «интернационализм» советского периода — важнейшие тенденции начала третьего периода. Возможно, что на сегодняшний день общество не сумеет выйти за рамки промежуточной цивилизации. Это снова может заставить власть выработать некоторую форму идеологии, базирующуюся на гибридной нравственности. Важнейшее значение имеют та степень и масштабы частной инициативы, которые утвердятся в результате реформ. Может случиться, что и весь третий глобальный период не приведет общество к либеральной цивилизации.

Книга построена так, что подчеркивает очередной цикл русской истории. Новая глава — новый поворот, новый узор в исторических ритмах. Что же, можно говорить о жестком «каркасе» исторического действия и даже некой предопределенности, почти фатальности происходящих событий? Нет ничего более далекого и от убеждений автора, и от того смысла, который он пытался воплотить в своей книге. Ему не свойствен предписывающий тип мышления, не характерна для него и вера в безальтернативность истории. А. Ахиезер убежден, что альтернативы есть, они существуют постоянно в каждой точке истории, но это не препятствует попыткам обнаружить те инерционные процессы, регулярности, что складываются из реализовавших себя альтернатив, из выборов, которые делает общество в рамках инверсии, обращаясь к оправдавшим себя, сложившимся в историческом опыте альтернативным образцам и решениям.

ОТ ИСТОРИОСОФИИ К НАУКЕ

Главное открытие А. Ахиезера заключается в том, что он сумел превратить историософские метафоры, догадки и прозрения в системную теорию общественного развития. Мнения об «особенной стати», своеобразии России и соответственно о ее особом пути, о культурной самобытности, недоступной рациональному осмыслению и разрушающей все выкладки и прогнозы, в свете его открытий начинают выглядеть по-другому: как неразвитость определенных областей науки, как неизученность проблемы, как недостаточность эмпирического материала и необходимого богатства теоретических обобще-

ний. Иными словами, как следствие того разрушения социальных и гуманитарных наук, которое произошло из-за давления идеологического прессы на обществознание в советское время.

А. Ахиезер показал хозяйственно-практические основания проблем России, их укорененность в исторически сложившихся институтах и привычках: хозяйственных, организационных, управленческих, на микроуровнях социально-экономической жизни. Он обосновал неправомерность персоналистских, мифологических объяснений причин этих проблем, тем самым сформулировав научные требования к изучению России. На философском уровне эти требования означают необходимость рефлексии — не только научно-теоретической, но и практической, массовой, соединяющей мысль и дело, теорию и практику, делающей невозможной ту ситуацию, которую Вячеслав Пьецух в одном из своих интервью обозначил как характерную для России, где человек мыслит, как Платон, а живет, как проходчик Штукин, в то время как эскимос и думает, как эскимос, и живет, как эскимос.

Книга заострена на опасностях и трудностях, стоящих перед обществом. Отчасти это — результат избранного автором жанра (критика), отчасти, возможно, должно быть отнесено за счет стиля изложения, субъективных моментов. В целом же предложенный подход несет в себе вполне различимый исторический оптимизм и даже, я бы сказала, заряд традиционной веры в человеческий разум, в возможности рефлексии, распространенной на общество, на массовое сознание. То, что пишет автор, весьма далеко как от просветительства с его апологией элитарности и патернализмом, так и от народопоклонства, бездумной веры в творческую силу большинства. Однако в исследовании преобладает убежденность в возможности общества проложить путь к либеральной цивилизации.

Эта книга поднимает старые российские проблемы, но дает на них новые ответы или подводит к ним.

Традиционной для русской мысли проблемой является осмысление *места России в мире*, ее самоопределение через Восток и Запад. А. Ахиезер продолжает эту линию. Он разработал свою *типологию цивилизаций*, основанную на идее саморазвития человечества. Предлагаемое им понимание далеко от обычного «географического» соотношения традиционности с реальным азиатским Востоком и либеральности с европейским Западом. Подобные отождествления — не более чем метафора, за которой скрыто движение мировой истории, драматический переход от одного типа цивилизации к другому, в который втянуты так или иначе все страны вне зависимости от их государственного строя и географического положения. Поэтому

«промежуточность» России есть ее исторически временное состояние, момент, хотя и чрезвычайно мучительный и затянувшийся, но преходящий.

Чтобы понять суть этой промежуточности, необходим *анализ массового сознания, менталитета народа*. Он коренится в традиционной крестьянской культуре, так как именно она лежала в основе массового сознания населения России. Но это не только опыт традиционной крестьянской культуры, а весь исторический опыт — крестьян-мигрантов, полукрестьян-полупролетариев, российской интеллигенции, традиционных элит. Ушедший глубоко в привычку, самоочевидный, привычно нерелефлируемый, этот опыт часто предлагает свои образцы решений, кажущихся единственно верными, хотя и неизвестно почему. Этот опыт нашептывает, что власть сакральна, т. е. всемогуща, и может делать с гражданами государства то, что сочтет нужным. Этот же опыт подсказывает, что она — от лукавого и жизнь наша плоха, потому что ею управляет плохое «начальство». Богатство честным не бывает. Если у кого-то прибывает, то значит, отнято у нас. Иными словами, общий пирог затем и существует, чтобы его делить. Если «народ» освободить от «начальства», государства, он, предоставленный собственной инициативе, все мигом расставит на свои места.

Такие стереотипы уже давно не соответствуют реальности современного мира, но так исторически сложилось, что эта реальность всегда опережала саморазвитие культуры огромной и малонаселенной страны. Поэтому культурные новшества никогда не успевали толком укорениться, пронизать почву, изжить себя, превратившись в традицию, постепенно уходящую и потому спокойно уступающую свое место последующим новшествам. Не успел сложиться пантеон языческих богов, как смела его мировая религия — христианство. Не пронизало народную почву, не укоренилось как следует православие (этнографы много могут рассказать о реальном двоеверии), как и оно было повержено новой верой — коммунистической. Эта новая вера объединила и вполне языческие суеверия (одна мумификация вождя чего стоит!), и христианские мотивы (Н. А. Бердяев достаточно убедительно показал это)⁵. Не случайно специальное внимание автор уделяет считающимся чем-то само собой разумеющимся представлениям о всесиили власти, с одной стороны, и всемогуществе, беспредельности творческой мощи освобожденного от давления этой власти народа — с другой (основное заблуждение массового сознания и основное заблуждение интеллигенции)⁶. Оба эти заблуждения оказываются ил-

⁵ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁶ См. второй том настоящего издания.

люзиями, отголоском времен, когда власть была сакральной, а молодая, едва оторвавшаяся от народной пуповины интеллигенция тяжко переживала свое «отпадение» от народа и мифологизировала крестьянство («простой народ»), превратив его в тотем — всемогущий, капризный и непонятный. И сейчас еще эти представления в той или иной модификации и в модернизированном виде подчас незримо витают в общественном сознании, по крайней мере составляют его подсознание. Но автор показывает, что они безнадежно устарели. Образ народа — единой духовно-религиозной общности, воплощения высших смыслов и ценностей — уже давно оборачивается «личинами»: то вновь сводится к идеализированному патриархальному крестьянству, то к простонародью, городским низам, то предстает новым мессией — обожествленным рабочим классом, то вдруг превращается в люмпена (с некоторых пор в публицистике то и дело мелькает это «новое» слово, претендующее на объяснение всех проблем кризиса нашего общества). В этих мифах участвуют бесконечно добрый и мудрый народ, всегда негативно оцениваемое, растаскивающее государство, проворовавшееся «начальство», противопоставляемое в душе все еще исполненному всяческих достоинств могущественному Первому лицу. Истина же в том, что и проблемы эти, и сами субъекты — участники этих проблем в своем иллюзорно-привычном для нас виде уже не существуют.

Вместе с тем проблема исторического выбора цели и пути социальных изменений как никогда остра. Но выбора реального: остаться ли крестьянам в колхозах или превратиться в аграриев-собственников; стать ли рабочим подлинно индустриальным рабочим классом или сохранять и дальше свою полупатриархальную маргинальность и т. д., развивать ли товарно-денежные отношения либо вновь устремить свои взоры к какой-либо форме распределительно-уравнительной хозяйственной системы. Исторический выбор вовсе не в том, чтобы соглашаться со своей самобытностью или расстаться с нею, выбрать «хорошее начальство», отвергнув «плохое». Он — в ином: по-прежнему терпеть раскол или преодолевать его, какова мера компромисса, позволяющего сформировать функциональное общество, способное развиваться и соответствовать требованиям, налагаемым уровнем мирового развития.

Теория А. Ахиезера развивает традиции русской философии и делает это достаточно последовательно. Как и основное русло философской мысли в России, философия А. Ахиезера направлена на решение практических проблем социальной жизни общества, на обсуждение его приоритетных нравственных и политических задач, решение проблем соци-

альной реформации, включая экономические. Столь же свойственно его исследованию вытекающее из этого характерное для русской философии стремление прежде всего осмыслить онтологические и социально-философские проблемы. Гносеология как таковая интересует его в меньшей степени.

Универсализм, которым отличается русская философия, проявляется в попытке охватить свой объект во всей полноте его характеристик — и в статике, и в динамике, и в прошлых состояниях, и в реально разворачивающейся современной истории. Социокультурный анализ обладает подобными чертами изначально, поскольку дает возможность обозреть и культурные, и политические, и хозяйственные, и прочие элементы общественного целого.

Подход Ахиезера отличается от того, что получил в отечественной философии название системного. Разница между ними — в смещении акцентов. Системщики более сосредоточены на формально-структурных характеристиках и состояниях объекта, тогда как А. Ахиезер — на его содержательных и динамично-процессуальных характеристиках. Его интересуют не столько состояния (в лучшем случае они — границы рассматриваемого «поля»), но то, что между ними: изменения, их динамика, возможные альтернативы и направленность реализуемых тенденций. Социальный субъект — российское общество — интерпретируется им историсофски, с углублением в существо его исторических изменений, и социологически — как противоречивое единство, содержащее сложные напряженные отношения личности, групп и общества во всех возможных их комбинациях и взаимосвязях.

Одной из наиболее характерных черт русской философии является доминирование в ней нравственных проблем. И в этом отношении А. Ахиезер является ее продолжателем. Вовсе не экономика, как это утверждалось многие годы в советском обществоведении, или техника и технология, как это утверждает западный технологический детерминизм, но нравственность лежит в основе развития общества. Это трудно понять, если подходить к нравственности как неизменному, статичному началу нашей жизни. Но автор считает нравственность изменчивой формой культуры, основанием любой культуры. Изменение, динамика нравственности выступает для него проявлением исторической динамики.

Можно сказать, что трезвому изучению общественного развития России до сих пор мешает то, что автор называет *расколом самосознания общества*. Абстрактное упрощенное западничество в борьбе против почвенного славянофильства — наиболее яркий пример подобного раскола самосознания — от-

ражается и в науке, заставляя ученых поддерживать уже не просто те или иные политические интересы, но примыкать к традициям, сложившимся в исследовании России. Как кажется, автор преодолевает крайности обоих течений. Несомненно, он видит в либеральной цивилизации более высокий уровень общественного развития, однако это не означает поддержки идеи бездумного переноса западных форм жизни на отечественную почву. Можно даже сказать, что А. Ахиезер прежде почвенник и лишь затем либерал. Из почвенничества — первостепенное внимание к самобытности России и русского пути, нежелание сводить Россию к почти-Европе, которую обычно почитали за образец в образованных слоях русского общества, или к почти-Азии, которую открывали в народной толще, во многих традициях, привычках, социальных отношениях. Однако сделав нравственность стержневым основанием всей концепции, увидев в нравственных идеалах основание деятельности, утвердив основополагающее значение народной почвы и ее ценностей, автор отнюдь не перешел на защиту добуржуазных типов культуры в целях абсолютизации самобытных черт российской действительности, словом, не пошел по пути апологетики славянофильства, даже в его классическом либеральном варианте прошлого века. Читатель не увидит в книге традиционного для почвенничества антизападничества, нет здесь и апологетики крестьянства, того преимущественного обращения к теме природы, которая обнаженной болью звучит у современных российских почвенников, хотя автор много лет занимается социальной экологией.

Автору чуждо моральное осуждение истории. Он не судит историю, не повествует о ней беспристрастно, как летописец, но постоянно пытается обнаружить смысл происходивших событий, держа в центре внимания противоречия и разногласия между богатством известных ему интерпретаций исторических источников и устоявшимся воззрением на них современной науки. Из этого противоречия формирует он свою точку зрения, учитывая необходимость складывающейся ее последовательности и системности, важной для тех исканий «единства духовной жизни на путях ее рационализации», что связывались историком русской философии В. В. Зеньковским с самим существом философствования. Это, разумеется, не означает морального нигилизма, беспристрастности автора — взгляды его и симпатии, как и во всяком другом случае, могут быть вычленены и подвергнуты анализу. Но это не означает и препарирования открывшегося смысла истории, социальной реальности в угоду догме, утвердившейся концепции. Иными словами, он остается на базе той позиции, которую требует

научный этос. Следовательно, здесь есть преодоление синкретического понимания «Правды», объединяющей правду-истину и правду-справедливость, которое долгое время порождало морализаторскую тенденцию в русской философии, а критиков побуждало говорить о ее донаучном состоянии. Еще Н. Бердяев писал об истине и правде через запятую. Продолжая линию, отстаивающую высокое значение и смыслы нравственности в человеческой жизни, А. Ахиезер преодолел ту исторически ограниченную форму рефлексии нравственности, которая порождала противоречия между нравственной оценкой и научным взглядом на то или иное явление. Это позволило ему установить более глубокое понимание нравственности, включив ее в контекст общественной жизни и культуры, дало возможность конкретизировать нравственное содержание российского общества, осмыслить движение нравственности как развитие народной жизни, как этапы и вехи на пути саморазвития общественного субъекта. Наметились важные для науки темы: о смысле и значении утилитарной нравственности в контексте мирового развития, о конкретных характеристиках, в частности, соотношении общих, особенных и уникально-культурных черт утилитаризма как одного из основных типов нравственности нового времени. Тем самым в философскую копилку мирового опыта входит еще одна тема: культурно-самобытных типов нравственного опыта, его места и связей с социальным развитием человека как субъекта истории.

Книгу А. Ахиезера можно назвать послеваховской, и послебердяевской. Она перебрасывает «мост» к современной научной литературе о пути России. Послебердяевский ее характер определяется существенным совпадением во взглядах на понимание важнейших элементов русской революции, ее причин, характера большевизма. А. Ахиезер так же, как и Н. А. Бердяев, считает большевизм внутренним для русского народа явлением, которое может быть преодолено исключительно изнутри, а не извне, причем сначала преодолено изнутри духовно, а затем уже политически. Ему также свойствен веховский взгляд на соотношение социальных слоев в истории России и характер их взаимоотношения, и он мог бы согласиться со знаменитым высказыванием М. О. Гершензона о царских штыках и ярости народной, повторенным уже после революции, в начале 20-х годов Н. А. Бердяевым: «Россия была необычным и темным мужицким царством, с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживавшим это царство и не допускавшим растерзания народом этого

культурного слоя»⁷. Однако далее начинаются расхождения. Взгляд Н. Бердяева на Россию духовно-религиозный: и большевизм он считает карой, насланной на народ свыше за его прегрешения, и изживание этого греха, соответственно, возможно лишь в форме религиозно-христианского возрождения народного духа. Бердяев отказывает русскому народу в способности построить «срединное гуманистическое царство», утвердить правовое государство, он навсегда обрекает его на неустройство земной жизни, безразличие к ней, эсхатологическую устремленность к концу истории. Взгляд А. Ахиезера на проблемы России рационально-научный. Его понимание этих проблем исторично и в силу этого и более оптимистично. Дело вовсе не в природе русского народа, его особой отрешенности от мира. Россия включена в мировую историю и развивается в потоке этой истории. Проблемы ее имеют временной характер. Это проблемы развития. Народ, его жизнь, его дух претерпевают драматические изменения, его нравственность развивается, ибо нравственность — также явление историческое. Даже историческое поражение православной церкви в России XX века не означает прекращения саморазвития исторической и социальной жизни, не закрывает возможности выхода общества к новым качественным состояниям, отвечающим требованиям современной гуманистической нравственности, правовым нормам мировой культуры.

Следовательно, можно говорить о *сдвиге от религиозно-философских форм осмысления истории к рационально-научным*. Он проявляется в вычленении истины из того синкретического симбиоза с нравственностью, который часто можно было видеть в русской философской мысли и который до сих пор оправдывается как позитивный принцип философствования отечественными почвенниками. Этот сдвиг — также в критике народничества с его сакрализацией народа и демонизацией власти.

Наиболее же значительное отличие данного исследования от традиций отечественного философствования — утверждение ведущей роли рефлексии в общественных процессах. Понимание А. Ахиезером рефлексии обнаруживает его связи с классической западной философией, однако в соответствии с традициями русской философии рефлексия для него — не только процесс самопознания, гносеологически понятая рефлексия, но и процесс самоизменения, т. е. онтологическая рефлексия социального субъекта — и личности, и общества в целом. Тем

⁷ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции // Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1991. С. 43.

самым он соединяет в своем понимании рефлексии западную и русскую философские традиции.

НА ПУТИ К ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОМУ КОНСЕНСУСУ

Социокультурная теория является свидетельством и примером тех духовных и интеллектуальных сдвигов, которые переживает отечественная культура. В последнее время появилось много серьезных трудов, где говорится о сложности конкретных экономических, политических, хозяйственных преобразований, нехватке времени и средств на модернизацию, непривычности рынка и жизни в условиях рынка для населения, о правовой и юридической необеспеченности реформ. Реже пишут о более глубоких причинах и смысле таких радикальных преобразований, в крайнем случае признавая и обосновывая их необходимость задачами структурной перестройки хозяйства как ответа на очередной индустриально-технологический вызов развитых стран. Иными словами, в терминах все того же догоняющего развития. А. Ахиезер производит здесь переворот своим радикальным выводом о смысле реформирования, обосновывая мысль, что *реформа заглублена на цивилизационный уровень*, что, по сути, реформаторы взялись «перетачить» общество из некоего «промежуточного» состояния в новое цивилизационное качество, иными словами, фактически задать качественно новые параметры всему процессу общественного воспроизводства. Столь глубокие преобразования требуют, несомненно, не только длительного исторического периода, но и горячего желания «критической массы» членов общества изменить в этом направлении весь строй своей жизни: и ценности, и образ жизни, и отношение к труду, друг к другу, праву и другим основополагающим элементам повседневности. Здесь нужны методы реформирования, ориентированные на реальных людей, на «болезни» общества, на его историю, на постоянное прощупывание границ и темпов проводимых преобразований, задаваемых реально сложившимися характеристиками социальной жизни.

Уже первые обсуждения ротопринтного издания книги 1991 года показали, что она не оставляет читателя беспристрастным, в ней явлена не только научная, но и человеческая, гражданская, нравственная позиция. По сути, в ней представлен один из важнейших складывающихся сейчас новых типов либерального российского самосознания. Действительно, как кажется, именно этот прорывающийся к новому гуманному человеческому общежитию, к гражданскому миру, основанно-

му на взаимоуважении различных слоев, нравственный и политический тип, если он станет массовым и сумеет увлечь за собой общество,— смог бы попытаться проложить не пройденный пока обществом реформистский путь к либеральной цивилизации. От многих поколений многожды растоптанной и возрождающейся вновь российской интеллигенции этот тип либералов отличается важнейшим качеством: отвращением к утопизму и прекраснотушным грезам, реализмом, способностью не только к критике, но и к серьезной самокритике, к постоянной рефлексии, переоценке достигнутого. Изживается невзрослость, подростковая, в конечном счете дефицит совершеннолетней в кантовском смысле личности, на смену которым приходят трезвость, мужество, способность додумывать до конца неудобные мысли. Мужество подобной позиции — в неуклонном стремлении опереться на логику науки вопреки расставленным капканам идеологии и застарелых мифов. Оно — в той естественной самостоятельности, которая не боится несовпадения с той или иной научной модой и видит для себя единственную путеводную звезду: логику развертывания мысли.

Вот почему, я думаю, книга намечает подходы и пути к выходу из того заколдованного круга традиционализирующей модернизации, в который общество себя загнало. Дело даже не в конкретных предложениях: теория, утверждаемая автором, отнюдь не рецептурно-технологического характера, как не несет она ни грана мессианского запала и жажды переделки мира. Важнее другое — в ней открыты новые смыслы, и смыслы эти дают возможность преодолеть, переосмыслить застарелые логические круги, тормозящие общество, вновь и вновь бросающие его к бегу по кругу внеисторического безвременья.

Эта книга с большой силой *призывает к свободе*, — но *свободе не утопической*, не внесоциальной воле, эгоистической, беспокоящейся лишь о себе самой, — будь то воля тирана или стихийная воля толпы. Это призыв к свободе зрелой личности, общества, способного взять на себя смелость и ответственность за осуществление необходимой исторической работы, направленной на становление демократических отношений и институтов. Утверждение свободы предстает в ней не как «скачок из царства необходимости в царство свободы», но как *постоянный напряженный поиск пути преодоления несвободы*. Из нее вытекает новое для нас понимание труда, человеческих отношений, те ценности и смыслы, которые отвечают уже не историческому детству и подростковости общества и его культуры, но цветущей сложности исторической зрелости. Одновременно

это и диагноз нашей исторической болезни, и терапия, своеобразный манифест реформизма — единственного направления, способного пройти все ловушки и тупики сложного и запутанного исторического маршрута.

В работе с большой нравственной напряженностью и силой утверждается *идея ответственности общества* за то, что с ним происходит. Общество — это и крестьяне, фермеры, и средние слои, и рабочие, инженеры, и управляющие, и вновь возрождающиеся предприниматели, и финансисты, и ученые, и художники, и все другие тысячи и тысячи специалистов и неспециалистов, стоящие на всех ступеньках иерархизированной общественной лестницы; общество утверждает ответственность каждого за свою жизнь, свое дело, и за общую жизнь, общее дело, за совокупную судьбу, и за то правительство, которое мы выбираем и которое, следовательно, является частью нас самих.

Такое представление, противопоставляющее традиционную российскую интеллигенцию и современных интеллигентов-интеллектуалов, вытекает из всего комплекса идей автора. И в этом смысле утверждаемая им идея личной ответственности каждого человека за себя и за мир, который люди создают, направлена против традиционной позиции революционной российской интеллигенции, разоружившей общество перед исторически назревшими задачами, оставившей его во власти массовых культурных стереотипов.

Книга наносит немало отрезвляющих уколов нашему самосознанию.

Но ведь можно сказать и иначе: мысли этого ученого помогают обществу глубже узнать себя. Узнать, чтобы избавиться от ненужной кичливости, узнать, чтобы вернуться к себе, удержать себя в границах собственной самости. Теория А. Ахиезера — *серьезная попытка прорваться к пониманию социальной реальности нашего общества*.

А. Ахиезер считает Россию самобытной страной, а российское общество очень специфичным, во многом уникальным историческим субъектом со своими особенностями, историей развития. Однако, во-первых, это не означает одновременно тривиальности других обществ, самобытность предполагается всеобщей. Во-вторых, это не означает согласия с чаадаевской идеей, что Россия выпала из человечества, что российские проблемы и «болезни» совершенно неизвестны человечеству, что она обнаруживает какой-то совершенно уникальный опыт,

уникальный вид исторической «хвори». Вовсе нет. Причины болезни понятны: трудности развития, сама «болезнь» — «лобушка» на пути модернизации, внутрикультурный конфликт, превратившийся в некий «тромб», — тоже известна, хотя, может быть, не в столь запущенном и тяжелом состоянии, в меньших масштабах. Столкновение местной культурной традиции с мировой культурой всегда скрывает для первой опасность раскола, ибо представляет для нее серьезный вызов и даже возможную угрозу самому ее существованию. Навязывая ей темпы и формы развития, мировая культура, несомненно, способна дезорганизовать местную культурную традицию, увеличить для нее тем самым энтропийную опасность. Но эта внешняя опасность превращается всегда во внутреннюю проблему общества — в проблему его ответа на вызов, его способности к самоизменению, к развитию. Эта проблема, в свою очередь, никак иначе чем через подтягивание всех уровней, слоев общества до необходимого мирового уровня не решается. Иначе говоря, она требует последовательной демократизации общества. То прочтение судьбы и пути России, которое предложено Александром Ахиезером, не требует от общества отрешения ни от своей истории, ни от своей самобытности. Россия всегда останется евразийской страной со всеми особенностями, порожденными и географическим положением, и историей. Существует надежда, что обществу все же удастся изжить раскол и установить эффективное органичное нравственное согласие. Какие-то, возможно смягченные, циклические тенденции в будущем всегда будут оставаться присущими ему свойствами в силу своей всеобщности, ибо человеческое бытие и бытие обществ ритмично и никому еще не удалось преодолеть эту характеристику всех жизненных (а возможно, и космических) процессов. Больше народное самопонимание, углубление рефлексии позволит обществу стать ближе одновременно Азии с ее коллективистскими традициями и взаимопомощью и Европе с ее неуклонными требованиями соблюдения прав личности, порядка, закона, демократии и прогресса.

Но одновременно то прочтение проблем России, что предложено в этой книге, показывает насущную жизненную необходимость самоизменения общества, его продвижения на путях саморазвития к либеральной цивилизации. Как сумела общественная нравственность преодолеть обычай телесных наказаний и закапывания живьем неверных жен, так же точно и политическая практика может расстаться с массовыми репрессиями и деспотизмом власти, государственная идея может настолько укорениться в сознании людей, чтобы очередной цикл не сокрушил государство, возрождение национального самосо-

знания не превратилось в племенную рознь, а ответственность личности, развитие всеобщих абстрактных связей достигли, наконец, уровня, делающего возможным укоренение рыночных механизмов, того, что Ф. Хайек называет «расширенным порядком человеческого сотрудничества».

В социокультурную теорию А. Ахиезера латентно заложена некая сверхидея — нравственная позиция ее создателя: признание приоритета органического развития над любым манипулированием, необходимость при самых благих намерениях и заботе об общем благе всегда исходить из реальных возможностей и логики развития общества, общественного субъекта. Однако это не означает отрицания возможностей реформы, направленного социального изменения. Дело лишь в том, чтобы выявить границы возможных вмешательств, выше или ниже которых нарушается принцип «не повреди»: именно этот принцип, как кажется, и есть то, что составляет метаэтику этого исследования. Отсюда и такое значение категории «мера», ибо именно она противостоит разрушительной философии и практике крайностей, манипуляторскому отношению к миру, обществу, самим себе, отсутствию уважения к конкретным людям, безразличию к людям, и к обществу, и к тому, что станет с ним в результате безответственного экспериментаторства.

Книга исполнена огромного внутреннего драматизма, напряжения, скрытого за внешней сдержанностью. Ее пронизывает ощущение катастрофы, возможной близости, ужасающей реальности распада жизни и одновременно ее трагического величия. «Нерв» исследования — в упорных сосредоточенных попытках обнаружить скрытые потенции общества, ростки той социальной «органики», свободной от извращающего влияния раскола, оперевшись на которую можно было бы достичь извращения, пусть и постепенного, от ситуации «замкнутого круга», «исторической ловушки», в которой оказалось общество. А. С. Ахиезер знает, что пропасть не перепрыгнуть ни в два, ни в один прыжок: его философия — это философия упорного длительного творческого усилия, медленных постепенных изменений, которые затем, внезапно для стороннего наблюдателя, превращаются в новое качество. В теории заложено требование к обществу — и это тоже нравственная позиция ее автора — возвышения людей до сложности проблем, которые им приходится решать, нравственного усилия, необходимого каждому, чтобы изменить свои привычки, отклониться от инерции жизни, ибо захотеть взять на себя этот до-

полнительный труд может только отдельный человек, и лишь как результат — общество.

С. Матвеева

15 октября 1992 г.

ОТ АВТОРА (К изданию 1991 года)

Катастрофы человеческой истории далеко не всегда давали импульс людям, чтобы они оглянулись, переоценили события, самих себя, свои поступки, попытались предотвратить возможность новых ужасов, гибели, разрушений. Достаточно вспомнить пассивность реакции Руси на разгром при реке Калке в 1223 году. Это событие не было воспринято ни как симптом приближающегося нашествия, ни как сигнал для активизации сил, способных оказать ему сопротивление. Люди проявляют подчас поразительно мало интереса к знакам надвигающихся катастроф. Сегодня, когда приближение апокалипсического конца кажется физически ощутимым, необходимо изменить отношение к истории. История — это культурный текст, написанный самими людьми. Его надо уметь читать. От искусства этого чтения зависит возможность выявления опасности, угрожающей обществу, понимание того, что следует, а чего не следует делать, чтобы ее избежать.

Россия XX века неоднократно изумляла мир: то неслыханными злодеяниями, чудовищным по своим масштабам самоистреблением, то перестройкой — этой столь же неслыханной попыткой почти моментального перехода на рельсы нормальной органичной жизни в содружестве народов.

Анализ истории страны показывает, что для нее характерны периодические резкие глобальные, т. е. охватывающие все общество, повороты в системе ценностей, периодические попытки повернуться спиной к своему вчерашнему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню. Крутые повороты трижды вызвали национальные катастрофы — гибель значительной части населения. В других случаях крутые виражи не приводили к разрушительным результатам и, казалось, наоборот, давали новый импульс жизни общества, стимулировали массовую творческую энергию. Тем не менее они всегда несли лишь временный позитивный эффект, оказывались средством накапливания сил для нового поворота.

В этих периодических зигзагах есть некоторая скрытая закономерность. Ее выявление должно помочь пониманию, что попытки кардинальных изменений в жизни страны не есть чудо, результат случайных движений души того или иного правителя государства, но являются звеном сложного противоречивого социокультурного процесса. Хаотические виражи на пути России можно рассматривать как сигналы, идущие из метафизических глубин человеческой истории, которые достигли в стране особой интенсивности. Изломы русской истории, подобно обнажившимся геологическим пластам, могут высветить то, что, может быть, в иных формах и с иной остротой характерно и для других стран и народов.

Анализ механизма этих поворотов имеет особенно важное значение для сегодняшней ситуации в стране. В свете прошлого перестройка глубин свою уникальность: она предстает как один из радикальных сдвигов в истории страны, который, как показывает опыт истории, чреват самоотрицанием. Однако перестройку нельзя свести к историческим прецедентам, так же как и ограничить ее ролью тривиального поворота в длинной череде имевших место подобных же сдвигов на протяжении советской истории. Перестройкой завершается целый цикл поворотов, это делает нынешний этап истории России специфической критической точкой истории страны, а возможно, и человечества.

А. Ахизер

1991 г.

ОТ АВТОРА (К настоящему изданию)

Сегодня высокие темпы исторического развития с принудительной силой навязывают представления, что история приходит к нам не только через труды историков, которые теоретически воспроизводят исторический процесс, собирая по крупицам исторические факты. Она врывается в наши дома не только через телевизор, но подчас ломая двери и стены, составляет содержание повседневной жизни каждого из нас. История всегда с нами, хотя люди часто, погружаясь в сиюминутную повседневность, забывают об исторической реальности. Уже после выхода первого издания произошла четвертая в истории страны катастрофа. За короткий промежуток времени история сделала новый гигантский виток, что дает новое основание для углубленного объяснения, понимания прошлого и будущего страны. Сегодня Россия оказалась во власти мощного вала локализма, разрушившего высшие центры власти. СССР исчез, возникло новое геополитическое пространство. Этот процесс привел к образованию новых государств, которые начали искать свои исторические пути на основе собственного исторического опыта.

Россия вновь разметала ненавистное начальство и сегодня, в состоянии разлуки, мучительно перебирает, опробует свои старые мифы. Общество вступило в новый период, исполненное апокалипсических ожиданий. Новый поворот истории требует от страны новых усилий, направленных на выявление ранее скрытых от общества его собственных реальностей. Как бы ни были трагичны для людей резкие исторические изменения, они дают основание для поиска внутренней критики общества, тех процессов, которые могли бы отвести страну от края пропасти, обеспечить ее органичное гуманистическое развитие.

Попытка теоретического осмысления этих задач потребовала добавления третьей части к первому тому книги. Эта часть посвящена новому витку истории, изменению всей ее картины в результате резкого качественного сдвига в состоянии общества. Это касается в особенности хозяйственных про-

блем, прогноза и попыток реформ. Меня стимулировал значительный интерес, имевший место у участников обсуждений книги, газетные и журнальные рецензии, показавшие высокую заинтересованность общественности в дальнейшем углубленном обсуждении поставленных в работе проблем.

Во вступительной статье уже упоминалось, что в свое время весь авторский рабочий архив был утрачен. К сожалению, его не удалось восстановить полностью. Автор заранее просит читателей не быть чрезмерно строгими к тому, что часть статистических данных и цитат осталась не подтвержденной прямыми ссылками. Часть ссылок удалось восстановить при подготовке первого и второго изданий.

А. Ахиезер

15 октября 1992 г.

ВВЕДЕНИЕ

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

(Немного теории)

ВВЕДЕНИЕ

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

(Немного теории)*

ИГРАЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК С ДЬЯВОЛОМ ИСТОРИИ?

Беспрецедентный путь России требует переоценки отношения к ее истории, переосмысления происходивших на протяжении веков событий, существенного углубления понимания ее движущих сил. В случае успеха это поможет углубить понимание движущих сил человеческой истории вообще. Неспособность предвидеть наступление социальных катастроф, и тем более их избегать, превращает историю в капризного демона, играющего с человеком в странную игру, правила которой людям неизвестны. Однако человеку, доказавшему свою способность создавать великие цивилизации и культуры, решать сложнейшие задачи своего бытия, переделывать самого себя, унижительно складывать оружие перед тайной социальных катастроф, отдавать себя, своих детей в жертву слепой инерции исторического процесса, собственной пассивности. Человек способен разгадывать тайны игры с демоном истории и, следовательно, выигрывать там, где он раньше проигрывал. Постепенно ставки в этой игре повышаются. Если раньше проигрыш означал гибель отдельных племен, народов, государств, то теперь он может стоять жизни всему человечеству.

Усложнение общества, рост масштабов и скорости социальных изменений усиливают опасность того, что стихийные силы истории сломают сложившиеся формы жизни, беспощадно истребляя людей, целые народы. Эти стихийные силы могут приобретать бесконечно разнообразный характер — от природных катастроф, голода, эпидемий до войн между народами,

* Во введении изложены основные теоретические предпосылки исследования.

В систематически словарной форме теория автора представлена во втором томе настоящего издания.

междоусобиц, внутреннего нестроения, необратимой дезинтеграции, когда общество, раскалываясь, идет по пути самоистребления. Во всех случаях, однако, очевидно нечто общее — неспособность людей, общественного субъекта предвидеть, преодолеть, нейтрализовать опасность, установить свой контроль над угрожающими процессами. Следовательно, если продолжить сравнение истории с игрой, то *человечество ведет игру не с демоном, а с самим собой*. В истории племена и народы гибли в результате действия сил, которым они не могли, не умели, не хотели противостоять. История, как оказалось, несет в себе потенциальную опасность неконтролируемого усложнения общества, роста социальной энтропии. Однако одновременно в истории идет и другой процесс — стремление осмыслить, понять социальные изменения, охватить мыслью усложнившиеся общественные явления, что в конечном итоге должно бы стать предпосылкой контроля человека над стихийными силами, над последствиями своих собственных действий, над самим собой.

Взлет объективного знания, приведший к столь исключительным результатам в технических и естественных науках, позволяет предполагать, что не менее решительные успехи возможны и в области общественной науки. Здесь достигнуть подобных результатов, однако, труднее из-за высокой сложности общества, относительной молодости общественных наук, сравнительно большей, чем в естественных науках, предвзятости исследователя. Прорыв на новые уровни социального знания жизненно важен, так как сегодня существует беспрецедентный угрожающий гибелью разрыв между тем, что люди хотят иметь в результате своей деятельности, и тем, что они действительно получают. Исторический опыт России является особенно ярким примером.

САМОКРИТИКА ИСТОРИИ

История включает в себя самокритику, порождаемую страхом, сожалением, стыдом и надеждами в связи с содеянным нами, нашими отцами и далекими предками, критику, которая позволяет нам самим возвыситься над цепью событий и, следовательно, возвысить историю, преодолеть инерцию мирового процесса, сделать путь человека более достойным, соответствующим более высоким целям и ценностям. Эти цели и ценности не могут быть навязаны истории. Они могут быть лишь сформулированы на основе обобщений самой истории, на основе достижений высшей культуры, т. е. они выступают

формой самокритики истории, формой ее саморазвития, само-совершенствования самого человека.

Критика, связанная с выработкой новых ценностей истории, не может быть сведена к критике людей, учреждений, идеологий и т. д. Она должна быть в конечном итоге критикой движущих сил истории, необходимым инструментом ее само-совершенствования, формирования способности людей избегать превращения истории в историю хаоса, дезорганизации и гибели народов и государств. Движущие силы истории следует искать в деятельности миллионов, способных создавать и разрушать, строить государства и опрокидывать их, творить культуру и втапывать ее в грязь. В повседневной деятельности, в незаметном, подчас тайном шепоте миллионов, в кажущемся естественным и безобидным слове, сказке, анекдоте, в общераспространенной притче скрыта гигантская творческая сила. Эта сила формирует все разнообразие человеческих отношений, но может подчас превратиться в таран, способный в единый миг стать страшным разрушительным оружием.

Повседневная деятельность миллионов может вдруг по каким-то причинам изменить свою направленность и цели. Тогда созидание может превратиться в разрушение, забота о ближнем — в самоистребление, братство — в братоубийство. История — это вулкан, который иногда кажется потухшим, усыпляя бдительность живущих вокруг него людей, но иногда оживает, разрушая все живое, прежде чем люди успеют понять, что произошло.

Конечно, сравнение истории людей с вулканом весьма относительно, прежде всего в том смысле, что «вулкан» человеческой истории находится внутри самих людей. Взрывы и потоки лавы истории порождаются самими народами.

Человеческая история отличается от биологических процессов тем, что она рефлексивна. Рост рефлексии означает усиление способности человека делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности, содержанием своей культуры, своего действия, предметом своей озабоченности, своей критики. Любое познание истории включает не только описание предметного содержания исторического события, объяснение его причин и условий, но и понимание того, в какой степени сами люди осознали содержание собственных действий и соответственно научились их изменять, корректировать. Рост рефлексии, по сути, есть развитие человека как субъекта истории, выход его за рамки ранее сложившейся конкретно-исторической способности преодолевать господство стихийных сил истории. Этот процесс может рассматриваться на уровнях личности, сообщества, общества в

целом. История неизбежно включает в себя развитие духовной и практической рефлексии, т. е. способность видеть конкретно-историческую ограниченность самой рефлексии, возможную губительность этой ограниченности для общества и тем самым стимулировать углубление рефлексии.

Люди сами творят свою историю, но очень часто в силу ограниченности своих представлений, достигнутого уровня рефлексии, исторического опыта возлагают ответственность за нее на кого-то другого, на силы, стоящие вне истории, на каких-то особых людей: праведников, носителей добра или наоборот — на злых оборотней, иностранцев, собственных правителей, масонов, корыстных, злобных или невольных носителей иррационального зла. Социальная катастрофа может наступить тогда, когда критика исторической реальности приобретает одностороннюю форму поисков злобных демонов, игнорируя возможности реального субъекта истории, необходимость его напряженного развития. Принимая за демонов друг друга, люди обрекают себя на самоистребление.

Предотвратить катастрофу может лишь целостная критика, способная преодолевать ограниченность современного ей этапа исторического процесса, помогать человеку обуздывать свою собственную саморазрушительную стихию, изживать в себе шаг за шагом унаследованное от биологических предков стремление разрешать конфликты силой, прокладывая путь вперед посредством ненависти.

Критика истории не находит ее демонов, но обнаруживает самого человека, его способность создавать, изменять сообщества, государства, создавать новые цели и ценности, постоянно их воспроизводить. Нет никакого субъекта истории кроме общественного субъекта, т. е. человека — носителя определенной культуры и социальных отношений. *Критика исторического опыта является в итоге критикой воспроизводственной деятельности самого человека, направленной на воспроизводство культуры, социальных отношений, целостных сообществ, критикой культуры социальных отношений, критикой собственных значимых решений, способностью отвечать на критику личности и народа, переходя от узких локальных ценностей к ценностям человечества.* Субъектом критики исторического опыта является не наблюдатель извне, но сам субъект воспроизводства. Критика — это его рефлексивная способность критиковать себя, конкретно-исторический уровень своих способностей, способностей развивать в себе идеальную и практическую критику своей ограниченности, выводить ее на новый уровень. Предметом исследования этой книги является именно этот аспект человеческой деятельно-

сти,— т. е. критика самой массовой критики исторического опыта. Она особенно необходима тогда, когда стихийное спонтанное самоизменение общества угрожает превратиться в катастрофу. Предотвратить катастрофические последствия исторической стихии можно лишь тогда, когда массовая и квалифицированная критика исторического опыта, рост рефлексии обгоняет этот разрушительный процесс, что обеспечивает способность личности и всего общества предотвращать нарастание дезорганизации. Этот рефлексивный процесс должен опираться на исследования, раскрывающие механизмы возникновения и нарастания глобальных катастроф человеческой истории.

Исследование этого специфического предмета не может быть замкнуто в сфере социологии, экономики, философии, культурологии и т. п. Оно имеет шансы на успех при условии синтетического подхода. Последний может быть применен к максимально конкретному анализу исторического пути России. Однако для успешного решения этой задачи необходимо подойти к ней нетривиально, нащупать в истории некоторый существенный, но ранее недостаточно осмысленный пласт реальности, анализ которого становится возможным в связи с новыми успехами науки. Судьба России может быть понята лишь на основе серьезного углубления принципов и существа знаний о человеческой деятельности, повседневно формирующей историю.

ВОСПРОИЗВОДСТВО — ДВИГАТЕЛЬ ИСТОРИИ

Анализ истории, ее тенденций и закономерностей требует понимания механизмов человеческих действий, прежде всего массовых, т. е. тех, которые по своим масштабам, направленности, интенсивности определяют массовые переходы от восторга миллионов, идущих за своим вождем, как за богом, к действиям, которые сокрушают вчера еще могущественные империи, опрокидывая государственность, погружая жизнь множества людей в пучину раздоров и хаоса. Следовательно, демон истории — это сам человек, особенно тогда, когда уровень его рефлексии, способность к критике исторического опыта не достигают сложности его собственной жизни, без чего невозможно ее воспроизводство.

В науке неоднократно выдвигались различные точки зрения на те факторы, которые определяют как действия отдельного человека, так и массовые движения. В качестве оснований назывались стремление к обогащению, иррациональные подсознательные импульсы, воздействие на поведение радиоактивных излучений, слепое повиновение лидером, следование бо-

жественным предначертаниям и т. д. Не вдаваясь в обсуждение каждого из этих факторов, следует отметить, что любое основание деятельности, претендующее на истинность, должно быть выявлено как определенное содержание (суб)культуры соответствующей группы людей. Любая потребность человека для того, чтобы превратиться в реальную деятельность, должна стать некоторой программой воспроизводственной деятельности, записанной в (суб) культуре. Соответственно она может быть прочитана исследователем как значимый культурный текст. Если в культуре не обнаруживаются подобные программы, то никакие ссылки на пассионарность, на экономические потребности и т. д. не могут рассматриваться как обоснованные. Попытки подключить людей к социальному действию, влияя на те их мотивы, представление о существовании которых ошибочно, может иметь деструктивные последствия. Например, повышение экономической эффективности посредством экономических стимулов иллюзорно, если речь идет о людях, которые не рассматривают рост результативности своей деятельности, рост своего экономического благосостояния как ценность, как элемент определенной программы. Все тайны человеческой деятельности, следовательно, и деятельности, определяющей исторический процесс, запечатлены в содержании культуры. Возникает необходимость рассмотреть культуру как специфическую сферу реальности, имеющую первостепенное значение для понимания механизмов исторической деятельности — от воспроизводящей общество и государственность до формирующей повседневность.

Культура является истинным богатством человека и человечества. Она выступает как организованный опыт всей предшествующей истории, содержащий программы реализации человеческих способностей, возможностей, основу, предпосылку и результаты творчества, рефлексии людей, а значит, и способность критики этих программ. Сущность культуры можно понять в единстве двух противоположных, но переходящих друг в друга полюсов как постоянный процесс их взаимного проникновения. С одной стороны, культура — это всеобщее богатство человечества, неотделимое от него как субъекта воспроизводства культуры. Но, с другой стороны, она всегда личностна. Культура — внутреннее богатство личности, складывающееся на основе ее воспроизводственной деятельности. Для личности накопленная человечеством культура во всей ее бесконечности является реальным и потенциальным предметом, характеристики которого личность превращает в содержание своего сознания и деятельности. Культура — протворечивое единство предпосылки и результата каждого акта

воспроизводственной деятельности, постоянно критикуемая, обновляемая человеком, сообществом, обществом в целом программа этой деятельности. Вместе с тем она — противоречивое единство ценностного отношения человека к реальности и одновременно предметного отношения, т. е. отношения к ней как к внекультурной реальности.

В истории сохранились лишь те культуры, те формы культуры, те культурные ценности, которые нацеливают личность на воспроизводство, сохранение, интеграцию общества. Если культура создает основы для сохранения через деятельность людей исторически сложившихся социальных отношений, то она сохраняет и социальную основу своего существования. Если культура этого обеспечить не может, то гибнет ее массовая социальная база, гибнут социальные институты, которые ее сохраняют, защищают от различных опасностей. В результате господствующая культура отходит на задний план, уступая место каким-то иным культурным формам.

Культура и социальные отношения — два аспекта воспроизводственной человеческой деятельности. *Социальные отношения*, воссоздаваемые в конечном итоге человеческой деятельностью, представляют собой одновременно систему коммуникаций, разделения и интеграции форм деятельности, обмена ресурсами, энергией, информацией. Они носят эмоциональный и одновременно абстрактный характер, т. е. осознанный через абстрактные формы, через мысль, обычаи, право и т. д. Социальные отношения существуют в рамках в разной степени замкнутых *сообществ*, т. е. систем, составляющих некоторую целостность, имеющую центр управления, специфический опыт, формирующий субкультуру. Сообщества, от малой группы до гигантского общества, могут существовать, если деятельность их членов противостоит бесконечным разрушительным факторам (враждебности соседей, внутренним конфликтам, дезорганизации, нехватке жизненно важных ресурсов и т. д.), т. е. они существуют лишь как субъекты собственного воспроизводства.

Единство (суб) культуры и социальных отношений обеспечивается воспроизводственной деятельностью человека, общественным *воспроизводством*. Тайну любой социальной организации сообщества следует искать прежде всего в способности людей постоянно воспроизводить ее, т. е. переносить социальные отношения из прошлого в будущее, восстанавливать разрушенное, отводить реальные и потенциальные угрозы, сохранять жизнеспособность рода, семьи, общины и т. д. Следовательно, суть социальных отношений может быть понята не

только как некоторая система содержательных человеческих отношений, но и как социальная цельность, как сообщество, как деятельная способность входящих в него людей. Воспроизводственная деятельность противостоит *социальной энтропии*, т. е. социальной форме второго закона термодинамики, постоянному процессу разрушения, дезорганизации культуры, социальных отношений, постоянной тенденции роста дезорганизации. Воспроизводственная деятельность сообщества, которое как носитель воспроизводственной деятельности есть субъект, *сообщество-субъект*, — единственная преграда социальной энтропии, способная не только ее остановить, но и повернуть вспять. Постоянное повседневное действие энтропии означает, что вопросы типа «почему наши дети плохие?» или «почему в обществе высокая преступность, дефицит и т. д.?» следует признать не имеющими смысла. Существование оппозиции «воспроизводство — энтропия» делает правомерными вопросы принципиально иного типа: «почему мы толком не знаем, что такое „хорошие дети“, и почему наша воспроизводственная деятельность не воссоздает наш идеал?» или «почему мы не умеем воспроизводить общество, снижая преступность, уменьшая дефицит и т. д.?» Иначе говоря, воспроизводственный подход требует определенной методологической, гносеологической позиции, где каждое социальное явление должно рассматриваться не как заданное извне, а как модальность человеческих способностей его воспроизводить.

Это методологическое требование становится особенно очевидным при анализе возникновения противоречий в общественном воспроизводстве. Сложность воспроизводственной деятельности заключается в том, что в обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой, т. е. *социокультурные противоречия*¹. Они появляются в результате существования энтропийных процессов, т. е. ошибок, дезорганизации в освоении культуры, потери определенных ее элементов, а также попыток установить неэффективные отношения, что порождает несоответствие накопленной культуры сложившимся отношениям. Социокультурное противоречие обнаруживается в появлении культурных программ, которые смещают воспроизводственную деятельность таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения. Это противоречие проявляется в конфликтах между исторически сложившимися программами и инновациями, которые их изменяют, между сложившимися и новыми соци-

¹ Ахизер А. С. Культура и социальные отношения// Перестройка общественных отношений и противоречия в культуре. М., 1989.

альными отношениями, что в конечном итоге обуславливается противоречиями внутри воспроизводственной деятельности. Последняя по своей сути направлена на преодоление социокультурного противоречия, на то, чтобы оно не перешло через опасный порог, делающий дезорганизацию необратимой, ведущей общество к катастрофе, на удержание этого противоречия в определенных пределах.

Переход сообщества через опасный порог социокультурного противоречия означает, что энтропия, дезорганизация деятельности, на пути которых не стоит достаточно эффективная воспроизводственная деятельность сообщества, субъекта, приводит к распаду целостности сообщества, общества в целом, т. е. к социальной катастрофе.

Национальная катастрофа не столько политическое или экономическое, но прежде всего социокультурное явление. Она происходит в результате того, что способность сообщества-субъекта воспроизводить себя, преодолевать социокультурные противоречия оказывается ниже необходимого минимума, ниже способности предотвратить перерастание социальной энтропии в поток необратимой дезорганизации. Катастрофа — это распад исторически сложившихся связей, культурная деградация, возникновение конфликтов между целым и частями, частей между собой. Катастрофа может произойти в любом сообществе (например, распад и гибель племени в результате эпидемии, междоусобиц, дефицита ресурсов; банкротство и закрытие предприятия; распад футбольной команды и т. д.). Однако меня, если это не будет особо оговорено, интересует общество в целом, его способность воспроизводить себя в масштабе государства. В этом масштабе катастрофа может быть связана с гражданской войной, с гибелью значительной части населения, с дезорганизацией культуры, с распадом социальных связей. Наиболее ярким признаком катастрофы является массовое неповиновение центральной власти, ее разрушение, что открывает путь междоусобицам, торжеству частных, локальных интересов, которые не знают ни общего интереса, ни интересов тех, кто находится за оградой локального мира. Катастрофа — это всегда дезинтеграция, распад интеграции. Однако с катастрофой не следует смешивать всякое изменение характера целого. Реальная катастрофа характеризуется нарушением единства, консенсуса по поводу той нравственности, культурной основы, которая необходима для воспроизводства общества, для предотвращения ухода живых творческих сил (человеческие, материальные, информационные ресурсы и т. п.) из сложившейся системы.

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Воспроизводственная деятельность должна отвечать определенным требованиям, воплощенным в социокультурном законе, в соответствии с которым любое сообщество-субъект должно, чтобы существовать, воспроизводить себя, свою воспроизводственную деятельность, свою культуру, свои социальные отношения, обеспечивать их единство, взаимопроникновение, снимая постоянно возникающие социокультурные противоречия, не допуская их роста до уровня, угрожающего значимым снижением эффективности воспроизводственной деятельности. На протяжении всей человеческой истории общества могли существовать, лишь подчиняясь этому закону. Снижение творческой способности следовать ему приводило к гибели множества народов и государств.

Возможность возникновения социокультурного противоречия связана с тем, что изменения культуры и изменения социальных отношений подчиняются разным закономерностям. Изменение социальных отношений в принципе всегда влечет за собой изменения эффективности воспроизводственной деятельности. Поэтому существуют ограничения, запреты на многие отношения, которые снижают эту эффективность ниже критического порога. Соответствующие запреты в обществе являются лишь некоторым частным случаем общесистемного закона, охватывающего все типы материальных систем. Например, в химии не всякие элементы могут образовывать между собой устойчивые связи. Аналогичные запреты существуют в биологии, где число наследственных вариаций принципиально ограничено и они могут иметь место лишь в определенных направлениях. Сходство в живой природе, охватывающее важнейшие аспекты (включающие и морфологический, и физиологический, и молекулярно-генетический уровни), объясняется не только общностью происхождения, но и «следствием известного единообразия законов природы»². Биологическая эволюция при всем многообразии ее результатов постоянно движется в рамках реально возможного, отменяя патологические, уродливые, нежизнеспособные формы, своеобразные утопии биологического мира. То же происходит и в обществе. Допустимы только такие социальные отношения, которые могут обеспечить необходимый для общества уровень и масштабы обмена информацией, получения ресурсов, разделения труда, способность отвечать требованиям динамичности и сложности, достигнутых обществом, обеспечивать некоторый

² Берг Л. С. Труды по теории эволюции. Л., 1977. С. 267.

уровень гармонии и т. д. Исторически могут возникать нежизнеспособные системы, которые оказываются не в состоянии обеспечить собственную воспроизводственную деятельность, следовать социокультурному закону, что и заключает в себе опасность сползания к катастрофе.

Культура в отличие от социальных отношений изменяется по другим законам. Она является всеобщей формой человеческой деятельности, она не замкнута на одну характеристику реальности, принятую за абсолютную, например, на ее наличное бытие, на предметность. Всеобщность культуры заключается в том, что она оценивает реальность в категориях возможности, вероятности, прошлого и будущего, в различных модальностях. Культура всегда несет в себе оценки любого реального или возможного явления с точки зрения некоторого идеала, независимо от возможности воплотить этот идеал. Следовательно, культура является многомерной по своей сути, в любой своей клеточке, в любой момент времени, даже если это не осознано в самой культуре.

Разумеется, в культуре также есть ограничения, но природа их не та, что в социальных отношениях. Ограничения в культуре всегда являются лишь одним из аспектов ее содержания, который вступает в диалог, а возможно, и в ожесточенный конфликт с ее многомерностью. Любые ограничения в культуре проблематичны. Культура постоянно критикует себя. Причем характер запретов некоторым образом двусмыслен, так как они сами постоянно превращаются в содержание человеческого мышления. Общеизвестно, что то, что запрещено, привлекает к себе повышенное внимание. Не позволяя строить вечные двигатели, культура тем самым вынуждает людей мыслить в представлениях и понятиях вечного двигателя. Культура самокритична, многомерна, рефлексивна, альтернативна в каждой своей точке. Она — шествие человеческого духа, которое, впрочем, может обратиться и в паническое бегство, в саморазрушение. Она — напряженный поиск человеком самого себя в мире и мира в себе. Культура постоянно нечто провозглашает, постоянно что-то зачеркивает и восстанавливает зачеркнутое. Она постоянно формирует *утопии*, основания, ориентирующие воспроизводственную деятельность на запрещенные отношения, на производство химер нежизнеспособных отношений, на игнорирование социокультурного закона. Утопия набрасывает на себя научные одежды, апеллирует к «заветам отцов», обращается к «исторической необходимости», «воле народа» и т. д. Утопия всегда проблема, всегда тайна.

ДУАЛИЗМ ПРАВСТВЕННОСТИ

Совместная воспроизводственная деятельность людей возможна лишь при условии существования общего нравственного основания, *нравственного идеала*. В любой момент жизни общества в нем существует, возможно, противоречивая, неустойчивая, но тем не менее реальная культурная основа, нацеливающая субъекта (сообщество, общество, социальную группу) на свое воспроизводство, на разрешение соответствующих социокультурных противоречий. Нравственность следует рассматривать как определяющий аспект культуры, как ее особую форму, дающую общее основание человеческой деятельности в любых формах сообществ. Нравственность, нравственный идеал соединяет людей в целое, создает основу для него. Ее разрушение приводит к распаду, дезинтеграции социальных отношений, общества, к катастрофе. Нравственность, как и культура, носит всеобщий характер. Она несет в себе идеал социальных отношений и, что особенно важно, идеал государственности (разумеется, если общество доросло до осознания ее необходимости), т. е. возможного масштаба интеграции. Нравственность включает идеал человека, человеческого поведения. Ценности нравственности — это прежде всего самоценности, ценности собственного Я. Они имеют свое основание в самих себе, в человеке, в его рефлексии как конечном самоценное самовыражение Я. Именно познание этого нравственного содержания, его механизма позволяет вступить на путь реального знания мотивов, движущих сил массовых действий, определяющих движение исторического процесса во всех его формах.

Для выявления специфики нравственности необходимо знание общих механизмов ее функционирования, которые являются особым случаем закономерностей функционирования, развития культуры. Понять суть нравственности, как и культуры вообще, означает понять нравственность, культуру в их динамике как постоянный процесс, как возможность изменений. Понять сложность можно, лишь расчленив целое. Это означает, что мир выступает перед человеком, с одной стороны, как нерасчлененный, т. е. как синкретический, но, с другой стороны, как устойчиво расчлененный. Самый обобщенный уровень расчленения — выделение «внутреннего — внешнего», «Я — не-Я», «субъекта — объекта». При этом объект может рассматриваться как другой субъект. Здесь первичная клеточка реального мира, с которым имеет дело человек. Дуальный подход является основой расчленения реальности на оппозицию предметного и ценностного подхода. Иначе

говоря, культура, с одной стороны, рассматривается как предметная, т. е. нацеленная на объективность, на внекультурное, неосвоенное содержание, представляющее для человека всегда вопрос, проблему, загадку. С другой стороны, культура несет в себе взгляд на мир как очеловеченный, окультуренный, пропущенный через весь исторический опыт человечества, как на сферу ценностей. Культура, нравственность всегда выступают в форме *дуальной оппозиции*, несущей в себе два полюса (например, «добро — зло», «полезное — вредное», «Правда — кривда» и т. д.). Принцип подобного членения носит всеобщий характер. «Стоит выделиться какому-либо условию семиотического освоения мира, как в рамках его тотчас наметится оппозиция»³. Например, звуки языка описываются через оппозиции «твердость — мягкость», «глухость — звонкость». Аналогичный подход существует при описании грамматических значений и в этнологии. В культуре формируется возрастающее множество дуальных оппозиций. К. Леви-Строс говорит об оппозициях в архаичных социальных системах: «поселение (родственники) — лес (демоны)», «бессмертные — смертные», «жители неба — жители земли», «солнце — луна», «правая рука — левая рука», «мужской — женский» и т. д. Россия в этом смысле не отличалась от других стран. Этот перечень почти полностью совпадает с системой, восстановленной для древних славян по фольклорным и иным данным⁴. Развитие культуры включает умножение этих оппозиций. По сути, все культуры — сложнейшие системы дуальных оппозиций, точно так же, как программа для ЭВМ — сложнейшая система пар, состоящих из нуля и единицы. Например, звуковые системы языков описываются в терминах универсальной системы через 12 основных двоичных признаков.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Методологическое значение подхода к миру как к дуальной оппозиции исключительно велико, так как такая оппозиция представляет собой необходимую форму соединения и одновременно противопоставления знания и незнания, известного субъекту и ему неизвестного. Собственно, в этом и заключается начало отношения к миру любого субъекта, который всегда несет в себе определенный культурный багаж, опреде-

³ Лотман Ю. М. Феномены культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. IX. С. 8.

⁴ Иванов В. В., Топоров В. И. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 170, 236.

ленные знания, культурные программы, потребности, средства и т. д.

Но одновременно перед субъектом всегда стоит вопрос о возможности, способности освоить тот элемент мира, который предстал перед ним, на который в данный момент направлено его внимание, на основе накопленного этим субъектом содержания его культурного багажа. Способность субъекта жить, ориентироваться, воспроизводить себя в мире позволяет говорить о тождестве субъекта и его мира. Однако это тождество несет в себе постоянную возможность распада, раздвоения тождества на оппозиции. Это ставит под угрозу возможность восприятия мира, ориентировки в нем, а значит, и самовоспроизводства субъекта. *Дуальная оппозиция является исходным пунктом своего собственного преодоления, преодоления опасного для субъекта расчленения смысла, культурного опыта.* Она сигнализирует субъекту о необходимости ее самоликвидации (например, выявляет, что его знание об обществе неадекватно), о необходимости дальнейшего познания (например, показывает, что неспособность в процессе воспроизводства достаточно глубоко различать добро и зло требует более адекватной интерпретации этой оппозиции).

Анализ механизма культуры, а следовательно, и нравственности, начинается с выделения дуальных оппозиций, с анализа отношений между полюсами оппозиции. Полюса противостоят друг другу как несовместимые, взаимоисключающие противоположности, которые не могут существовать друг без друга, как не могут существовать отдельно два полюса магнита. *Полюса дуальной оппозиции существуют как взаимопроницающие друг в друга, они существуют амбивалентно, друг через друга.* Это с предельной ясностью видно в функционирующей культуре, т. е. прежде всего в процессе осмысления неосмысленных явлений, *переосмысления* ранее осмысленного.

Языческая русская культура, как, впрочем, и любая другая, на определенных этапах своего развития видела мир через множество носителей добра и зла, т. е. через конкретное выражение полюсов дуальной оппозиции: «упыри-вампиры и навьи — порождение первобытного анимистического мировоззрения, когда вся природа во всей своей совокупности и многообразии мыслилась насыщенной духами зла (упыри) и добра (берегини)»⁵. Доброе начало воплощали домовой, кузнец, противостоящий злу, золотое царство царя-Солнца, светлое начало солнечного дня, Див и т. д. Злое начало олицетворяли водяные, русалки, которые заманивали людей в воду, злые ветры,

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 463.

Мари (от слова морить), Лихо и т. д. Возникновению божеств, которые воплощали и противопоставляли добро и зло, исторически предшествовало антропологическое представление о мире как живом целом, о мире как бесчисленному скоплению людей, животных и т. д. В деятельности этих «людей» добро и зло сменяли друг друга. Они были не добры или злы, но скорее капризны, и с ними можно было пытаться вступить в контакт, договориться, задобрить, умиловить или наказать их, если они не оправдали надежд. Однако постепенно разведение носителей добра и зла приобрело более четкий характер. Концепция «Святой Руси» может быть интерпретирована в оппозиции «Белое — Красное» или даже «Светлое — Темное». И не случайно сочетание «белое — красное» — одно из самых распространенных как в русской княжеской геральдике, так и в национальных костюмах, орнаментах, росписях и т. д.⁶

Основная оппозиция русской культуры — противопоставление добра и зла — выступает как борьба Правды и кривды. Борьба Правды с кривдой бескомпромиссна. Кривда побеждает на земле; потерпев поражение, Правда отлетает на небо и остается непобежденной в принципе. Борьба этих двух начал выступает как противоборство космических сил, противостоящих противоположных субстанций. Синкретическая Правда — внутренний принцип, закон мироздания, некая нравственная субстанция мира, абсолютное добро. Антитеза «Правда — кривда» рассматривается в качестве одной из констант народного мировоззрения, сохранявших актуальность и после эпохи средних веков. Этот дуализм явился важным этапом преодоления синкретического сознания.

А. Клибанов писал: «Идейным фокусом, стягивавшим и объединявшим все линии развития народной культуры, являлась социальная Правда»⁷. А. Афанасьев (1826-1871) указывает, что «слово ПРАВОЙ получило значение всего нравственно хорошего, справедливого, могучего (ПРАВО, ПРАВДА, ПРАВИЛО, УПРАВА)»⁸. А. Клибанов показал, что мотив Правды был важнейшим в древнерусской литературе. Значение механизма дуальной оппозиции в том, что она является основой основ осмысления и переосмысления — предметного *освоения*, т. е. превращения внешнего, неосвоенного в элемент, содержание сознания, культуры, деятельности субъекта. Осмысление и переосмысление выступает как превращение внекуль-

⁶ Дугин А. *Континент Россия*// Континент Россия. М., 1990. С. 54.

⁷ Клибанов А. И. *Народная социальная утопия в России*. М., 1977. С. 12.

⁸ Афанасьев А. И. *Поэтические воззрения славян на природу*. М., 1865. Т. 1. С. 187.

турного нечто в содержание культуры. По логике развитого процесса осмысления смысл не может быть сформулирован на основе суммирования двух изолированных друг от друга полюсов. Например, невозможно представить себе, что нечто одновременно в одном и том же отношении есть воплощение добра и зла. Впрочем, это из элементарной логики. Осмысление происходит как соотнесение осмысляемого через полюса дуальной оппозиции. Например, осмысляемое явление может последовательно соотноситься с Правдой и кривдой, определяться как воплощение Правды или, наоборот, кривды, либо как нечто находящееся между ними. Смысл, следовательно, формируется как бы между смыслами, содержащимися в полюсах оппозиции⁹. Этот процесс может быть описан в категориях диалектики с ее представлениями о единстве и борьбе противоположностей, о человеческой деятельности, направленной на снятие противоречий. От того, каков результат осмысления, результат снятия противоречий между полюсами дуальной оппозиции, зависит основанная на этом снятии воспроизводственная программа функционирования социальных систем. Полученный смысл должен быть достаточно глубок, т. е. должен отвечать общему уровню развития культуры, знаний, а в итоге — задачам воспроизводства общества, следования социокультурному закону. В этой связи на первый план выходит исследование самой логики (пере)осмысления, снятия полюсов оппозиции в каждом акте осмысления.

Важнейшее значение дуальной оппозиции заключается в существовании напряженности между ее полюсами, т. е. в фиксированном культурой логически принудительном и эмоционально значимом требовании осмысливать каждое явление, по крайней мере в тенденции, как тождественное одному полюсу (например, добру, «нашему») и противоположное другому полюсу (некоторому злу, «Они», иному племени, партии и т. д.). Например, между основными полярностями китайской культуры — инь и ян — люди «видели прообраз напряжений в целом мире — между великим и малым, небом и землей, мужским и женским и т. д. Дао пребывает в напряжении»¹⁰. В дуальной логике реализуется не только культурологический, но и психологический механизм. «Конечной целью всех душевных стремлений является уравновешенность, безопасность, приспособление, целостность»¹¹, что и заставляет человека постоянно уходить от двусмысленности дуальной оппози-

⁹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.

¹⁰ Роули Дэв. Принципы китайской живописи. М., 1989. С. 15.

¹¹ Адлер А. Индивидуальная психология// История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986. С. 134.

ции, преодолевать ее в поисках синтеза. Эту напряженность можно назвать *конструктивной напряженностью*, так как она нацеливает человека на воплощение, воспроизводство некоторого заложенного в культуре идеала, отождествляемого с одним полюсом и противопоставляемого другому. Напряженность означает, что осваивающий эту оппозицию субъект нацелен на преодоление собственной пассивности, сопротивления внешнего мира. Но это означает также, что эмоциональная жизнь человека поляризуется. Культура окрашивает мир в цвета любви и ненависти, добра и зла, делает его сферой эмоциональной, определенным образом направленной, имеющей вектор деятельности. Каждое явление становится полем борьбы в душе личности, превращается в проблему, которую можно решать по-разному, т. е. либо любить, либо ненавидеть, либо менять свое ранее принятое решение, свою эмоциональную привязанность. Мир культурного, т. е. приобщенного к любой, даже самой примитивной культуре, человека является сферой поляризации, субординации, иерархизации эмоционально окрашенных ценностей, и человек в этом мире является субъектом, постоянно стремящимся решить задачу овладения одними ценностями в ущерб другим и преодоления препятствий на этом пути. Культура организована лишь для деятельного, «озадаченного» человека.

Рост дезорганизации в обществе может вызвать представление о разрушении основ жизни, переживаться как страдание, как состояние раздвоенности, породить гнев и страх. Такого рода эмоциональная реакция личности может достигать значительной силы. Возникает *дискомфортное состояние* в результате разрыва конструктивной напряженности личности и общества. Это воспринимается личностью как хаос, как превращение реальности в своеобразный шабаш зла. Фактически суть дискомфорта заключается в том, что в жизнь личности вторгаются явления, которые лишь с возрастающим трудом могут быть истолкованы с точки зрения уже сложившихся ценностей, конструктивной напряженности личности. Например, дискомфортное состояние может возникнуть в результате вторжения в страну каких-то далеких культурных ценностей, новых непонятных форм жизни. Они способны привести человека в состояние крайнего возбуждения, агрессивности, направленной против раздражающих явлений.

Движение между полюсами оппозиции определяется тем, что один из них оценивается человеком как носитель абсолютной ценности, как комфортный, выступающий объектом *participации, приобщения*, т. е. *идеалом*, с которым человек должен слиться, отождествиться. Другой же полюс рассматри-

вается как дискомфортный. Отношение к нему может быть охарактеризовано как стремление к отпадению, к отказу от отождествления. Комфортное представление связано с привязанностью к освоенной культуре. Оно может быть соотнесено в той или иной степени с феноменом импринтинга, запечатления, т. е. способности человека впервые воспринимаемое (например, элементы среды, идеи) оценивать как привычное, приятное, естественное, родное. *Освоенное* таким образом становится психологического и культурного самоощущения сложившимися отношениями, образом жизни и т. д. Это состояние связано с привычными ритмами окружающего мира. Дискомфортное состояние воспринимается как противоестественное, вызывающее отвращение, ужас, как хаос, разрушающий жизнь. Это ощущение нарастающего хаоса может носить индивидуальный или массовый характер, охватить значительные группы людей. Оно может вызвать шок, растерянность, потерю способности своевременно принимать эффективные решения.

Конструктивная напряженность между полюсами дуальной оппозиции, один из которых воспринимается как комфортный, а другой как дискомфортный, является фиксированной в культуре движущей силой воспроизводственной деятельности, а следовательно, и движущей силой всех особых форм деятельности, включая и формы духовной деятельности. Одновременно конструктивная напряженность выступает как пружина развертывания логических форм мысли и деятельности. Любая дуальная оппозиция, ставшая содержанием человеческой деятельности, приобретает определенный вектор, *вектор конструктивной напряженности*, направляющий логическую, эмоциональную деятельность субъекта от отпадения к партиципации, от одного полюса к другому, от зла к добру, от дискомфортного состояния к комфортному. Существование этого вектора есть необходимый элемент каждой клеточки культуры, каждого сообщества, каждого акта деятельности.

Эта напряженность дает мощный импульс *инверсии*, т. е. переходу от осмысления явления через один полюс к осмыслению через противоположный. Инверсия — это важнейшая логическая категория, возникающая вместе с человеческой мыслью. Она носит консервативный характер. Взятая в своей изолированности, инверсия не выводит за рамки исторически сложившегося культурного богатства, остается в рамках манипулирования его наличным содержанием. Инверсия основана на минимизации рефлексии. Инверсионный переход от одного полюса оппозиции к другому происходит логически момен-

тально, т. е. отпадение от одного полюса и партиципация к другому — логически один и тот же акт. Инверсия является логической формой самого простого способа принятия решения, заключающегося в простом выборе между двумя вариантами. Инверсия есть форма альтернативного выбора, но в рамках исторически сложившейся культуры, уже накопленного богатства альтернатив. Инверсия — это способность использовать уже накопленные варианты, применяя их к постоянно новым ситуациям, это исходная клеточка простого перебора заданных вариантов, исходная форма принятия абстрактных решений.

Инверсия в процессе исторического развития культуры перерастает в *медиацию*, которая протекает как сложное сканирование. Фокус этого поиска движется между полюсами оппозиции. Сердцевина медиации в том, что процесс осмысления не заканчивается отождествлением осмысляемого явления с одним из ранее сложившихся полюсов дуальной оппозиции, но ищет некоторый промежуточный вариант, некоторое, возможно сложное, соотношение внутри взаимопроникновения полюсов, отвечающее новым, более сложным условиям. Медиация в отличие от инверсии является процессом формирования ранее неизвестных, не существовавших в данной культуре альтернатив, расширения их спектра. Медиация — процесс наращивания рефлексии соответствующего субъекта через формирование последовательной системы все более конкретных оппозиций¹².

Медиация не содержит внутренних запретов на поиск путей и методов формирования нового смысла, хотя в каждом конкретном случае эта способность определяется общим уровнем творческого потенциала соответствующего субъекта, его способностью повышать этот потенциал. Результатом медиации является то, что Н. Бердяев называл средней культурой¹³ (срединной культурой), т. е. получением нового результата, новых элементов культуры, не сводимых к старым, к ее крайним полюсам. В конечном итоге вся культура создается как результат медиации, как срединная культура, как следствие преодоления ограниченности ранее сложившейся культуры. Способность формировать срединную культуру — показатель меры развития медиации и в то же время уровня развития культуры. Осмысление этого процесса на философском уровне опирается на обобщающую способность человека превращать в предмет своей деятельности саму деятельность в единстве ее противоположностей, способность снимать эти противополож-

¹² *Леви-Строс К.* Структура мифа // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 161.

¹³ *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 31.

ности как идеально, т. е. в культуре, в сознании, так и практически, т. е. изменять соответствующие социальные отношения. Строго говоря, инверсия и медиация представляют собой не разные логики, но взаимопроникающие полюсы дуальной оппозиции одной человеческой логики, где полюса существуют, взаимопроникая друг друга, постоянно ища меру этого перехода.

ОТ ЛОГИКИ К МАССОВОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ДЕЙСТВИЮ

Конструктивная напряженность, будучи движущей силой воспроизводства, тем самым выступает не только как культурный, но и как социальный феномен, не только как логика, но и как воспроизводственный процесс. Дуальные оппозиции выступают как присущие не только процессу осмысления, мышления, но и социальным отношениям. Люди на всех уровнях социального целого членили себя на оппозиции. Например, «даже для соседних деревень в дореволюционной России отмечалось наличие дуализма по той или иной *сознательно акцентуруемой этнографической детали*»¹⁴.

В принципе, любое сообщество, социальное отношение могут существовать, если им присуща конструктивная напряженность, т. е. необходимость для членов организации направлять свою творческую энергию на защиту, воссоздание, формирование определенных ее характеристик (*гиперцентра*) и стремление уйти от нежелательного состояния (*гипоцентра*). Сообщество может существовать лишь в том случае, если полярности, напряженность личности и сообщества совпадают, если личность, воссоздавая свою напряженность, тем самым воссоздает напряженность сообщества.

Напряженность культуры есть одновременно напряженность личности и соответствующего сообщества, напряженность одного из компонентов и одновременно напряженность остальных. Реальное воспроизводство общества происходит лишь тогда, когда им охватываются все названные элементы. Все это, однако, не исключает существования *трех специфических форм конструктивной напряженности*. Каждая из них может изучаться разными науками, например, наукой о культуре, наукой о сообществах (например, теорией организации), науками, изучающими личность. Все эти три формы конструктивной напряженности существуют в органическом

¹⁴ Поршнев Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии, м., 1964. С. 7 (курсив мой.— А. А.).

единстве. Они — аспекты ценности воспроизводственного процесса. Но тем не менее в основе каждой из этих трех форм конструктивной напряженности лежат разные закономерности.

Сущность социокультурного противоречия заключается в том, что противоречия между конструктивной напряженностью сообщества и конструктивной напряженностью соответствующей (суб) культуры *проявляется как внутреннее раздвоение культурной напряженности личности*. Оно приводит к двум взаимоисключающим последствиям. Во-первых, вызывает дискомфортное состояние личности со всеми его разрушительными последствиями. Во-вторых, социокультурное противоречие может, наоборот, вызвать прилив творческой энергии субъекта, направленной на повышение его способности следовать социокультурному закону, т. е. стремление снять возникшее внутреннее дискомфортное состояние. Это может быть достигнуто либо изменением социальных отношений в процессе воспроизводства в соответствии с комфортной культурой, либо, наоборот, изменением культуры в соответствии с социальными отношениями, либо изменением и того, и другого одновременно. Существуют также еще специфические идеологические методы преодоления социокультурного противоречия, о которых я буду говорить в соответствующем месте.

Необходимость конструктивной напряженности в трех формах для самого существования общества прослеживается в истории, например, в существовании двух экзогамных родов, отношения между которыми неоднозначны. Каждый род — это «замиренная среда»¹⁵. Отношения между двумя такими «средами» амбивалентны. Они, с одной стороны, едины, т. е. совместно выступают в охоте, войнах, праздниках. Но, с другой стороны, они чужаки, соперники. Между ними возникают ритуальные драки, часты взаимные насмешки. Их существование немислимо без разнообразных форм взаимопроникновения. Они воспроизводят себя через воспроизводство конструктивной напряженности во всех формах. Прогресс или регресс общества связаны с изменением масштабов этих «сред», конструктивной напряженности, с изменением в механизмах воспроизводства амбивалентности между ними.

Для понимания функционирования социальных процессов существенно различие между конструктивной напряженностью инверсии и медиацией. Первая нацеливает личность, соответствующие конкретно-исторические сообщества на воспроизводство ранее сформировавшихся идеалов, устремляет к идеалам прошлого, к господству прошлого над настоящим и будущим

¹⁵ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 283.

как в культуре, так и в социальных отношениях. Подобный идеал проповедовал, например, Пугачев, обещая в своих манифестах тишину, спокойную жизнь. Для медиации характерно возрастающее стремление к получению нового результата, к отказу от идеала неизменности. В тех культурах, где преобладает медиация, идеалы будущего господствуют над прошлым. Отсюда стремление к развитию, прогрессу. В дуальной оппозиции «старое — новое» первое является ценностью в инверсии, второе — в медиации. Это различие выступает как фундаментальное для понимания внутренних механизмов жизни общества.

Инверсия в результате превращения социального мира из комфортного в дискомфортный может принять массовый характер. Это может быть вызвано ростом в традиционном обществе дезорганизации, усилением потока дискомфортных новшеств, если, например, они разрушают уравнительность. В результате реальность начинают рассматривать как воплощение мирового зла, т. е. ее оценка инверсионным образом переходит от добра ко злу. Инверсионный поворот может получить форму бунта, погрома, массовых беспорядков, направленных против реальных, а чаще мнимых «виновников» потока дискомфортных инноваций. Социальная инверсия в своих крайних формах вызывает *косу инверсии* — массовое уничтожение людей, имущества, культуры, социальных институтов, этнических групп, сословий, слоя управляющих, врачей (холерные бунты), интеллигенции, центров власти, государственности. Коса инверсии может остаться локальным явлением, но иногда охватывает все общество. Инверсия — наиболее мощный массовый инструмент консерватизма. При этом инверсия слепа, охваченные ею сообщества не знают и подчас не желают знать ни того, откуда берутся инновации, ни границ, где уничтожение инноваций может привести к необратимой дезорганизации.

То обстоятельство, что логика инверсии не знает времени, ориентирована на моментальное оборотничество, означает, что носители инверсии в той степени, в какой они следуют ее логике, не озабочены тем, что возникнет в результате избие-ния оборотней, уничтожения дискомфортного состояния. Логика инверсии исходит из того, что позитивное начало, комфортное состояние естественно и моментально возникает в результате уничтожения зла, т. е. что отпадение от него тождественно приобщению к добру. Значимая культурная инновация в традиционном обществе имела много шансов нарушить социокультурный закон, создать дезорганизацию, возможно необратимую. Поэтому устранение значимых инноваций могло

соответствовать этому закону. В условиях модернизации дело обстоит иначе. Инновация в обществе имеет больше шансов быть комфортной, отвечающей культурным ценностям, утвердившимся или утверждающимся в обществе. В изменяющемся обществе массовое избиение инноваций уродует общество, но не возвращает его в исходное состояние (не говоря уже о том, что само прежнее состояние в изменяющемся обществе может оказаться дискомфортным).

Медиация также есть не только логическая форма, но и форма социальных отношений, деятельность, направленная на их воспроизводство. Медиация как способность постоянного воспроизводства нового содержания возникает вместе с человеком, с культурой, хотя и скрытая первоначально за видимым господством инверсии. Кстати, это последнее обстоятельство иногда стимулирует представление, что мышление древних людей имеет логику, коренным образом отличную от современной. Логика одна, но мера преодоления полюсов дуальной оппозиции «инверсия — медиация» может быть различна. Эта мера исключительно подвижна. Логика инверсии — лишь крайний случай логики медиации. Медиация — кумулятивный процесс, что может в конечном итоге привести к соответствующему смещению меры, к ее превращению в господствующую форму логики и социальных изменений. В конечном итоге медиация превращается в важнейшую ценность развития личности, культуры, сообщества, дорастает до прогрессивного типа социальных изменений, до осознанного стремления к прогрессу, подводит к обществу, которое не только не боится изменений, но основано на них, а их отсутствие рассматривает как дискомфортное явление. Появление такого типа общества не историческая случайность. Усложнение общества требует его воспроизводства через рост и развитие, через обеспечение прогрессивного развития, через наращивание срединной культуры, выработку новых путей. Общество, достигшее определенной степени сложности, как и любая сложная система, достигшая некоторого критического уровня, не может существовать, не развиваясь, не совершенствуясь.

Логически инверсия является исходной точкой медиации. Каждый этап движения любого общества характеризуется определенным уровнем развития медиации. Опыт истории ее становления даст ключ к пониманию сложных, противоречивых социальных процессов. Каждый шаг развития медиации означает изменение представлений о комфортном и дискомфортном сначала у части общества. Это способно породить в большом обществе, у другой его части, опасную для медиации инверсию, которая может приобрести характер *антимедиации*.

Механизмы и результаты медиации, срединной культуры могут оказаться раздавлены инверсионными взрывами. Подобные явления наблюдаются и в индивидуальном поведении, когда личность в стрессовой ситуации отказывается от наработанных в культуре правил поведения, переходит к насилию, к хулиганским действиям. Антимедиацию можно видеть в действиях социальных групп, например, в ответе крестьянства на наступление товарно-денежных отношений, заключающемся в возврате к общине, к уравнительности, натурализации отношений, локализму. Усиление антимедиации чрезвычайно опасно попаданием прогресса под нож массовой разрушительной инверсии, конфликтом между развитием срединной культуры и стремлением стереть ее с лица земли.

При переходе от чисто логического рассмотрения инверсии и медиации к их рассмотрению как форм логики массовой воспроизводственной, социальной деятельности принципиально меняются представления об их движущих силах. Движущие силы в чистой логике остаются как бы за ее рамками, и поэтому абстрактное логическое движение есть некоторый постулат, принятое допущение. Это обстоятельство, например, является причиной слабости гегелевской философии, которая, по сути, не в состоянии указать конечный источник движения всей его системы. *Движущая сила социального процесса заключается в самой массовой деятельности людей*, которую можно рассматривать как некоторую субстанцию, лежащую в основе понимания и объяснения общественных явлений. Импульс инверсии и медиации задается ростом постоянных реальных и потенциальных опасностей, угроз существованию общества, его подсистем, воспроизводственному процессу, что может создавать дискомфортное состояние. Это активизирует людей, приводит в действие механизмы движения от одних полюсов оппозиции к противоположным, стимулирует поиск альтернатив, новых решений.

МАНИХЕЙСТВО

Исторически сложившиеся соотношения инверсии и медиации в обществе меняются. Анализ этого процесса — необходимая ступень изучения конкретного общества, так как он составляет логическое содержание любого нравственного идеала, а следовательно, и соответствующей человеческой деятельности. При решении столь сложной задачи целесообразно обратить внимание на то, что логические формы культуры могут найти свое развитие и завершенное выражение в некоторой концепции, логической, философской теории. Они помогают

раскрыть скрытый потенциал соответствующего культурного феномена, в частности *манихейства* как массового воплощения инверсионной логики. Оно возникло в III веке н. э. на основе зороастризма, который в свою очередь появился примерно 3 тыс. лет назад и может считаться самой древней из мировых религий. Манихейство оказало на человечество, по-видимому, «больше влияния, чем какая-либо другая вера»¹⁶. Оно возникло на основе протоиранской культуры, в которой содержалась, в частности, идея деления людей на «праведных», придерживающихся истины, и «приверженцев зла». Зороастр в противоположность массовому политеизму выдвигал идею об одном Творце, о мире как космической борьбе двух противоположных сил. Борьба двух космических сил, в соответствии с древней традицией, проходила в форме оппозиции «Ахурамазда (носитель добра, премудрости) — Ангро-Майнью (глава сил зла, смерти, тьмы)». Мани придал зороастризму пессимистический характер, рассматривая мир как реальное воплощение зла.

О манихействе можно говорить в двух смыслах: в узком — как о конкретном учении, сформулированном Мани, и в широком — как о методологической и гносеологической категории, обозначающей абсолютизацию логики инверсии, склонность осмыслять явления через радикальные инверсии. Суть манихейства в широком смысле слова не в самом существовании оппозиций, — поскольку они изначально присущи познанию и деятельности, — но в их абсолютизации, в формировании конструктивной напряженности, жестко ориентированной против срединной культуры, против взаимопроникновения полюсов, амбивалентности. Фактически манихейство можно интерпретировать как концептуальное, относительно детализированное представление об исключительном значении инверсии для существования человека в мире, как концепцию, противостоящую медиации, создающую нравственную основу антимедиации. Манихейство основано на абсолютизации жесткого противопоставления добра и зла, которые рассматриваются как две субстанции мира. Манихейство, следовательно, не только конкретно-историческая форма культуры, но методологическая и гносеологическая категория, метод якобы простого, ясного решения сложных проблем. Манихейство — наиболее простой и прямолинейный ответ на усложнение социокультурных проблем. Этот ответ заключается в том, что зло тождественно людям, которые отпали от добра и приобщились к космическому злу. Отсюда все человеческие проблемы должны ре-

¹⁶ Бойс М. Зороастрийцы. М., 1987. С. 6.

шаться избиением людей-«насекомых», уничтожением враждебных сил: сословий, групп, государственности и т. д. Разумеется, далеко не все исторические формы манихейства как в широком, так и в узком смысле слова доходили до крайних выводов. Но общая тенденция манихейства тяготела именно к поиску решений социальных задач на путях ненависти к людям, помеченным признаками зла, на путях ненависти к государственности и сословности как таковым.

Об огромной популярности манихейства свидетельствуют исторические факты. После мучительной казни Мани и части его сторонников его учение распространилось от Монголии и Китая до Египта, Северной Африки и Рима. Оно стало питательной средой многочисленных ересей средневековья: павликиан, богомилов, катаров, альбигойцев, молокан и т. д., которые сотрясали основы государственности. Как известно, влияние христианства в средневековой Европе многие столетия носило весьма поверхностный характер. В широких народных массах сохраняли свою силу языческие представления, в которых существенную роль играла вера в дьявола. В обществе господствовали инверсионные представления, инверсионная форма реакции на стрессовую ситуацию. Это открывало большой простор для ересей манихейского типа, трактующих мир как извечную борьбу добра со злом, бога и дьявола, истолковывающих государственность и сословность как проявление извечного зла. Эти ереси противостояли самой идее середины как в развитии культуры, так и в социальных отношениях. Например, движение вальденсов и катаров не признавало за церковью роли посредника между людьми и богом, т. е. не признавало социальные институты, способные быть своеобразным медиатором между противоположностями. Манихейство, во всяком случае, в его расхожих вариантах ожидает наступления времени, когда добро окончательно восторжествует, т. е. будет существовать лишь один полюс дуальной оппозиции. Утопизм манихейства — в абсурдности попыток найти этот идеал. Исключительная привлекательность манихейства для широких масс объясняется бесхитростной простотой, с которой оно объясняло существование социального зла.

Манихейство стало идеальной системой представлений, противостоящих государственности, всякому усложнению социальных отношений, культуры, всякой «зауми». Оно сеяло иллюзии, что все это — результат козней злых сил и что ликвидация возникшего в связи с этим дискомфортного состояния лежит через использование первобытной формулы, т. е. борьбы людей с нелюдьми, с демонами. Те слои населения, где преобладали догосударственные настроения, стремление во что

бы то ни стало сохранить дословные и догосударственные формы жизни, нашли в манихействе свою культурную почву, свое мирозерцание.

Манихейство — вечный соблазн культуры. Оно постоянно концентрировалось на нижних уровнях культуры, но в скрытой форме пробивалось и на высшие в формах, в целом чуждых ему и даже враждебных, например, внутри монотеистического христианства. Оно проникало туда в форме сомнения в том, имеет ли право существующая церковь связывать себя с христианством, не подменена ли она царством сатаны, антихриста. Манихейство могло скрываться на заднем плане монотеизма. Так что высшая культура тоже несла в себе скрытую эстафету манихейства. Элементы дуалистической картины мира, трактованной как противоборство добра и зла и тяготеющей к манихейству в широком, гносеологическом смысле слова, можно обнаружить у пророков Израиля. У них налицо противопоставление Правды низов кривде царей. Пророк Малахия провозглашал, что нечестивые будут опалены огнем, когда «взойдет солнце правды». Дуалистические традиции пророчества развивались в ветхозаветных и новозаветных писаниях, в канонических книгах и апокрифах — в Книге Притчей Соломоновых, книге Еноха, книге юбилеев, Заветании двенадцати патриархов, Успении Моисея, Апокалипсисе, в откровениях, приписываемых Баруху, Ездre и другим. В Новом Завете можно отметить тенденцию к абсолютизации логики инверсии. Достаточно указать на Апокалипсис, где кесари рассматривались как чудовищное воплощение сатанинской «бес-тии». Тем не менее монотеизм иудаизма и христианства противостоял манихейству.

Требуется специальное исследование о влиянии зороастризма и манихейства на славянскую культуру. Народы, населявшие земли, где затем стали жить русские, находились под большим влиянием зороастризма. Многие языческие славянские боги восходят к индоевропейской эпохе. Бесспорно «воздействие иранской мифологии» — «наследие скифо-скотского времени» в славянской культуре¹⁷. Видимо, именно из этих «глубин фольклорной памяти черпали волхвы-жрецы материал для своей интересной системы»¹⁸.

Зороастризм как мощное религиозное движение в древнем Иране, как «религия спасения» вдохновил гностицизм и манихейство. Ему, в конечном счете, обязаны своим возникновением альбигойство, богомилство, павликианство и религия рус-

¹⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 453.

¹⁸ Там же. С. 447.

«Перспективными являются поиски в религиозно-мифологических представлениях скифов исконно иранских незаимствованных мотивов, выявление сходжений с другими системами на уровне общеиранского и даже общеарийского мифологического пласта»²⁰. Официальный облик религии скифские царства приняли от Ирана в форме маздакизма, манихейского учения III века²¹. Есть сведения о влиянии манихейства в узком смысле слова на волхвов — носителей дохристианской мифологической культуры на Руси. Развитие христианства стимулировало борьбу против манихеев²². Имеет место, однако, и точка зрения, что при утверждении христианства на Руси победу над греческой верой одержала «мрачная религиозная доктрина» — богомилство²³. Объединения богомилов существовали в Киеве еще до крещения Руси. Влияние богомилства можно проследить в летописях, например, в дуалистическом сказании волхвов о сотворении человека богом и дьяволом, «имевшем богомильско-апокрифическое происхождение» (1071). В Киевской Руси приобретали популярность апокрифы. Многие из них сложились в еретических общинах (например, среди болгарских богомилов)²⁴.

Первостепенный интерес при изучении культуры представляет анализ степени абсолютизации противоположности полюсов оппозиции, значимость инверсионных методов принятия решений, действий в процессе преодоления противоположности этих полюсов. Это можно проследить в развитии литературы и, что еще важнее, в массовом сознании. Идеал Правды в народной утопии «представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле. Он необходимо включает представления и убеждения, что предельно-совершенное состояние является изначально и непреходящим достоянием человеческого рода на земле, не химерой, не вооб-

²⁰ Светлов Э. Вестники Царства Божия: Библейские пророки от Амоса до реставрации (VIII-IV вв. до н. э.). Брюссель, 1986. С. 363.

²¹ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 15.

²² Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия Археологической комиссии. СПб., 1913. С. 17.

²³ См.: Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Т. 2. С. 68.

²⁴ См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 5.

²⁵ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI-XIII вв. М., 1980. С. 172, 69. О влиянии богомилства см. также: Замалеев А. Ф., Зоц, В. А. Отечественные мыслители позднего средневековья. Конец XIV — первая треть XVII в. Киев, 1990. — «В своем большинстве поздние средневековые христианские ереси находились в преемственном отношении к болгарскому богомилству» (с. 94-95, 130). См. также: Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 1. С. 49-51 (в частности, о влиянии богомилства на Афоне).

ражением, а реальным достоянием, насильственно отчужденным, однако, и подлежащим возврату по законной принадлежности»²⁵. Антитеза «Правда — кривда» шагнула из книжности в устное народное творчество, что следует рассматривать как «свидетельство созвучия ее народному мировоззрению». В этой связи интересна переведенная с греческого и подвергнутая богомильской (т. с. манихейской) обработке «Беседа трех святителей», которая вошла в древнерусскую письменность с XI века. Показательно, что эта манихейская «Беседа» являлась своеобразным народным эквивалентом Библии и расходилась во множестве списков среди широких кругов слушателей и читателей. Она была необыкновенно популярна. Даже после появления печатной Библии влияние «Беседы» не исчезло. Другой столь же популярный памятник, «Палея Толковая» (XIII век), излагает идею о небесном происхождении Правды. Идея извечной борьбы Правды и кривды — строительный материал народной утопии, формирования социальных ценностей народа.

Литература Древней Руси видела мир в чисто манихейских представлениях через прямолинейное разграничение, противопоставление добра и зла. Грех и греховодники всегда сурово осуждались. Эмоции, переживания героев, особенно в житийной литературе, изображались обычно одномерно и контрастно — через оппозиции: либо скорбь, горе, либо радость, веселье. Сам человек выступал либо абсолютно добрым, либо абсолютно злым. У писателя-агиографа Пахомия Логофета (Серба) (XV век) подвижники рождаются «такими же святыми, какими и умирают... В жизни подвижников мы не находим ни единого темного пятна от раннего детства до блаженной кончины в старости глубокой»²⁶. Первое крупное произведение агиографии «Чтения о Борисе и Глебе» (XI век) носит отчетливо манихейский характер. Князь Святополк — злодей по своему существу, воплощение тьмы. Он упоминается только с эпитетом «Окаянный» и подлежит полному и безоговорочному осуждению по божественному и человеческому закону.

Само православие истолковывалось в соответствии с идеалом Правды. Отношение к Христу также приобрело манихейский характер. Человек вместе с Христом противостоят дьяволу как равноправные начала. В старейшем памятнике древнерусской письменности «Слово об Адаме» «дьявол спорит с Христом „на равных“... В великом противоборстве Правды и Кривды бог стоит по одну линию с закрепощенным Адамом»²⁷.

²⁵ Клибанов А. И. Народная социальная утопия и России. С. 9.

²⁶ Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1906.

²⁷ Клибанов А. И. Народная социальная утопия и России. С. 17.

Христос мог рассматриваться как землепашец. Он, как и человек, противопоставит Кривде-дьяволу как внешней силе. Здесь нет ни монотеизма, ни проблемы борьбы добра и зла в самом человеке. В своих сочинениях современник Ивана IV И. Пересветов писал: «Не веру Бог любит, правду»²⁸. Правда, по его мнению, имеет первенство над верой. Он полагал, что православные греки были менее угодны богу, чем магометане-турки, которые не имели истинной веры, но «правду» осуществляли. И. Посошков (1652-1726) опирался на древний афоризм: «Бог правда, правду он и любит». Двоеверие, которое появилось в результате официального принятия христианства на Руси, оказалось под сильным влиянием манихейства. «Христианство отразило и первобытный дуализм. Главой всех сил зла был непобежденный богом Сатанаил с его многочисленным и разветвленным воинством, против которого и бог, и его ангелы были бессильны. Всеведущий, вездесущий и всемогущий бог не мог уничтожить не только самого сатану, но и мельчайшего из его слуг»²⁹. Это по существу манихейская противоположность монотеизму.

Манихейская логика Правды, следовательно, строила конструктивную напряженность, формировала путь следования социокультурному закону через полнейший, бесповоротный, бескомпромиссный отказ от того, что в данный момент называлось кривдой. Идеал Правды в отличие от идеалов православия связан с идеальным устройством на земле, с земным градом. Эти идеи служили основой для истолкования христианства в свете веры в торжество «Божией Правды» на земле. Устремленность к земному царству Правды — важнейшая специфика русского массового сознания. Идеал Правды зиждется на мечте об устройстве жизни, очищенной от искажений, в которых виноваты, может быть, начальство, иноземцы, собственная слабость и т. д., он зиждется на вере в естественную жизнь, которая, хотя и утеряна частично, но неизбежно восторжествует. Идеал Правды — идеал синкретической жизни. Он включал Правду-истину, Правду-справедливость, Правду-силу. Правда — высшая ценность жизни.

ПОИСК СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

Существование скрытых логических форм в сознании и деятельности человека постепенно становилось особым предметом для развивающегося самосознания. Эти формы служили

²⁸ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 207.

²⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 558.

своеобразным базисом, стартовой площадкой для развития сложных форм самосознания, сложных форм элитарной мысли. Логические формы сознания, проникая на высшие этажи человеческого самосознания, тем самым формируют новые формы своего сохранения для передачи последующим поколениям. Скрытые логические формы, попадая в сферу высшей культуры, превращаются в религиозные, философские, культурные системы. Этот процесс можно усмотреть прежде всего в движении мировой философской мысли. Идея медиации, осознание срединной культуры с большим трудом пробивали себе путь в элитарную культуру. В истории философии можно найти постоянное углубление представления о медиации, попытки решать на ее основе всё более сложные проблемы. Например, Аристотель полагал, что нравственное поведение следует искать в середине, равно удаленной от двух крайностей. Человек, по Аристотелю, на основании собственного нравственного чувства ищет эту линию поведения, лежащую далеко от обеих крайностей. Интересна в этой связи точка зрения Плотина, оказавшего сильное влияние на формирование христианской культуры. У него постоянно сквозит стремление замкнуть дуализм на монотеизм, идти *по традиционному для европейской культуры пути формирования срединной культуры*. Он полагал, что тело и душа являются двумя обитателями одного дома. Плотин возражал против постоянного подчеркивания различий в распределении счастья и богатства, так как тем самым можно разрушить здание нравственности, общества, государства.

Средневековый еврейский философ Маймонид возвел в высшее нравственное начало необходимость отличать крайности от «среднего пути». Он полагал, что крайности удаляют человека от достижения разумной цели, разрушая его телесное здоровье и душевное спокойствие; именно средний путь приближает человека к цели. Гегель выдвинул обобщающую идею меры, идею синтеза противоположностей, которая только и заключает в себе истину. Эта идея затем нашла свое дальнейшее развитие и охватила не только движение духа, но и деятельность самого человека, которая стала осмысливаться как поиск синтеза через диалог.

Россия не осталась в стороне от этого процесса. Здесь следует прежде всего указать на концепцию всеединства В. Соловьева и идеи Н. Бердяева. Тем не менее в элитарной культуре в рамках непреодоленной антиномии мышления, игнорирующей поиск синтеза и меры противоположностей, значительное влияние имеют попытки превратить известный принцип дополнительности в некоторый общефилософский принцип, ис-

пользуемый для осмысления взаимоисключающих представлений и понятий. Тяготение медиации к высшим, элитарным уровням культуры и к концентрации инверсии на нижних уровнях может стать серьезнейшей проблемой как условие и предпосылка социальных конфликтов. То, что в логике может выступать как отказ от взаимопроникновения полюсов, от амбивалентности, в жизни общества выступает как патология, как разрушение культуры, социальных отношений, государства, личности. Поэтому предметом изучения логики воспроизводства, логики исторического процесса должно быть не только соотношение инверсии и медиации в тот или иной момент истории, но прежде всего способность людей постоянно углублять через критику исторического опыта значимость медиации, культурных оснований принятия массовых решений.

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Применительно к истории России изложенные теоретические положения приобретают свою специфику.

Племена восточных славян, которые широко заселяли Восточно-Европейскую равнину в VI-VII веках н. э., жили, как свидетельствует летописец, разрозненно на своих территориях, между которыми лежали обширные незаселенные пространства. Племена не были связаны ни организационно, ни общими целями. Характер их социальной организации вызывает большой интерес у многих поколений историков. По этому поводу высказывались различные точки зрения. Одни историки полагали, что у славян господствовала родовая организация на основе кровнородственных отношений. Род «означал всю совокупность степеней родства как самых близких, так и самых отдаленных: род означал и совокупность родственников, и каждого из них». Первоначально это слово употреблялось в смысле соотечественника, народа, «для означения родовых линий употреблялось слово племя»³⁰. Другие историки (славянофилы) рассматривали в качестве коренного устоя русской жизни семью и общину. Третья точка зрения исходила из задружно-общинного характера быта Древней Руси, перехода от родового быта к общинному. Выдвигались представления о патронимии, т. е. группе «семей, больших и малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины»³¹.

³⁰ Соловев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 90.

³¹ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 97.

При всей важности исследования различий в этих точках зрения в основном все историки едины, считая, что в социальной организации славян господствовало локальное сообщество, локальный мир. В воспроизводственном процессе это означало преобладание стремления воспроизводить как высшую ценность локальные сообщества, соответствующую культуру, нравственный идеал. Древние локальные сообщества носили замкнутый характер. Они «вели дробную жизнь мелкими, мало зависящими друг от друга, часто враждебными союзами». Между ними, по свидетельству древних арабских путешественников и географов, были постоянные несогласия и междоусобные войны. «*Племенная рознь и разнообразие* составляет главное явление, которое по преимуществу определило всю историческую судьбу Славян»³². Даже крестьянская община XIV–XV веков «представляла собой закрытую социальную систему»³³. Эти локальные сообщества обычно насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек, т. е. каждый из них мог непосредственно знать всех и каждого, социальные связи основывались непосредственно на эмоциональных отношениях. Все общество, все отношения в нем могли быть подконтрольны каждому его члену. Все виды деятельности: трудовая, обрядовая, организационная и т. д.— осуществлялись и в форме непосредственных личностных контактов. Эти люди могли сообща обрабатывать землю и сообща потреблять. Связь между людьми базировалась на общем происхождении от единого предка, родоначальника, на представлении о едином тотеме.

Способность древних славян воспроизводить локальные сообщества является исходной клеточкой, если угодно, логическим и конкретно-историческим началом дальнейшей государственной истории страны. Эта исходная клеточка существует не только как социальное сообщество, как некоторая система социальных отношений, но и как содержание ее специфической культуры, как всеобщая основа воспроизводственной деятельности, соответствующая конструктивная напряженность. Хорошо известная сельская территориальная община с периодическими земельными переделами является ответом позднейшим ответом древних форм жизни на возникшую ограниченность земельных ресурсов. Община несла в себе «пережитки первобытных общинных отношений»³⁴. Существование ста-

³² Леонтович Ф. История русского права. Одесса, 1869. Вып. 1. С. 76, 78.

³³ Данилова Л. В. О внутренней структуре сельской общины Сеперо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 10.

³⁴ Шапиро А. Л. Переход от повитной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // Ежегодник по аграрной истории

тичного локального сообщества хорошо выражалось словом «мир». Мир — это прежде всего локальная общность, сход, но также весь народ, человечество и даже Вселенная. Это слово противоположно слову война, т. е. выступает как сфера замирения, единства мира. Мир совпадает с Правдой и одновременно с космосом, с миром в целом.

Воспроизводство локального мира невозможно без убеждения, что внешний мир враждебен, что Правда нашего мира противостоит кривде иного мира. Это противопоставление внешнего и внутреннего создает конструктивную напряженность. Внешние злые силы, их козни мешают реализации идеала. Поэтому борьба за идеал тождественна борьбе с силами, препятствующими естественной самореализации Правды. В мире, который расценивается как естественный, неспособность Правды к спонтанной самореализации может быть объяснена столь же естественной самореализацией кривды, пребывающей вне локального мира и подавляющей Правду. Статичный древний идеал расценивался как комфортный, тогда как всякое отклонение от него, выходящее за рамки принятых в соответствующей культуре, воспринималось как дискомфортное. Иначе говоря, *вектор конструктивной напряженности в этой культуре твердо направлял энергию людей на воспроизводство статичного идеала и против значительных от него отклонений. То есть он основывался на сложившейся культуре*, которая в своих основных параметрах представляла неизменной, абсолютной, единственно мыслимой, максимально противостоящей критике. Подобный культурный механизм реализуется лишь в одном случае: если культура воспринимается как фактор, санкционированный некоторой сверхличностной, сверхчеловеческой силой, субъектом, лежащим вне человека. Содержание этой культуры должно рассматриваться человеком как приказ, определяющий не только действие, но и внутреннее психологическое состояние. Возможно, этот тип сознания легче понять, если принять гипотезу профессора Принстонского университета Д. Джейнса. Он полагает, что древние народы от Месопотамии до Перу не умели думать, заниматься самоанализом. В напряженных ситуациях они испытывали звуковые галлюцинации, которые принимали за голос богов, подсказывающих им, как поступать. Лишь катастрофа 3 тыс. лет назад послужила толчком для коренных изменений в сознании³⁵. Разумеется, эту гипотезу нельзя авто-

Восточной Еропы. 1960. Киев, 1962; *Патрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. (по материалам вотчины боярина Б. И. Морозова). Л., 1967.

³⁵ *Jaynes J.* The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston, 1976.

матически переносить на другие народы и эпохи. Но ее ценность в том, что она показывает исходные основания человеческого мышления, которые преодолевались последующим развитием. *Человек превращал себя в объект внешних сил, в некоторую экстраполяцию прошлой культуры. Накопленное культурное богатство властвовало над сегодняшним днем, прошлое диктовало будущее, внешнее господствовало над внутренним, статика над динамикой.*

Следовательно, исходной клеточкой анализа и социальной жизни является локальное сообщество-субъект, способное воспроизводить само себя в своей неизменности, обеспечивать противоречивое единство своих социальных отношений и культуры. Достигается это с помощью специфической организации культуры, странной с точки зрения современного человека. Однако эта организация культуры естественна для людей, воспроизводящих локальный мир на статичной основе. Центром ее организации является *тотем*. «Принимая себя за внешний мир, первобытный человек делает все то, что этот внешний мир делает. Он повторяет его жизнь»³⁶. Однако он «повторяет» жизнь не в ее предметной сущности, но в формах, освоенных конкретно-исторической культурой, которая структурирована необходимостью обеспечить воспроизводство соответствующих форм жизни. Тотем учреждает обряды, «назначение которых — магическим способом обеспечить воспроизводство в природе и обществе»³⁷. Он возникает при господстве культуры, где реальность выступает как бесконечное скопление «людей», все явления вокруг — живые субъекты, с которыми есть возможность договориться. Человек этой культуры рассматривал себя в качестве некоторого объекта этих внешних сил. «Тотемизм понимает жизнь человека в виде жизни внешних стихий, а стихии принимает за людей»³⁸. Из этого следует, что тотем должен соединить в себе разнородные элементы.

Тотем — прежде всего некоторый содержательный элемент культуры. В принципе это может быть любое явление: любое животное, растение, любая вещь, действие, в принципе все, что угодно (скажем, сокол). В основании мирозерцания великороссов «лежит первобытное непосредственное поклонение предметам, явлениям и силам природы»³⁹. Сокол, однако, этими людьми рассматривается не как некий орнитологический вид, не как птица, отличная от человека, противополож-

³⁶ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 73.

³⁷ Криницкая Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 60.

³⁸ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. С. 53.

³⁹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 194.

ная ему. Тотем — тот элемент внешнего мира, который человек делает центральным, наделяет функцией субъекта культуры среди бесконечного множества других субъектов, возможно, враждебных. Выбор тотема более или менее случаен, как случайно и слово по отношению к предметной сущности обозначаемого явления. Субъективность же внутри личности оценивается самим человеком как нечто негативное, как возможность ошибки, отпадения, ереси. Тотем — некоторый носитель культурной программы, которая воспринимается как тождественная Я, прошлому этого Я, богатству культурных ценностей предков, социальному целому, роду, племени. Тотемизм требует от человека прогнозирования предполагаемых действий тотема для установления с ним комфортного общения, переходящего в партиципацию, сопричастие. Для тотемизма характерно постоянное стремление личности отдать себя под власть сильного как в сфере духа, так и в социальной жизни. Историк Я. Костомаров, описывая период царствования Ивана IV, говорил о холопах, которые становились свободными в результате гибели своих господ: «Свобода была им несвойственна, как рыбе воздух без воды: обыкновенно в Московской Руси освобожденный холоп делался снова холопом другого господина». Разбойники — бывшие холопы «не понимали никаких других отношений зависимости, кроме рабского повиновения тому, от кого получали жалования»⁴⁰. Следует лишь отметить некорректность определения отношений этого типа как рабства. Раб — собственность рабовладельца, он удерживается силой. В изложении же Костомарова речь идет о внутренней ориентации людей, которые никак себя рабами не ощущали.

Специфика конструктивной напряженности тотемизма заключается в том, что в качестве комфортного позитивного идеала выступает некоторый статичный неизменный идеал жизни и деятельности, идеал, воплощенный в тотеме. Тотем в конечном итоге в глазах человека — реальный субъект, носитель образов поведения, решений. Тотем — это фокус организации культуры. Он — неизбежный элемент синкретизма, т. е. нерасчлененности реальности в глазах человека, точнее, — отсутствие способности человека устойчиво расчленять культуру и природу, знак и обозначаемое, выделять устойчивые предметные формы. Для синкретического сознания тотем требуется как некоторый внешний для неупорядоченного хаоса элемент. В свою очередь, в тотемическом мышлении преобладает инверсионная логика как метод соотнесения осмысляе-

⁴⁰ Костомаров Н. И. Кудеяр: Историческая хроника М., 1982. С. 187.

мого явления с фокусом организованной культуры. Тотем выступает для личности как полюс приобщения, слияния. Но это возможно, если одновременно существует противоположный полюс — антитотем. Антитотем — это тотем враждебного сообщества. Чтобы причинить врагу вред, достаточно убить его тотем⁴¹. *Антитотем* — это оборотень, т. е. явление, которое лишь по видимости выступает как комфортный тотем, но на самом деле скрывает в себе вред, опасность. Антитотем враждебен, коварен, разрушителен. Тотем и антитотем — полюса конструктивной напряженности в состоянии амбивалентности. Конструктивная напряженность между ними как раз и есть организующая структура всего богатства культуры в древности. Если тотем несет программу позитивной конструктивной деятельности, то антитотем воплощает опасность, угрозу существованию сообщества, возможности антиэнтропийной деятельности. Антитотем — постоянный возбудитель активной деятельности, направленной против бесчисленных внутренних и внешних угроз, стимулятор, возбуждающий индивидуальную и массовую творческую энергию. В этом позитивное социокультурное значение антитотема.

Тотем выступает как единство воспроизводства культуры, социальных отношений (локального сообщества), личности. Каждый из этих элементов есть тотем и содержит в себе все остальные. Отсюда важнейший принцип синкретизма — «всё во всём». Тотем, потенциально содержащий в себе зародыш всей многообразной воспроизводственной деятельности, — это первоначало дальнейшего развития культуры данного сообщества.

ВЕЧЕВОЙ ИДЕАЛ

Современное мышление способно вычленить в тотеме множество составляющих, которые для человека времен господства тотемизма были неизвестны, не выступали как устойчиво вычленимые элементы. Это вычленение, однако, не может быть сведено лишь к логике, к познавательному процессу. Оно — результат конкретной исторической дифференциации реальной истории. Именно этот многовековой исторический воспроизводственный процесс, а не только его абстрактный логический аспект представляет первостепенный интерес для данного исследования.

⁴¹ Штернберг Л. Я. Первобытные религии в свете этнографии. Л., 1936. С. 477.

При анализе любого общества, включая и самое примитивное, важно выявить причины того, что люди при всем их разнообразии, различии ценностей тем не менее сохраняют единство, а следовательно, и целостность сообщества, общества во всех его масштабах. В формировании механизма этой целостности определяющую роль играет специфический для данной общности нравственный идеал, так как он содержит в себе программу воспроизводственной деятельности, менталитет и, следовательно, соответствует специфическим социальным отношениям.

Едиственный синкретический нравственный идеал, который можно обнаружить в первичных клеточках-сообществах древних славян,— это *вечевой идеал*. Он представляет собой *форму традиционного идеала*, через который в той или иной форме прошли (или еще не прошли) все народы и который лежит в основе истории народов (или, как иногда полагают,— предыстории). *В самом общем виде для традиционного идеала характерен синкретизм, преобладание ценности абсолютного, неизменного, приоритет структуры над функцией, отсутствие ориентации на повышение эффективности деятельности, превышающей исторически сложившийся уровень, преобладание монолога, инверсионных форм логики, постоянное стремление через партиципацию к тотему, постоянный страх отпадения, стимулирующий позитивную деятельность*. Название вечевого идеала идет от веча, т. е. от присущего первичным клеточкам-сообществам способа вырабатывать решения, определяющие воспроизводственную деятельность этого сообщества. «Образуются в поселениях общине совещания — веча (от вешать), такие же неопределенные, юридически не установленные собрания, как и весь тогдашний быт. То были сходбища семей для общего совещания — праматери теперешних крестьянских сходок, и столько же неправильные»⁴². На вече решали «сдумавши», т. е. взвешивая и обсуждая. Синкретический нравственный идеал неизбежно распадается в процессе усложнения общества, выявляя свою скрытую двойственность, дуальную оппозицию. Его полюса противоположны, но в то же время не могут существовать друг без друга. Они инверсионным образом переходят друг в друга на основе своей амбивалентной природы, способности к взаимопроникновению. Вечевой идеал включает в себя ориентацию на ценности первого лица как олицетворение комфортности, тотема, как идеал, положенный в основу воспроизводственной деятельности. Одновременно прямо противоположным образом

вечевой идеал ориентирован на ценности земли, почвы, т. е. на власть собрания локальных миров низшего уровня, на собрание глав семей, глав домов, входящих в мир. Процесс принятия решений в локальных мирах носит поэтому двойственный характер.

Принятие решения должно воплотить как единство, цельность локального мира, так и его многообразие, множественность мнений и обстоятельств. Решение должно быть единым, единственным, как бы воплощением голоса, монолога одного человека, говорящего от имени господствующего идеала высшей Правды. Но вместе с тем оно должно быть воплощением голоса каждого члена мира, члена организации, его целей и опыта. Решение должно содержать вечные ценности и необходимые новшества, т. е. многообразие единого. Эта амбивалентность нравственного идеала имеет свое организационное воплощение в сложном сочетании власти первого лица сообщества (главы патриархальной семьи, вождя племени, князя и т. д.), несущего функции военачальника, жреца, судьи, и власти веча — своеобразного народного собрания локального мира. Так что решение принимается и вождем, и каждым членом веча, который вносит в него свой специфический опыт.

Необходимость рассмотрения вечевого идеала как оппозиции двух взаимопроникающих полюсов вытекает из самой *двойственной сути тотема*, как несущего в себе скрытые внутренние различия. «Тотем всегда обоюден (двусторонний); и отдельный предводитель клана, и весь людской коллектив в целом»⁴³. Двойственность тотема определяется тем, что он есть и единый символ всего рода, воплощенный в вожде-предводителе, и единство всех его членов. Тотемизм — наглядное и очевидное олицетворение принципа «всё во всём». Эта двойственность культуры, языка в процессе усложнения общества определяет расчленение исторически исходного вечевого идеала на два амбивалентных идеала: соборный и авторитарный. Категория соборности, выработанная русской мыслью, констатирует существующую в массовой культуре с древнейших времен первичность «Мы», которая реализуется через взаимопроникновение индивидуальных монад. Соборность, как считали славянофилы, — это свободная братская общность, истоки которой можно видеть в жизни крестьянской общины. Вечевого идеала не следует рассматривать как синоним современных форм демократии с присущим ей плюрализмом и высокой ценностью личности. «Дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно сооб-

⁴³ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. С. 68.

ща»⁴⁴. Вместе с тем вечевой идеал постоянно и повседневно несет в себе авторитаризм. На вечевой сходке, которую можно рассматривать как воплощение соборности, участвовали лишь главы семей, домохозяева, первые лица локальных миров. Младшие члены семейства, работники, сброд (бездомники) в вече не участвовали. Вече было полем столкновения монологов, собранием авторитарных глав локальных миров низшего уровня. Эти главы синкретически отождествлялись со своими локальными мирами. Поэтому само решение веча, будучи монологическим, имело авторитарный смысл и в определенной ситуации приобретало авторитарную организационную форму, т. е. признавало над собой власть одного авторитарного лица (патриархальной главы, князя и т. д.). Решение веча носило авторитарный характер для своих членов, так как не признавало права меньшинства на особое мнение, независимых личностей. Если одно вече попадало под власть другого, то власть первого была авторитарна по отношению ко второму.

Локальность вечевого идеала в сочетании с эмоциональными механизмами принятия решений способствовала отождествлению локальной Правды семьи, рода, племени со всеобщей Правдой. Отсюда психологическая потребность в единстве, хотя бы в его видимости. В этих условиях *решение веча выступает не в качестве позиции большинства, но как единственно возможная точка зрения*. Решение веча воспринималось как абсолютное выражение Правды, не допускающее критики («против мира не пойдешь»). И так до очередного решения, которое может быть инверсией первого.

Как в глубине соборных институтов можно выявить их авторитарное содержание, так и в глубине авторитарных институтов можно обнаружить их соборное содержание. Власть первого лица может осуществляться лишь с общего согласия соборных институтов, членов сообщества, лишь на основе их общего согласия и готовности, активной или пассивной, выполнять его решения. Власть первого лица не может не опираться на согласие общества, она заглублена в почву. Однако возможность получить такую поддержку всегда проблематична. Отношение между двумя полюсами вечевого идеала определяется инверсией, т. е. прежде всего стремлением одного из полюсов полностью заместить другой. Отношение между ними может выступать как прямой конфликт, как битва монологов. Это объясняется вовсе не тем, что соборные институты всегда стремятся свести к нулю власть первого лица или первое лицо пытается подавить соборные институты, хотя и то, и

⁴⁴ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 37.

другое могло иметь место. Опасность лежит в самой инверсии, где каждый голос выступает как монолог. Монологичность каждого вечевого голоса органически связана с жесткой социальной организацией, со стремлением каждого человека усилить свой престиж в социальной системе.

Каждый член веча обладал определенным социальным статусом, авторитетом в глазах людей. Престиж определялся многими факторами, которые постоянно взвешивались, сравнивались в процессе принятия решений и составляли важнейший компонент всего процесса. Престиж зависел от численности, возможно, от богатства семьи, от влияния той организации, например, «конца» города, которую он персонифицировал. В обществе существовали «нарочитые мужи», «лучшие люди», которые в силу опыта, традиций и общественного положения обладали высоким престижем и оказывали решающее влияние на принятие решений.

В этой связи представляет интерес описание Ключевским веча Великого Новгорода. «На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать, на слух, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством. Это была своеобразная форма *поля*, суда божия... Иногда весь город „раздирался“ между боровавшимися партиями, и тогда собирались одновременно два веча, одно на обычном месте, на Торговой стороне, другое на Софийской; но это были уже мятежные междоусобные сборища, а не нормальные веча. Случалось не раз, раздор кончался тем, что оба веча, двинувшись друг против друга, сходились на большом волховском мосту и начинали побоище, если духовенство вовремя не успевало разнять противников... Древняя новгородская летопись, сухая и тусклая по изложению, не скупится на краски в описании „усобных ратей“ в родном городе и наглядно изображает, как разыгрывалась на площади внутренняя нескладница новгородской политической жизни. Автономия кончанских и уллицких обществ проявлялась в пренебрежении к верховному вече державного города»⁴⁵.

Вечевые институты, следовательно, несли в себе постоянную возможность конфликтов. Причем их острота и масштабы возрастали при усложнении общества. Недостаток вечевых ин-

⁴⁵ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 69, 89-90.

статутов заключался также и в том, что они не создавали основу для прекращения межплеменных усобиц.

Положение осложнялось тем, что границы страны были открыты как со стороны Востока, так и со стороны Запада. Через так называемые «ворота народов» — проход между Каспийским морем и Уральскими горами — с востока в Европу двигались азиатские народы, не встречая на своем пути практически никаких преград. На протяжении многих веков на пастбищах южнорусских степей сменяли друг друга различные племена кочевников-скотоводов.

Все это порождало дискомфортное состояние, что стимулировало стремление искать новые решения, порождало сдвиги в нравственном идеале. Его амбивалентный характер открывал для этого реальные возможности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ПЕРВЫЙ ЦИКЛ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

- I. Соборность, начало и крах государственности
- II. Господство раннего умеренного авторитаризма
- III. Новая государственность и господство идеала всеобщего согласия
- IV. Крайний авторитаризм и зрелость раскола
- V. Поздний идеал всеобщего согласия и либерализм
- VI. Поздний умеренный авторитаризм
- VII. Соборно-либеральный идеал и новая катастрофа

ГЛАВА I

СОБОРНОСТЬ, НАЧАЛО И КРАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

КАК ВОЗНИКЛО ГОСУДАРСТВО

Догосударственное общество, которое можно рассматривать как множество локальных миров, испытывало возрастающее дискомфортное состояние из-за усложнения жизни, внешних конфликтов, роста междоусобиц. В этих условиях нужна была иная, более сложная социальная организация. Ее воспроизводство могло происходить лишь на базе адекватного культурного основания, которое может быть только результатом накопления культурного богатства. Его использование опиралось в первую очередь на *экстраполяцию*, т. е. способность людей истолковывать нечто новое в представлениях, понятиях старого, уже известного, в формах сложившейся культуры. Например, индейцы Америки, впервые увидевшие лошадь, осмыслили ее как большую свинью, т. е. перенесли исторически сложившиеся представления на новое осмысляемое явление. Оно было тем самым интегрировано в соответствующую (суб)культуру, что было предпосылкой рассмотрения этого явления как комфортного. Теперь оно не вызывало замешательства, негативной реакции. Экстраполяция — важнейший механизм, обеспечивающий господство комфортного идеала, приобщение к нему личности, предотвращающий рост социокультурного противоречия между социальными отношениями и культурой. Этот механизм заложен в большом законе семантизации, по которому такие понятия, как «раб» или «царь», существовали до рабства и до царской власти¹.

Экстраполяция как логическая форма открывала возможность распространить ценности локального мира на значительно большую сферу социальной реальности, воспроизводить государственность по образу и подобию патриархальной семьи,

¹ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 45.

локальных сообществ. Это открывало путь к возникновению нового для человечества феномена — к формированию государственности, хотя и на основе неадекватных ей культурных форм, но в тех формах, которые были близки и понятны людям, выходящим из догосударственного и безгосударственного состояния. Вече, как собрание в рамках локального мира, выступило основой при формировании собрания локальных миров, собрания племен, всех частей *возникающего большого общества*. Вечевые идеалы локальных миров при возникновении государственности, большого общества могли быть единственной нравственной основой.

В вечевых собраниях участвовали прибалтийские, финно-угорские и другие племена, составлявшие коренное население данной территории, а также пришельцы, которым дозволялось селиться на ней, — берендеи, печенеги и др. Необходимость управлять более крупными, нежели локальный мир, образованиями приводила к формированию иерархии вечевых институтов. Большому миру, как писал И. Д. Беляев, «подчинялись средние миры, а средним меньшие, так что каждый мир подчинялся вече того мира, к которому он тянул по земле и воде, или иначе — на земле которого он стоял». Вече управляло сельской общиной, но оно могло охватывать большие миры, т. е. город с тяготеющей к нему территорией. Оно могло охватывать племя. В городе, кроме общегородского вече, могло существовать также вече улиц и концов города. Причем этим мирам свойственна внутренняя однородность независимо от их размеров. И. Д. Беляев говорил о «внутреннем, более или менее одинаковом устройстве общественной жизни на всех ступенях общества, начиная от старшего города до семьи»². Эта «одинаковость» была результатом экстраполяции.

Русские историки XIX века, тяготеющие к славянофильству, обращались к специфическим формам жизни древних славян как к основе русской государственности, видя в них определяющий для последующей русской истории фактор. И. Е. Забелин писал: «Род налагал свой нравственный отпечаток на все социальные отношения в обществе, вносил всюду родственные отношения, придавая власти царя отеческие черты, устанавливал братские отношения». По мнению К. Аксакова, И. Беляева, В. Лешкова, древняя общинность легла в основу сельской сродки, вечевого собрания, земского собора. «Отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его истории, состоит в общинности, в общинном быте, в способности составлять общины и постоянно держаться общин-

² Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 13.

ного устройства, порешая все при посредстве общины»³. В основе общины лежит «семейное складство, „печище“, и следы такого семейного происхождения общины не всегда затерлись еще и в XVII в., если обратить внимание на прозвища поморских крестьян»⁴. Беляев объясняет самый процесс объединения Руси воздействием общины. Общинный порядок сохранялся тем вернее, чем ненадежнее и бедственнее была жизнь русского крестьянина.

К. Кавелин выводит русскую государственность из рода: «В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, — именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно так выразиться, древнейшая, первобытная и простейшая ячейка оседлого общежития. Этот начальный общественный тип играет большую или меньшую роль во всех мало развитых обществах; но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великороссов»⁵. По мнению К. Кавелина, родовой быт пропитал все явления русской жизни, с чем полностью соглашался и С. Соловьев. Все более поздние и сложные формы социальных отношений, сообществ формировались на базе синкретического идеала, его социокультурной ячейки. Иначе и быть не могло, поскольку древние славяне никакого иного идеала не знали. Эти социальные структуры экстраполируются через культуру.

Язык древних славян позволяет полагать, что все свои взаимоотношения славяне истолковывали через родственные отношения. «Посмотрите же, как крестьяне понимают свои отношения между собою и к другим. Помещика и всякого начальника они называют *отцом*, — себя — его *детьми*. В деревне старшие летами зовут младших *ребятами*, *молодками*, младшие старших — *дядями*, *дедами*, *тетками*, *бабками*, ровные — *братьями*, *сестрами*. Словом, все отношения между родственниками сознаются под формами *родства* или под формами, прямо из него вытекающими... В древнейшие времена русские славяне имели *исключительно* родственный, на одних кровных началах и отношениях основанный быт... В эти времена о других отношениях они не имели никакого понятия, и

³ Мешков В. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. СПб., 1858.

⁴ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 105.

⁵ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. СПб., 1866. Июнь. С. 349-350.

потому, когда они появились, подвели и их под те же родственные, кровные отношения»⁶. В. Лешков находил слова «челюдь», «холоп», «раб» созвучными словам, обозначающим происхождение. Первоначальный смысл слова «князь» — отец, основатель рода. Новобрачных, как основателей новой семьи, именуют князем и княгиней. Глава рода мог носить название старца, жупана, владыки, князя. С. Соловьев полагал, что слово «князь» происходит от того же корня, что и латинское слово «генитор» — «родитель». Представление о первом лице складывалось под непосредственным влиянием этих отношений, образа отца, который должен заботиться о своих детях, опираясь на свой авторитет, на авторитарный характер своей власти, на казавшийся естественным свой престиж.

Тотемизм несет в себе громадный, исключительно стойкий культурный потенциал. Развитие тотемизма приводит к тому, что центральным героем мифов-преданий становится «потомок» тотемных предков. Возникает способность отчленять тотем от его потомков, которые, однако, несут на себе функции тотема. На этой основе формируется возможность рассмотрения царя, вождя как носителя функций тотема. Например, в Древнем Египте основными тотемами были бык, сокол и лев. Они были неразрывно связаны с царем. Сокол был также и одним из тотемов славян. Он стал княжеским знаком, изображался, в частности, на монетах Рюриковичей X-XI веков. Образ сокола соответствует символике «Слова о полку Игореве», где он обозначал того или иного князя. «Сокол» в эпическом творчестве находится в оппозиции к «черному ворону»⁷. В культуре не было запретов на перенос, экстраполяцию того или иного представления о тотеме на первое лицо, от локальных первобытных сообществ на князя, в конечном итоге, на первое лицо государства. Это создавало культурную основу для формирования большого общества, государства на базе неадекватной этой задаче тотемно-родовой культуры.

ЧТО ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ОБЩЕСТВО

Специфика большого общества заключается в том, что оно уже не может, в отличие от локального сообщества, опираться лишь на группы людей, которые все лично знают друг друга, находятся в эмоциональном контакте. В большом обществе отношения между ними неизбежно приобретают абстрактный ха-

⁶ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 15-16.

⁷ Криничная Н. Я. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 17.

рактически на эмоциональные личностные отношения накладываются абстрактные безличностные. При этом люди древности могли думать, что, формируя вече большого масштаба, они остаются жить в локальном мире.

Здесь следует обратить внимание на возникающие в результате *экстраполяции* различия между массовыми представлениями о своем сообществе, сложившимися в культуре, и реальностью этого общества, реальными социальными отношениями. Например, возникающая государственность может опираться на некоторое меньшинство, которое в своих действиях апеллирует к реальной или мнимой внешней опасности, активизирует массовое представление об угрозах антитотема. Возникает государство, которое и есть особая организация власти, сознают ли это люди или нет. Но вместе с тем в обществе возникают и различные социокультурные группы, имеющие различные, подчас противоположные представления о государственности. Возникают социокультурные противоречия, возможность нарушения социокультурного закона, которое в конечном счете неизбежно порождает в обществе очаги дезорганизации, источники социальной энтропии. В. Ключевский на примере вечевой системы убедительно показал, как возникают такие очаги дезорганизации, как в большом городе вечевая система спонтанно перерастает в мятеж, в анархию, в дезинтеграцию. У новгородского веча «мятеж был единственным средством сдерживать правительство, когда оно, по мнению народа, угрожало народному благу». Город оказывался под угрозой распада: «При неумелом или своекорыстном обращении центра с местными мирами эта общность политической основы стала причиной земской розни в Новгородской области. Неурядицы и злоупотребления, шедшие из Новгорода в пригороды и волости, побуждали их стремиться к обособлению, а местная автономия давала к тому возможность... В минуту последней решительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псков и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки или даже послали свои полки против него на помощь Москве». Хотя «ни в каком другом краю древней Руси не встретим такого счастливого подбора условий, благоприятных для широкого развития политической жизни,— пишет Ключевский,— непримиримые противоречия политической жизни Новгорода стали роковой причиной внутреннего разрушения его вольности»⁸.

Перерастание процесса принятия решений в конфликт объяснялось прежде всего тем, что институт веча, когда он

⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 91, 99, 97-98.

объединял такую большую социальную организацию, как Новгород, не мог обеспечить его интеграцию: архаичная форма не соответствует масштабу подлежащих решению проблем. Так конкретно проявлялось социокультурное противоречие между древней культурой и новыми социальными отношениями. Шла ожесточенная борьба между городом и локальными мирами. Даже Новгородские восстания XII — начала XV века сохраняли в значительной степени черты борьбы между «концами». Пример Новгорода показывает, что на пути к большому обществу возникают острые противоречия.

Экстраполяция никогда не выступает в чистом виде. Она всегда амбивалентно связана с другим полюсом — с *интерпретацией*, которая, как и экстраполяция, есть всеобщий атрибут человеческого мышления, а в конечном итоге и воспроизводства. Субъект интерпретации — отнюдь не только элита общества, но и люди вообще, которые своей повседневной деятельностью в конечном итоге решают, какие именно социальные отношения воспроизводить, питать своей социальной энергией, а какие можно оставить на произвол судьбы как чуждые, непонятные, дискомфортные. Логически преодоление противоречия между полярными категориями происходит в процессе поиска меры между ними. Близость этой меры к древним ценностям создает предпосылки для того, чтобы племенные ценности выступали как основа для институтов, выходящих за локальные рамки, для государства, самодержавия и т. д. Процесс осмысления — напряженный поиск меры для преодоления полюсов дуальной оппозиции, и в процессе этого поиска мера каждого акта осмысления, проходящего в рамках вечевоего идеала, смещается либо к полюсу экстраполяции, что в данном случае означает тяготение к ценностям локального мира, либо к интерпретации, что может открыть путь к осмыслению ценностей большого общества. Любое смещение меры в ту или другую сторону, очевидно, свидетельствует, что в обществе всегда существует альтернатива. Альтернативность выбора имеет повседневное, жизненно важное значение для общества, для деятельности каждого его члена. Вместе с тем она свидетельствует о постоянной возможности разрушения чистоты древнего синкретизма, слепой веры в природный тотем, что, однако, не означает его уничтожения как ценности, как некоторого страстно желаемого идеала, как устремления к милому идеализированному детству. Альтернативность свидетельствует о необходимости смещения меры к полюсу интерпретации, о

⁹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины)// Исторические записки. М., 1979. № 103. С. 270.

неизбежности подведения под государственность адекватной ей культуры, о тенденции к снятию социокультурного противоречия. Возможность такого сдвига в переосмыслении исторически сложившейся культуры, унаследованного нравственного идеала является одной из форм человеческой свободы, позволяющей не только следовать прошлому, но и противостоять инерции истории. Следование социокультурному закону в большом обществе, особенно в условиях, когда в значительной степени господствуют догосударственные, локальные формы культуры, превращается в сложную и мучительную задачу. Интерпретация, как и экстраполяция, их взаимопроникновение в процессе поиска меры между ними — важнейшая и сложнейшая логическая, культурная, психологическая и одновременно социальная проблема, особенно на ранних этапах развития большого общества.

Большое общество несет в себе опасность больших конфликтов, опасность необратимой дезорганизации, катастрофы. Поэтому его существование, воспроизводство возможно лишь при условии, что одновременно со своим становлением оно создает достаточно эффективные средства для предотвращения стихии, дезорганизации. Важнейшее из таких средств — государство как организационное воплощение интеграции общества, как объединяющий его костяк. Государство — *медиатор*, т. е. некоторый механизм, постоянно нацеленный на интеграцию общества. Медиатор и государство в принципе тождественны. Однако в определенных социально-исторических условиях роль медиатора могут выполнять и другие, весьма разнообразные социальные институты (партия, церковь, профсоюзы и т. д., потенциально — все общество).

Для обеспечения интеграции общества в сложных, постоянно изменяющихся условиях государство должно все время решать *медиационную задачу*. Последняя является особым частным случаем преодоления социокультурного противоречия, следования социокультурному закону. Решать медиационную задачу — это значит преодолевать противоречия между массовым сознанием, т. е. культурой, господствующей в обществе, точнее ее массовой основой, и интеграцией общества, его организационной формой.

Медиатор — специализированный орган, нацеленный на поиск меры между конфликтующими силами. Большое общество может существовать лишь тогда, когда социальные отношения, организация целостности воспроизводятся членами общества. Если не всеми, то во всяком случае большинством, его достаточной частью. Без хотя бы слабого массового тяготения к воспроизводству большое общество и государственность

существовать не могут. Социальная функция медиатора — превратить это слабое стремление посредством простых, а возможно и сложных методов в опору, ресурс, источник социальной энергии для собственного воспроизводства. Трудность решения медиационной задачи заключается в том, что культурная программа массового сознания может носить утопический, догосударственный характер. Например, в массовом сознании может господствовать представление, что большое общество создается лишь путем пространственного раздвижения локального сообщества, увеличения его состава. Между тем увеличение масштабов любой системы требует качественных изменений в ней. Медиатор, государственность призваны в любой ситуации решить эту задачу. Этот процесс возглавляется *правящей элитой*, т. е. особым социальным слоем, субкультура которого включает ценность государственной жизни. Профессиональная функция этого социального слоя — управление, обеспечивающее социальную интеграцию. Медиатор возможен и необходим в диапазоне условий, теоретически ограниченных, с одной стороны, полным нежеланием, неспособностью людей поддерживать, воспроизводить государство, полным отсутствием ценностей большого общества в культуре людей, что исключает возможность государства, с другой — максимальным развитием среди граждан культуры, включающей эти ценности и делающей особый бюрократический слой излишним. Понять специфику государственности в любом случае можно, лишь определяя степень ее приближения к тому или иному граничному условию.

Государство необходимо в той степени, в какой граждане не в состоянии, не хотят, не могут решить задачу интеграции в масштабе общества в интересах всей страны, замыкаются в своих локальных мирах, преследуют свои узкие цели. Но при этом они могут передавать, делегировать первому лицу, бюрократии возможность управлять обществом. Государство было бы не нужно, если бы люди расценивали ценности целого как свои собственные, если бы конструктивная напряженность личности совпадала с конструктивной напряженностью общества. Решение медиационной задачи может оказаться невероятно трудным, если сознание масс тяготеет к догосударственным ценностям, когда ценности большого общества в культуре слабы и односторонни. Оно требует постоянного нахождения меры для соединения организации общества и культуры, для отхода от манихейских крайностей, для повседневной, подчас мучительной работы над углублением культуры, совершенствованием организационных форм интеграции общества.

Медиатор может столкнуться с ситуацией, когда вектор конструктивной напряженности широких масс оказывается весьма далеким от вектора конструктивной напряженности, способного обеспечить интеграцию. Возможна ситуация, когда развитие ценностей интеграции, ценностей укрепления центральной власти в глазах масс будет выглядеть как дискомфортный процесс, как действие сил мирового зла. В этой ситуации каждый шаг, предпринятый для укрепления порядка, воспринимается массами как рост хаоса, дезорганизации. Две силы общества — та часть общества, которая склонна к формированию государства, и широкие массы, не склонные искать меру единства,— вступают в конфликт, часто ожесточенный, толкающий к катастрофе. Рост сложности проблем неизбежно толкает людей не только к экстраполяции, но и к интерпретации сложившихся форм жизни, культуры, социальных отношений, вечового нравственного идеала, к поиску альтернативы ему в форме соборного и авторитарного идеалов.

История человечества показывает, что далеко не каждый медиатор находится на высоте своих задач. Об этом говорят многочисленные примеры гибели могущественных государств. Катастрофам предшествовали усиление социальной энтропии, дезорганизации, падение способности социальных институтов обеспечивать интеграцию, следовать социокультурному закону, решать жизненно важные задачи в условиях усложнения общества.

ГОСПОДСТВО СОБОРНОГО ИДЕАЛА

Определенная степень свободы в поиске меры преодоления оппозиции экстраполяции и интерпретации в процессе воспроизводства большого общества означает, что в этом процессе возможны односторонние решения. Экстраполяция вечового идеала в условиях большого общества может перерасти в интерпретацию, направленную на одностороннее преувеличение значения соборного аспекта и игнорирование авторитарного. На этой основе при возникновении первой государственности на Руси происходил отход общественной жизни от ситуации «одинакового устройства на всех ступенях общества»¹⁰. Оба начала, очевидно, всегда в какой-то степени конкурировали между собой на локальных уровнях. «По мере того, как возрастала особенность семей и они вживались в свои особенные интересы, единство общин продолжало ослабевать. Власть из рук общинных старейшин переходит к главам семейств, к ста-

¹⁰ *Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 13.*

рейшинам отдельных, родственных союзов. Наконец первые исчезают и избираются только в случае войны или опасности. Их место заступают вечевые собрания»¹¹, что, однако, приводит к росту междоусобиц.

Негативные последствия прямой экстраполяции заставляли людей прощупывать разные варианты отхода от прямолинейности следования старому идеалу в новых условиях. Государственность могла образоваться в результате попытки сместить идеал к соборному полюсу, соответствующему перераспределению престижей. Это обстоятельство не нашло должного понимания в исторической науке, которая слишком часто односторонне пыталась изобразить историю России в авторитарном ключе. Институту веча, понимаемому как противоположность авторитаризму, не повезло в русской исторической науке. Еще древние летописцы видели в нем проявление «силы ненавистника человеческого рода». Большинство русских историков, за исключением И. Беляева, В. Сергеевича, невысоко оценивали этот институт. Крупнейшие русские историки С. Соловьев и В. Ключевский не видели ни в вече, ни в земских соборах органических элементов русской жизни. Община представляла для них интерес лишь в первоначальных ее формах. Советская историческая наука также давала весьма смутное представление о роли синкретического веча, его массовых интерпретаций в истории страны.

Специфика соборного идеала хорошо просматривается в памятнике древнерусской литературы конца XII века «Слово о полку Игореве». Его идеал — единство, братский союз князей. Причина неурядиц в стране лежит не в той или иной организации общества, но в характере и поведении князей, в отсутствии у них единства, соборного согласия, в том, что они «розно несут» Русскую землю. Идеал автор «Слова» видит в том, что «князья возродят былое единство, верность крестному целованию, что брат перестанет говорить брату: „Се мое, а то мое же“. Поэтому автор „Слова“ не только осуждает князей как виновников „невеселой години“, но и прославляет их как будущих спасителей Русской земли»¹². Идеалом, следовательно, является своеобразное вече глав локальных миров, собрание князей, олицетворяющих части единой страны¹³. О единовластии одного князя над страной не могло быть и речи.

¹¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 27.

¹² Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX века // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 341.

¹³ «Съезды князей... соответствуют вечам в истории общин» (Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 34).

Государственность, следовательно, формировалась как экстраполяция на ее вершину соборного института, т. е. власти над страной династии, которая осуществляла некоторое подобие коллективного управления, где, однако, местнические интересы преобладали над общими. Единовластие единого князя над всей страной существовало как некоторый находящийся на заднем плане нравственный идеал. В. Ключевский писал: «Единовластие до половины XI в. было политической случайностью, а не политическим порядком...» Если единовластие и имело место для княжения Ярослава, то после его смерти оно не повторилось; никто из его потомков, по свидетельству летописи, не принимал «власть русскую всю», не был «самовластцем Русской земли»¹⁴. И далее, Ключевский так характеризует статус князя в этой ситуации: князья «видели в себе не столько владетелей и правителей Русской земли, сколько наемных кормовых охранителей страны, обязанных „блюсти Русскую землю и иметь рать с погаными“. Корм был их политическим правом, оборона земли их политической обязанностью, служившей источником этого права, и этими двумя идеями исчерпывалось все политическое сознание тогдашнего князя»¹⁵.

Варяжские князья ограничивались военной деятельностью и взиманием дани, на первых порах принимая минимальное участие во внутриплеменных делах славян. В X веке у князя не было права суда, но он мог выступать как третейский судья в вечевых спорах. Население видело в фигуре князя символ единства и благополучия его подданных. Однако князь не правил самовластно даже в собственной дружине. Соборный идеал господствовал не только в массовом сознании, но и в княжеском окружении. Окружавшие его бояре составляли своего рода вече при князе, без которого он был не вправе выносить важные решения. «Оторвавшаяся от общины, дружина воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве»¹⁶.

Смерть князя-отца означала, видимо, разрыв всех политических связей земель, в которых княжили его сыновья. Младший князь, недовольный действиями великого князя, мог не подчиняться его воле. Эта система не выдержала давления локальных устремлений. Власть князя была ограничена. В обществе не развивались представления о безусловной верности князю. Соборные институты могли не только удалить князя,

¹⁴ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 169-170.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы // История СССР. 1991. №4. С. 55.

но и разграбить его двор и даже убить его. Спустя два года после призвания на княжество Рюрика ему пришлось пойти на военное столкновение с новгородцами. Общеизвестен конфликт князя Игоря с племенем древлян, приведший к гибели Игоря. Один из договоров, заключенных новгородцами с князем, гласит: «А самосуда ты, князе, не замышляти». Князь ставился в зависимость от условий договора и должен был подчиняться голосу веча. Согласно соборному идеалу, он выступал как родоначальник, власть которого ограничивалась властью народной Правды. Институт веча фильтровал, задерживал те культурные мутации, которые содержали угрозу авторитарности, тем самым население защищалось от произвола княжеских слуг. Епископ Симеон Тверской (XIII век) писал, что княжеские слуги способны «напуститься на людей ради денег, как голодные псы на мясо». Защиту населения обеспечивали городские и сельские общины, а также система открытого судопроизводства. На сходах княжеские слуги могли получить серьезный отпор.

Киевская Русь — яркая страница в истории страны, время относительно высокой общественной активности. Политическая жизнь в городах была ключом. Население видело в проблемах города, княжества свои личные проблемы, острые политические моменты (например, случаи обвинения в ереси) будоражили всех, широко обсуждались на торгу, на улицах. Согласно летописным свидетельствам, вече, противостоящее князьям, характерно для всех городов Киевской Руси. В таких городах, как Киев, Новгород, Ростов Ярославский, Владимир, вече правило городом, ставило и низвергало князей. Из 50 киевских князей 14 были приглашены вечем. Оно представляло главную политическую силу, которая вправе была требовать от князя тех или иных мероприятий. Иногда вече самостоятельно проводило мирные переговоры, устанавливало размеры денежных сборов. Деспотические тенденции княжеской власти, стимулируемые требованиями обороны, смягчались, парализовались традициями общей ответственности, идущей из глубин истории. Княжеская власть следовала соборному принципу не только по необходимости, но и по убеждению. И. Беляев заметил, что в княжеских междоусобицах тот князь оказывался сильней, кто опирался на вече. Стремление князя к единению с вечевой организацией нашло яркое выражение в княжении Владимира Мономаха (1113-1125). Сознание важности такого единства унаследовали преемники Владимира. В это время была даже попытка созыва общерусского веча.

ПЕРВАЯ КАТАСТРОФА

Итак, возникновение государственности, большого общества означало возникновение конструктивной напряженности, где позитивный полюс — соборность как высшая ценность. Другой полюс связан с оценкой авторитарного начала, воплощаемого во власти князей, которая не должна выходить за рамки господства соборного идеала. Выход княжеской власти за рамки соборности к авторитаризму возбуждал дискомфортное состояние, отпадение от княжеской власти.

Тем не менее сложившийся порядок не гарантировал от роста социокультурных противоречий. Большое общество, государственность оказались пропитаны локалистскими принципами. Возник разрыв между культурой, тяготеющей к большому обществу, и социальными отношениями локального типа. Соборные институты по своей природе основаны на принципе непосредственных эмоциональных связей людей, знающих друг друга и потому внутренне не готовых воспринимать большое общество и обеспечивать его воспроизводство. Целое осталось без поддержки основной части общества, без эффективных институтов. Распределение престижей соборного идеала было таково, что локальные силы ослабляли князей, их съезды. Сила варяжских дружин позволяла князьям противостоять силам локализма, но процесс растворения варягов среди местного населения ослаблял возможности такого рода. Вся жизнь пронизывалась локализмом, правящий слой не только не мог бороться против этого, но сам был под властью догосударственных ценностей. Возрастала тяга князей к вотчине, склонность прежде всего получить отцовское наследие. Это имело по крайней мере два важных последствия: усиливало распад уделов, общий поток локализма, но одновременно создавало локальную организацию, в пределах которой усиливался и стимулировался авторитаризм, и вместе с тем для него возникали организационные основания.

Со смертью Ярослава фактически окончилась зависимость князей от Киева, страна распадалась, княжеские династии и отдельные князья враждовали между собой, авторитет княжеской власти падал, уделы дробились подчас до мизерного размера. В XII веке страна представляла собой несколько слабо связанных между собой территорий. Князья нападали на соседние княжества, выжигали села, грабили и истребляли запасы, убивали людей. Цель нападений состояла не в территориальных захватах, а в добыче пленных — собственных соотечественников — для продажи их в рабство. Участились нападения на русские земли извне. «Под гнетом этих тревог и

опасностей, при возрастающих усобицах князей почва общественного порядка в Киевской Руси становится зыбкой, ежeminутно грозившей погромом; возникло сомнение в возможности жить при таких условиях»¹⁷.

После смерти сына Владимира Мономаха Мстислава (1125—1132) единое древнерусское государство прекратило свое существование. Сам Киев пал жертвой междоусобиц; в 1169 году он был приступом взят несколькими князьями и беспощадно разграблен. Не пощадили ни женщин, ни детей, ни храмов. Население массами покидало страну, уходило на Запад — в Галицию, Польшу, а также на северо-восток, в Суздальский край. Татаро-монгольское нашествие 1237—1240 годов застало страну в раздроблении и запустении. После подчинения Северо-Восточной Руси Золотой Орде остальная часть русских земель была завоевана литовцами, которые не встретили значительного сопротивления.

Попытка создать устойчивую государственность, систему интеграции общества, решить медиационную задачу окончилась неудачей. Это объяснялось неэффективностью попыток положить в основу воспроизводства государства, организации управления большим обществом соборный идеал, который по самой своей сути был эффективным лишь в локальных сообществах. Его экстраполяция на большое общество должна была быть дополнена углубленной интерпретацией, отвечающей специфике качественно новой задачи. Однако для ее решения не хватило сил. Для этого общества были характерны определенные тенденции формирования феодализма. Однако результат мало походил на европейский феодализм с его сочетанием вассалитета и феода, корпоративностью, формированием трех уровней иерархии общества: массового слоя локальных сообществ (общин), слоя среднего уровня (собственников, устойчивых владельцев средств производства — земли, получающих за нее ренту и осуществляющих власть над нижним уровнем в своих регионах) и высшей власти (сакральной точки, воплощающей единство страны). Контуры этого порядка на Руси лишь просвечивались как некоторая возможность. Верхний уровень не сложился, средний обанкротился в ходе междоусобиц, нижний оказался под угрозой потери национального существования. Произошла первая в истории страны национальная катастрофа, связанная с необратимой дезорганизацией, с распадом, с конфликтом частей общества между собой, с беспомощностью перед внешней силой.

¹⁷ *Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. С. 280.*

Внутренняя слабость и дезорганизация, неспособность разрешить социокультурное противоречие между потребностью в социальной организации большого общества и сложившимся господствующим соборным идеалом явились причиной национальной катастрофы. Завоевание земель Киевской Руси Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским было лишь следствием этого.

ГЛАВА II

ГОСПОДСТВО РАННЕГО УМЕРЕННОГО АВТОРИТАРИЗМА

НОВАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В БЕДНОЙ СТРАНЕ

Крах Киевской Руси был одновременно банкротством соборной версии догосударственного вечевого идеала. Катастрофа на уровне психологии, содержания культуры, на уровне массовой воспроизводственной деятельности вызвала массовое дискомфортное представление об активности сил зла. Оно в чисто логическом аспекте означало возникновение мощного стимула, включающего инверсию — движение господствующего нравственного идеала от соборности, от соборной версии догосударственного вечевого идеала к господству противоположной, авторитарной версии. Новый идеал, который представлялся теперь все более комфортным, характеризовался прежде всего ориентацией на высшую власть, на тотем, на первое лицо как на носителя высшей Правды. Общество ответило на катастрофу этой альтернативой, однако она уже содержалась в арсенале накопленного богатства культуры, прежде всего в самой элементарной клеточке движения вечевой культуры.

Новая версия послужила основой для ее экстраполяции на большое общество, на государство. Этому повороту способствовали значительно более трудные условия жизни на новом этапе. Центр страны переместился на северо-восток. Началась история великороссов. К. Кавелин заметил, что с XIII века развитие государственности протекало в наименее культурных областях Древней Руси. С его точки зрения, ссылки на татаро-монгольское завоевание для объяснения низкого культурного уровня нового общества недостаточно. Он писал: «Значение ига сильно преувеличивается... Напрасно станем мы отыскивать следов органического влияния кочевников на нашу жизнь». Новая родина была «печальна и сурова», население разбросано, разобщено, отрезано друг от друга лесами и болотами. Природные условия были существенно иными, нежели в

Киевской Руси. Их суровость породила менее благоприятные условия для хозяйственного развития, для воспроизводства ресурсов. В Киевской Руси преобладало доземледельческое хозяйство. Земледелие медленно вращало в охотничьи промыслы и вытесняло их. Оно выдвинулось на первый план в XI-XII веках. Важно, что земледелие создает менее благоприятную основу для развития меновых отношений¹. Это обстоятельство, очевидно, сыграло определенную роль в существенном падении значимости торговли на новом этапе развития общества. Суровая и продолжительная зима оставляла на земледельческие работы пять-шесть месяцев в году, ограничивала возможности животноводства. В стране были плохие почвы, ненадежные осадки, низкая урожайность. Природные условия затрудняли развитие дорог, торговли, географической специализации производства, обмен производственным опытом.

Любопытна оценка, которую дает хозяйству того времени американский ученый Р. Пайпс. Сравнивая хозяйство разных народов, он указывает, что коренное финское и тюркское население рассматривало земледелие как побочное занятие относительно охоты, рыболовства, скотоводства. «Русские поступили по-другому. По всей видимости, сделанный ими упор на земледелие в самых неблагоприятных природных условиях является коренной причиной многих трудностей, которые сопровождали историческое развитие»² России. До XVI века на Руси преобладала подсечная система земледелия и полукочевой образ жизни ввиду низкого уровня земледелия. Только во второй половине XVIII века в центрально-черноземной полосе трехполье стало преобладающим, хотя применялись и подсека, залежь, перелог³.

Население деревень находилось во власти синкретических представлений, оно не могло подняться над повседневными интересами. Условия не способствовали сплочению народа и развитию широких интересов. Обилие незанятых земель позволяло земледельцу передвигаться в поисках пашен, не истощенных эксплуатацией, на необозримых пространствах. Семья в одном поколении меняла не один десяток таких заимок. С. Соловьев называл русское крестьянство «жидким элементом русской истории». Малолюдность, обширность территорий, возможность переселения в более отдаленные, более безопасные

¹ *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Ч. 2. С. 31, 34, 37.

² *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 5. См. также: *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 37-56.

³ История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 3. С. 326.

районы были факторами сохранения самобытности восточных славян. Условия их жизни стимулировали преобладание авторитарной версии древнего синкретического идеала. Для этого общества были характерны натуральная система хозяйства со слабо развитой торговлей, зависимость от природной стихии, а также экономическая слабость личности, общая бедность. *Если Киевская Русь развивалась на городской основе, то основу возникшего Московского государства составляла деревня.* М. Покровский характеризовал новое государство — московский этап — как «более захолустный, провинциальный»⁴. Не последнюю роль сыграл разгром городов Батьем, что способствовало перемещению власти от городского веча к князю и нанесло удар товарно-денежным отношениям, возможности накопления капитала. Это стимулировало не интерпретацию князя в понятиях магдебургского права, а укрепление представления о нем как о тотеме.

Власть главы семьи, дома, локального мира служила почвенным стимулом для авторитаризма. Усиление княжеской власти, воплотившей авторитаризм, было возможно на основе давно зревшей уверенности, что без князя невозможно воевать, сражение может быть проиграно лишь в силу отсутствия полководца — князя. Развитие авторитаризма стимулировалось культурными представлениями, идущими из древности. В «Слове о полку Игореве» князя назывались «Дажьбожьими внуками», т. е. потомками божества — солнца, солнечного дня. Дажьбог был Царем-Солнцем, мифическим родоначальником русских людей. Интересно, что «имя этого солнечного божества имеет явно иранский облик». Последний русский великий князь-язычник Владимир именовался в былинах Владимиром-Солнцем⁵. Следовательно, культурное наследие способствовало тому, чтобы первое лицо в государстве могло вписаться в нравственный идеал, выдвигающий князя в качестве источника, носителя высшей Правды. Кстати, по Марру, «изумительное до невероятности русское слово правда, восходя по семантической палеонтологии к „солнцу“, имеет скифо-сарматское происхождение»⁶. Царь как преемник князей вписывался в ту же культурную основу. В результате крещения Руси первое лицо стало помазанником Божьим, что «не отменило, но возвысило и подтвердило дохристианскую

⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 48.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 266; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 247, 652, 864.

⁶ Марр Н. Я. Избранные работы: Основные вопросы языкознания. Л., 1936. Т. 2. С. 256.

веру»⁷, т. е. имела место полная культурная преемственность. Так создавались необходимые условия для экстраполяции на большое общество авторитаризма, для отхода соборности в тень. «Идея морального единства всей „братии“ уступила место безусловному политическому подчинению всех остальных перед „старшим“ их господином»⁸.

Следует отметить, что создание государственности, формирование большого общества часто сопровождается принятием новой религии, которая должна создать для этого более адекватную, чем местные верования и традиции, культурную основу. Принятие православия, господствовавшего в Византии, отвечало этой цели в значительно большей степени, чем ограниченный пантеон языческих богов, который создавался в Киеве. Христианство способствовало достижению поставленной цели не только монотеизмом, но всеобщностью своих представлений, способностью объединять людей в неограниченном масштабе независимо от их принадлежности к той или иной локальной общности. *Тенденция к максимальному слиянию церкви и государства* содействовала формированию культуры, соответствующей воспроизводству авторитаризма. Тем не менее значение церкви не могло быть решающим, так как выявились в конечном итоге недостаточный интерес ее к участию в решении социальных проблем, возрастающая зависимость от государства, что в итоге ослабило общий поиск наилучших форм жизни. Кроме того, само влияние церкви на исторически сложившийся менталитет было не слишком велико.

Для понимания сути нового общества следует различать нравственный и социальный аспекты проблемы. В каждом случае необходим анализ социальных отношений, сообщества, которое объективно лежит в основе сложившихся ценностей, в процессе их экстраполяции на государственность. Если ячейкой первой государственности было вече в его соборной интерпретации, то второе государство строилось на основе удельной вотчины, обособленного, самостоятельного княжества. Население отдавало себя под покровительство вотчинника, экстраполировало на него односторонние представления об отце, тотеме и т. д., видело в отдаче себя вотчиннику, в участии к нему как внешней силе предпосылку собственного существования. Вотчина была, с одной стороны, результатом односторонней экстраполяции синкретического идеала на более высокий этаж организации общества, а с другой — предпосылкой для дальнейшей экстраполяции этого идеала на масштаб всего об-

⁷ Дугин А. *Континент Россия*// *Континент Россия*. М., 1990. С. 56.

⁸ Миллюков П. Н. *Очерки по истории русской культуры*. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 1. С. 33.

щества. В вотчинах, рост которых имел место в XI-XII веках, структура власти основывалась на власти отца. Это послужило основой тому, что «переход к государственному подданству произошел... от подданства-министериялитета, подданства в холопской форме. Типологически русский вариант деспотического самодержавия близок византийскому, в котором также не было развитого вассалитета»⁹. Термин «отчина» экстраполировался на большое общество. В XIV-XV веках он «применялся к территории „великого княжения“, т. е. ко всей Северо-Восточной Руси»¹⁰.

Сложившаяся в X-XI веках в принципе централизованная власть князя при всех ее слабостях давала организационную основу для дальнейшего развития авторитаризма. Для анализа истоков возникновения большого общества следует вновь вернуться к древним синкретическим сообществам. Исследования свидетельствуют, что в древнеславянских представлениях в качестве тотема выступали «князь» и «княгиня». Первое означало «тотем-мужчину», второе — «тотем-женщину»¹¹. «В условиях первобытного родового строя князь (от корня „кньн“ — основа) был главой семьи и главным исполнителем обряда. В русском крестьянском быту XIX в. жениха и невесту во время свадьбы называли „князем и княгинюшкой“. На таком семейно-родовом уровне „князь“, очевидно, расценивался как глава житейских дел и как руководитель семейных религиозных закладаний»¹². В этих социальных и культурных формах культивировался синтетический архаичный принцип нерасторжимости власти, собственности и жреческо-идеологических функций, что органически легло в основу новой государственности. Развитие по этому пути позволяет говорить о существовании *типа большого общества, получившего название азиатского способа производства*, фигурирующего также под названием *государственного способа производства*¹³, а также *политарного*¹⁴. Его называют еще *кабально-общинным*, а также *потестарной (властной) формацией*. Для него было характерно подчинение хозяйственной деятельности государству. Это об-

⁹ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы // История СССР. 1991. № 4. С. 61.

¹⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 187, 195.

¹¹ Март Н. Я. Избранные работы... Т. 2. С. 274.

¹² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 294.

¹³ Васильев Л. С. Курс лекций по Древнему Востоку (Ближний Восток). М., 1985. С. 15.

¹⁴ Семенов Ю. И. Социально-экономический строй древнего Востока: Современное состояние проблемы // Народы Азии и Африки. 1988. № 2. С. 158.

шество может быть названо *синкретическим*, так как господство синкретизма сохранилось здесь в сфере ценностей, в стремлении ориентировать воспроизводство на тотемическое мышление. Оно ориентировано на нерасчлененность знания, ценностей, власти, собственности, социальных отношений, которые рассматриваются как результат активности внешнего для личности субъекта. Важнейший аспект тотемического мышления — стремление субъекта отдать себя под власть сильного, носителя тайн жизни, высших ценностей.

«БЕЗ БОГА СВЕТ НЕ СТОИТ И БЕЗ ЦАРЯ НЕ ПРАВИТСЯ»

Инверсионный переход от соборности к авторитаризму может быть интерпретирован *не только как переход к власти князя, но и как основа ее обожествления*. По сути дела, это все та же архаичная инверсионная схема, где человек осознает себя лишь в сопричастии к высшей сакральной точке, опасаясь губительного отпадения. На этой основе может формироваться деспотическое государство, охватывающее большие территории и многие народы. Для него характерен перенос на первое лицо ценностей тотема, потомка тотема, отца, божества, экстраполяция на него древней модели мира. «Без Бога свет не стоит и без царя не правится». Это лицо является, по крайней мере в тенденции, собственником и абсолютным господином, владыкой всех вещей и людей. Однако авторитарная версия может приобретать и иные формы, которые, в частности, можно рассматривать как разные формы антигуманизма¹⁵.

Большому обществу противостоят локальные миры, опирающиеся на ту же культуру, например, догосударственные локальные сообщества, сельские общины, для которых все, что лежит за границами деревни, может представлять враждебный антимир. И локальные миры, и большое общество пытались установить свою монополию на ресурсы, на землю, власть, на жреческие функции и т. д. и тем самым могли вступать в ожесточенное соперничество. Монополия обеспечивала неизменность натурального хозяйства, циркуляции его плодов, что поддерживало в обществе определенную стабильность. Между этими крайними полюсами возможно формирование *миров среднего уровня*. Они выступают как большое общество по отношению к локальным мирам и как локальные миры по отношению к большому обществу. Именно сюда относятся

¹⁵ См.: Ахизер А. С., Матвеева С. Я. Гуманизм как элемент культуры // Общественные науки. 1990. № 2. С. 148.

вотчины. Над волостью и селом «надстраивался новый этаж, появлялся собственник, хозяин земли и людей, сам в свою очередь зависимый от князя»¹⁶. Каждая из этих форм сообщество стремилась утвердиться, оттесняя другие. Ситуация усложнялась возникновением новых социальных форм (например, поместий). Общинники могут бороться с вотчинниками, объединяясь с властью большого общества. *Порядок, выдвигающий локальные миры среднего уровня в качестве господствующей формы, выступает как феодализм*. «Стадиальный „классический“ доренессансный европейский феодализм совпадает с ранней фазой в цикле развития традиционного Востока, близкой к первобытности и связанной с децентрализацией. Вне Европы — феодализм лишь элемент цикла»¹⁷. Феодализм следует рассматривать как этап на пути формирования максимально централизованной государственности, а также как возможный этап на пути обратного движения.

Существование в обществе по крайней мере трех форм авторитарного идеала не означает их полного равноправия. Различия между тремя уровнями авторитаризма затрагивают и процесс осмысления мира в связи с возможностью функционирования на этих уровнях разных представлений о добре и зле. То, что для одного уровня благо и носит комфортный характер, для другого зло и носит дискомфортный характер. В разных представлениях о добре и зле могут найти свое воплощение различные варианты интерпретации как вечегого, так и других идеалов. Сложность заключается в том, что тот или иной уровень в ущерб другим может занять ведущее положение в обществе. Сложные отношения между этими уровнями — важный конституирующий элемент последующей истории.

Существенным симптомом растущей силы нового идеала был отказ суздальского князя Андрея Боголюбского (1157–1174) после захвата и разгрома им Киева в 1169 году остаться киевским князем. Его поведение имело двойной смысл: с одной стороны, это явная победа локальных ценностей над государственно-соборным идеалом, а с другой — здесь налицо уже возможности нового типа государственности. «Княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти»¹⁸. Андрей Боголюбский избрал своей резиденцией место недалеко от Владимира, стоящее в стороне от вечевых

¹⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946. С. 534.

¹⁷ Васильев Л. С. Что такое «Азиатский способ производства»? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3. С. 75.

¹⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 320.

центров Ростова и Суздаля, и попытался стать самовластцем во всей Суздальской земле. Но это была лишь попытка, пока не удавшаяся. Свое действительное начало новая государственность авторитарного типа ведет от княжения Ивана I Даниловича Калиты (1325-1340), приступившего к собиранию земель под эгидой Москвы. Происходило перенесение авторитарных порядков, свойственных княжеским уделам, на государство в целом. Местный князь становился боярином московского князя. Страна превращалась в один громадный удел. При этом ни власть, ни массовое сознание синкретически не отличали государственное управление от управления дворцовым хозяйством. Вся страна мыслилась как вотчина государя-батюшки. При Иване III Васильевиче (1462-1505) господствовало представление, что «вся русская земля Божьей волей из старины от наших прародителей — наша вотчина». Территориальная неопределенность вотчины позволяла «постоянно расширять требования»¹⁹.

Круг задач административного аппарата оказался крайне ограниченным, а методы их решения — несложными. Влияние авторитаризма возрастало по мере ухудшения условий жизни, дробления уделов, упадка княжеской власти на местах. Оно выражалось в растущей тяге местных обществ к Москве. Московский князь, казалось, отвечал идеалу правителя. Авторитаризм одерживал все новые победы, Московское княжество постепенно преобразовывалось в национальное государство. При Иване III оно освободилось от власти восточных завоевателей, что укрепило военно-политическое положение страны. Московский князь именуется царем, а в присутствии иностранцев — Государем Всея Руси, рассматривая себя как единственного в мире православного независимого государя, преемника Византийского императорского дома. Самодержавие было дальнейшей экстраполяцией представлений о функциях хозяина-вотчинника, где «вольные люди были политической случайностью». В. Ключевский замечает: «На таком основании можно было построить не государственный порядок в объединенной Великой Руси, а запоздалую пародию удела...»²⁰.

Специфика авторитаризма заключается в том, что центр тяжести принятия решений смещался к монологу, который охватывал все общество, тогда как учет разнообразия интересов локальных миров отходил на второй план. Высшее руководство, воплощавшее авторитарный монолог, включало не только первое лицо, но и боярскую думу — этот модифициро-

¹⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. С. 37, 38.

²⁰ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919. С. 341.

ванный институт соборного типа. На этой основе возник идеал, который можно назвать ранним умеренным авторитаризмом. Он опирался на представления о власти отца, осуществляемой в рамках обычая, традиции, основанной в конечном итоге на общем согласии семьи, рода. В противном случае в действиях первого лица могли видеть нарушителя порядка, носителя зла. Боярская дума, как и вече, возникла как собрание локальных миров. Но это было уже собрание не глав семей, а первых лиц, отождествляющих себя прежде всего с бывшими независимыми княжествами. Князья шли на службу московскому князю точно так же, как старая племенная знать шла на службу в Киевском государстве. Еще в XVI в. большинство бояр в думе составляли потомки удельных державцев. В думе сидели «все старинные, привычные власти Русской земли, те же власти, какие правили землей прежде по уделам; только прежде они правили ею по частям и поодиночке, а теперь, собравшись в Москве, они правят всею землей и все вместе, в известном порядке старшинства расстановливаясь у главных колес правительственной машины»²¹. Авторитаризм, смещавший власть вверх, фильтровал этот поток князей. Влияние «государева двора» привело к тому, что основная масса князей во второй половине XV и первой половине XVI века уже не входила в думу²². Не могло быть и речи о принципе демократического представительства бывших княжеств в думе, тем не менее сам принцип совместного управления первого лица и «князей и бояр» оставался незабываемым. Боярская дума принимала все важнейшие решения по формуле: «Царь указал, а бояре приговорили».

Бояре в значительной степени сохранили свою мощь и влияние, что было связано с тем, что до середины XV века высшая власть практически не пыталась подчинить постоянному контролю местные власти. Ключевский называл такой порядок «локализацией управления». Бояре считали себя независимыми от воли государя, но признавали его «самодержавство». Общество не доверяло князю, если он действовал без бояр. Государь и дума — нераздельные элементы единой верховной власти²³. Никто не стремился и не мог изменить сложившийся порядок. Поэтому конфликты, возникавшие в процессе принятия решений, могли разрешаться не изменением социальных отношений, а столкновениями между его

²¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 230.

²² Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы по второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. 1979. № 103. С. 226.

²³ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 464.

участниками, как это имело место и раньше. Характерны постоянные конфликты между первым лицом и боярством, которое роптало или вовсе «отъезжало». Царь мог называть бояр «смердами», мог подвергать того или иного боярина опале, но ни с той, ни с другой стороны не было поползновений к коренным переменам в отношениях. Даже Иван IV Грозный (1533-1584), изрядно потрудившийся над избиением бояр, признавал, что дума является необходимым, естественным посредником между царем и народом.

Соборность боярской думы превратилась в свою противоположность, дума стала инстанцией, высоко стоящей над всеми локальными мирами. Ее решения приобретали авторитарный характер, т. е. были заданными извне для всех локальных миров. Здесь действовала уже известная формула: «На что же старейшие сдумают, на том же пригороды станут». Но теперь речь шла не только о пригородах. Высшая власть стала особым локальным миром, чьи решения касались всех локальных миров, всего общества. Соборный идеал обернулся авторитаризмом.

Идеал, ставший господствующим в результате инверсии, однако, не дошел до логически возможной крайней точки, т. е. до абсолютной противоположности соборности, до авторитарной власти одного лица, подчиняющего себе не только общество, но и всю систему управления. Такое несоответствие реального процесса с логикой инверсии объясняется тем, что инверсия никогда не существует в чистом виде. Определенный уровень способности формировать срединную культуру неизбежно тормозит инверсию, которая тем самым приобретает характер вялой инверсии. Ее можно расценивать как инверсию, застрявшую на половине пути.

Государственность, возникшая на основе раннего умеренного авторитарного идеала, достигла важных успехов. Тем не менее постепенно выявились существенные недостатки сложившегося порядка, которые стали порождать дискомфортное состояние, постепенно переходящее опасный порог. Для решения задач большого общества выдвигались методы, оправдавшие себя в рамках локальных миров, но в условиях большого общества они оказывались неадекватными, порождали нарастание социокультурных противоречий, ослабление способности следовать социокультурному закону.

ОШИБКА ИВАНА ГРОЗНОГО

Яркой фигурой господства раннего умеренного авторитаризма и одновременно его упадка был Иван IV. Для его по-

пытка решить медиационную задачу характерны два существенных элемента. Во-первых, он стремился выйти за рамки вялой инверсии, прибегая к тем или иным методам, прежде всего к террору, и тем самым сокрушить умеренный авторитаризм и утвердить крайний. Это стремление довести авторитаризм до крайности выразилось в разных формах. Царь, например, говорил, что в отличие от других государей он правит не людьми, а скотом. Он возводил произвол в принцип: «Жаловать своих холопов мы вольны и казнить их вольны же». Царь в своих посланиях князю Курбскому говорил, что нарушение воли царя есть нарушение воли Божьей. Во-вторых, в его политике налицо попытка объединиться с вечевым идеалом, господствующим в локальных мирах, направленных против начальства, против ценностей сообществ среднего уровня. Сами эти попытки и их результаты оказались весьма поучительными для всей последующей истории страны.

Глубинная причина террора Ивана IV заключалась, видимо, в том, что до крайних пределов обострился конфликт между существующей консервативной организацией власти и потребностью царя сделать ее более управляемой на путях усиления авторитаризма. Царь видел в препятствиях, чинимых советниками из бояр, причину ограниченности его авторитарной власти. Здесь он совершил распространенную в последующей истории ошибку, состоящую в персонификации социальных явлений, т. е. в сведении тех или иных расцениваемых негативно явлений к проявлению злой воли конкретных лиц (в данном случае — прежде всего бояр), но никак не общего, исторически сложившегося порядка вещей. Это породило у царя постоянный страх. Он то пытался заручиться одобрением английской королевы на убежище, то собирался в монастырь. Опасаясь своего окружения, он тайком бежал из Москвы и дважды отрекался от престола. Успеху антибоярской политики как будто способствовало экономическое ослабление бояр в связи с уходом крестьян на новые земли, а также явные антибоярские настроения в массах, в интеллектуальных и церковных кругах. Тем не менее всего этого оказалось недостаточно для окончательной ликвидации боярства и установления крайних форм авторитаризма. Бояре были сильны своей квалификацией в деле управления, в их руках были связи, навыки. Бояр можно было истребить, но без них нельзя было обеспечить абсолютно необходимый организационный уровень государственного управления. Это обрекало царя и его антибоярскую политику на поражение. Государство не могло существовать без авторитетного и квалифицированного слоя посредников между царем и дворянством. Хотя к этому времени уже

существовали приказы, но они были еще слабы и неавторитетны без бояр.

Иван IV не понимал, что против него стояли не втайне сговорившиеся враги, а организационная неразбериха, хаос, с которым не могла справиться незрелая бюрократия; недоставало квалифицированных администраторов. Он, как и Пересветов, полагал, что все государственные бедствия коренились в том, что «вельможи своим чародейством привратили к себе сердце царево и научили его во всем волю свою творити». Отсюда «умалилась правда в московском государстве»²⁴. Все проблемы решались изобличением оборотней зла и их уничтожением, попыткой возбуждения массовых представлений об активизации антитотема, персонифицированного зла. Реальная причина дезорганизации аппарата была следствием неустройства, *общей враждебности к государству*, но не к царю лично. Безнадежно провалилась попытка опричнины заставить систему силой перестроиться соответственно принципу крайнего авторитаризма. Рыхлое и инертное государство попросту разрушалось. Боярство пыталось в противоположность царю сохранить умеренный авторитаризм, свое место в системе управления.

Каждый боярин тяготел к местным интересам, к подчинению своих действий некоторым ценностям своего специфического мира. *Развивалось местничество как важнейшая форма локализма*, т. е. стремление к смещению центров власти максимально вниз без соответствующей компенсации развитием культурных интеграторов. В местнических схватках московское боярство проявило энергию и стойкость, не виданную у него при защите интересов общества. «За места наши отцы помирали», — говорили бояре XVII века. Разумеется, эта специфика конструктивной напряженности боярства противоречила стремлению решать медиационную задачу в обществе в целом. Однако бороться с боярством и местничеством путем избиения людей было бессмысленно, так как их действия обуславливались сложившейся системой сообществ, их субкультурами. Борьба против них вылилась в жесточайший террор, бояр истребляли целыми семьями со слугами, имущество отбирали в казну. Н. Карамзин называл Ивана Грозного кровопийцей, по сравнению с которым Калигула и Нерон выглядят младенцами. Объятый страхом, неспособный уменьшить дезорганизацию, дискомфортное состояние, Иван IV лишь разрушал государственность.

Исторические документы свидетельствуют о глубокой вражде народа к чиновникам, к начальным людям, к начальству.

²⁴ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. С. 61.

Это слово, которое вряд ли имеет достаточно полный эквивалент при переводе на другие языки, носит амбивалентный характер. Начальство — это те, кто отдает приказы и кому необходимо подчиняться. Но одновременно они, как проповедовал Аввакум, подстрекаются дьяволом. Начальство руководствуется личной корыстью и глупыми заумными идеями. Начальство нельзя урезонить и от него лучше держаться подальше, делая вид, что исполняешь его требования. Чиновник, как пишется о нем в челобитных, т. е. просьбах и жалобах в высшие инстанции, лишь «смотрел своего прибытка». В мирских челобитных кормленщики именовались «волками, мучителями и разорителями». Челобитчики писали: «Наместники, волостели и приветчики и их пошлинные люди чинят продажи и убытки великие...»; «Наместника и пошлинных людей впредь прокормить нам не мочно и от того-де у нас в степях и волостях многие деревни запустели и крестьяне-де от того насильства и продаж разошлись по иным городам... безвестно разбрелись врозь. От кормщиков убытки не меньше, чем от самих разбойников». Идея замены системы кормления соборными институтами была неистребимой в массовом сознании. В действиях начальства видели нарушение воли царя.

Всенародная вера тотемного типа в царя как воплощение высшей Правды, гаранта покоя и порядка противостояла боярству. Для промежуточного слоя между царем и народом в манихейской модели мира места не остается. Он как среднее звено отсутствует в манихейской модели и расценивается как дискомфортное явление.

Массовое сознание симпатизировало царю, положительно оценивая его личность, что отразилось, например, в многочисленных впоследствии сложившихся песнях о взятии Казани. Иван IV изображался как справедливый царь. Бедствия же, связанные с террором и разорением, воспринимались как естественные и в вину царю не вменялись. Массовое сочувствие способствовало делу истребления бояр, пополнению рядов опричнины, готовой расправляться с ними.

Эта вера, казалось бы, открывала широкие возможности для решения медиационной задачи, т. е. выработки политики, которая соединила бы массовое сознание с системой ценностей первого лица. Обращаясь к народу, Иван IV в своих грамотах обвинял бояр в измене, в ущербе, причиненном ими стране в годы его малолетства, в незаконном обогащении, в нежелании защищать православную веру от многочисленных врагов — литовцев, татар, немцев. Однако обвинения отражали не столько реальные провинности бояр, сколько идеологические, по сути демагогические устремления царя к консолидации

своих ценностей с массовыми. Власть пошла навстречу идеалам низов. В 30-е годы в ответ на челобитные власть передала в руки местных миров полицейские и судебные функции. Соответствующие правительственные грамоты основывались на крестьянских челобитных. Согласно судебнику 1550 года вводился институт присяжных, существовавший в Новгороде. В 1550 году, ссылаясь на «докуку великую», царь передал власть на местах земству, т. е. соборному институту. Никогда полностью не исчезавшая система выборных «излюбленных людей», старост, голов, целовальников была официально признана основанием всего административного устройства.

Следует заметить, что история страны не знала другой формы, в которой правящая элита столь последовательно и далеко шла бы навстречу конструктивной напряженности локальных миров. Она стремилась следовать формам народной жизни в самой организации медиатора. Земская реформа открывала путь локальному идеалу, обнажала и легализовала локальность жизни. Земского старосту выбирали в волости и даже в слободе. Служилые люди, помещики и вотчинники были отстранены от участия в их управлении. Правящая элита пыталась без среднего звена начальства непосредственно опереться на народную почву. Авторитарное государство произвело прямое организационное слияние государственного аппарата, подчиненного царю, с низшим уровнем управления, сосредоточенным в локальных мирах. Так можно было действовать лишь в убеждении, что этот нижний уровень несет в себе полную поддержку царской власти. Не заключалась ли здесь еще одна ошибка? Специфическая культура локальных сообществ низшего уровня, действительно, характеризовалась преклонением перед царем, чему сохранилось достаточно свидетельств. Кроме того, на этом же уровне концентрировалось стремление к сохранению натуральных форм хозяйства, противостоящих развитию товарно-денежных отношений. Сохранился любопытный документ — обращение «К благохотящим царем, правительником и землемерием», относящееся, видимо, к 30-м годам XVI века и принадлежащее предположительно духовному лицу южнославянского происхождения. Документ был направлен к «благополучию всем сущим под царем» путем реформ. Он исходил из того, что «в начале всего потребни суть — *ратееве*» (пахари), и противостоял денежным отношениям, требовал натурализации связей. Служилый класс должен был нести даровую службу и жить исключительно натуральными доходами со своих крестьян. Категорически запрещалось «взимать серебро», заменять натуральные повинности денежными. Повинности государству отменялись, и оно долж-

но было жить доходами с государственного имущества. Основной мотив этого документа — натурализация отношений. П. Милюков предполагал, что, возможно, под влиянием этого проекта была отменена система кормлений и проведен ряд других мероприятий²⁵.

Высокая ценность в крестьянском сознании сохранения натурального характера хозяйственных отношений, веры в царя создавала определенные предпосылки для реформ Ивана IV, так как господство натуральных отношений в сочетании с массовой уравнительностью, с одной стороны, требовало авторитарной власти, способной «всех равнять», а с другой — создавало у власти представление, что крестьянство — истинная и надежная опора царя.

Уничтожив раздражавшую локальные силы систему кормления, власть рассчитывала на исправные платежи. Вероятно, столь глубокая реформа в стране с развитым государственным сознанием дала бы импульс росту ответственности за государство, за целое, такого рода акт явился бы важной вехой в развитии правового государства. Здесь же она, развязав локальные силы, была шагом к новому краху государственности, к развалу большого общества. В стране выявилось существование своеобразного двоевластия, т. е. власти местных локальных миров со своими ценностями и власти государства — со своими. На это высшая власть ответила собственным вариантом двоевластия. Царь до невиданных размеров расширил свой двор, т. е. личную вотчину, за счет прежних уделов, поскольку вотчиной царь мог править без бояр. Страна была разделена надвое, одна часть управлялась непосредственно царем, другой правили бояре. Низы замыкались в своих локальных мирах, активно вмешивались в государственные дела главным образом для избиения ненавистного начальства.

Царь нуждался в разрушительных силах, так как пытался возвести уголовную практику в ранг государственного института — опричнины. Опричнине требовались люди, разорвавшие нравственную связь с ранее сложившейся системой. Были необходимы не только уголовные элементы, увидевшие в государстве институт преступности, но и враждебные начальству (прежде всего боярству) выходцы из локальных миров, нужен был также доброжелательный нейтралитет свидетелей избиения. Террор говорил об отчаянии, в котором впал царь в своих попытках апелляции к заведомо разрушительным силам. Надежда на них как на силы, которые автоматически обеспечат торжество Правды, свидетельствует лишь о древней вере, со-

²⁵ См.: *Богословский М. М.* Несколько слов об одном проекте реформ XVI и. М., 1898. С. 6, 7, 11, 19, 21.

гласно которой победа над злом неизбежно приводит к торжеству добра. Возможность победы еще худшего зла в голову не приходила. Он синкретически отождествлял Правду с силой. В официальных документах того времени можно читать: если «не великою угрозой угрозили, то и правды в землю не ввести». Сила сливалась с Правдой воедино. Произошла парадоксальная вещь. В борьбе с нарастающим хаосом царь пытался опереться на широкие массы, но это открывало путь еще большему хаосу. *Решающим оказался конфликт не между царем и боярством, а между авторитаризмом и древним синкретизмом.* Ценности, таящиеся в локальных мирах, постоянно периодически обращали свою конструктивную напряженность против государственности, дезинтегрируя общество. *Причем эта враждебность по своей сути носила догосударственный характер, истолковывала реальность в древних догосударственных представлениях.* Массовая интерпретация не доходила до уровня осознания в должных масштабах необходимости воспроизводства институтов государственности, за исключением власти самодержавного государя. Выбросы архаики могли носить сокрушительный для большого общества характер.

ВТОРАЯ КАТАСТРОФА

Событие, происшедшее в 1547 году, можно считать началом упадка второй государственности. В большом московском пожаре погибло около двух тысяч человек, после чего начались антибоярские восстания. Пожар приписывали волхвованию бояр Глинских, родственников матери царя. По слухам, княгиня Анна, царева бабка, разрывала могилы и из сердец покойников изготавляла порошок, с помощью которого и вызывала пожары²⁶. Древний миф обернулся реальностью бунта, непосредственной целью которого явилось истребление правящей элиты. В синкретических представлениях бояре отождествлялись со злыми силами, собственный бунт — с голосом Правды. Позднее Иван IV признавался: «Вошел страх в душу мою». Восстание 1547 года свидетельствовало, что разрыв в ценностях между правящей элитой и широкими массами приобрел острую форму. Выявились существование возрастающей вражды народа к власти, его стремление свести к нулю престиж всей правящей элиты за исключением царя.

²⁶ Одна из версий этих слухов — см.: *Афанасьев Л. Н. Древо жизни: Избр. статьи.* М., 1982. С. 416.

Однако, и это крайне важно, решение такого типа, т. е. попытка партиципации первого лица к народу в ущерб медиатору, государственности, не только не способствовало преодолению социокультурных противоречий, но и, наоборот, резко их обостряло. Причины этого достаточно очевидны. Массовая поддержка царя народом реально носила догосударственный характер и в силу этого неизбежно сочеталась с разрушением государственности, большого общества. Она при субъективной приверженности народа к царю неизбежно подрывала высшую власть, так как в силу локальности своей конструктивной приверженности рассматривала государственный аппарат как дискомфортное явление. Народ и царь объединялись не столько в творческом созидании, сколько в разрушении, в истреблении персонифицированных злых сил.

Между тем положение страны осложнялось. Вторая половина XVI века ознаменовалась распадом Золотой Орды, что далеко не всегда было благоприятно для положения русских земель. Многочисленные улусы, образовавшиеся вместо единого государства, тревожили страну постоянными набегами, разоряя и убивая население, выжигая селения и города. В 1521 году такой набег опустошил села под Москвой. В 1571 году она была сожжена. Объединение Польши и Литвы поставило в тяжкое положение население Южной Руси, подвластное до тех пор Литве. В XV веке Литвой были захвачены значительные территории на путях к Москве. Войны требовали от общества все больших усилий, ресурсов, качественных сдвигов в управлении, роста творчества, позитивных новшеств с целью укрепления общества, смягчения несоответствия между локализмом и задачами интеграции. Однако существовавшая культура общества не давала предпосылок для подобных изменений.

Дискредитация боярской власти со стороны царя привела к тому, что сама по себе власть превратилась в фактор дискомфорта состояния; распространилось представление, что царь — колдун, продавший душу дьяволу. Князь Курбский назвал его «зверем-антихристом», сидящим «на месте святом». Стремление царя к усилению авторитаризма, к неограниченной власти, идущее вразрез с господствующим идеалом, было опасно для страны, так как лишало ее эффективного управления, ослабляло важнейший фактор интеграции. Саморазрушение власти привело к отрыву царя не только от почвы, но и от государства, от своего ближайшего окружения. Иван IV был, по-видимому, отравлен и задушен своими приближенными, которые тем самым отвели угрозу, нависшую над их жизнью²⁷.

²⁷ См.: *Корецкий В. И.* Смерть грозного царя// Вопросы истории. 1979. № 9.

Мифические силы зла материализовались и вернулись к своему жрецу, заставив его сыграть свою амбивалентную роль как источника и одновременно жертвы зла до логического конца. Государство попросту теряло контроль над обществом. К концу правления Ивана IV в стране царила разруха. В результате трехлетнего голода 1569—1571 годов и моровой язвы погибли сотни тысяч людей, дело доходило до людоедства. Бедствие усугублялось вторжением неприятеля. Это время отмечено массовым бегством крестьян на окраины. Население Москвы сократилось втрое, сельская местность обезлюдела. Большая часть земель не обрабатывалась. Так, в Московском уезде к моменту смерти Ивана IV не засеивалось $\frac{5}{6}$ пашни. Общество не смогло повышением эффективности своей воспроизводительной деятельности нейтрализовать ухудшение ситуации, в частности, последствия негативных временных климатических изменений. Дворянство скудело. Царствование Ивана IV оставило после себя дотла разоренную страну. Процесс саморазрушения авторитаризма в конце концов обрек на гибель династию. Живая жизнь ускользала из-под контроля медиатора.

Началась длительная агония медиатора, который разрушался конфликтом двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом), ростом социокультурных противоречий. При слабом правителе царе Федоре Иоанновиче (1584-1598) последовала серия грозных народных выступлений. Бунтом были охвачены разнообразные слои населения — кабальные люди, купечество, малоземельное дворянство. Находившаяся во власти локальных интересов значительная часть населения по существу пришла в противостояние государственности, большому обществу и наносила им жестокие удары.

Царь Борис Годунов (1598-1605), способный и гибкий правитель, много сделал, чтобы предотвратить крушение власти, попытался оттеснить бояр, чтобы укрепить единовластие и обрести поддержку народа. Натиск вечевого начала снизу он старался смягчить, облегчая тяготы, искореняя произвол и беспорядки, заботясь о правосудии, защищая слабых. Но положение ухудшалось, возрастал разрыв векторов конструктивной напряженности, один из которых был направлен на воспроизводство локальных миров, другой — большого общества, разрыв массового сознания и государственности.

В 1601-1603 годах страна переживала невиданный голод. Мероприятия царя Бориса в помощь голодающему населению не имели результатов и не встретили сочувствия. Грозным предзнаменованием катастрофы явились бесчисленные слухи с ложными обвинениями в адрес царя, превращавшие его в выс-

шее воплощение земного зла. Его личная трагедия — бессилие перед стихией массового сознания. Алкавшее «природного царя», оно обрело его наконец в самозванце, авантюристе, выдававшем себя за сына Ивана Грозного, убедившем народ в том, что он и есть потомок тотема. Его поддерживали казаки, крестьяне, оппозиционное боярство, служилый люд и частично духовенство. Однако уже через несколько месяцев после своего восшествия на престол Лжедмитрий, который не скрывал своего стремления к реформам, лишился народной поддержки. В этом видна инверсия массового сознания, психология крайностей. Не последнюю роль здесь сыграло его поведение, отличное от образа жизни прежних русских царей, его польская одежда, бешеные скачки верхом по городу, музыка и пение во время обеда, «богопротивная телятина», которую он употреблял вопреки распространенному убеждению в греховности этой пищи. Период крушения авторитаризма по смерти Ивана Грозного получил в истории название «Смутного времени». Английский посол, посетивший Россию в 1588 году, предвидел возникновение «гражданского пожара»²⁸.

Основное содержание Смутного времени — активизация локальных идеалов, соответствующей конструктивной напряженности. Немаловажной движущей силой Смуты было сопротивление начавшемуся в XVI веке стремлению власти «перевести натуральные повинности своих подданных в денежные»²⁹. Это было результатом определенного роста удельного веса денежной ренты в XIV-XV веках³⁰. Но во второй половине XVI века вопреки политике правительства имело место «попятное движение в сторону натурально-хозяйственных форм»³¹. Эта тенденция больше соответствовала уровню хозяйственного развития Московского государства (где мы «встречаемся с царством натурального хозяйства»³²), чем противоположные устремления высшей власти, которая нуждалась в деньгах. Это существенное для судеб страны расхождение, несомненно, сыграло свою роль в обострении отношения народа и власти. Дезинтеграция перешла порог необратимости. Наступил развал государственности и общества. Бедствия этого

²⁸ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 31-32.

²⁹ Покровский М. Н. Местное самоуправление в древней Руси // Мелкая земская единица. СПб., б. г. С. 224.

³⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. С. 240. — Впрочем, не все согласны с доказанностью этого тезиса (см.: Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV-XV вв. // История СССР. 1962. № 3. С. 153).

³¹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. С. 250.

³² Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. С. 74—75.

времени не поддаются описанию. Некоторые историки полагают, что в Смуте и от голода погибла треть населения Московского государства. Например, плотность населения Замосквья в начале XVI века составила 17,6 человек на кв. версту, а в 20-х годах XVII века — 7 человек³³, т. е. снизилась на 60%. Разумеется, не все они погибли, многие бежали из своих поселений.

К Смутному времени идеи единства страны еще не получили завершенного выражения. Официально в соответствии с ценностями массового сознания была выдвинута формула: «Все государства Российского царствования». В Смуте отдельные города и территории сами решали, кому целовать крест, что было характерно для периода царствования Василия Шуйского (1606-1610). Московское государство разделилось на Московскую и Тушинскую зоны. В Тушине сидел Лжедмитрий II, «Тушинский вор», с немалым количеством сторонников. Псков, Новгород, Астрахань и другие города после гибели Лжедмитрия I не признали власть Шуйского и отпали от Москвы, отпал в «воровство» и юг страны, усилились нападки на московские власти. Авторитарная власть быстро теряла контроль над страной. В царствование Василия Шуйского боярство получило первенство. Вступая на престол, царь обещал «держать царство» по образу «своих прародителей», что означало отказ от усиления авторитаризма. Политика попала под власть толпы. В событиях 1584-1587 годов, по словам С. Платонова, толпа вела себя в Москве «без всякого разумения»; по свидетельству Маржерета (французский капитан на службе у царя Бориса, а затем Лжедмитрия I), она готова была «ежедневно менять государей в надежде на грабеж». Царь Василий пытался использовать настроения толпы в своих политических интересах, но тем самым лишь развязывал антигосударственную стихию, лишившую его престола. «Свержение московского государя было последним ударом московскому государственному порядку. На деле этого порядка уже не существовало, в лице же царя Василия исчез и его внешний символ»³⁴.

Локальные силы разрушили авторитаризм, все подспудно дремавшие ценности теперь оказались в открытом конфликте друг с другом. Обнаружилось недовольство крестьян, лишенных права самостоятельно владеть землей, которую они считали своей, обострилась враждебность «рабочих» людей к служилому люду, вспыхнула борьба между крестьянством и служилыми людьми (важнейшим элементом медиатора). Кре-

³³ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. С. 113.

³⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII веков. М., 1937. С. 389.

стьяне выступали против «обояренной» пашни и политики личного закабаления.

В Смутное время насилие как способ утверждения монолога, локальной Правды приобрело небывалый размах, вплоть до призывов к поголовному истреблению правящей элиты. Идеалы восстания под водительством Ивана Болотникова (1606-1607) были разрушительными для государственности в целом: вся земля, имущество бояр и гостей должны быть поделены между холопами, крестьянами и казаками, начальство целиком предполагалось истребить. По свидетельству патриарха Гермогена, обращаясь к народу, восставшие «велят боярским холопам побивать своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят». В царской грамоте 1606 г. сказано, что восставшие «дворян и детей боярских, и гостей, и торговых всяких посадских людей побивали», что они хотят в Москве «лучших людей побить».

Болотниковцы побивали бояр и начальство за «неправду», насильовали их жен и дочерей. Ненависть к правящему слою была безгранична, причем образы богача и начальства не разделялись. Государство и начальство выступали в глазах масс как дискомфортная сила, разрушительная для их жизни. На институт царской власти эти оценки не распространялись, в нем все еще видели олицетворение древней Правды. Большое распространение получило бегство крестьян на незанятые земли, где образовывались казачьи поселения, отвечавшие идеалам догосударственных форм, личностных отношений братства-товарищества. Казачий круг, построенный по вечевому образцу, был автономен, власти были выборными, казачество не знало ни общего центра, ни общей организации. Казачьи идеалы противопоставлялись боярскому царству, воля — насилию начальства.

На Руси казачество складывалось издревле. В XIII веке известны русские кочевники «бродники», предводительствуемые Плоскыней. Предполагают, что это были потомки славян-скотоводов, ушедших в степи от преследований христианской церкви. С XV века они именуется казаками, пополняются за счет притока беглых крестьян и холопов. В XV веке известны первые казачьи районы, которые располагались за оборонительными линиями Руси на ее границах. Люди бежали от государства, не доверяя ему. Эта хаотическая масса с легкостью переходила от разбойничьих набегов к службе государству. Она несла в себе мощный заряд догосударственных ценностей и стимулировала их активизацию по всей стране.

Тенденция феодализации, формирования сообществ среднего уровня, способных стать узловым пунктом единства общест-

ва, с одной стороны, управляющих отдельными территориями, рассеянными по лицу земли локальными сообществами, а с другой стороны, превращающих разнообразие в единство, воплощаемое в первом лице, вновь не была реализована. Для этого опять не хватило массового распространения соответствующих культурных ценностей, соответствующего переосмысления массовой исторически сложившейся нравственности. Это создало возможность для попытки первого лица сформировать власть на основе крайней авторитарной интерпретации синкретизма, слить общество, государство, первое лицо, собственность и т. д. в одно нерасчлененное целое. Здесь было заложено стремление сформировать общество, соответствующее тому, что К. Маркс связывал с азиатским способом производства. В нем высшая власть стремится опереться непосредственно на силу локальных миров, где средний слой — некоторая система технической связи верха и низа, а не самоценность. Однако и для этого не хватило сил, так как массовая активизация авторитаризма не давала основы для его крайних форм. Это выражалось, в частности, в том, что *в обществе не сложился достаточно влиятельный слой, способный обеспечить сильную массовую критику вечевого идеала с позиций крайних форм авторитаризма*. Общество опять не сумело найти прочную нравственную основу для интеграции большого общества, для решения медиационной задачи. Власть не только не сумела сдерживать рост дезорганизации до опасного порога, но и сама в борьбе с дезорганизацией ее усиливала. Поиск выхода из стрессовой ситуации на путях инверсионного перехода от одной крайности к другой, недостаточное развитие срединной культуры не создали предпосылок для преодоления разрыва между ценностями медиатора и массовой культуры, между представлением широких масс о реальности и их идеалом, между единством и многообразием общества. Ценности большого общества не утвердились в должной степени в сознании миллионов, и, следовательно, они не воспроизводили его и не противостояли его дезорганизации. Общество не сумело приостановить рост дезорганизации, которая, достигнув определенного порога, превратилась в необратимый процесс. Разнообразие общества, не включенное в функционирование государства, накопилось за его пределами и в конце концов сокрушило авторитарный монолог. Творческая энергия миллионов не столько концентрировалась медиатором, сколько накапливалась вне сферы его власти и в возрастающих масштабах подрывала государственность. Люди, встревоженные давлением власти, возрастающей дезорганизацией, ослаблением авторитаризма, увидели в начальстве и даже в личности

царя силу зла, что означало для власти катастрофическую потерю престижа и в конечном итоге полную неспособность принимать решения, которые общество было бы готово выполнить. Государство пало в результате бунта локализма. Страна второй раз погрузилась в пучину катастрофического хаоса. Это породило условие для массового инверсионного перехода к новому нравственному идеалу.

ГЛАВА III

НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ГОСПОДСТВО ИДЕАЛА ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ

«ОСТАВЬТЕ ДРУГ ДРУГУ ВРАЖДЫ И ТЯГОТЫ СВОИ»

Катастрофические результаты господства в обществе авторитарного идеала сделали его дискомфортным в глазах значительной части людей. Это неизбежно стимулировало новую инверсию, т. е. стремление перейти к противоположному идеалу. Однако накопленное культурное богатство может стать тормозом для резкого инверсионного перехода, создать условия для вялой инверсии, которая позволяет создавать критический барьер на пути инверсии, инерции истории. Новый идеал формировался под влиянием негативного опыта как авторитаризма, так и соборного идеала, которые оба не создали основу для предотвращения катастрофической дезинтеграции общества. Это послужило мощным стимулом для возвращения к древнему вечевому идеалу, где все элементы находились (по крайней мере в идеале) в гармоничном согласии. Однако возврат к классическому синкретизму был невозможен. Поэтому в действительности речь могла идти о формировании нового порядка из вычлененных элементов вечевого идеала.

Новый идеал, который можно назвать *ранним идеалом всеобщего согласия*, гармонично соединил разные слои общества. Он нес идею, что долг народа — подчиниться воле царя, долг царя — прислушаться к голосу земли. С. Платонов считал, что политика первого после Смуты царя Михаила Федоровича, «руководствовалась общественной серединой»¹. Эта ориентация получала вполне конкретное воплощение. «Поражаешься тем

¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899. С. 147.

вниманием и благосклонностью, с которым по крайней мере в первую половину XVII столетия встречали их челобитные верховная власть и правительство... Из 100 первых всеуездных земских челобитных, попавших нам под руку среди бумаг устюжской и новгородской четвертей, отказано было по 3, удовлетворено 76...»². Это свидетельствовало о стремлении верхов к гармонии, в которой должна осуществляться Правда. Идеал получил обоснование у келаря Троице-Сергиевской лавры Авраамия Палицына (ум. 1627). Защиту от бедствий самовластья он видел в союзе государя, «царского синклита» и «всего воинства» с опорой на «всенародное множество всех чинов», т. е. на Земский собор. Дьяк Иван Тимофеев (ум. около 1631) писал, что «истинный царь лишь природный и вместе с тем избранный», избирать можно лишь «природного царя». Согласно мысли Ивана Тимофеева, несмотря на то, что Бориса Годунова допустили к «помазанию» «все люди земли», что решение собора было согласно воле народа («чадь малая»), он не был природным царем, не имел Божьей санкции. Повиноваться же следует законным царям, которые придерживаются «повеления данных Богом». В новом идеале парадоксально уживалась соборная идея выборности царя с авторитарным принципом природой данного. Тем самым создавалась предпосылка некоего «третьего» в организационных формах, снимающих крайности. Любопытно, как понимал Иван Тимофеев существо общественных организаций: городские советы, объединение их, совет «всей земли», «малое совокупление», «многолюдное собрание», «вселенский собор» — он пытался распространить новый идеал на все этажи общества. Весь идеал был пронизан пафосом соединения некоего естественного или божественного установления с определенными формами активности, социальной ответственности людей.

Новый идеал овладевал обществом медленно, как бы клиньями врезаясь в отдельные его сферы, формируясь в борьбе против слабющего авторитаризма. Он был продуктом массового творчества, активизировавшегося в кризисной ситуации смуты.

Формирующийся государственный аппарат объединил древние общинные институты и бюрократию. Уложение 1649 года отразило существование в сфере местного управления бюрократической власти воевод и одновременно показало, что низовой аппарат «использовал институты и обычаи, свойственные общинному строю»³. Однако наиболее ярким воплощением

² Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 100-101.

³ Маньков А. Г. Уложение 1649 года. JL, 1980. С. 254.

нового идеала был Земский собор. Его возникновение следует признать одним из наиболее важных социокультурных новшеств в истории страны. Имеется историческое свидетельство о созыве собора еще в 1211 году. Следующий Земский собор, так называемый Собор примирения, состоялся в 1549 году в начале упадка раннего авторитаризма. Иван IV «заповедал своим боярам, приказным людям и кормленщикам помириться «со всеми хрестьянами». Царь увещевал: «Молю вас, оставьте друг другу вражды и тяготы свои... Я сам буду вам судья и оборона, буду неправды разорять и хищения возвращать». Об этом соборе В. Ключевский писал: «Представляется каким-то небывалым в европейской истории актом всенародного покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах»⁴. Правящая элита решила на серьезную самокритику во имя установления всеобщего согласия, что можно рассматривать как появление элементов нового идеала еще в условиях господства авторитарного.

Существуют различные точки зрения на Земский собор. Он толковался как сословное совещание, переросшее в сословное представительство. В нем видели орган, связующий власть с народом и передающий народу волю верхов. По Ключевскому, земские соборы «являются совместными совещаниями Боярской думы, т. е. центрального правительства, с людьми столичных классов, служивших ему ближайшими ответственными органами...»⁵. Тот факт, что в земских соборах видели и орган правящей элиты, и народное представительство, говорит об особой промежуточной их роли как канала коммуникации между правящей элитой и населением, института, обеспечивающего единство. Земские соборы «в какой-то мере заменили княжеские съезды и вместе с думой унаследовали их политическую роль. В то же время земские соборы — это орган, пришедший на смену вечу...»⁶. В 1611 году Земский собор принял документ, который определял его значение как постоянного верховного государственного органа с законодательными и исполнительными прерогативами. Соборы собирались не только царем, но и в его отсутствие. Строгих правил формирования их состава не существовало. Например, до середины XVI века в соборе важно было участие представителей тех или иных областей государства, что расценивалось как представительство «земли». Норма выборов могла не определяться, и выбиралось «по колку человек пригоже». Численное

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 376.

⁵ Там же. С. 390.

⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 67.

соотношение разных групп, очевидно, играло значительно меньшую роль, чем престиж участников собора. Своих выборных посылали дворяне и посадские люди. На соборе могли участвовать, кроме духовенства, боярства и дворянства, также дьячество и купечество. В грамоте 1613 года говорилось об участии «казаков и стрельцов», а также имелось туманное упоминание о «всяких уездных людях». Крестьянство в соборе практически не участвовало. В 1613 году из 700 участников было двое крестьян. Присутствие крестьян отмечалось на соборе 1682 года. Поглощенность крестьян локальными интересами мешала этому количественно самому мощному слою участвовать в решении государственных дел. Земский собор не терял свой статус, несмотря на то, что его представительный состав мог резко сужаться. Он мог состоять из представителей одной Москвы. В глазах современников это ничего не меняло, так как Москва всегда «указывала всем городам», тогда как другие города никогда «не указывали». Впрочем, не все были с этим согласны.

Принятие решений собором, как и древним вечем, определялось непосредственным столкновением престижей его участников. В соборе могли иметь место стычки и насилие. В ряде случаев выборная часть побеждала бояр, например, на соборе 1681-1682 годов.

СЛАБОСТЬ СОСЛОВИЙ — СЛАБОСТЬ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

О росте значения земских соборов свидетельствовало то обстоятельство, что в процессе разложения авторитаризма после смерти Ивана IV наследственная монархия сменилась избирательной. Были избраны или утверждены собором цари Борис, Василий Шуйский, Михаил Федорович, Петр I, Иван V и, вероятно, цари Федор Иоаннович и Алексей Михайлович. Исключительная важность того, что земские соборы стали организационным воплощением нового господствующего нравственного идеала, заключается в том, что они стремились уйти от господства инверсионного типа изменений. *Существование земских соборов говорит о том, что был сделан важный шаг в развитии срединной культуры, создана ее определенная организационная форма, форма ограниченного диалога народа и власти, диалога сословий, соотнесения разнообразия общества и его единства, целостности.*

Развитие нового идеала могло происходить лишь на основе роста сословности, этого важнейшего проявления, формы реализации срединной культуры на пути общества от

первобытности. Точка зрения, что сословия — результат экономического разделения труда или политики правительства, выражает лишь отдельные аспекты проблемы. Развитие сословий — важнейшая сторона усложнения общества, дифференциации не только экономических, но и всех функций воспроизводства общества, включая государственное строительство. Возникновение государства требовало расчленения синкретизма общества на сословия управляющих и управляемых, интеграции разнообразия функций воспроизводства большого общества. Всякое значимое несоответствие между ростом государства и ростом сословий — свидетельство возрастания социокультурного противоречия между требующим все большей дифференциации государством и недоразвитостью сословий, что обозначало неопределенность синкретизма. Ориентация правящей элиты на государственное строительство постоянно опережала рост сословности. Это заставляло высшую власть постоянно способствовать росту сословий, с тем чтобы ослабить социокультурное противоречие между субкультурой государственности и организационными возможностями государства. Такая политика не результат чьей-либо корысти, но следствие мучительных, подчас драматических поисков социального слоя, порождающего людей и отношения, необходимые для воспроизводства большого общества в целом. Государство развивалось, стимулируя необходимые сословия, прежде всего помещиков, способных стать организующим звеном общества для мобилизации военной силы, финансовых средств, закрепления «жидкого элемента». Эти задачи могли решаться, лишь если значимая часть населения осознавала необходимость особого служилого сословия, готова была нести соответствующее бремя для защиты общества от внешних сил, для сохранения порядка.

Развитие сословий создавало предпосылки для создания форм государственной организации, противостоящей инверсионным формам изменений. Развитие сословий шло в направлении *формирования социальных предпосылок для возникновения особого промежуточного идеала спонтанного всеобщего согласия*, для противостояния манихейской практике абсолютизации инверсионных скачков. Возможность для этого увеличилась в результате того, что обратная инверсия вновь приобрела вялый характер, открывая путь некоторому синтезу полярностей. Уложение 1649 года законодательно закрепляло существование сословий, затрудняло переход из одного сословия в другое.

В России развитие сословий не дошло до завершённого состояния, до ясного осознания общности собственных инте-

ресов. Если на Западе внутрисословные интересы были сильнее местных, то в России дело обстояло наоборот. В стране «не было ни земских сословий, ни гражданства, ни дворянского сословия» и поэтому «не было сословных представительств»⁷. Поэтому *следует отказаться от представлений о существовании в стране сословно-представительной монархии. Это означало, что страна еще не прошла весь путь преодоления архаичного синкретизма*, когда специфические группы перестают осознавать себя через некоторую сакральную точку в обществе, но осознают собственную самостоятельную самоценность.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ЦАРСКОЙ МОНОПОЛИИ

Преобладание в стране древних синкретических ценностей, согласно которым личность видела смысл своего существования, лишь растворяясь в некотором целом, партиципируя к первому лицу, неизбежно приводило к тому, что государство зависело от способности людей приобщаться к нему как к тотему. Государству не оставалось ничего другого, как имитировать порядок, исторически сложившийся в древних локальных мирах, в патриархальной семье, с неизбежными интерпретационными поправками. Важнейшей предпосылкой решения этой задачи было превращение всех условий и средств воспроизводства в сферу власти государства. При оценке этого процесса его часто модернизируют, рассматривают по аналогии с отношениями, сложившимися в обществе развитых рыночных отношений, интерпретируют как право собственности, как охраняемое законом право владеть, уничтожать, продавать, передавать разными способами другим собственникам, свободно распоряжаться ею. Собственность как таковая возможна, когда собственник вещи может быть легально изменен, причем этот процесс передачи собственности субъекту должен иметь некоторый хозяйственный смысл. Имущество крестьянского двора, государства лишь весьма условно может быть названо собственностью. Это была по сути дела *не собственность, а монополия*, т. е. неотчуждаемое в рамках установленного порядка условие, средство деятельности, некоторое воспроизводственная деятельность невозможна. Монополия незыблема и меняется лишь в результате конфликта, нарушения порядка, обычая, закона. Значение этой монополии в том,

⁷ Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России// Вопросы истории. 1991. № 11. С. 3, 5.

что, будучи одновременно элементом культуры, она несет в себе определенную программу воспроизводственной деятельности, а именно: люди, эксплуатирующие монополизированные государством условия и средства, в процессе своей деятельности воспроизводят культурные программы деятельности статичного общества. Даже окружающая местность, выступающая как условие воспроизводственной деятельности, образа жизни, может интерпретироваться в представлениях оппозиции («тотем — анти тотем»), как сфера сложных поляризованных ценностей, дифференцированной деятельности во всех формах. Топор не просто средство для тех или иных целей, но реальный и фиксированный в природном, обработанном человеком материале носитель и возбудитель многих программ — строительства дома, колки дров и т. д.

Очевидно, охрана этих программ — жизненно важный вопрос для всех типов обществ, которые нацелены на статичные формы общественного воспроизводства, она необходима для сохранения исторически достигнутого уровня эффективности воспроизводства, так как инновации имеют больше шансов снизить эффективность, чем повысить ее. Сохранение культурного богатства является залогом сохранения достигнутого уровня и образа жизни. Отсюда полная невозможность для члена патриархальной семьи в рамках этого порядка изъять и продать общее имущество, превратить монопольное владение всей семьи в сферу бесконтрольного распоряжения того или иного ее члена. Общность нацелена на сохранение монополии на вещные условия — независимо от того, идет ли речь о малой группе (например, семье) или об обществе в целом. Главы сообществ, включая царя, не могут реализовывать этот порядок, чрезмерно увеличивая долю личного произвола в своих решениях. В условиях тоталитаризма, когда имеет место нарушение авторитарного порядка, фактически происходит отказ от некоторых важных принципов традиционализма ввиду доведения до крайности других его принципов. Поэтому укрепление государственности в условиях господства традиционного сообщества, при отсутствии достаточно продвинутых механизмов иного типа воспроизводства, неизбежно должно сопровождаться смещением монополии на условия и средства воспроизводства вверх, т. е. к высшему центру управления, к первому лицу.

Земля стала собственностью («отчиной») царя в XV-XVI веках. Монопольная власть царя стала распространяться почти на все производство, что имело место в XVI и XVII веках. «Издав серию указов по конкретным промыслам, монархия ввела на них царскую монополию и таким образом устранила

угрозу конкуренции со стороны частных лиц... Точно так же, как он ранее сделался крупнейшим землевладельцем страны и, де-юре, собственником всех поместий, царь стал теперь единственным собственником всех отраслей промышленности и шахт (как де-юре, так и де-факто), монополистом во всех областях коммерции, не считая самых мелких». Правители считали монополию на производительное богатство страны естественным дополнением самодержавия. «Монархия прочно контролировала торговлю, а о промышленности же можно сказать, что она находилась в исключительной собственности самодержавия». Местный капитал не мог развивать технологически современное по европейским масштабам производство. Поэтому иностранцам «русская промышленность была обязана своим подъемом, находилась под попечительством монархии, финансировалась совместно царским и иностранным капиталом и управлялась иноземными специалистами. Они работали исключительно на монархию, которой продавали по себестоимости ту часть своей продукции, в которой она испытывала нужду, а прибыль получали от продажи излишков на свободном рынке». Даже «предприятия, созданные частично или полностью частным капиталом, не были частной собственностью в строгом смысле слова, ибо правительство могло в любой момент отобрать их у „собственников"»⁸.

Важно иметь в виду, что крупная предпринимательская промышленность в XVII веке возникла в вотчинном хозяйстве как монополия вотчинника, и в значительно меньшей степени в городе. В основе этого производства лежали крепостнические отношения. В XVI веке возникали «государевы», т. е. казенные, предприятия, производством на которых обычно руководили иностранные мастера. Подавляющая же часть потребностей страны удовлетворялась домашней переработкой продуктов в самой вотчине или домашней крестьянской промышленностью и сельским ремеслом⁹.

Напрашивается важный вывод. Производство на разных уровнях (на крестьянском, вотчинном, на уровне центральной власти) развивалось на основе крепостничества, на основе требований традиционализма сохранять в максимально неизменном состоянии сложившиеся отношения. В большом обществе это обеспечивалось высшей властью, ее подавляющим контролем и неограниченным правом вмешательства в производство. Хотя все уровни были едины и необходимы,

⁸ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 257-260, 278.

⁹ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. Т. 1. С. 318, 319, 322.

монополия на производство была предметом трений, конфликтов между этими уровнями, борьбы за ее перераспределение. На разных этапах перевес в этой борьбе мог склоняться в ту или иную сторону.

В этой борьбе выявилось важное обстоятельство. Государство испытывало серьезные затруднения, пытаясь целиком подчинить себе производство, что объяснялось прежде всего слабостью аппарата, невозможностью привлечь и содержать достаточное количество чиновников для этой цели. Монополия первого лица на собственность далеко не всегда проводилась последовательно. В стремлении эксплуатировать свою хозяйственную монополию царь опирался на служилое сословие, наиболее богатых купцов, иноземцев, которые вовлекались в казенную службу. «У монархии не хватало управителей для руководства ее торговой деятельностью и разбросанными по всей империи промыслами, такими, как солеварение и рыболовство. Поэтому она часто отдавала свои монопольные предприятия в пользование частным лицам на условиях, что те будут ежегодно выплачивать казне определенную сумму из полученной прибыли»¹⁰. В середине XVII века высший слой состоявших на государственной службе деловых людей назывался «гостями» и насчитывал около тридцати человек. Они были не самостоятельными предпринимателями, но доверенными людьми царя. По сути, это были высшие хозяйственные чиновники и одновременно субъекты монополий на определенные виды хозяйственной деятельности, пресекающие всякую «неуказанную торговлю».

Очевидно, сложившийся порядок хозяйственного управления носил двойственный, расколотый характер. С одной стороны, монополия высшей власти на условия и средства производства означала закрепощение труда, бюрократическую регламентацию образа жизни во всех формах на всех уровнях; с другой — неспособность центральной власти в полной мере обеспечить монополию открывала какие-то неясные возможности для развития частной инициативы, для иного типа воспроизводства, для развития реальной собственности.

«ЕСТЬ ГРАМОТА — ВОЕВОДА И ГОЛОВ БИТЬ И ГРАБИТЬ»

Постепенно, однако, выявилась внутренняя слабость господствующего раннего идеала всеобщего согласия. Кон-

¹⁰ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 257.

фликты оказались сильнее, чем культурная основа всеобщего согласия. Общество не выработало механизма, способствующего углублению интеграции в процессе разрешения противоречий. Государственность вообще, и в особенности государственность, опирающаяся на институты типа Земского собора, не могла бы возникнуть и существовать без единой культуры, пронизывающей и объединяющей специфические субкультуры общества. Выявилось, однако, что конфликты привели к распаду этого идеала между субкультурами, сложившимися в локальных мирах, в мирах среднего уровня, на уровне общества в целом.

Общество отвечало на рост конфликтов возвратом каждого из специфических сообществ к своим исторически сложившимся ценностям, что размывало господствующий идеал, обнаруживая слабость синтеза. Земский собор, как и вся страна, не был подготовлен к разрешению конфликтов путем компромиссов и диалога. Авторитарное давление, с одной стороны, и сопротивление локальных миров этому давлению — с другой, подрывало идеал, его организационные формы. Например, растущие государственные налоги вызвали недовольство населения, что заставило правящую элиту пойти по пути совершенствования порядка налогообложения, ввести в этих целях институт воевод. Воеводы назначались разрядным приказом, ведавшим личным составом служилых людей, утверждались царем и боярской думой. В XVI веке воеводы существовали только в некоторых пограничных городах. Согласно одной разрядной росписи, при царях Федоре и Борисе «воевод не было». Однако в 1614 году они правили в 103 городах с уездами. В 1616 году таких городов было уже 138, а в 1625 году — 146. Полномочия воевод были значительно шире функций наместников до земской реформы 1555-1556 годов. В эти полномочия входили охрана собственности, борьба с укрывательством беглых, охрана порядка, надзор над судом губных и земских старост, городовые и дорожные дела. Они осуществляли административно-полицейский надзор за личной жизнью населения, выполняли важные финансовые функции, финансовый контроль и надзор за деятельностью выборных властей и прежде всего — за сбором налогов. Широки были также и военно-административные полномочия воевод.

Все это не означало ликвидации идеала всеобщего согласия, система выборных должностей не отменялась. Идея согласия переносилась в сферу местного управления, так как предполагалось согласие выборных и воеводы. Власть пыталась спасти господствующий идеал, борясь со злоупотреблениями и насилием на местах. В челобитных говорилось: «Люди бьют челом

на бояр и всяких чинов людей в насильстве и в обидах, чтоб их пожаловать велети от сильных оборонить». Правительство учредило особый приказ, который принимал бы жалобы от тех, кто «на сильных бьют челом». Создавалась система защиты миров от воевод. Надзор над деятельностью воевод при том, что на местах власть воевод не отменяла выборных органов, должен был оградить выборные миры от злоупотреблений, закрепить какие-то формы согласия на местах. Однако идея эта не получила организационного воплощения. Ни верхи, ни низы не стремились к совершенствованию организационных форм в среднем звене. Идеал всеобщего согласия разваливался. Практически не существовало органа, который мог бы эффективно снимать противоречия между мирами и воеводами. Стремление миров оградить свои интересы, а власти — свои было сильнее ценностей согласия. Каждая из сторон боролась за свою Правду, принимая ее за всеобщую. Начало тридцатых годов XVII века, еще при царе Михаиле Федоровиче, можно рассматривать как начало разложения промежуточного идеала.

Правящая элита в этих условиях обнаруживала тяготение к авторитарным идеалам как средству борьбы с «мирским самовольством». Хотя воеводам запрещалось, как сказано в Уложении 1649 года, вмешиваться в губные дела (уголовное судопроизводство), в действительности губные старосты попали сначала под надзор, а затем — в подчинение воеводам. В случае конфликтов равновесие неизбежно нарушалось. Это вызывало отпор снизу. В 1632—1634 годах в стране существенно возросло количество следственных дел по политическим обвинениям. Крепло сопротивление воеводам, которое подчас возглавляли местные выборные. По стране прокатилась волна городских восстаний. 1648 год отмечен восстаниями в Москве, Воронеже, Сольвычегодске, Устюге Великом, Чердыни, Рузе, Томске и др.¹¹ Власть на время утратила контроль над событиями. Имели место восстания в 1650-1662 годах и, наконец, восстание под руководством Степана Разина. Все это свидетельствовало о развале господствующего идеала.

Истинная трагедия господствующего идеала заключается в том, что из-за разрывающих общество конфликтов деструктивные процессы шли быстрее, чем углубление влияния нового идеала. Народ не слишком заботился о защите и развитии среднего звена, включая и земские соборы.

Важным элементом механизма распада господствующего идеала является то, что можно назвать *двойственным отношением народа к власти*, т. е. способность расценивать власть

¹¹ См. подробнее: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975.

как воплощение Правды и инверсионным образом переходить к ее оценке как воплощения кривды. Обе эти оценки сосуществуют как амбивалентные. Они касаются разных сторон, форм деятельности власти. Например, внешняя политика может расцениваться как воплощение Правды, а внутренняя, некоторые ее стороны, как воплощение кривды. Обе оценки могут существовать одновременно, относясь к разным этапам власти (например, царь воплощает Правду, чиновники — «крапивное семя»). Крайне важно, что это отношение к начальству, имеющее массовый характер, несовместимо с сословностью власти. В борьбе за уравнительность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать все, что лежит выше приемлемого уровня разнообразия, т. е. уничтожить сословность.

С одной стороны, «без начальства нельзя», поскольку самовластие несет анархию и разложение, с другой стороны, начальство есть зло. Во время восстаний в народе периодически возникало стремление к поголовному истреблению начальства. Промежуточный слой власти плохо вписывался в патриархальное массовое сознание. Беглый холоп Феодосий Косой (середина XVI века) выразил эту точку зрения словами: «Не подобает же в христианах властем быти», один есть «наставник Христос»¹².

Народ возлагал вину за тяготы, исходящие от государства, непосредственно на чиновников. Население испытывало жгучую ненависть к приказным и боярам: «Царь хочет, бояре не дают». Древнее языческое сознание не отделяет зла от его носителя: камень, о который человек ушибся, воспринимается как сознательный носитель зла. В массовом сознании утвердилось стремление полностью уничтожить ненавистное алчное начальство, помеху единению народа с «батюшкой-царем». В этой связи интересны городские восстания середины XVII века, антибоярские, но не антицаристские по своему характеру. Именно к царю обращаются восставшие за защитой от бояр и дьяков.

Активизация синкретического массового сознания выражалась, например, в слухах, враждебных начальству. Слухи эти, подобно другим мифам, материализовались в массовых акциях, грамотах, в появлении самозванцев, в новых формах власти. Так, в Воронеже распространялась грамота, в отношении которой один из допрашиваемых показывал: «Есть грамота — воевод и голов бить и грабить». Летом 1641 года накануне Земского собора по Москве поползла «мирская молва», что

¹² Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 14 (см. также: Послание многословное: Сочинение инока Зиновия. М., 1963. С. 114).

«боярам от земли быть побитым». Вновь, как во времена Болотникова, поднялась антибоярская стихия, угрожавшая истреблением также и чиновникам, всему начальству. Разинцы, стремясь «выводить мирских кровопивцев», истребляли бояр, дворян, стрелецких начальников, приказных. Документы свидетельствуют: «Во всех городах и местех воевод и приказных людей побили и в воду пометали»¹³. Разин велел «в Руси выводить начальных людей и (на)ушников»¹⁴. Согласно одному из документов, «помесных де людей, дворян и детей боярских и мурз, и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут». «...Город Алатарь выжгли весь, а воеводу... и дворян, которые в том городе были, всех порубили без остатку... Дворян и детей боярских и жен их, и детей и их людей и крестьян многих порубили и села, и деревни, и дома их пожгли и разорили без остатку»¹⁵. Расправы с начальными людьми отличались большой жестокостью, не щадили и детей их. Советский историк А. Н. Сахаров пишет: «И чем суровее и изощреннее С. Разин организовывал расправу над ненавистными народу воеводами, стрелецкими начальниками, дворянами, тем больше симпатий завоевывал он у своих сторонников»¹⁶. Нельзя не отметить постоянного зверства восставших: казни пленных, убийства посланцев противной стороны, ограбление и разрушение городов, массовое избиение их жителей и т. д. Это не могло быть объяснено даже стремлением к грабежам. Очевидно, причина лежала в полном неприятии государственной жизни, которая язычески не отделялась от ее прямых и косвенных носителей. Они истребляли не людей, а мировое зло, обернувшееся людьми. Начальство как зло отождествлялось с богачами, а Правда — с бедными. Идеал крестьян ясно проявлялся в жизни районов, захваченных восставшими. Власть в них принадлежала самоуправляющимся общинам, действующим по старым вечаевым принципам, т. е. идеалом крестьян была земля, освобожденная от воевод и бояр, т. е. от государства.

Двойственное отношение народа к власти привело к парадоксальному сочетанию приверженности к реальному царю и борьбы с ним. Вера в царя не мешала борьбе с царскими войсками, мотивированной тем, что они посланы боярами. Царские грамоты не принимались и объявлялись поддельными.

¹³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. С. 87.

¹⁴ Там же. М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 20-21.

¹⁵ Там же. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 69, 71-72.

¹⁶ Сахаров А. Н. Степан Разин — предводитель крестьянской войны// Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 161.

Восставшие настаивали на своей верности царю. Разин говорил о своем желании послужить «великому государю». Приговоренный к смертной казни, он надеялся на то, что он перед царем «изустно защитит дело свое»¹⁷. В своей речи на круге Разин противопоставлял царя боярам, призывал «итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей»¹⁸.

Двойственное отношение к власти также подвержено инверсии. Например, возможен переход от отождествления царя с Правдой к отождествлению реального царя с начальством, с нецарем. Имеется несколько свидетельств о слухах периода 1633-1643 годов о том, что «царь подменный». Правящая элита понимала опасность этих мифов и страшилась их. Например, в период разинского восстания специально созданным выборным людям демонстрировали место захоронения царевича Алексея. При царе Василии Шуйском по Москве оглашалась царская грамота, обвинявшая Лжедмитрия в самозванстве. Останки сына Ивана IV, малолетнего Дмитрия, привезли в Москву. Сам он был причислен к лику святых. Но попытки идеологической борьбы оказались малоэффективны, и легенда об истинном царе Дмитрие держалась несколько десятилетий. Двойственное отношение к власти означало постоянную возможность инверсии. С одной стороны, государство — это воплощение Правды царя, и, следовательно, само существование локального мира, личности зависит от способности раствориться в нем, приобщиться к нему даже ценой жертв. Но, с другой стороны, оно — воплощение коварной и злой кривды, подлежащей истреблению, подлежащей замене. Отсюда *колебания от крайности послушания к крайности разрушительного бунта*.

При разрозненности бунтовщиков и их страхе перед собственным бунтом достаточно сильная правящая элита получает возможность укреплять государственную систему, следуя по стопам бунта, выступая как инверсия этого бунта, используя жажду порядка на неостывшем пепелище разгульного праздника. Отсутствие реальной конструктивной альтернативы приводит к саморазрушению восстания. Это объясняет, почему многочисленные бунты не сокрушили власть. *Сам разгром бунта выступал не только как результат внешнего насилия, но и как превращение бунта в свою противоположность*,

¹⁷ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 113.

¹⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т. 1. С. 235.

т. е. как согласие людей на определенное насилие над собой со стороны власти.

«БОГ ИСПРАЗДНИТ ВСЯКО НАЧАЛЬСТВО
И ВСЯКУ ВЛАСТЬ И СИЛУ»

Особенно важны в этой связи события, связанные с церковным расколом. Наступление авторитаризма неизбежно потребовало унификации официальной идеологии, уменьшения необходимого разнообразия локальных миров. Этой цели была подчинена церковная реформа.

Ответом был взрыв несогласия с церковной реформой, выразившийся в стремлении держаться старой веры, старообрядчества, староверия. А. Робинсон пишет об образовании в «движении раскола дуалистической идеологии (борьбы „Христа" и „Антихриста", „правды" и „кривды", „благочестия" и „греха"), окрашенной эсхатологическими размышлениями о надвигающемся „конце света" и „Страшном суде"»¹⁹. Староверие было одним из множества средневековых манихейских движений широких народных масс, выступавших против усложнения форм большого общества, против сословного общества и основанной на нем государственности.

Главный идеолог староверия протопоп Аввакум (1621—1682) видел мир как извечную борьбу бесовского хаоса с «делом божьим». А. Демин показал, что Аввакум, изображая свою жизнь как наполненную непрерывными мучениями до предела, тем самым «возвещает, как строиться» в державе, т. е. его муки лишь пример для общей картины. Мир изображается как неистовство злых сил. Разъяренные «никониане» тесно окружают Аввакума. Они напоминают ему разбойников, сгрудившихся в церкви. Никонианин «что бешеная собака бросается на человека — тово», «коли взбесился, не унять тебя», «что волки, с сердца — тово в клочья изорвут». В ответ на этот безумный бесовский шабаш зла Аввакум готов применить самые крайние средства: «А бы их... всех перепластал во един день», «перерезал бы... всех, что собак», «как бы мне мочь... всех бы еретиков тех... ножом переколол», «всех вас развешаю по дубю»²⁰. Манихейское сознание не склонно выполнять христианский завет любви к своим врагам. Все люди, о которых пишет Аввакум, четко делились на друзей и врагов. В его

¹⁹ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 374.

²⁰ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 124, 137, 138, 65, 64.

«Житии» добро и зло почти равномерно чередуются. Однако если образы зла, «чужой земли» даются чрезвычайно ярко, то позитивный идеал выглядит весьма туманно. Он заключается в некоторых общих представлениях о справедливом государстве, о замкнутом братстве «верных», о райском блаженстве.

Было бы, однако, неверно думать, что все эти формы манихейского языка были характерны лишь для староверов. Они были типичны для всего общества. Например, патриарх Никон, обращаясь к князю Н. Одоевскому, главе Уложенной комиссии, говорил: «Ты, князь Никита, новый закон написал советом Антихриста, учителя твоего». Бросается в глаза многоплановость у староверов модификаций манихейства, которые в конечном итоге затрагивали все важнейшие стороны жизни общества.

Манихейство было очень удобно для борьбы с государством и церковью. Эту традицию развивал украинец Стефан Зизаний, который указал на папу римского как на Антихриста. Теперь в качестве такой модификации выступают царь и патриарх, вся власть. Аввакум надеялся, что Бог «испразднит всяко начальство и всяку власть и силу». Последователь Аввакума диакон Федор прямо отождествлял патриарха и царя с Антихристами. Кузьма Косой, кузнец из Ельца, проповедовал на Дону войну против Антихриста и его слуг — царя, патриарха, бояр, очищение земли от этой нечисти и разрушение их столицы Москвы, призывал казачий меч с помощью небесных сил уничтожить антихристов мир.

Одновременно староверы разрабатывали и иную модификацию манихейства, которая была заострена против иных культурных влияний, против иных религий. Староверы были убеждены, что царь и патриарх ввели веру, пропитанную «лютеранской, кальвинской и папской ересями», т. е. манихейство приняло форму борьбы различных христианских конфессий. Еще одна модификация была связана с верой, что антихрист имеет еврейское происхождение, что антихрист — сын погибели, «зачат от блуда еврейской женщины от колена Данова». В «Кирилловой книге», послужившей одной из основ для создания староверами теории Антихриста, говорилось, что дьявол «от жидов приведет беззаконно человека, волхва, еретика и отметника чародея». Вместе с тем манихейство староверов исходило из извечной борьбы России с Западом. Зло рассматривалось как имеющее чисто западное происхождение.

Интересно, что сам облик никониан воспринимался как нерусский. Например, Никита Пустосвят называет патриарха «странным иноземцем». Никонианство рассматривается как «чужая земля». Аввакум называл своих противников «немцы

русские». «Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев?»

Манихейство создавало основу для рассмотрения общества как поля извечной борьбы богатых и бедных. Манихейское деление общества по Аввакуму на «слуг антихристовых», «никониан» и «верных», «христиан» в принципе совпадало с делением на богатых и бедных. Насилие — естественная форма отношений между манихейскими оппозициями. Интересно также, что представление о зле у староверов включает также определенные элементы утилитаризма, стремление к земным благам, которое символизируется туго набитым «чревом», свидетельствующим о суетной жизни. «Утроба» стала олицетворением порока, отказа от истинной веры. Об одном из своих идейных противников Аввакум писал: «Тот не живал духовно — блином все торговал да оладьями, да как учинился попиком, так по боярски дворы блюда лизать научился, не видел и не знал духовного того житья». Богатство бесцельно и греховно, оно обременяет человека и делается ненужным после смерти. Зато аскетизм и даже самосожжение есть очищение от скверны.

Зло по существу занимает в верованиях староверов центральное место. Оно выступает в разных, свободно переходящих друг в друга формах. Но носителями всех этих форм зла в конечном итоге являются определенные группы людей — начальство, никониане, лютеране и т. д. Так что манихейство становится мощной убойной социальной силой, сортирующей людей на своих и оборотней зла, на людей и нелюдей, на тех, кому следует жить, и тех, кого следует «ножом переколоть», «развешать по дубю». *Манихейская натуралистическая концепция зла разрушительна для общества, она коренным образом расходится с христианством, отделяющим грех, зло от человека. Это массовое стихийное манихейство, идущее из глубины веков, не было преодолено монистическим по своей сути христианством.*

Синкретическое сознание не задавалось вопросом о мотивах действий этого зла, о том, почему кривда должна постоянно пакостить стране. Творить зло есть естественное свойство кривды, такое же, как стремление человека есть и спать. Интересно отметить, что фольклор вообще не указывает на мотивы своих персонажей. Например, «действия змея и очень многих других вредителей сказок ничем не мотивируются. Конечно, и змей похищает царевну по известным мотивам (для насильственного супружества или чтобы ее пожрать), но сказка об этом умалчивает. Есть основание думать, что сказке

вообще не свойственны мотивировки»²¹. Зло не требует объяснения. Оно изначально, субстанциально. В этом заключается важнейший элемент манихейства.

Староверие явилось важнейшим компонентом в антигосударственном движении, несло в себе идеал воли и праведной жизни прежних времен. Его влияние можно проследить на целом ряде восстаний — разинском, пугачевском, булавинском, соловецком (1668-1676), московском (1682), донском (1688—1689), астраханском (1705-1706). Староверие заняло важнейшее место в борьбе против государства. В движении староверов значительная часть народа активно противостояла разрушительным для народной жизни действиям власти, показала себя способной отстаивать собственные духовные ценности. Она ответила на попытки правящей элиты вмешиваться в их духовную жизнь мощной активизацией антимедиации, т. е. стремлением отвергнуть достижения срединной культуры, медицины.

Борьба против государственности не сводилась к частностям, речь шла не только о том, чтобы «усов и бород не брить и немецкое платье не носить», она была направлена на то, чтобы «за веру и за Правду постоять» (Астраханское восстание). Иначе говоря, дело было в глобальном конфликте по поводу всего строя жизни, основополагающих ценностей.

Протоиерей Шмеман квалифицировал старообрядчество как «уход из истории», как уход в «апокалиптический испуг и утпину», «неспособность к трезвости и самопроверке»²². Здесь схвачен инверсионный характер староверия. Староверие как синкретическая реакция, действительно, есть попытка ухода из истории, если под историей понимать поступательное движение общества к новым, более сложным творческим формам. Церковный раскол был симптомом раскола общества. Д. Мережковский (1866-1941) писал: «А ведь русский народ расщепился, раскололся великим расколом». Он определил раскол как революцию во имя реакции. «Раскол, соединившись с казацкой вольницей, пугачевщиной, есть революция, черный террор»²³.

Староверие времен церковного раскола можно рассматривать как свособразную энциклопедию модификаций манихейства, необходимых для борьбы со срединной культурой, с большим обществом, с прогрессом, с сословностью и основанной на ней властью, с социальным разнообразием, противостоящим уравнительности.

²¹ Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 69.

²² Вестник русского христианского движения. 1976. № 117.

²³ Мережковский Д. С. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 67.

Манихейство способно превратить любые эмпирические различия (между народом и властью, бедными и богатыми, между этническими группами, религиозными течениями и т. д.) в смертоносный и бескомпромиссный конфликт. Манихейство может стать нравственной основой активности масс, направленной против любых раздражающих, нарушающих древний идеал различий.

Массовое двойственное отношение к власти — мощный фактор ее дезорганизации. Это — постоянная мина, заложенная в основание государственности. Манихейство выступает в России на рассматриваемом этапе как фактор, превращающий скрытую культурную возможность отрицания государства в активную массовую силу. Обычно восстания, протесты в литературе рассматриваются как ответ на насилие, чинимое властью, экономическую эксплуатацию. Однако при этом в тени остается самое главное. В любом обществе могут иметь место факты, вызывающие недовольство, гнев и т. д. Суть дела в том, каким образом те или иные группы на них реагируют. В принципе на любые безобразия в обществе можно реагировать расширением своей ответственности за общество, за государство, стремлением внести изменения, которые поставили бы под контроль причины явлений, опасных для общества, вызывающих недовольство. Это снизило бы социокультурное противоречие между исторически сложившейся культурой, ценностями и системой социальных отношений, между массовым сознанием и государственностью. Такой подход способен предотвратить конфликты, разрушающие общее согласие, остановить обострение борьбы типов конструктивной напряженности в разных сообществах, борьбу локализма и сил интеграции, ограничить конфликты полюсов нравственного идеала, наносящие ущерб способности их взаимопроникновения. Этот путь требует конструктивного отношения к организации, культуре и ценностям общества. Возможна, однако, и иная реакция, т. е. эмоциональный взрыв, стремящийся уничтожить не причины зла, о которых люди могут ничего не знать, а те группы, которые в соответствии с манихейскими представлениями рассматриваются как оборотни, носители зла, якобы творящие зло по своей природе.

Манихейское представление о зле, которое приобретает самые различные и исключают друг друга формы, явилось мощной силой борьбы с новшествами, включая реальное государство. Однако эта сила не несла в себе какой бы то ни было версии решения медиационной задачи, создания государства, большого сообщества, какой-то реальной программы, позволяющей уменьшить дезорганизацию до безопасной величины.

Манихейство, став духовным оружием в борьбе против опасных дезорганизирующих действий власти, само могло противопоставить этому лишь иную форму дезорганизации.

Возникновение идеала всеобщего согласия, создание соответствующих организационных форм само по себе было важнейшим событием истории России. Оно открывало путь для преодоления манихейства, господства инверсионной логики, способствовало развитию государства, которое принимало бы решения на основе учета разнообразия мнений, ценностей, обстоятельств, на основе необходимости интеграции, концентрации творческой энергии в интересах большого общества. Само существование в истории такого господствующего идеала показывает, что Н. Бердяев ошибался, когда утверждал, что в России «нет дара создания средней культуры»²⁴. Такой дар был, но слишком слабый. В стране не хватало культурных сил для закрепления успеха. Господство идеала всеобщего согласия скрывало не только борьбу авторитарной и соборной версий массового сознания, но и борьбу с феодализацией, с усилением среднего уровня общества. Конфликты активизировали локальные силы, что постепенно подрывало господствующий идеал в результате как антигосударственного нажима снизу, так и стремления власти устранить двоевластие местных миров и государственной администрации авторитарным путем. Реальность стала восприниматься как нарастающий дискомфортный хаос, что свидетельствовало об опасности перехода социальной энтропии, дезорганизации через порог необратимого движения к катастрофе. Это вызвало к жизни новую массовую инверсию. Феодализация встретила сопротивление как дофеодалных низов, склонных замыкаться в своих локальных мирах, так и высшей власти, стремившейся выйти из кризиса путем укрепления центральной власти, распространения крепостничества на все уровни общества. Эти противоположные тенденции с разных сторон размывали всеобщее согласие.

²⁴ Бердяев Н. А. Судьба России, м., 1990. С. 31.

ГЛАВА IV КРАЙНИЙ АВТОРИТАРИЗМ И ЗРЕЛОСТЬ РАСКОЛА

«ЦАРЬ ЯКО БОГ, ЕЖЕ ВОЗХОЩЕТ, В ОБЛАСТИ СВОЕЙ МОЖЕТ СОТВОРИТЬ»

Ослабление раннего идеала всеобщего согласия сопровождалось ростом общего беспокойства, представлений людей о нарастании хаоса, усилились жалобы на «насильства» выборных, деятельность которых наряду с бунтами стала фактором дискомфорта состояния. Нравственные связи между локальными мирами и теми, кого они выбирали для представительства вне своего мира, были слабы. *Выборные рассматривали свою деятельность как государеву службу.* Шла борьба между полюсами вечевоего идеала, каждый из которых выступал как самостоятельный нравственный идеал. Общее разочарование в порядках, установившихся на третьем этапе, поражение активных сил антигосударственного манихейства привели к стремлению людей замкнуться в своих локальных мирах с надеждой, что высшая Правда в лице царя является реальным гарантом справедливой жизни, защитой от зла. Наступила инверсия.

Специфика возникновения нового, четвертого в истории российской государственности господствующего нравственного идеала заключается не только в инверсионной реакции на предшествующий идеал. Он оказался также реакцией на вялый характер инверсии, на ее торможение ограниченным оттеснением инверсии медиационным творчеством. Содержавшаяся в древней культуре высокая ценность крайних, манихейского типа решений создавала предпосылки для роста дискомфорта состояния не только в связи с банкротством того или иного конкретного господствующего идеала, но и в результате значимого отступления от инверсионной логики. Возникает особое *остаточное дискомфортное состояние*, которое накапливается на протяжении более чем одного периода гос-

подства сменяющих друг друга идеалов. Такая ситуация может быть вызвана возникновением вялой инверсии. Именно это совпадение остаточного дискомфортного состояния с дискомфортным состоянием, вызванным банкротством господствующего идеала всеобщего согласия, стимулировало возникновение крайнего авторитаризма. Этот идеал, если взять чисто логическую сторону, завершает прямую инверсию, полный переход от одного полюса вечевоего идеала к противоположному, от соборного идеала к авторитарному. В обществе этот процесс выступает как тенденция смещения всей полноты власти максимально вверх.

Царь Федор Алексеевич (1676-1682) принимал некоторые попытки оживить умирающий идеал всеобщего согласия: стремился активизировать земские соборы, по разным поводам призывал выборных, уничтожил Приказ тайных дел. Воеводы и приказные были отстранены от сбора большей части подати. Однако царь не получил поддержки снизу. Массовая пассивность, стремление приобщиться к Правде первого лица оказались сильнее. Выборное начало слабело, в городах укрепляли власть воеводы, служилые люди, т. е. представители государства. Результатом стремления достигнуть партиципации к авторитарному отцу стала массовая поддержка авторитаризма. Уже в 1639 году поступали прошения о восстановлении на местах власти воевод и приказных. М. Покровский писал, что мысль об опеке сверху пришла снизу, из самого населения. Посадским начинает «казаться, что приказный человек... все же будет лучше. И каждый раз центральное дворянское правительство утилизирует этот взрыв отчаяния посадских, чтобы лишить их и последней доли самостоятельности»¹. «Само население просило освободить его от предоставленного ему права самоуправления, чтобы „от такого великого разорения не стоять на правее с голоду и стужи и достальным не погибнуть, и розно не разбрестися"»². Злоупотребления выборных свидетельствовали о неэффективности соборных институтов, о неспособности низов держать выборных под контролем. Правящая элита, опираясь на народные настроения, пошла по пути ликвидации организационных основ идеала всеобщего согласия, по пути установления правления воевод и приказных людей³.

Авторитарный идеал постепенно укреплял свои позиции еще во время господства предыдущего идеала. Имели место

¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Л., 1924. Т. 2. С. 108.

² Витте С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 195-196.

³ См., например: Мелкая земская единица. СПб., [б. г.]. Вып. 1. С. 233.

неуклонный рост вотчинного и сокращение поместного землевладения. Отсутствовало сопротивление чернососных дворянских крестьян при передаче их в вотчинное землевладение. Вотчинники и помещики не оказывали сопротивления строительной законодательной регламентации, ограничивающей их инициативу в распоряжении землей, не возражали против оговорок власти по поводу привилегий вотчинников по ранее выданным охранным грамотам. Не было решительного сопротивления крестьян росту власти помещика над крестьянским миром. Возрастали тенденции к единовластию помещика и его доверенного лица среди крестьян⁴.

В XVIII веке усилилось стремление государства подчинить вотчинную жизнь определенным правилам, нормам, инструкциям. «Вместо общих положений и ссылок на обычай, вместо молчаливого допущения существующей практики, инструкция XVIII века вносит точные и детальные указания, проникающие в жизнь вотчины и регулирующие все ее подробности. Наказы XVII века гораздо больше полагаются на непосредственное холопское чутье приказчиков, которые должны были чувствовать и угадывать волю вотчинника». Инструкции четырех поколений князей Щербатовых показывают, что с 1720 по 1780 год происходило все большее подчинение крестьянской общины хозяйственной деятельности вотчины. Существенно возросло стремление к регламентации и опеке. Древние локальные миры ставились под непосредственное авторитарное управление.

В 50-х годах был организован Приказ тайных дел — личная канцелярия царя. Он давал возможность царю решать важнейшие вопросы в обход думы. Возникла практика так называемых «именных указов», т. е. законодательных актов, принятых царем без думы. С этого момента можно полагать начало крайнего авторитаризма. Выборные должности превращались в обычную службу царю, с той лишь разницей, что она не давала обычных выгод. Именно царь творит «суд и правду», — говорится в постановлении собора 1660 года. Манихейская логика брала реванш за свое ограниченное временное ослабление. Этот инверсионный поворот привел к авторитарному идеалу в его крайних формах, далеко выходящих за традиционные формы авторитаризма. Господство авторитарного

⁴ Алефиренко П. К. Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. № 1. См. также: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI. С. 432.

⁵ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929. См. также: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России: Сельскохозяйственные инструкции. М., 1984. С. 9.

идеала возникает на основе разочарования людей в своей способности брать на себя ответственность за собственную жизнь в масштабе общества. Возникает настроение, которое Гоголь в «Тарасе Бульбе» выразил словами: «Лучше бы и не было того пира». Это порождает стремление искать Правду в тотеме, отце, вожде, царе. Оно включает согласие на насилие над собой внешнего детерминированного жесткого порядка, что развязывает руки «начальству». Крайний авторитаризм основывался на представлении о высшей Правде как эманации монарха. Этот идеал был закреплен законодательно: «Его величество есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет»⁶. «Монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает»⁷. Точно так же как древний тотемизм оказался, говоря языком классической философии, снят в монотеизме, тотемистическая культурная основа власти первого лица была снята обоснованием власти царя как божественной. «Царь яко Бог, еже воззоцет, в области своей может сотворить»⁸.

Таким образом, единство достигалось единоличной волей монарха, воля каждого и всех должна была слиться с его волей. *Монарх выступал как единственное воплощение Правды*, а его решения были своеобразным благодеянием, благодатью, нисходящей на подданных. Народ, следовательно, сам по себе, без благодати власти, не способен следовать Правде. Осуществился идеал писателя Симеона Полоцкого (1629-1680), уподоблявшего отношение начальников к народу отношению пастуха к овцам. Подданный, подобно овце, не ропща должен снабжать власть молоком, мясом, шерстью. Пастух же обязан обеспечить охрану их от хищников, а при стрижке не резать шкуры. По его представлению, власть и право самодержавно повелевать вручил царю Бог. Сам Петр считал, что его указы являются «фортецией правды». Поэт, общественный и церковный деятель Феофан Прокопович (1681-1736) придерживался точки зрения, что царь — наместник Бога на земле. Ю. Крижанич в книге «Политика» (1663-1666) полагал, что «самовластво», т. е. самодержавие, «это — жезл Моисеев, которым царь-государь может творить все необходимые чудеса». Мо-

⁶ Воинские артикулы Петра I. М., 1940. Гл. 3, арт. 20 (Толкование к 20 статье воинского устава 1716 года).

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 4870.

⁸ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 15.

нарх стал рассматриваться как монополист творческого начала в обществе, единственный источник позитивных инноваций.

Возникновение крайнего авторитаризма неизбежно ставит важный и принципиальный вопрос. Сам характер этого идеала, его конкретное содержание определяется стремлением человека к партиципации в соответствии с древней тотемической культурой. Тем не менее в крайнем авторитаризме есть какие-то новые элементы, которые, хотя и не являются определяющими, тем не менее достаточно существенны. Среди них следует прежде всего обратить внимание на *идею общего блага*. Она в принципе выходит за рамки традиционализма, так как нацелена не только на сохранение исторически сложившегося строя жизни, но в той или иной степени — на его улучшение. Идея общего блага может стать элементом ценностей первого лица, которое как тотем, отец, сакральный царь берет на себя ответственность за все. Идея «общего блага» впервые появилась на Западе (Г. Гроций, С. Пуфендорф) и была включена Петром в систему своих ценностей. В манифесте 1702 года он ставил своей целью, чтобы «все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучное состояние». В 1721 году он говорил, что «подлежит трудиться о пользе и прибытке общем». Возникла идея о цивилизаторской миссии государства, о совпадении его деятельности с распространением просвещения.

УТИЛИТАРИЗМ

Сама возможность обращаться к людям на языке благ означала, что в стране уже приобрела осязаемое влияние некоторая новая, выходящая за рамки синкретизма система ценностей, создан и получил влияние новый пласт культуры. Речь идет об исключительно важном для страны явлении, о развитии утилитаризма.

Значение утилитаризма в наиболее общем виде заключается в том, что через него люди осознанно вступают на путь расчленения мира, на путь подчинения окружающего мира повышению эффективности своей деятельности; человек начинает рассматривать действительность как мир реальных и потенциальных средств. Этот подход несовместим с синкретизмом, для которого мир — это прежде всего некоторое нерасчлененное условие жизнедеятельности, сама жизнедеятельность. Утилитаризм играет возрастающую роль в механизмах последующей истории страны, в развитии нравственных основ общества. Утилитаризм развивается как способность человека

видеть свою задачу в вычленении эффекта как особой проблемы своей деятельности, в стремлении сделать последнюю более эффективной. Эта способность развивается именно из желания обеспечить своей деятельностью партиципацию, не в последнюю очередь через совершенствование отношения с субъектами окружающего мира, например, через обмен, коммуникации. В синкретизме не может быть выделена проблема эффективности как некоторая рефлексированная особая задача, отличная от партиципации к нерасчлененной культуре. Тем не менее в какой-то скрытой невычлененной форме такая проблема существовала. Здесь можно видеть некоторый намек на способность людей фокусировать внимание на повышении эффективности, что достигается через постоянные контакты с окружающими явлениями-субъектами посредством жертв, обращения к этим явлениям с требованиями и даже угрозами.

О реальном *возникновении умеренного утилитаризма* можно говорить, когда вычленяется способность не только сохранять некоторый результат, но и его повышать, превращая это в повседневную задачу. Простой утилитаризм есть стремление достичь некоторого уже реализованного в обществе образца, например, в процессе собирательства, с помощью экспроприации, перераспределения, кражи и т. д., получая продукт в готовом виде. Каждый шаг развития утилитаризма является одновременно шагом, возможно скрытым, распада синкретизма. *Умеренный утилитаризм* переходит в *развитой утилитаризм*. Его специфика заключается в осознании связи результата, эффекта деятельности с собственной творческой продуктивной деятельностью, т. е. с рассмотрением эффекта как результата своей собственной активности. Умеренный утилитаризм отличается от развитого тем, что в первом случае увеличение эффективности рассматривается прежде всего как результат внешних сил, как присвоение уже готового результата, тогда как во втором — как результат собственных усилий.

В утилитаризме в отличие от синкретизма осознается различие, противопоставление ситуации и расчета, направленного на эту ситуацию, своеобразный микрорационализм, т. е. утилитарная целесообразность, способность связать выхваченный элемент мира не с бесконечным миром, а с чем-то ему противоположным, т. е. с человеческим благом.

Возникновение утилитаризма было революцией в человеческой деятельности, которая происходила сначала на каких-то глубоко скрытых этажах повседневного труда и общения. *Человек начал осознанно бороться с тиранией прошлого опыта*. В культуре из ее самых глубинных слоев стала уси-

ленно пробиваться критическая сила, пытающаяся вывести человека *из слепого подчинения ритуалу, из-под авторитаризма накопленной культуры*. Возникновение утилитаризма означало, что ориентация на сохранение неизбежности культуры стала замещаться способностью подчинить ее развитие росту потребностей. Центр тяжести человеческих ценностей стал перемещаться от стремления максимально раствориться в космической живой стихии к самому человеку, что требовало противопоставления этой стихии. Возникла способность идеального оперирования с элементом мира в отрыве от мира, размышления о мире с точки зрения, отличной от самого мира. Возникло осознание различия культуры и окружающего мира, что позволило рассматривать мир фрагментарно, мозаично, т. е. оценивать и использовать отдельные элементы мира. Деятельность людей с этими фрагментами была ограничена, а размышления по этому поводу заземлены, привязаны к ограниченной сфере интересов. Локальность, фрагментарность, эклектизм — важнейшие черты этого процесса. Ценности утилитаризма медленно пробивались на более высокие этажи культуры, чему способствовали различные стрессовые ситуации в обществе. Тем самым массовый утилитаризм не только укреплялся, но и получал нравственную санкцию в философии, религии, получал легальный нравственный статус. *Развитие утилитаризма является важным элементом прогресса медиации*. Утилитаризм, нацеленный на повышение эффекта деятельности, стремится адаптироваться к господствующему идеалу. Поэтому он всегда может быть использован силами последнего как средство утверждения синкретизма, авторитаризма и т. д., вовсе не претендуя при этом на положение господствующего идеала. Утилитаризм сам по себе противостоял априоризму манихейства, хотя, разумеется, на практике не мог не считаться с ним как с мощной социальной силой. Тем не менее рост утилитаризма подтачивал как синкретизм, так и манихейство. От утилитаризма шел далекий, мучительный путь вперед, он давал импульс прогрессу производства, формированию высокоразвитой культуры, новым нравственным идеалам и т. д. Но все это, однако, была лишь одна из туманных возможностей. Пока утилитаризм был слаб, его влияние на общую атмосферу в обществе происходило в рамках господствующего идеала как некоторого средства реализации его ценностей. Новые культурные веяния не стали еще собственной массовой почвой и могли лишь воздействовать на господствующий идеал, вносить в него новый компонент. Эти ограниченные возможности, однако, правящая элита немед-

ленно попыталась использовать для решения медиационной задачи.

Важнейшая особенность утилитаризма заключалась в том, что с определенного этапа представление о человеческом благе требует конкретизации, т. е. перевода на язык конкретных вещей и явлений. *Необходимой становится денежная оценка. Деньги* позволяют все свести к единому, растворить каждое единичное, каждую натуральную вещь в абстрактной всеобщности. В деньгах таится удивительная, чуждая традиционализму возможность соединять несоединимое, далеких людей, таланты, формы труда, затраты и результаты в общей деятельности, т. е. открывать дорогу всеобщему, не знающему границ творчеству. Но это возможно где-то в далеком, пока весьма проблематичном будущем. По литературе можно проследить существование утилитаризма, видимо, еще с XI века, когда среди противоборствующих больших идей-настроений можно выделить стремление к личному благополучию, по возможности не зависящему ни от Отечества, ни от Власти⁹.

Превращение утилитаризма в массовую повседневную ценность можно отчетливо зафиксировать в России в XVII веке. В обществе появилась большая группа инициативных людей, занятых в самых разных областях хозяйства, торговли, политики, культуры. Можно перечислить ряд известных деятелей, занятых активной и напряженной работой, начиная от царя Алексея и патриарха Никона. Усилился размах купеческих операций. Этот процесс хорошо прослеживается в русской литературе, отражающей смену ценностей в обществе, стремление повысить эффективность своей деятельности. До XVI века литература чаще всего призывала к неустанной молитве, к благочестивому ночному бдению, в лучшем случае — к мелочной работе. Герои в повестях XV-XVI веков почти никогда сразу не приступали к делу. Вообще в XV-XVI веках ценилась тишь, покойность, плавная красота людей и событий. В повести XV века о двух сапожниках в качестве отрицательного явления рассматривался неустанный труд. Перелом наступил примерно в конце 40-60-х годов XVII века, когда усиливалось осуждение бездельников, возникло требование энергичной деятельности и активности. Слово «польза» в первой четверти XVIII века становится одним из самых распространенных. Например, его применяет М. Ломоносов для описания образа идеального правителя, работника на троне.

Рост утилитаризма органически связан с ростом значимости личности, ее творческого потенциала, способности вычленять

⁹ Кузьмин А. Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоустрой: Древняя Русь X-XIII веков. М., 1990. С. 15-16.

эффективность, условия и средства ее достижения. Д. Лихачев писал о раскрепощении, «эмансипации личности в литературе XVII в.»¹⁰.

Важнейшее значение утилитаризма заключается в возникновении принципиально отличной от традиционалистской культуры конструктивной напряженности. В ее основе лежит дуальная оппозиция «повышение эффективности деятельности (в частности, труда) — снижение эффективности». Первый полюс рассматривается как комфортный, второй — как дискомфортный. Развитие утилитаризма существенно усложняет следование социокультурному закону, деятельность, направленную на преодоление социальной энтропии, социокультурных противоречий. Если следование социокультурному закону на основе вечего идеала означает постоянный возврат к некоторому исторически сложившемуся социальному и культурному стереотипу, то *развитие утилитаризма включает возрастание критического отношения к ранее сложившемуся идеальному состоянию*. Это усиливает необходимость установить единство культуры и социальных отношений на изменяющейся основе. В условиях умеренного утилитаризма эта новизна ограничивается лишь попытками количественных изменений в рамках сложившегося порядка, например, накопления благ. Это выражается в мечте о стране, где текут «молочные реки в кисельных берегах», в стремлении накопить богатство, овладеть тайной изобилия, скажем, достать скатерть-самобранку. Развитой утилитаризм включает стремление к новым средствам — вовлекать в торговлю новые товары из далеких стран, создавать новые формы деятельности, превращать накопленное богатство в новое богатство (например, получать дополнительные блага передачей тех или иных средств в аренду, денег в рост и т. д., создавать новые технические средства и т. д.).

Влияние утилитаризма на господствующий нравственный идеал можно видеть не только в идее блага, но и в тенденции к повышению масштабов и уровня производства, в определенной ограниченной поддержке обществом людей, которые к этому способны. Это можно отметить в России с середины XVII века, что проявилось в стремлении изменить распределение престижа людей, участвующих в принятии важнейших государственных решений. Новый идеал ставил их в зависимость от способности обеспечивать достаточно эффективные решения. Утилитаризм требовал выдвижения на государственные должности людей с более развитым умом, способных решать все более сложные задачи. Петр I вербовал офицеров

¹⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 144.

даже в среде холопов. Медиатор ставил себе на службу тех, кто оторвался от почвы, от местных миров. Таких людей было немного, так как те, кто принадлежал к верхам, были привязаны к сословным ценностям, древним привилегиям. Местничество, т.е. система служебных отношений, связанная с боярскими титулованными фамилиями, было пригодно в сравнительно неизменном обществе, где место каждого четко определялось в значительной степени еще до рождения.

В 1682 году собор постановил: «Быть всем чинам без мест и служить там, где государь укажет». Местничество было отменено. Иначе говоря, чиновник стал средством в руках государства для получения более эффективного результата в ущерб архаичной растворенности личности в некотором целом, в общности. В 1722 году была введена Табель о рангах, что логически следовало из уничтожения местничества. Само понятие «благородный дворянин» связывалось при Петре не с происхождением «от благородного корня», но со служебным положением. Это существенно расширило возможности высшей власти стягивать к центрам управления людей, максимально способных к организационной деятельности. Правящая элита осуществляла политику формирования сословия чиновников точно так же, как некогда осуществлялась политика формирования сословия помещиков. В обоих случаях эта политика была проявлением потребностей усложняющегося большого общества, а не случайной прихотью.

«И НИКТО БЫ БЕЗ ДЕЛА НЕ ШАТАЛСЯ»

Своей высшей точки крайний авторитаризм достиг при Петре I (1682-1725). Царь пытался перестроить систему управления соответственно модели, сочетавшей авторитаризм с элементами коллегиальности. Лично Петру, следовательно, были присущи не только крайние авторитарные стремления. Вместе с тем усиливалась власть губернатора, который назначался царем и сосредоточивал в своих руках всю власть в губернии, включая военную и финансовую. При губернаторе должен был существовать выборный из дворян «ландрат», решениям которого губернатор должен был подчиняться. Этим впервые вводился принцип равноправного участия в делах чиновника авторитарной власти и местных избранников. Однако эти любопытные учреждения, во-первых, фактически никогда не были выборными. Во-вторых, они вскоре бесследно исчезли. Коллегиальный институт не нашел поддержки в обществе. Это подтверждается, например, абсентеизмом местных дворян, когда в 1724 году им было предоставлено право избирать земско-

го комиссара для сбора подушной подати. Общество восприняло лишь авторитарную сторону этих институтов. Царь был бессилён, когда дело касалось каких-то элементов представительного правления. Его попытки создать местное самоуправление окончились полной неудачей. Эти аспекты реформ абсолютно не принимались обществом. Авторитарное управление распространилось на повседневную жизнь горожан. Чиновники должны были обеспечить охрану жизни, здоровья и имущества, покровительство торговли, промышленности, просвещения и благоустройства, охрану нравственности и чистоты веры путем зоркого наблюдения за поступками и помыслами местных жителей. Подданный обязан был не только нести установленную указом службу, но должен был жить не иначе как в жилище, построенном по «указному» чертежу, носить «указное» платье и обувь, предаваться «указным» увеселениям, подчиняться «указным» порядкам, в «указных» местах лечиться, в «указных» гробах хорониться и «указным» образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в «указные» сроки (М. Богословский). Преследование национальных форм быта принимало крайние формы издевательства, часто без серьезного на то основания. Чтобы иностранцы не выделялись в толпе и не подвергались опасности, население вынуждалось брить бороды, носить иноземную одежду.

Гражданская бюрократия соединилась с военным начальством. Военизация управления более соответствовала смыслу крайнего авторитаризма. Бесконечные формы надзора и контроля теперь дополнялись тем, что губернаторов, воевод, комиссаров за нерадивость и неисправность в сборе податей военные получили право заковывать в цепи, сажать в тюрьму и штрафовать. Боярская дума утратила всякое значение и наконец перестала собираться. В 1704 году был создан кабинет Петра — личная канцелярия царя — как высшее государственное учреждение.

В октябре 1721 года Петр провозгласил себя императором. Отныне никакие общегосударственные законы не могли исходить от какого-либо другого учреждения. Интеграция обеспечивалась стремлением центра власти держать под своим контролем все социальные процессы, включая процесс распределения престижей.

При Петре было издано 392 указа, касающихся норм уголовно-полицейского характера, в целях борьбы с беглыми бунтовщиками, «ворами», разбойниками и т. д. Если в 1649 году смертная казнь предусматривалась в 60 случаях, то в 1716 году к ним прибавилось еще 13, включая «сопротивление начальству». Существующие меры наказания пополнились вы-

рыванием ноздрей, языка и клеймением. К гражданским лицам широко применялись военно-уголовные законы. Всего при Петре было издано 3 314 указов, регламентов и уставов.

Рост авторитаризма выразался в стремлении к дальнейшему закреплению общества, превращению всех и каждого в составной элемент медиатора. Оно протекало как процесс своеобразной кристаллизации «жидкого элемента», как прикрепление личности к месту, например, к определенному поместью, к начальству, к помещику. Крестьянин был подчинен важнейшей функции государства, необходимости содержать помещика — царского слугу. Это состояние, которое иногда ошибочно отождествляется с рабством и которое действительно в своих крайних формах тяготеет к рабству, нельзя было достигнуть, закрепить лишь средствами насилия или даже экономического закабаления. Не было такой силы, которая могла бы установить крепостничество вопреки воле миллионов. Тем более на это не была способна слабая бюрократия. Крепостничество в России могло возникнуть в результате того, что формирование органического внутреннего единства общества, рост и укрепление государства могли черпать силы главным образом в ценностях локальных миров, в системе локальных личностных отношений.

Сама природа крепостничества в России — результат не манипуляции слабого государства, но экстраполяции на большее общество социальных отношений, конструктивной напряженности первобытных локальных миров, выброса этих ценностей древнего локального мира до самых вершин власти, и это означало закрепощение всех, вплоть до правящей элиты. «Основанием крепостного права служил начальный тип великорусского общественного быта — дом и двор... Чадам и домоладцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии „государя“, казалось очень естественным состоять под его „наказанием“... Древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая вытекающим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием»¹¹. Эта идея развивалась и в исследованиях других авторов, кто видел в этом процессе стремление человека найти «крышу», подчиниться покровителю, стать винтиком некоторой монополии. Закрепощение рассматривалось как стремление «экономически и социально слабых элементов общества стать под защиту и покровительство сильных. Это стремление

¹¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 213, 215.

вытекало из того, что при известных политических и социальных условиях самостоятельное хозяйство и самостоятельная борьба за существование становятся настолько трудными, что слабые люди предпочитают отказаться от свободы, а иногда и от личного имущества, чтобы жить и вести самостоятельное хозяйство под защитой сильного человека. В крайних случаях человек продавался в полное холопство. В других — поступал на службу. Затем защита сильных людей достигалась иногда тем, что человек вступал фиктивно или действительно в такие долговые отношения, которые ограничивали его свободу в пользу покровителя»¹².

Стремление отдать себя под власть сильного соответствовало ценностям тотемического синкретического сознания с характерным для него стремлением раствориться в как бы заданной внешней силе, черпать в ней собственную силу. Историк В. И. Сергеевич писал: «Сельское население еще задолго до прикрепления крестьян к земле находилось уже под вотчинным судом владельцев». Он полагал, что вотчинное право суда и управления вошло в состав крепостнического права, некоторые черты которого имеют, таким образом, более глубокие корни, чем указы, сперва ограничившие, а потом и вовсе отменившие вольный переход крестьян. Историки К. А. Неволин, Н. П. Павлов-Сильванский, М. А. Дьяконов полагали, что крепостничество опиралось на существующий с древности порядок, когда землевладелец управлял, судил, взимал подати. Очевидно, древность подобного порядка свидетельствовала о его общепринятости, о восприятии его всеми как чего-то естественного.

Крестьянин XV-XVI веков лишь в редких случаях мог обзавестись хозяйством без материальной помощи со стороны землевладельца или без льгот от казны. Однако сама по себе экономическая зависимость не перерастает автоматически в личную. Для этого нужно еще одно условие — отсутствие в личном сознании ценности свободы. Вспомним античный мир, где экономическое закабаление с последующими попытками порабощения должника встречали непреодолимое препятствие — систему ценностей свободного гражданина. Государственная власть, санкционируя процесс закрепощения, лишь выражала страх общества перед силами дезорганизации, опираясь на тот способ обеспечения единства, который был под рукой.

Процесс закрепощения, кристаллизации общества, закрепления личности за ее функциями был мучительным и сложным. Он совершался на всех этажах общества. Важным звеном

¹² Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 20-21.

было закрепощение самой правящей элиты. Если в Западной Европе социальный статус вассала определялся размерами земельной собственности, которой он владел, то в России статус слуги определялся его положением на княжеской, затем — на царской службе. В условиях примитивных форм земледелия и отсутствия стабильных форм частной собственности на землю земля представляла ценность не сама по себе, а как плата за службу. Экономическая несамостоятельность ставила личность в положение, зависимое от власти. Превращение службы в личную зависимость явилось лишь модификацией и переносом отношений, сложившихся в синкретических коллективах, в которых не расчлняются личность и ее социальные функции, где индивид закреплен за определенной функцией. Государство выступало как особый мир среди других миров и, следовательно, получало право на личность своего чиновника.

Чиновника соединяла с медиатором утилитарная система ценностей, например, надежды на получение поместья. Это отличало чиновника от дружинника киевских князей. Дружинники понимали свою службу как основанную на личном отношении к князю. Например, захваченная добыча делилась князем полюбовно на равноправных основах. Теперь же выросло значение безличной утилитарной связи, привязанной не столько к личности царя, сколько к месту службы, к поместью. Личная связь замещалась безличной организацией, однако синкретически персонифицировалась в личности первого лица государства.

Все предшествующее развитие общества, весь путь медиатора, вся система первобытного мировосприятия логически вели к дальнейшему процессу включения новых слоев общества в структуру медиатора, т. е. к дальнейшему закрепощению. Из закрепощения служилых сословий логически вытекало закрепощение крестьянства — населения пожалованной за службу земли. Крестьянский труд был экономической основой царской службы. Прикрепление к службе требовало закрепощения крестьян. Иначе сам поместный институт, вся система ценностей медиатора оказывались под угрозой стихии «жидкого элемента». Со своей стороны, крестьянство, перенося на царских слуг свое позитивное отношение к царю-батюшке, рассматривало работу на помещика как своего рода службу государству, так как видело в ней вознаграждение помещика за военную службу. Собственно, так на это смотрело и правительство.

На разных уровнях сообществ процесс закрепощения приобретал специфическую интерпретацию. Дворянство с самого начала было склонно истолковывать крепостную зависимость

как форму холопства, а значит, как лишение крепостного всех человеческих прав. Помещик как составной элемент медиатора был надзирателем крестьянской жизни, сборщиком казенных податей, правителем, что делало его в тех условиях фактически собственником личности крестьянина. Неповиновение обрекало человека на определенных этапах крепостничества на жестокие истязания, каторжные работы. Законодательство XVII века рассматривало владельца земли как своего рода чиновника с возложенными на него правительством обязательствами — обеспечения в голодные годы крестьян продовольствием, оказания им материальной помощи в случае бедствия. Эти обязательства выполнялись плохо, что свидетельствовало скорее о слабости государства, нежели о его нежелании наладить взаимопонимание с крестьянством. Высшая власть тяготела к истолкованию, согласно которому взаимоотношения крестьянина и землевладельца — важное звено в отношениях между крестьянином и государством, что требовало подчинения всей системы отношений интересам государства. И, наконец, у крестьян формировалось свое отношение к крепостной зависимости, основанное на идеалах общинной жизни: признавалась зависимость от царя и его слуг, но отрицалось разрушительное вмешательство начальства (т. е. тех же слуг) в традиционный уклад жизни.

Любой нравственный идеал в этих условиях не мог не быть версией крепостничества. Крах государственности в Смутное время подготовлялся сопротивлением крестьян крепостничеству в той степени, в какой крепостничество вступало в конфликт с древними формами жизни. Однако само согласие крестьян, пусть ограниченное, на государственность в условиях господства синкретизма практически означало согласие на крепостничество. *Крепостные отношения распространялись на все более широкие слои населения. Все вольные люди, непригодные к военной службе, обязаны были записаться в крестьяне или дворовые, чтобы «гуляки за ремесло принялись и никто бы без дела не шатался»¹³. Уже по смерти Петра I появился указ о ссылке гулящих людей в Сибирь, если никто не дал согласия на признание их своими крепостными. *Вольный человек немислим в России вплоть до конца XVIII века.**

Сложилась ситуация, существенно отличная от той, которая когда бы то ни было имела место на Западе. *Острая потребность в государственности приобрела в массах в результате страха перед хаосом форму согласия на закрепощение, на подчинение царю, начальству, согласия на наси-*

¹³ См.: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 212.

лие над собой как на что-то естественно неизбежное со стороны капризной, то злой, то доброй воли.

Крепостничество как форма экстраполяции на большое общество древнего локального идеала при недостаточном развитии срединной культуры никогда не получало законодательной санкции. Оно оформлялось на основе практических распоряжений властей, преследующих задачи упорядочения «жидкого элемента», в частности, решения финансовых задач. Крестьянин прикреплялся к личности помещика или вотчинника. Это было, видимо, результатом слабости сословий и, прежде всего, слабости крестьянства, недостаточного осознания им своих сословных интересов, выходящих за рамки локального мира. Это было *результатом своеобразного усиления государственного /мчала за счет сословного*, когда надо всем преобладало стремление все связи в обществе свести к вертикальным, т. е. от первого лица к каждому подданному. При слабости горизонтальных внутрисословных связей это действительно могло превратить личность в собственность человека, стоящего на ступень выше.

РЕФОРМА

Существование стран либеральной цивилизации, обладающих большей способностью повышать эффективность своей деятельности, создавало для России все более сложные проблемы. Оказалось, что страна не в состоянии вести войну старыми организационными и техническими средствами. В XVII веке отсталость, скудность собственных материальных и духовных средств по сравнению с западноевропейскими ощущалась сильнее, нежели в начале XVI века. Со времен Ивана IV оборона страны во всевозрастающей мере зависела от иностранцев. Уже в конце XVII века из них вербовались отряды царских телохранителей.

В. Ключевский писал, имея в виду XVII век, о чувстве национального бессилия, все более явно вскрывавшегося и в войнах, и в дипломатических отношениях, и в торговых сношениях. Сражения под Азовом показали Петру, что только европейское военное искусство может помочь пересилить Турцию. Правительство прибегло к заимствованиям прежде всего в области военной, в войнах предпочитали использовать наемные отряды, в дальнейшем иностранные офицеры использовались для обучения ратных людей. В соответствии с новыми требованиями организованы были полурегулярные войска, оружие и боеприпасы для которых ввозились из Швеции и Голландии. Само это обращение к иностранной помощи свиде-

тельствовало не только об отставании России, но и о ее развитии, о росте ее сложных потребностей, о ее определенной способности овладеть более сложными средствами и перейти к более сложным формам жизни.

Общество ощущало прежде всего общий недостаток ресурсов и квалификации для решения тех сложных проблем, которые оно поставило перед собой. Очевидно было, что отсталость страны не позволяла занять то положение, которое соответствовало претензиям в сложных условиях меняющегося, овладевающего невиданными средствами мира. Отсюда мучительное стремление ликвидировать этот разрыв, прибегая к освоению западных средств. Результатом были попытки реформ. Реформы выражали на деле стремление царя, правящей элиты превратить дискомфортное состояние в движущую силу роста эффективности воспроизводства, во всяком случае некоторых его сфер. *Идея реформы означала критику исторических форм реакции общества на рост дискомфортного состояния, отношения к нему как к результату козней злобных внешних сил, означала рассмотрение этого состояния как энергетического импульса для саморазвития, самосовершенствования. Идея критики исторического опыта здесь приобретает рефлексивный характер в масштабах общества, превращается в средство его самосовершенствования. В этом можно видеть принципиальный отход от чисто архаичной инверсионной реакции на дискомфортное состояние, которая означала форму перехода к альтернативе в рамках исторически сложившегося опыта. Реформа включала поиск, созидание новых альтернатив.*

Планы реформ не были систематизированы, продуманы, не имели общей концепции. Это были скорее импульсивные ответы высшей власти на выявившуюся внутреннюю неспособность отвечать на вызов истории. Это была система эклектических, оторванных друг от друга утилитарно мотивированных мероприятий, нацеленных в конечном итоге на то, чтобы любыми методами подвигнуть людей на определенные действия, на увеличение производимых ресурсов, овладение для этого определенными более сложными видами деятельности. Конечно, эти вполне утилитарные задачи могли решаться лишь теми средствами, которыми общество реально располагало.

Во время царствования Петра количество промышленных горнодобывающих предприятий возросло в четыре раза. Здесь не было, по сути, ничего оригинального, продолжалась в больших масштабах и с большей жесткостью политика предшествующего этапа. Основанные правительством предприятия управлялись чиновниками. Каждый шаг усиливал раскол меж-

ду промышленностью на крепостнической, дорыночной основе и промышленностью, развиваемой на основе частной инициативы. Эти реформы были *попытками модернизации, которые, однако, в значительной степени опирались на потенциал крепостничества.*

Предприятия могли передаваться в пользование дворянам и купцам. Однако «частные предприниматели пользовались лишь правом владения... Как и в XVII в., при Петре промышленность и шахты работали исключительно на государство. На свободном рынке можно было продавать лишь ту часть продукции, которая была не нужна государству. Правительство покупало продукцию частных промышленных и горнодобывающих предприятий по твердой цене, обычно по себестоимости. Прибыль можно было получить лишь с продажи излишков. Государство давало указания о качестве и количестве изготавливаемой продукции; невыполнение их грозило наказанием»¹⁴. Аналогичные меры принимались и в сельском хозяйстве. Воеводы получали распоряжения «заводить пашни» в отдаленных районах, чтобы снабжать Москву, делались попытки повысить уровень сельскохозяйственной техники, приглашались специалисты и т. д.¹⁵

Однако усилия правительства не привели к решающему успеху. Подспудные силы подтачивали господствующий нравственный идеал, соответствующие формы организации. Подати превысили вдвое прежнее обложение. Они, по словам В. Ключевского, доведены были до «непереступаемого предела». Налицо было «крайнее налоговое изнурение труда»¹⁶. Осуществив закрепощение всего общества, всех сословий, поглотив всё, исключая бунтовщиков, медиатор оказался бессильным выполнить свою социальную функцию, ту функцию, которая нравственно оправдывала его деятельность: обеспечение единства общества. Закрепощение общества парализовало медиатор, сделало его жертвой рабского духа, рабских принципов, рабских идеалов. Медиатор, решая задачу укрепления организации власти, одновременно разрушал источники творческой энергии масс и тем самым подрывал собственное существование.

Внедрение более передовых форм ремесленного труда не сопровождалось прогрессом системы управления, законодательной деятельности. Реформы не стимулировали людей к поискам более совершенного уклада жизни, а методы насилия лишь возводили бесправие в правило, рвали нити, связываю-

¹⁴ *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 278-279.

¹⁵ *Ляценок П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. С. 375.

¹⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 4. С. 143, 145-146.

щие народ с властью. Правящая элита не была ориентирована на социальные улучшения и, в сущности, вряд ли подозревала, что к этому нужно стремиться. Ничего не было сделано для выработки культурных мутаций, открывающих возможности новых путей развития самосознания людей. Напротив, медиатор закреплял прежде всего своими средствами низкий уровень самосознания и тем самым отрезал пути выхода из создавшегося положения. Печальные обстоятельства русской истории и, прежде всего, сложность задач, подлежащих разрешению в условиях господства синкретической культуры, создали слабую государственность, получающую из почвы недостаточное по сравнению со сложностью проблем количество творческой энергии.

Несмотря на рост задач государства, численность чиновников в государственном аппарате нельзя считать чрезмерной. Отсутствие средств не позволило содержать даже существующий аппарат. Государство затрачивало на управление такую же сумму, как маленькая Ливония. В 1714 и 1715 годах были сделаны попытки повсеместно ввести денежное жалование чиновникам вместо раздачи поместных окладов и выдачи хлеба. Однако на это не хватало денег. В 1727 году выплата денежного жалования канцелярским служащим была отменена. Вернулись к порядкам XVII века, когда чиновники «кормились от дел», т. е. фактически пробавлялись взятками. Узаконенное взяточничество усиливало в глазах народа представления о чиновнике (т. е., в конечном итоге, о государстве) как о враждебной силе. Эти настроения стимулировались воровством чиновников, в том числе самых высокопоставленных. Оно достигало фантастических размеров. Симптомы бессилия, дезорганизации власти были налицо еще при Петре. К концу жизни он издал ряд указов, где жалуется на общую служебную распушенность, на пренебрежение правительственными указами, что было, по словам В. Ключевского, «настоящей язвой управления».

Таким образом, выход за рамки тотемизма, переход к самокритике охватил лишь крайне ограниченную часть общества, не проникая в его толщу, где продолжали преобладать архаичные представления о существовании внешней силы как фактора, порождающего дискомфортное состояние, о борьбе с ней как средстве восстановления комфортабельного состояния. Все это дает основание для заключения, что петровское царствование еще более углубило раскол в обществе.

«ЖИДОВИН ИЗ РОДА ДАНОВА»

Атмосфера петровских реформ была разрушительна для повседневной жизни рядового человека. В их основе лежало стремление рассматривать людей и общество как некий механизм, который может управляться мастеровым. В концепции Петра проступали черты общества-машины, где человек представлял объектом манипулирования, деталью механического целого. Если обычное синкретическое государство оставляло нетронутым уклад жизни населения, общину, семью, то теперь авторитарное государство, получив мандат на управление, пыталось поставить все с ног на голову, вторгалось и в повседневную жизнь, быт, навязывая ценности, до того чуждые русскому сознанию.

Тем самым крайний авторитаризм приобрел черты тоталитаризма, стремящегося превратить первое лицо в единственного реального субъекта жизни людей на всех уровнях, вплоть до повседневности. Как говорили некоторые иностранные путешественники, указы Петра написаны кнутом. Петр полагал, что ему удалось создать новую породу людей. Сам он любил принуждать к противоестественным и мучительным действиям. Это касалось и ближайшего окружения, и всей страны. «Сейчас мы с ужасом отвращения думаем о том сплошном кощунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская реформа»¹⁷. Но с особенной силой дезорганизация проявилась после смерти Петра I, когда стало очевидным, что правящая элита не способна ни продолжать дело реформ, ни просто обеспечить удовлетворительное функционирование медиатора. Причина была в том, что стремление ввести новую конструктивную напряженность, ориентированную на развитие, вступило в конфликт с обществом и не смогло воодушевить необходимый минимум сторонников, активно поддерживающих реформы.

Низшей точки нравственного падения общество достигло в царствование Анны Иоанновны (1730-1740). Недоимки, достигшие размера почти двухгодичного государственного дохода, выколачивались путем жесточайшего насилия. Вооруженные отряды забирали все имущество у зажиточной части населения. Если полученных денег не хватало, то бывших собственников выводили на правеж. Били всех повсеместно и постоянно: дворян, воевод, низшее и высшее духовенство. Крестьян тысячами ссылали в Сибирь. Люди массами бежали за границу. За десять лет около 250 тыс. скрылись в Польше и

¹⁷ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции// О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 419.

Литве. Результатом были заброшенные деревни и голод. Медиатор, пытаясь подключиться к энергии общества, фактически его разрушал. Русские войска, попавшие за границу, имели приказ хватать всех беженцев, которые затем ссылались в Сибирь. Торговля людьми была узаконена. Она была обложена налогом, как и продажа любой другой собственности. Можно говорить «о страшном разложении русского общества в XVIII веке»¹⁸. Знаток России француз Леруа-Болье писал, что XVIII век был для России школой дезорганизации. Посланник Пецольд писал: «Все русские признают, что можно делать что угодно, имея в своем распоряжении известное количество гренадеров, погреб с водкой и несколько мешков с золотом». Граф Н. И. Панин говорил о режиме «временщиков и куртизанов», худшей форме личного произвола, правительственные учреждения он определял как «безгласные» и никакого образа государственного не имеющие.

Екатерина II застала страну в крайне мрачном состоянии. Почти все отрасли торговли были обращены в разорительные для страны частные монополии. Тюрьмы переполнены. Пытки и неправомерно жестокие наказания были в обычае. В суде господствовал произвол чиновников, народ страдал от незаконных поборов. Распоряжения сената исполнялись лишь после третьего указа. В сенате не было даже карты империи. «Доверия к правительству не было никакого,— писал В. Ключевский,— но все привыкли думать, что никакого другого распоряжения от него и исходить не могло, кроме вредного к общему благу. Значит, государство утратило свой смысл в народном мнении и даже превратилось в какой-то заговор против народа»¹⁹. Жизнь покидала закостеневшую государственную систему. Крайний авторитаризм, как и ранний умеренный авторитаризм, подвел страну к краю пропасти, к реальной угрозе новой национальной катастрофы. Массовое насилие власти имело разрушительные последствия. Впрочем, само это насилие было следствием массовой инверсии, утвердившей авторитаризм и дававшей властям нравственное право на насилие. Однако при этом предполагалось, что власть использует это право в других целях, для воплощения массовых идеалов. Следовательно, в глазах народа насилие, правомерное по своей сути, подчас применялось не по назначению. Фактически оно стимулировало обратную инверсию, отход народа от авторитарной власти.

Постоянное массовое стремление к локализму, желание замкнуться в локальных сообществах приобрело в результате

¹⁸ Коялович М. О. История русского самосознания. СПб., 1884. С. 151.

¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. С. 67.

банкротства крайнего авторитаризма новые черты. Негативное отношение к власти стало переноситься и на первое лицо, на царя, что имело громадные последствия для дальнейшей судьбы страны.

Наступление власти на ценности широких масс народ неизбежно воспринимал как рост дискомфорта, рост хаоса, провоцируемый силами зла. В качестве непосредственных носителей зла теперь рассматривалось не только начальство, но и сам царь, т. е. личность царя инверсионным образом переводилась в сферу зла. Тем самым все государство снизу доверху рассматривалось как носитель кривды. В конце XVII и в начале XVIII века возникла идея о подмененном царе. Ходили слухи, что Петр I — сын польки, что царица родила девочку, которую подменили немчонком. О Петре существовала легенда, что он является «жидовином из рода Данова», подменившим истинного царя, пропавшего без вести в «стеклянном государстве». Деятельность Петра I рассматривалась как продолжение богопротивных дел Никона: в таких мероприятиях, как введение нового календаря, видели нарушение сложившегося порядка, покушение на православие. Отсюда многочисленные версии о Петре-антихристе, от которого гибнет благочестие и вера, а царство его есть наступление конца мира. Вспыхнувшее восстание К. Булавина угрожало правящей элите новым истреблением. Восставшие обращались к «черным людям», к «голытьбе непокрытой» с призывом бить князей и бояр, «сажать в воду» (т. е. топить), расправляться с воеводами, начальными людьми, старшинами, подъячими, «неправедными» судьями, «обидчиками», «злыми супостатами» и т. п. Характерно двойственное отношение восставших к власти, неоднозначное отношение к царю. Известно не менее пятнадцати обращений восставших к Петру, к воеводам, «полководцам», «добрым начальникам», в которых они стремились открыть власти глаза на положение народа. Однако вскоре наступила инверсия. В 1708 году Булавин пригрозил смертной казнью всем, «кто станет говорить, чтоб принести великому государю повинную». Влияние староверов в этом восстании было, по-видимому, сильнее, чем в восстании Разина.

То, что чисто просветительскому взгляду может показаться нелепыми предрассудками темного народа, в действительности было творческим изменением представлений людей, реакцией на попытку разрушить синкретические ценности. Эта реакция переросла в активную вооруженную борьбу с государством как кривдой антихриста. Трагедия этой борьбы заключалась в том, что активизация синкретизма не несла в себе иного, более совершенного идеала государственности, нового принци-

пиально реализуемого решения медиационной задачи. Она опиралась на локалистские догосударственные ценности.

ОТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАСКОЛА К ХРОМАЮЩИМ РЕШЕНИЯМ

Именно во время царствования Петра I приобрело свою зрелую форму такое специфическое для России явление, как раскол. Представление о расколе возникло в связи с церковным расколом, но затем приобрело обобщенный смысл некоторой всеобщей характеристики России. Раскол может рассматриваться как важнейшая категория, характеризующая некоторую крайнюю форму существования общества. Вот два высказывания по этому поводу. «Петру удалось на века расколоть Россию: два общества, два народа, переставших понимать друг друга»²⁰. «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, как бросил коня на финляндский гранит — надвое разделилась Россия; надвое разделились и судьбы отечества, надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа Россия. Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрили в гранитную почву — два задних»²¹. Раскол, следовательно, рассматривается как потеря взаимопонимания двух слоев общества, один из которых связан с народной почвой, другой — с оторванным от почвы стремлением к новому. Раскол есть особое состояние социальной системы, для которого характерен стойкий длительный разрыв коммуникаций между слоями общества, жизненно важными для целого, их стойкое отчуждение друг от друга, невозможность взаимопроникновения смыслами и, следовательно, их социального взаимопроникновения. Раскол возник на объективной основе достаточно общеизвестного факта. Исследователи подчеркивают чрезвычайную устойчивость, «вневременность», статичность бытового, народного пласта культуры, который обладает собственным ритмом, не совпадающим во времени ни с изменениями действительности, ни с формами существования «высокой» культуры. В то же время он — «часть культуры своего времени, составляет с ней амбивалентное целое»²². В силу тех или иных конкретных социальных и культурных причин это нарушение

²⁰ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. С. 419.

²¹ Белый А. Петербург. М., 1978. С. 89-90.

²² Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике// Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 97.

приобретает устойчивый, застойный характер. Для раскола характерен *заколдованный круг*.

Раскол является не простым разрывом между противоположными ценностями. Попытка одной части общества, скажем, правящей элиты, распространить на все общество свои ценности приводит к активизации, усилению противоположных ценностей. Например, стремление власти модернизировать страну, внедрить ценности роста и развития может восприниматься носителями синкретического сознания как негативное, что вынуждает их активизировать свои ценности.

Существование раскола признавали самые разные и далекие друг от друга деятели. В. И. Ленин говорил о существовании двух культур в каждой нации — буржуазной и пролетарской²³. Богослов Г. Флоровский писал о наличии в древнерусском обществе двух культур: «дневной» и «ночной». «В подпочвенных слоях развивается „вторая культура“, слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие „переживания“ сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения»²⁴. Д. Мережковский также говорил о дневной и ночной России. К первой он относил Писарева и Чернышевского, ко второй — Достоевского и Лермонтова. «Какая из этих двух Россией подлинная? Обе одинаково подлинные». Он говорил о крайностях, «которые так удивительно совмещаются в России»²⁵. На раскол указывали Н. Бердяев²⁶, В. Ключевский²⁷. А. Герцен писал: «Ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией объевропеизированной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь»²⁸. Идея раскола под разными названиями пронизывает элитарную культуру.

Возможность раскола коренится в самой логике мышления и деятельности. Она заключается в гипертрофированном по отношению к сложности проблем использовании инверсии при недостаточном развитии медиации. Сложные проблемы решаются не столько наработкой нового соответствующего содержания культуры, интерпретацией, сколько обращением к уже накопленному ее богатству, к односторонней экстраполяции прошлой культуры на осмысляемое явление, к слепой вере в

²³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 120-121.

²⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 3.

²⁵ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 371.

²⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 10-11, 14-15 и др.; *Он же*. Судьба России. М., 1990. С. 14, 33, 73, 223 и др.

²⁷ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13-14.

²⁸ Герцен А. И. Поли. собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. 6. С. 364.

то, что дискомфортное состояние может быть снято в процессе инверсионного перехода от одного полюса дуальной оппозиции к противоположному. Необходимым условием возникновения раскола является смещение меры между экстраполяцией и интерпретацией, меры между инверсией и медиацией к первым полюсам в ущерб вторым: меры, которая определяется сложностью и динамизмом поставленных проблем, фактическим их выходом за рамки исторически накопленного опыта. Именно в этом случае можно говорить о слабости срединной культуры.

Это негативное обстоятельство уже обращало на себя внимание исследователей. «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны... В реальной жизни западного средневековья оказывается широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни „святыми“, ни „грешными“, ни „государственными“, ни „антигосударственными“, ни хорошими, ни плохими. Эта нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня... Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности... Промежуточных нейтральных зон не предусматривалось... В земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым... Светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда — как нейтральная по отношению к этим понятиям. Наличие нейтральной сферы в западном средневековье приводило к тому, что возникала некоторая субъективная непрерывность между отрицанием сегодняшнего и ожидаемым завтрашним днем... Нейтральная сфера жизни становилась нормой, и высоко семиотизированные сферы верха и низа средневековой культуры вытеснялись в область культурных аномалий. В русской культуре соответствующего периода господствовала иная ценностная ориентация. Дуальность в отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводила к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего... Изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа... Новое возникало не из структурно „неиспользованного“ резерва, а являлось результатом трансформации старого, так сказать, выворачивания его наизнанку. Отсюда, в свою очередь, повторные смены могли фактически приводить к *регенерации* архаических форм»²⁹.

²⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Т. XXVIII (Литературоведение). С. 4-6.

Таким образом, гипертрофированная приверженность к полярностям и недооценка середины, поиска синтеза, меры в каждом акте осмысления порождает возможность раскола на два противоположных полюса в каждом таком акте.

Логически или гносеологически возможность раскола существует в каждой клеточке мышления. Эта возможность в определенных неблагоприятных условиях может реализовываться в воспроизводственном процессе как в функциях, так и в структурах общества. Раскол был возможен, когда важные инновации не столько осваивались всем народом до самых его глубин, сколько вызывали у него отталкивание, дискомфортное состояние. В этом случае возникала враждебность к тем силам общества, которые были, или казалось, что были, проводниками этих новшеств. Это в свою очередь могло иметь место в результате того, что масштабы и темпы новшеств значительно превышали исторически сложившуюся в культуре способность их принимать, осваивать, превышали некоторый сложившийся в культуре допустимый шаг новизны. Поэтому новшества могли служить фактором накопления взрывоопасного материала, но при этом в обществе сохранялись очаги инноваций, без которых оно существовать не может.

Суть раскола заключается в том, что способность общества следовать социокультурному закону снижается до уровня всего лишь способности сдерживать дальнейший рост социокультурного противоречия на грани необратимости. Иначе говоря, расколотое общество живет в условиях постоянной хронической собственной неспособности последовательно преодолевать социокультурные противоречия, вынуждено существовать в условиях острейших противоречий, конфликтов во всех формах, подводящих страну к катастрофе. Первой исторической формой раскола и одновременно той его формой, которая порождает все последующие, является раскол между обществом и государством. Его суть заключается в том, что конструктивная напряженность большого общества не может быть результатом чистой экстраполяции, конструктивной напряженности локального мира. Специфические задачи государственности, интеграции большого общества, необходимость новых средств для увеличения жизненно важных ресурсов приводят к столь существенной интерпретации исходной конструктивной напряженности, что она вызывает массовое дискомфортное состояние.

Первые элементы раскола наличествовали на Руси уже при возникновении государства, которое было одновременно и результатом творческой силы народа, и результатом внешней силы. В этой ситуации стремление правящей элиты ввести

христианство привело к дальнейшему усугублению раскола. «Именно в Киеве заложено зерно будущего трагического раскола в русской культуре»³⁰. Аналогична точка зрения Р. Пайпса. Он писал, что при варягах общество отличалось «необычайно глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В Киевском государстве и в киевском обществе отсутствовал объединяющий общий интерес, государство и общество сосуществовали, сохраняя особые обличия, и вряд ли чувствовали какие-то обязательства друг перед другом». Для этого общества характерна «необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом и собственническая, вотчинная манера отправления державной власти»³¹. В том же направлении действовала враждебность власти и церкви к народной культуре. «„Нечестивая“ языческая традиция, куда входили значимые элементы образа жизни, оценивалась как угроза господствующей идеологии»³². Христианство распространялось не как спонтанное движение широких масс, а в силу решения правящей элиты, которое осуществлялось также и средствами насилия. Это не могло не наложить глубокий отпечаток на отношение народа к христианству, церкви и государству. Как писал авторитетный историк русской церкви профессор Е. Е. Голубинский (1834-1912), государство пошло по пути «принудительного крещения». «Введение новой веры сопровождалось немалым волнением в народе, были открыты сопротивления и бунты»³³. Раскол обострил противоречие между локальной конструктивной напряженностью и конструктивной напряженностью, от воплощения которой зависит интеграция общества, существование его как целого. Раскол выступает как фактор дезинтеграции, дезорганизации.

Раскол порождает одно важное следствие, с которым придется сталкиваться в дальнейшем изложении, — то, что можно назвать хромающими решениями. Раскол есть фактически неспособность воспроизводить гармоничную интеграцию, единство общества, балансирующего на пути к необратимой дезорганизации, дезинтеграции. Раскол есть неспособность в обществе принимать целостные, значимые, охватывающие существенные стороны жизни общества решения. Принимаемые решения представляют собой некоторую неопределенно длинную цепь, в которой каждое решение корректирует, отменяет,

³⁰ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. С. 411.

³¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 181-182.

³² Романов Л. Н. Культурологические аспекты крещения Руси// Религии мира: Ежегодник, 1987. М., 1989. С. 181-182.

³³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1880. Т. I. Ч. 1.

ограничивает предшествующее и само в свою очередь становится жертвой последующего. Это естественный результат существования в обществе противоположных, парализующих, разрушающих друг друга сил, находящихся в разных смысловых полях. Активность в одном поле неизбежно вызывает противоположную в другом, что и находит выражение в цепи последовательно отменяющих друг друга решений. Это четко видно на примере петровских реформ. Высшая авторитарная власть постоянно металась между крайними решениями, будучи не в состоянии ни одну из крайностей довести до конца. Например, в первой половине XVIII века было издано около 200 указов, где строжайше предписывалось возвращать беглых их владельцам. Но само правительство не только не предпринимало необходимых мер для их осуществления, но и приостанавливало сыск с целью хозяйственного освоения новых районов. Та же ситуация сложилась с запретительными законами против крестьянской торговли и промышленности³⁴.

Это крайне негативное проявление раскола является важной особенностью общественной и государственной жизни, динамики российского общества.

АЛЬТЕРНАТИВА РАСКОЛУ?

В основе раскола лежит конфликт двух типов конструктивной напряженности, каждый из которых связан с определенным типом воспроизводства, типом цивилизации. Один из них является необходимым элементом традиционной цивилизации, соответствующей статичному воспроизводству. Другой — необходимый элемент либеральной цивилизации, интенсивного воспроизводства. Суть раскола заключается в том, что оба типа конструктивной напряженности оказались фантастическим образом совмещены во времени и пространстве, что породило между ними разрушительный, периодически усиливающийся конфликт. Общество постоянно пыталось преодолеть раскол, усилить значимость то одного, то другого аспекта раскола, соответствующей системы ценностей. Очевидно, попытки реформы, использование ограниченных либеральных ценностей неизбежно означали стремление усилить в обществе конструктивную напряженность либерального типа. Это отчетливо видно при сравнении документов петровского царствования с предшествующими. Раньше в грамотах, которые получали наместники, содержалась стереотипная фраза: наместник, волостель «вас ведает и судит и входит у вас по всему по тому, как

34 Индова Е. И. Аграрный строй в России в XVIII в. М., 1966. С. 2.

было *преж сего*»³⁵. Власть, следовательно, ориентировалась на сложившиеся порядки. Теперь же она стремилась их изменить. Языческие представления носили циклический характер, т. е. основывались на повторяющихся элементах, например, смене времен года. Однако постепенно стала складываться идея истории, возникла ориентация на будущее. Представление о времени — элемент конструктивной напряженности. При Алексее Михайловиче в русской культуре появилось представление о бесконечности истории. «Если прежде настоящее воспринималось как эхо вечности, эхо прошедшего, то теперь оно стало зародышем будущего»³⁶. Изменение отношения к будущему означало изменение отношения к личности. Если сравнить тексты петровских указов с царскими указами XVII века, то для последних характерна следующая форма: «А буде, которые люди учнут делать то-то и то-то... и тех людей казнить без всякого милосердия»; в указах же Петра заметна мотивировка, элементы поучения — политического, юридического и естественно-научного характера.

Общество, по крайней мере правящая элита, постоянно пыталось преодолеть одну из систем ценностей, заменить ее другой, сместить центр тяжести между ними. Очевидно, что если бы это удалось, то в обществе сохранилась бы какая-либо одна конструктивная напряженность, т. е. исчез бы раскол, основа для хромающих решений. Однако специфика расколотого общества заключается в том, что оно оказывается не в состоянии преодолеть старую систему ценностей в пользу новой, так как обе системы ценностей оказались в той или иной форме достаточно укоренены, и потому раскол также остается непреодоленным: в обществе формируются силы, буквально его разрывающие, атомизирующие. Ни одна из противоположностей расколотого общества не может уничтожить другую, не уничтожив себя. Поэтому история страны становится в значительной степени историей постоянных попыток абсолютизировать одну из противоположностей в ущерб другой. Периодически вспыхивают конфликты между низшей формой конструктивной напряженности (например, локализмом, статичными ценностями), с одной стороны, и стремлением к интеграции большого общества, к динамичным типам конструктивной напряженности — с другой.

Переход от заторможенной вялой инверсии к раннему авторитаризму довел раскол до зрелой формы. Он приобрел харак-

³⁵ См., например: Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 156.

³⁶ *Панченко А. М.* История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко// Куликовская битва и подъем национального самосознания. М., 1979. С. 198.

тер острого конфликта между общегосударственными ценностями роста и развития и локальными ценностями статичного общества, между ценностями поступательного развития и инверсионным типом социальных изменений. Рост раскола усилил ненависть широких масс к начальству, взаимное непонимание между ними, неспособность власти воздействовать словом на чувства и разум подданных. Раскол стал тривиальной естественной трагической повседневностью.

«В ОГОНЬ И ВОДУ ТОЛЬКО И ХОДУ»

Период царствования Петра I всегда был предметом особого внимания исторической науки и иногда рассматривался как водораздел русской истории, как поворотный пункт от варварства к цивилизации, по мнению одних, или отказ от национального развития, самобытности, по утверждению других. Очевидно, обе эти точки зрения имеют определенные основания. Значение реформ Петра заключалось в том, что они усилили в высшей культуре «фермент западничества», стремление опереться на определенные ценности западного либерализма, сделали это стремление содержанием деятельности власти и образованного слоя. *Однако ограниченный, уродливый характер этого западничества заключался в том, что Запад, западная культура на русской почве были превращены лишь в набор реальных и потенциальных средств.* Еще Г. Плеханов подметил, что «по методам своим Петр был славянофил». Практически реализация идей западничества приводила к стремлению овладеть новыми средствами, но не целями. В результате новые средства были использованы для достижения старых целей. Но старые методы в значительной степени разрушали то, что должны были создавать. В. Ключевский писал о «домашних средствах», используемых для осуществления реформ, о том, что они «состояли только в расширении государственной власти за счет общественной свободы и в стеснении частного интереса во имя государственных требований... каждая реформа этого порядка сопровождалась какой-нибудь тяжелой жертвой для народного благосостояния и общественной свободы». Других методов общество почти не знало и не понимало. Этот разрыв между исторически обоснованными задачами и непригодными для их решения методами был невыносим. «В огонь и в воду только и ходу» — так квалифицировали в народе сложившуюся ситуацию.

Сама историческая оценка этих попыток модернизации не может быть однозначной. Они стимулировали идеал, связанный с ростом и развитием, без чего в мире уже нельзя было

существовать. Слишком большое отставание от Запада могло иметь гибельные последствия. Но эти попытки усилили раскол, разрушительное несоответствие двух векторов конструктивной напряженности.

Негативное значение петровских реформ заключалось в том, что их объективным результатом не стало подтягивание основной массы населения до сколь-нибудь более высокого уровня культуры. Наоборот, они привели к усилению поляризованности расколотого общества. Внедрение элементов более высокой культуры происходило таким образом, что они стали фактором наращивания массового дискомфорта. Результатом стал подъем не общества в целом, но лишь некоторой сравнительно небольшой группы. Это в конечном итоге усилило раскол в обществе, придало ему завершенную форму. Парадокс заключался в том, что прогресс оказался фактором, стимулирующим регресс, традиционализм, локализм. Возникли новые формы социальной структуры, например, промышленные предприятия, но на крепостнической основе. Они лишь имитировали либеральные формы. Таким образом складывалась система псевдоструктур и псевдофункций. Их основа лежала не в собственной производительной деятельности, но прежде всего в том, что они могли существовать за счет принудительной перекачки ресурсов государством.

Попытка использовать «Моисеев жезл» для укрепления интеграторов на основе новой конструктивной напряженности привела к росту в стране состояния дискомфорта, к эффекту социального бумеранга, к уходу творческой энергии масс из-под влияния медиатора. Попытка на основе крайнего авторитаризма решить медиационную задачу, соединить единство с разнообразием ценностей и обстоятельств, с устойчивым стремлением к росту и развитию не удалась. Разнообразие не укладывалось в рамки государственности и противостояло ей. Дезорганизация угрожающе нарастала.

В главном, т. е. в деле ликвидации раскола, в формировании срединной культуры в важнейших сферах, произошло попятное движение. Культурный разрыв между верхом и низом возрос. Об этом свидетельствовало, например, то обстоятельство, что, по некоторым данным, общий уровень грамотности в стране во времена Петра снизился по сравнению с серединой XVII века. Имела место всеобщая убыль населения, которую можно сравнить с аналогичным процессом в эпоху Великой смуты. По данным за 1730 год снизился удельный вес горожан³⁷. Крайне важным для понимания судьбы страны было то,

³⁷ Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 28, 225.

что деревенская Россия «ничего на самом деле не приняла из реформы Петра I»³⁸. В царствование Петра произошла задержка в развитии русской литературы — важнейшей сферы развития высшей культуры в стране, пришли в упадок искусство, иконопись и т. д. Основной порок попытки модернизации России заключался в том, что ее движущей силой была прежде всего поверхностная импульсивная реакция малочисленной части правящего слоя на сложившуюся ситуацию, на военное и экономическое состояние страны, на ее отсталость. Эта реакция не опиралась на соответствующее развитие культуры, новые ценности в толще общества. Симптомы культурного застоя и деградации не беспокоили сторонников реформы. Реформаторы не понимали, что для достижения поставленных целей необходимо нечто большее, чем обучение техническим приемам, что необходим массовый коренной сдвиг в ценностях, новый подход к интеграции общества, необходим новый тип личности, новые цели. В противном случае поверхностное стремление к модернизации станет лишь фактором, подготовляющим мощную волну антимодернизации, контрреформы, приведет ко всеобщей дезорганизации и, возможно, к распаду государства.

Рациональный смысл утверждения о «Петре-Антихристе» заключался в том, что созданная государственность теряла связь с системой ценностей масс и превращалась в античеловеческую силу. Подрывались основы решения медиационной проблемы, народ отстранялся от власти, лишал ее поддержки. Фигура царя в этой ситуации приобретала трагический характер.

Социальные интеграторы оказались у порога способности сохранить большое общество. Если очередной крах большого общества не произошел, то это можно объяснить лишь сильнейшей массовой апатией, отсутствием стремления выработать реальную альтернативу существующей государственности. Это касалось не только широких масс, но и высшего дворянства. Попытка верховников в 1730 году ограничить самодержавие встретила сопротивление со стороны дворянства и поэтому провалилась. Дворяне отказались взять на себя частицу ответственности за высшую власть и тем самым обрекли себя на унижения в царствование Анны Иоанновны, а страну — на деградацию.

³⁸ Герцен А. И. Поли. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 406.

КОНЕЦ ПРЯМОЙ ИНВЕРСИИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Подъем творческих сил народа, приведший к возникновению большого общества, после ряда интенсивных колебаний завершился переходом к низшей точке упадка. Отрыв власти от почвы привел к отрыву первого лица — этого высшего организационного воплощения интеграции общества — от пронизанного локальными ценностями государства, что выявилось, в частности, в легкости последующих дворцовых переворотов.

Крайний авторитаризм завершил важный период в истории страны. Общество прошло путь между двумя крайними точками инверсии, завершило сложное колебательное движение, импульсом которого было осознание необходимости общего порядка, тяга к государственности, к объединению. Однако это стремление не опиралось в должных масштабах на рост способности создавать соответствующую большому обществу организацию, на соответствующее развитие срединной культуры. Отсюда само это движение возникло как компромисс между двумя несовместимыми типами социальных изменений, между стремлением к неизменности и стремлением к развитию. Исторические события дают сложную картину постоянного поиска нравственной и организационной основы государственности большого общества, решения медиационной задачи, соединения интеграции и творческой энергии масс.

Накопленный исторический опыт страны показал, что общество, пройдя четыре этапа, не вышло за рамки господства манихейского типа мышления и действий, во всяком случае в том, что касалось формирования большого общества, государственности, социальных интеграторов. Страну бросало из одной губительной крайности в другую, от господства воспроизводства на основе соборной Правды локального мира к господству воспроизводства на основе авторитарной, даже тоталитарной Правды первого лица. Недостаточный уровень рефлексии, конкретно-исторической способности соответствующей интерпретации своего культурного богатства привел к ситуации, когда поиск выхода приобрел форму периодических переходов от одной крайней интерпретации вечного идеала к противоположной. Развитие приобрело циклический характер, осложняемый, однако, тем, что постоянно накапливаемая интерпретация оказывает воздействие на циклы, прежде всего смягчая некоторые инверсии, превращая их в вялые, замедленные, мешая им доходить до логического конца.

Циклическое развитие, инверсии порождали волны дезорганизации, разрушали большое общество, государство, то переходя через порог, ведущий к катастрофе, то приближаясь к

нему. Одна крайность в огне бунта приводила к растаскиванию большого общества по локальным мирам, вторая — к подавлению творческой энергии, жизненных сил общества. Отсюда слабость интеграторов большого общества, государства, которые нуждаются в опоре на срединную культуру, на рост способности ее формировать в соответствии со сложностью проблем, способности опережать эту сложность. Только в этом случае общество сможет опираться на идеалы, которые будут не только экстраполяцией некоторых древних ценностей, но и результатом углубления в предметную суть современности. Отсюда раскол, приводящий к бесконечному спору общества и медиатора, где последнее слово остается всегда за многомиллионным народом. Именно он своей воспроизводственной активностью или пассивностью способен показать медиатору, что последний — всего лишь тень общества со всеми его достоинствами и слабостями. Отсюда, между прочим, следует, что точка зрения, подчеркивающая особую мощь государства в России, является мифом. Сила государства, которая проявлялась в насилии, в попытках поднять народ против «зла», внешнего или внутреннего, — эта сила рассеивается как дым, когда речь идет о решении позитивных творческих задач. Сами эти творческие задачи требуют субъекта, ориентированного на развитие и прогресс, тогда как реально он оказывается еще на уровне статичных ценностей локальных миров. Такая государственность после каждой своей напряженной попытки вывести общество на новые рубежи теряет силы, доходя до полного изнеможения, до полной или почти полной потери связи с народом, с массовой воспроизводственной деятельностью.

Страна прошла четыре этапа, которыми, по-видимому, был исчерпан некоторый круг возможных комбинаций для инверсионного движения, для решений медиационной задачи, для создания соответствующих социальных интеграторов. Серия попыток привела в конечном итоге после двух национальных катастроф к созданию государственности, способной пережить очередную инверсию. Собственно, в этом и заключается успех, который был достигнут, однако, неисчислимыми жертвами, ценой архаичной деспотической государственности, опирающейся на веру в царя-тотем, и осложнен попытками модернизации варварскими методами, что как раз именно эту веру подрывало. Тем самым была исчерпана прямая инверсия, идущая от соборного идеала к авторитарному полюсу, что и привело к зрелой форме раскола, к тому, что внутри общества была заложена мина замедленного действия. Однако уход жизни из стабилизирующих государственных форм не привел го-

сударство к гибели. Но общество не нашло себя, не создало стабильной системы. Оно не достигло принципиального согласия с собой, не нашло основы, которая позволила бы всем слоям населения творчески работать в своем локальном мире для общества, а обществу — для всех сообществ. Работа внутри локального мира и работа большого общества гармонично не воссоединились. Историческое движение приобрело завершённый мучительный, уродливый, мятущийся характер.

ГЛАВА V ПОЗДНИЙ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ И ЛИБЕРАЛИЗМ

РОССИЯ «ПРИШЛА В СЕБЯ»

Банкротство воспроизводственной деятельности, опиравшейся на идеал крайнего авторитаризма, на тоталитарные принципы, вызвало в обществе массовое дискомфортное состояние. Гигантская инверсия, которая прошла от господства соборного идеала до крайнего авторитаризма, достигнув своей крайней точки, повернула назад. Этот процесс можно было наблюдать, например, на ослаблении власти вотчинника над сельским локальным сообществом. Община никогда не теряла своей способности бороться за самосохранение. Даже в наиболее сильных вотчинах община противодействовала авторитарному давлению. В случаях, когда помещикам удавалось уничтожить мирское управление, оно быстро восстанавливалось¹. К концу XVIII века отмечалось усиление крестьянской общины². Община оказалась сильнее государства. Характерна борьба, которую вели крестьяне новооскольской вотчины Салтыковых. Она завершилась в 1808 году переводом крестьян на оброк. Это повлекло за собой изменения в организации управления. Раньше управляющий представлял господам свое мнение по поводу хозяйственных и иных решений на утверждение. С переводом хозяйства на оброк «суд и расправа» были переданы мирским представителям, «атаману» и десяти «старейшим». Авторитаризм отступал в отношениях между общиной и помещиками.

¹ *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 187.

² *Ван Режемортен Ж.* Упадок крепостного права. 1796-1855// Современные зарубежные исследования русской правовой мысли XIX века. М., 1982. Вып. 1. С. 92

Новая инверсия опять приобрела вялый характер. Этому способствовала сама резкость прошлого перехода к авторитаризму, давшая в конечном итоге негативный результат. Вялый отход от авторитаризма привел к попытке восстановить древнее синкретическое равновесие между элементами вечного идеала, их гармоничное согласие. На полпути обратной инверсии возник *поздний идеал всеобщего согласия*. Это движение охватило все общество. Налицо была новая попытка продвинуть вперед срединную культуру, найти новую альтернативу, отказаться от манихейских крайностей, создать систему отношений, воплощающих стремление ликвидировать раскол, искать Правду, формируя слияние народа и власти. *Этот идеал нашел своего теоретика в лице историка и писателя Н. Карамзина (1766–1826)*. Он выдвинул идею: «История народа принадлежит государю». История страны сводится им к истории самодержавия, безусловное повиновение народа признается необходимостью, что не исключает строгой законности, установления широких гражданских свобод, включая свободу слова, всенародное участие в общественных делах. Он писал: если народ обязан склоняться перед монархом, то и монарх имеет определенные обязательства перед народом. В «Истории» Карамзина апологии самодержавия сопутствовало резкое осуждение его злоупотреблений.

В системе Карамзина заметны особенности, отличающие ее от раннего идеала всеобщего согласия: 1) ударение на нравственный аспект проблемы, 2) исчезновение идеи промежуточного социального института — Земского собора, что свидетельствует об углублении раскола и его разрушительном воздействии на организационное творчество общества. Карамзин выдвигал некие общие правила поведения, правила игры, но не предусматривал введение соответствующих институтов, обеспечивающих соблюдение этих правил. Аналогичные идеи получили широкое распространение. Согласие должно было достигаться само собой. Как заявил один из дворянских депутатов в комиссии, созданной Екатериной II, собственный интерес помещика достаточно побуждает его заботиться о благосостоянии своих крестьян. Известный просветитель Н. Новиков (1744–1818) в своей комедии, напечатанной в журнале «Кошелек», говорил, что барин должен заботиться о своих крестьянах, а крестьяне — искренне любить своего барина. Новый идеал позволял идти навстречу разнообразию ценностей различных слоев и групп, рассчитывая на их спонтанную внутреннюю гармонию. *Стремление искать в большом обществе гармонию*, аналогичную идеалу древнего локального сообщества, наталкивалось, однако, на глубокую расчленен-

ность большого общества. Эта расчлененность требует интеграции общества, предотвращения разрушительных конфликтов между его частями. Общество может достигать этого в борьбе за объединение разнородного. Но может и выдвигать идеал синкретизма, нивелирующего внутренние различия, что порождает социокультурное противоречие между культурным идеалом и спецификой большого общества.

Практически это противоречие между верой в спонтанную гармонию большого общества и разнообразием групп решалось путем экстраполяции представления о целом на часть, расширения прав того или иного сословия. Ослабление сословия, его закрепощения может быть ошибочно оценено как шаг навстречу целому. Первый нерешительный шаг на высшем уровне в этом направлении был сделан в царствование Анны Иоанновны: служба дворян была ограничена двадцатипятилетним сроком. В царствование Елизаветы Петровны (1741-1761), когда Россия «пришла в себя», «никто из людей, враждебных и опасных правительству, не был казнен смертью, при допросах никого не пытали». Правда, не всем это нравилось. Когда на площади выведенные на казнь были помилованы, «никому не отрубили головы, то встало волнение, которое должны были усмирять солдаты»³. Для этого царствования характерно стремление следовать историческому наследию Петра, «дать силу его указам, поступать в его духе», но одновременно наметились попытки обратиться к ценностям низов. Возникла мысль о созыве депутатов для внутреннего благоустройства в стране. Идеал согласия становится господствующим. 18 февраля 1762 года Петром III был опубликован манифест о пожаловании всему российскому благородному дворянству вольности и свободы. От политики закрепощения общества, которая превращала всех и каждого в элемент бюрократической машины, медиатор встал на путь ликвидации крепостной зависимости. Власть отказалась от взгляда на страну как на вотчину. Медиатор получил мощный животворный импульс: его деятельность приобрела нравственное оправдание как выражающая интересы народа. Правда, манифест касался только дворянства, но при данной расстановке сил именно оно рассматривалось как народ, т. е. как часть, которая и была целым. В манифесте выразилось намерение заменить принуждение апелляцией к совести, к общественному мнению. Уже тот факт, что для дворян отменялись телесные наказания, можно считать подлинной психологической революцией во взаимоотношениях их с властью. Начинался золотой век дворянства.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI (тт. 21-22). С. 140.

Императрица Екатерина II (1762-1796) отошла от провозглашенной Петром I идеи всевластия царя, от трактовки личного усмотрения государя как единственного двигателя жизни общества. Царским манифестом от 6 июля 1762 года было объявлено, что самодержавное самовластие само по себе без узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства, усматривалась ценность в конкретных человеческих свойствах, признавалось определенное право личности поступать по собственной воле. В 1775 году было издано «Учреждение губерний для управления Всероссийской империей», что способствовало укреплению позиций как местного чиновничьего аппарата, так и местного дворянства в администрации и суде на местах. На базе местного самоуправления должны были объединяться усилия всех сословий.

На местах учреждался совестный суд, который должен был противостоять административному и судебному произволу, ему предоставлялось право освобождения из-под стражи лиц, державшихся в заключении более трех дней без достаточных на то оснований. На Приказ общественного призрения возлагалась обязанность насаждать просветительные и филантропические учреждения — осуществлять строительство школ, больниц, приютов, богаделен и т. п.

Налицо решительный поворот. А. А. Кизеветтер писал: «Стародавняя историческая традиция приучила общество смотреть на все административные учреждения как на насосы, приставленные к источникам народного благосостояния и выкачивающие материальные ресурсы народа на пополнение государственной казны. Теперь закон провозглашал ту истину, что администрация должна служить обществу, расчищая почву и облегчая пути к подъему его культуры, причем было признано, что выполнение этой задачи может быть доступно для администрации лишь в том случае, если к участию в ней призываются сами местные общественные силы». Идея сотрудничества, активизации местных сил пронизывала все мероприятия власти.

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Становление позднего идеала всеобщего согласия стимулировалось не только инверсионной реакцией на банкротство авторитарного идеала. Формирование субкультуры правящей элиты включало также интерпретацию приобретающего *все более существенное влияние утилитарного идеала, а также обращение к либеральному идеалу*. Нравственная духовная жизнь приобрела сложный многоаспектный характер. Возник-

новение все более сложных проблем неизбежно заставляло смотреть в сторону Запада, который, как казалось по крайней мере определенным группам, обладал более эффективными средствами для решения возрастающего множества проблем. Запад постоянно посылал вызов, показывая свою более высокую эффективность в решении вроде бы тех же самых проблем, количество которых неуклонно множилось в стране. Поэтому Запад для России всегда оставался сложной амбивалентной проблемой. Он — носитель знаний и умений, внушавших, однако, подозрение в своем дьявольском происхождении. Своих результатов Запад добился на иной культурной нравственной основе, на протяжении столетий и даже тысячелетий развивая утилитаризм. Утилитаризм оказал мощное стимулирующее влияние на все стороны жизни общества, что в конечном итоге было необходимым условием возникновения либерализма — нравственного идеала принципиально нового типа.

Либерализм несет в себе новый тип социальных интеграторов, соответствующих специфике большого общества. Этот идеал *в определенном смысле противоположен синкретизму во всех его версиях*. Либерализм — нравственное основание общества либерального типа, т. е. общества либеральной цивилизации, коренным образом отличной от традиционной цивилизации с ее ориентацией на статичное воспроизводство. Интеграторы либерализма носят всеобщий характер. Они являются сложным результатом многовековой творческой деятельности миллионов, создавшей большое общество на его собственной основе. В этом существенное отличие от вещного идеала, который предоставлял для воспроизводства государственности культурное богатство догосударственной жизни. *Либеральный нравственный идеал по самой своей природе способен быть нравственной основой большого общества*. В этом его отличие от утилитаризма, который со своим своеобразным микроэмпиризмом и микрорационализмом привязан к частному, случайному и способен постоянно приспосабливаться к любому господствующему нравственному идеалу, выступать как средство его укрепления.

Определенный поворот правящей элиты к утилитаризму и тем более к либерализму мог быть результатом существенной духовной работы в обществе, нацеленной на постоянное переосмысление, интерпретацию, переинтерпретацию нравственных идеалов. Это означало, что *в обществе постепенно формировалась духовная элита*, т. е. социальная группа, профессионально занятая культивированием высших духовных ценностей общества на основе критического переосмысления высших результатов национальной и мировой культуры.

Большое общество, в особенности вступившее на путь утилитаризма, не может существовать, если в нем не сложилась духовная элита, занятая разработкой высшей культуры. Той культуры, которая поднялась до осмысления задач большого общества, человечества, которая ищет новые нравственные идеалы, пути воспроизводства большого общества, новые, более совершенные, достойные средства единения людей, более высокие цели. Гибель духовной элиты, изоляция ее от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации. Она — центр духовной жизни общества, где сконцентрирована выработка новых культурных и организационных мутаций. Она аккумулирует, концентрирует важные культурные новшества, возникающие в обществе, во всей толще народной почвы. *Духовная элита расширяет сферу самосознания.* Последнее является не чем иным, как способностью человека превращать свое сознание, свои идеалы в особый предмет рассмотрения. Самосознание — это рефлексия сознания, необходимый элемент всякого сознания, который может противостоять сознанию. В принципе *сознание и самосознание — полюса дуальной оппозиции, находящиеся друг с другом в диалоге*, в состоянии амбивалентного взаимопроникновения. Даже самое примитивное человеческое сознание постоянно порождает самосознание.

Духовная элита осмысливает, переосмысливает, разрабатывает идеи, лишь наметившиеся в сознании народа. Она формирует высшую форму осознания усложняющихся задач общества. Ее задача — поднять сознание от узких частных задач до уровня проблем большого общества, всего человечества.

Духовная элита постоянно занята переосмыслением нравственных основ жизни общества. Это делается с разных позиций: философии, богословия, литературно-художественного творчества и т. д., что приводит к расслоению в самой духовной элите. В обществе, тяготеющем к синкретизму, где сохранилась древняя синкретическая монополия власти на жреческо-идеологические функции, правящая и духовная элита слиты и медленно, с трудом осознают различие своих задач. Правящая элита призвана обеспечить повседневное решение медиационной задачи, постоянное следование общества социокультурному закону, слияние возможностей интеграции общества и ценностей массового сознания. Правящая элита по самой сути своих социальных функций должна ежедневно предотвращать углубление раскола вплоть до необратимой деструкции, максимально сужать разрыв между ценностями локалистского массового сознания и интеграцией общества. Задачи, стоящие перед духовной элитой, принципиально иные.

Переосмысление сознания выводит ее на новые ценности, на поиск путей новой, более достойной жизни. Она вдохновляется логикой высшей культуры, тогда как правящая элита следует логике наличных культурных форм, логике компромисса между ними. *В тенденции духовная элита действует по логике самосознания, а правящая — по логике сознания.* Поэтому диалог между ними — абсолютная необходимость для воспроизводства общества. Однако между ними возможен раскол, когда они превращаются в фактор дискомфорта друг для друга. Для общества это может иметь трагические последствия.

Специфика духовной элиты в том, что ее шаг новизны, масштабы культурных новшеств могут быть больше приемлемых для основной массы населения. Это обстоятельство создает *предпосылку для раскола между духовной элитой и народом*, т. е. результаты творчества духовной элиты могут вызвать массовое дискомфортное состояние, раскол между разными формами сознания, между сознанием и самосознанием. Народ в условиях раскола для духовной элиты может выступать как «таинственный незнакомец» (И. Тургенев). В этом случае культурные мутации, вырабатываемые духовной элитой, не получают реального выхода за ее рамки. *Раскол не происходит в тех странах, где существует диалог духовной элиты с массовым сознанием*, где результаты творчества каждой из частей общества постоянно осваиваются другими частями и масштабы приемлемых новшеств, шага новизны постоянно расширяются.

По словам А. Герцена, до начала XIX века лучшие люди России шли вместе с властью, поэты воспевали царей, не будучи рабами. Духовная элита не видела в своей деятельности ничего, что противоречило бы задачам власти, стремилась к слиянию своих и ее целей. Таким образом, власть могла опираться на образованную часть общества. Например, идея особого назначения русского православия послужила обоснованием политики власти в борьбе против Новгорода. Труды представителей интеллектуальных кругов чаще всего выступали в форме челобитных царю, который в глазах общества был единственной силой, способной реализовать предполагаемые мероприятия. Мыслитель середины XVI века Ермолай-Еразм, протопоп дворцовой церкви, в трактате, написанном для Ивана IV, предложил программу переустройства управления страной, проект военных и судебных реформ. В трудах И. Пересветова нашло обоснование неограниченное самодержавие: «Не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, так и царство без грозы». Любопытно, что

труды Пересветова пользовались популярностью вплоть до конца XVIII века, что, по-видимому, было связано с культом авторитарных идей в читающем слое общества. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича» (1603) патриарха Иова нарисован идеал монарха. Там доказывалось, что Борис Годунов — наилучший преемник династии Калиты.

Преобразованиям петровского царствования предшествовала не одна программа реформ. Так, проект панслависта Крижанича чрезвычайно близок реформам Петра I. Вокруг Петра сложилась группа интеллектуалов — «ученая дружина», по определению Феофана Прокоповича. И подготовка, и сам ход преобразований проходили под влиянием интеллектуальных сил.

Представители духовной элиты часто занимали крупные государственные посты. Все крупные историки XVIII века были чиновниками на службе у правительства. Приверженность духовной элиты власти имела и негативную сторону, препятствуя ее влиянию на общество. По мнению В. Ключевского, прожектеры петровской эпохи не оказали заметного влияния на общественное самосознание. В этой связи эпоха Петра I была, как заметил Д. Лихачев, «самой нелитературной эпохой за все время существования русской литературы».

Нелегким оказался самостоятельный путь духовной элиты. Она не могла оставаться «мальчиком на побегушках» у власти, исполнителем ее утилитарных требований. Освободившись в результате падения крайнего авторитаризма от узкого утилитаризма, от нравственной зависимости от медиатора, она тем самым становилась наследницей идущей от Аввакума традиции нравственной независимости от власти. Это расширило возможность либерального разномыслия. *Либерализм в России опирался на два источника: во-первых, на отдаленные возможности перерастания утилитаризма в либерализм, чему способствовало развитие городов, разнообразия форм деятельности; во-вторых, на внутреннее движение высшей культуры, стимулированное ростом внутреннего напряжения в стране, остротой раскола, возможностью постоянного использования культурного материала других стран и народов. Отдаленные истоки возникновения либерализма в стране можно видеть в линии, идущей от духовного вождя «заволжских старцев» («нестяжателей») Нила Сорского (ок. 1433-1508), который, в противовес господствующим взглядам на обрядовую сторону религии как на основную, проповедовал внутреннее совершенствование человека. Он требовал личного переживания веры, сосредоточения человека на своем внутреннем мире. Учение*

его вело происхождение от византийских исихастов (XIV век), выдвигавших идею примата внутреннего созерцания, от отцов восточной церкви, от библейских пророков, ставящих выше всего Правду в человеческом сердце. Видения пророков, по словам А. Тойнби, всплывали из подсознательной глубины человеческой души.

Российский либерализм постоянно получал стимулы от высших достижений западной культуры, от западного либерализма. Важным звеном развития либерализма стало масонство, появившееся еще при Елизавете. Оно было нравственным движением дворянской молодежи. Масоны обращались к разуму и сердцу человека в поисках источника «истинной нравственности», нравственных оснований жизни в кризисной ситуации. Масонство стремилось преодолеть крайне болезненную для страны локальность, замкнутость мировосприятия, выдвигая идею всемирного братства. Цель его — «собрать добродетель со всех земных стран» без различий племенных, религиозных, сословных, поскольку у всех один отец. Видный масон И. Лопухин (1756-1816) составил катехизис, в котором было сказано: «Масонство видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи»⁴.

Образованные круги вступили на путь либерализма, нравственного и социально-политического движения, осознавшего реальную необходимость и целесообразность для общества прогресса во всех его формах — нравственного, социального, экономического, политического и т. д. *В тенденции русский либерализм выступал как деятельность элитарного самосознания, преодолевающего синкретизм и творящего нравственный идеал общества нового типа.*

В либерализме инверсии противопоставляется диалог и, следовательно, заложено стремление преодолеть инверсионный тип социальных изменений в процессе поисков новых путей развития общества. Либерализм противопоставляет инверсионному типу изменений медиацию, анализ и синтез, постоянный поиск меры. Согласие достигается, таким образом, через диалог, движение к согласию посредством критики и к критике через согласие. Согласие же, основанное на вариантах древнего синкретического идеала, статичное по характеру своему, опирается на веру в его заданные нормы. *Либеральный и синкретический идеалы несовместимы.* Либерализм преодолевает локализм сознания, переходя к принципу всеобщей ответст-

⁴ Сидоров Н. П. Масонство и крепостное право // Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 163.

венности, ответственности каждого за целое, целого за каждого. Либерализм видит в расколе проблему, ему чужда вера в отвлеченную Правду традиций и заветов предков. В центре его — активная личность, синтез личного и общего в процессе развития. Идеал либерализма — активное стремление к общей пользе, которая совпадает с саморазвитием личности. Личность выдвигается на первый план как источник нового, как активное начало, как самоценность. Либерализм опирается на науку, на технику, тогда как синкретизм враждебен изменениям. Либеральный идеал носит динамический открытый характер и находится в непрерывном развитии. Он не имеет завершенной формы. Для понимания исторических путей либерализма в России крайне важно то обстоятельство, что он стал удобной формой интерпретации идеала всеобщего согласия как духовной, так и правящей элитами.

Екатерина II, которая, не в пример предшествующим правителям страны, была европейски просвещенным человеком, мечтала о переустройстве России на либеральных основах. У нее был достаточный запас наблюдений, опыта и знаний. Отсутствие национальной социальной науки вынуждало Екатерину обращаться к теориям западных просветителей, к сочинениям Монтескье, Беккариа, немецких публицистов и французских энциклопедистов. Но если для Запада эти сочинения были важнейшей ступенью самосознания, самосовершенствования общества, то в России они приобретали совершенно иной смысл, оценивались в иной модальности. Обращение к западной науке явилось прежде всего симптомом поисков выхода из социального и политического тупика, знаменовало собой порыв к реформаторству, а также говорило о содержании интересов духовной элиты, о ее критическом настрое. *Но западные теории, выросшие на принципиально иной культурной почве, оказались практически беспомощными в условиях России.* Они не были бесполезными для русского читателя, показывая ему, что общество должно быть предметом изучения, и тем самым приводя к мысли о необходимости реформ, о назревшей потребности в социальной теории и практическом ее воплощении. Они, наконец, познакомили русских с идеалами Запада, причем оказалось, что социальный идеал не обязательно заимствуется из прошлого, но может созидаться по мере прогресса знаний. Идеи эти для духовной и правящей элиты России имели скорее общеметодологическое значение: реальной программой в условиях России они стать не могли. В екатерининском «Наказе» Комиссии Уложения изложены основные идеи, касающиеся преобразования жизни страны на основе либерализма, достижения согласия между обществом и

государством. Одновременно он свидетельствовал *об абстрактности либеральных стремлений, оторванности их от реальных мотивов, которыми руководствовались социально значимые слои общества.*

С правительственного одобрения развернулась широкая издательская деятельность, выросло количество издаваемых в стране журналов. Либерализм выступал и как независимая сила, и как правительственная политика.

РАСКОЛ ПРАВЯЩЕЙ И ДУХОВНОЙ ЭЛИТ

При Екатерине II сложилась, казалось бы, исключительно благоприятная ситуация: единство правящей и духовной элиты, т. е. власти и разума, создавало основы для совместной деятельности, организационного созидания, для осуществления самых заветных замыслов. Тем не менее *в расколотом обществе раскол между правящей и духовной элитами был неизбежен.* Причина его лежала достаточно глубоко. *Духовная элита шла к либерализму, тогда как правящая элита страшилась прежде всего накопления социокультурных противоречий,* противоречий между массовым сознанием, наиболее влиятельными ценностями общества, с одной стороны, и государственностью, ее политикой, функциями, всей организацией власти — с другой. Это особенно ярко видно на примере Екатерины II, которая в силу своего образования и воспитания склонялась к либерализму. В стране не было третьего сословия. Питая интерес к этой проблеме, императрица пригласила к себе 28 купцов. «Однако их просьбы оказались самыми прагматическими (пошлины, цены, монополии) и совершенно не касались политических, судебных прав, столь заботивших французского буржуа; среднее же российское купечество и мещанство, узнав о совещаниях, испугалось, как бы не усилилась, не выгадала от новых привилегий приглашенная царицей верхушка... Выяснилось, что конституции, высшие советы, парламенты совершенно не волнуют российское дворянство, за исключением самой небольшой группы мыслящих идеологов (братья Панины, Дашкова, Фонвизин и др.); боязнь мелких дворян, что в высших совещательных, политических органах укрепятся могучие аристократы, явно перевешивала стремление к свободе, независимости... Поэтому уже подписанный в августе 1762 года указ о создании „конституционного“ Императорского совета Екатерина вскоре надорвала, остановила»⁵.

⁵ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 72-75.

Екатерина II была даже вынуждена однажды использовать военную силу для защиты от бесчинства выбранных органов.

Раскол, который мучительно, с возрастающей силой ощущала правящая элита, стимулировал ее попытки усилить политическую активность определенных слоев, активизировать систему самоуправления. Новые институты там, где они насаждались, превращались в форму государственной службы. Складывался заколдованный круг. С одной стороны, власть административными средствами эпизодически пыталась повысить политическую активность тех или иных слоев, но, с другой стороны, эти люди, не ощущая еще в этом внутренней потребности, не отличали эти попытки от других неприятных для них форм административного нажима, что лишь усиливало сопротивление этим попыткам.

Императрица, не встречая в стране даже минимальной поддержки либерализму, отступила. В 1792 году по указанию Екатерины без суда и следствия был заключен в Шлиссельбургскую крепость Н. Новиков. В издаваемых им журналах велась полемика с императрицей, высмеивались знать, судебные порядки, хотя до принципиального осуждения существовавшего режима дело не дошло. В лице Новикова мысль, выходящая культура впервые выступила как независимая от власти сила. В том же году были запрещены масонские организации. Екатерина II, казалось, забыла о «Наказе» — правящая элита увидела в лице духовной элиты потенциального врага, в плодах ее труда — разрушительное оружие. Наиболее ярким фактом разрыва явилась расправа с А. Радищевым (1749-1802). Его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) прямо объявляет самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием». Он считал закономерной вековую тягбу народа с государями и отстаивал свободу слова. Безрезультатной оказалась попытка авторов конституционного проекта графа Н. И. Панина и писателя Д. И. Фонвизина. В их тайных проектах 1770-х годов проводилась идея освобождения крестьян. В сущности, проекты были вполне в духе «Наказа». С новым этапом раскола власть лишилась разума, а духовная элита — силы, возможности диалога с обществом посредством сложившихся социальных институтов. В крайне сложной ситуации власть оказалась вооруженной лишь рассудком, обыденным сознанием, а духовная элита, теснимая властью, оказалась под угрозой изоляции. Крах либеральных идей Екатерины еще раз подтвердил ограниченность возможностей власти, ее зависимость от господствующих в обществе ценностей.

В повороте Екатерины от либерализма и просветительства, бесспорно, сыграл свою роль и страх перед разразившейся

Великой Французской революцией. Екатерина II лучше других почувствовала смысл краха крайнего авторитаризма, к чему понуждала ее и неустойчивость ее положения государыни, захватившей трон без всяких законных оснований. Оно осознала неприятие широкими слоями как дворянства, так и крестьянства ценностей либеральной цивилизации. В этом главная причина поворота политики в 90-х годах и разрыва с духовной элитой.

Однако правящая и духовная элиты нуждались друг в друге, и либерализм, казалось бы, мог стать нравственной основой их единства. Александр I (1801-1825) объявил, что будет управлять «по законам и сердцу» своей «премудрой бабки», что свидетельствовало о попытке вернуться к либерализму и примириться с Духовной элитой. Царь пытался подготовить некоторые либеральные реформы. Их общее направление можно определить как уравнивание всех сословий перед законом и приобщение к совместной деятельности, дружному участию в государственном управлении. Император и его приближенные главным злом в управлении считали «произвол», отсюда их планы водворения строгой законности. Проект М. Сперанского предполагал введение выборности всех законодательных, исполнительных и судебных органов, учреждение Государственной думы с правами законодательными и с ответственным министерством. Правящая элита пыталась нейтрализовать негативные последствия всеобщего крепостничества. Крестьянство нельзя было оставлять во власти дворян, так как это в конечном итоге было чревато взрывом.

В начале царствования была запрещена аренда населенных земель в частную собственность, по указу 1803 года помещики получили право отпускать на волю крестьян, наделив их землей, официальное подтверждение получило существование сословия «свободных хлебопашцев». Была запрещена продажа людей на ярмарке, что, впрочем, не сыграло важной роли; отменено право помещиков ссылать крестьян на каторгу. При Александре I были сделаны определенные шаги навстречу ценностям крестьян и даже фабричных. Кабинет министров принял специальное постановление: «По справедливым жалобам крестьян помещиков предавать суду, а имена их брать в опеку; по справедливым жалобам дворовых людей освобождать их от услуг помещику, выдавать паспорта для снискания пропитания». В результате деятельности особого комитета по расследованию положения на казенных предприятиях в 1818 году был издан царский указ «Об улучшении на казенных предприятиях способов содержания фабричных». Выступая в польском сейме, Александр I подчеркнул значение «законно-

освободительных учреждений». Их «спасительное влияние» он обещал распространить на всю Россию. Конституционный опыт Польши рассматривался царем как этап в развитии представительного правления по всей стране. Будущая конституция должна была соединить западную идею права с неограниченным самодержавием.

Однако и эти попытки либерализации успеха не имели. А. Герцен писал об Александре, что он желал улучшений, но не знал, как приступить к ним. Предпринимая попытки двигаться по либеральному пути, он терял опору в социально значимых слоях, среди основной массы общества — дворянства и крестьян. Отсюда отмеченные декабристом А. Беляевым «частые колебания» правительства, т. е. неспособность преодолевать ограниченность хромающих решений. Проекты реформ повисали в воздухе.

В. Ключевский так характеризовал деятельность Сперанского в первые годы царствования Александра: «Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он и начертил такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но, когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных средств России... <...> Это была политическая мечта...»⁶. Либерализм этого этапа носил абстрактный характер, т. е. не мог в должной степени конкретизировать собственные идеи. Тяготеющая к либерализму система ценностей правящей элиты и система ценностей крестьянства могли сохранять определенную видимость единства в статике. Но любая попытка правящей элиты что-либо существенно изменить выявляла скрытый глубочайший раскол, что внушало страх перед любыми значимыми изменениями. «Александровская весна» зашла в тупик. Интимный кружок при императоре распался, Сперанский был отстранен. Это дает основания говорить о трагедии Александра, вынужденного проводить политику, противоречащую его убеждениям. Царь оказался совершенно бессильным. «Александр начал Марком Аврелием, кончил Тиберием. Солнце, взошедшее так ясно, закатилось в кровавый туман. Он умер среди наступающего террора, среди ужаса, который внушал другим и который равен был ужасу, который сам он испытывал»⁷.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 218-219.

⁷ Мережковский Д. С. Поли. собр. соч. СПб.; М., 1911. Т. 10. С. 43.

Опыт общества в условиях господства позднего идеала всеобщего согласия показал, что смыкание духовной и правящей элит происходило на основе обоюдного стремления к либерализму. Расхождение же между ними, конфликт, доходивший до вооруженного столкновения, возникает в результате краха либеральной политики власти. Правящая элита, нацеленная на повседневное решение медиационной задачи, в результате кризиса своей политики может быстро изменить курс, тогда как духовная элита, склонная заглядывать далеко вперед, сделать это не может. Однако проблема заключается в том, что в условиях преобладания в обществе тех или иных вариантов вечевое нравственное идеала либеральный идеал, во всяком случае в сложившихся в то время формах, не открывал путь решения медиационной задачи. Инверсионная волна оставалась в рамках древнего вечевого идеала и могла лишь перемещать фокус между двумя крайними полюсами оппозиции «авторитаризм — соборность». Следовательно, во всех случаях господствующий идеал оставался в рамках общества, тяготеющего к синкретизму. Господство разных форм вечевого идеала не выходило за рамки доминирования партиципации, стремления слиться с тотемом — монополистом на Правду, на власть. Это означало, что медиационная задача во всех случаях могла решаться лишь на основе социальных отношений, сохраняющих статичный образ тотема, который выступал одновременно и как некоторое сообщество, и как отец-вождь-царь. Либеральный идеал, однако, означал отказ от партиципации и, следовательно, требовал решения медиационной задачи на противоположном принципе личной ответственности за общество, требовал динамичности целей и ценностей. Эта раздвоенность не могла не усиливать социокультурное противоречие, дискомфортное состояние: негативное впечатление об общем нарастании хаоса в обществе усиливало противоречие между культурой и социальными отношениями, между субкультурами государственности и локальных миров, между разными типами социальных отношений. В основе этого лежало мощное и изменяющее свою направленность развитие массового сознания, которое оставалось во власти догосударственных идеалов и двойственного отношения народа к власти.

«ЖЕЛАЕМ ОСТАТЬСЯ КАЗЕННЫМИ»

Власть постоянно сталкивалась с манихейской враждебностью народа к правящему слою и одновременно с его стремлением слиться с царем. В одном из подложных указов

Екатерины II, распространившихся среди крестьян, дворяне обвинялись в том, что по их вине изринута из России Правда. К екатерининской эпохе относится литературный памятник «Плач холопа», автором которого, видимо, был крепостной человек. В нем сказано, что только воля выведет всякую неправду, что тогда переведутся злые господа. В «Плаче» видна и враждебность к иностранцам. Но сама царская власть в нем трактуется как высшее благо. Некий И. Батурин, подкараулив однажды цесаревича Петра, предложил «взбунтовать народ в его пользу»⁸. Башкиры об императрице говорили: «Она правосудна, но правосудие от нее не отошло и к нам не пришло». Взбунтовавшиеся крестьяне Полоцкой губернии заявили: «Ничего нам не будет, ибо государь позволил просить на отягчающих помещиков, да от нас уже и посланы с прошением к царю». Своей высшей точки возмущение достигло в восстании Е. Пугачева (1773-1776), охватившем чуть ли не половину страны. Восставшие грабили усадьбы помещиков, истребляли представителей правящего слоя, разрушали города, сжигали металлургические заводы на Урале. Интересно, что изучение А. Пушкиным истории пугачевщины послужило его освобождению от поклонения перед народом.

Пугачев был по крайней мере седьмым по счету самозванцем, выдававшим себя за Петра III. В восстании было велико влияние староверия, некоторое время на знаменах восставших был староверческий крест. При всем разнообразии этнического и религиозного состава восставших их объединяло стремление к старой вере; для народов Поволжья это был возврат к своим старым дохристианским верованиям. Их общность с русскими староверами состояла в ориентации на древние формы жизни, в неотступном желании обрести на престоле природного царя. В. Короленко говорил о значении образа Петра III — Пугачева: «Найден царь, настоящий, общий, способный всех примирить, установить гармонию интересов. Великая народная мечта, великий и трагический обман!...»⁹

Народу нужен был царь-избавитель. В одной из староверческих легенд Петр I предрекает явление другого Петра — мстителя и избавителя, и тот обещает: «У всех у них отниму крестьян и сделаю, как в старину бывало». Пугачев выступал как воплощение Правды, гарант народной свободы. «Свобода», как это явствует из крестьянских документов, означала жизнь под «премудрым управлением всероссийского скипетра» в противоположность жизни под властью помещика. Пугачев жало-

⁸ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 138.

⁹ Короленко В. Г. Записные книжки (1880-1900). М., 1935. С. 367.

вал своих подданных «вольностью, без всякого требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов побору, коими казна сама собою довольствоваться может, а войско наше из вольножелающих к службе нашей великой исчисление иметь будет. Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый несочувствует прописную вольность и свободу». Он обещал народу «свободу и тишину» на земле, «коя до века продолжаться будет». «Тишина» пугачевских манифестов и состояние «покою» в сказочных сюжетах, которое дает народу получивший царство герой, — проявления одного и того же менталитета. «Как только цель достигнута и несправедливость устранена, наступает состояние покоя („Стали жить-поживать и добра наживать“), действие дурных закономерностей прекращается, динамический сюжет исчерпан и будущее мыслится как некая статичная социальная структура»¹⁰.

Пугачев обещал мир на веки вечные, социальную гармонию и избавление. Он был враждебен начальству, и это определяло его непосредственно эмоциональную связь с народом: «Жалуем сим именным указом, с монаршеским и отеческим нашим милосердием, всем находящимся в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короны». Рабство помещику заменялось рабством царю. Интересно, что этой идеей обосновывал абсолютизм Посошков в своем сочинении «О скудости и богатстве», утверждая, что помещики крестьянам не вековые владельцы, а владелец им царь. Переход от помещика под власть царя понимали как переход в разряд государственных крестьян, «в казну»: «Умрем, а не хотим быть за помещиком. Желаем остаться казенными». Это было наиболее радикальным из требований крестьян. Оно коренилось в тотемических представлениях, требующих от людей партиципации к внешнему сильному авторитету, держателю монополии.

Рабство царю, т. е. носителю высшей Правды, не есть, собственно, рабство, но отдача себя под власть справедливого отца — могущественного царя. Одновременно крестьяне несли в себе непримиримую вражду к правящему слою, так как он не вписывался в тотемическую модель мира. Восстание мордовских крестьян Тюрюшевской волости в 1743 году было вызвано религиозными притеснениями, затем оно перекинулось в соседние районы и продолжалось два года. Восставшие угрожали начальству «побить вас всех до смерти». В пугачевских манифестах крестьяне призывались истреблять «злодеев-дворян...

¹⁰ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 161.

Кои дворяне в своих поместьях и вотчинах,— оных, противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать». Суд над большинством помещиков, «облихованных» крестьянами, оканчивался виселицей. Обычны были самосуды с убийством всей семьи помещика, включая детей. Один из эmissаров Пугачева объявил: «Если кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалование сто рублей, а кто десять дворянских домов разорит, тому 1 000 рублей и чин генеральский». Восстановление общинного самоуправления, независимого от помещичьей вотчинной администрации, явилось главным требованием волнений в 1820-1840 годах в целом ряде имений. Во всех этих случаях крестьяне отказывались повиноваться старостам и бургомистрам, которых навязывали им помещики, и выбирали своих, которые обычно возглавляли волнения.

В первой половине XIX века сокращалось число наемных управляющих и управление в имениях передавалось бургомистрам из крепостных, которые выбирались миром. Разумеется, этот процесс не проходил везде одновременно. Существенно, что единицей крестьянских волнений была община, т. е. волнения почти никогда не охватывали лишь часть общины и, как правило, не выходили за рамки имения или общины. Крестьяне стремились предотвратить нежелательные изменения, вернуться к идеальному прошлому. Декабрист А. Бестужев писал о них: «Все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего»¹. В рапорте Курского наместнического правления Сенату о вооруженном выступлении крестьян села Новосергиевского в 1796 году указывалось, что крестьяне, по их словам, стремились «к удержанию им себя в настоящем положении»². Все требования сводились к отмене разрушительных для сложившихся форм жизни перемен, противостояли государству и помещикам.

Требования солдат также не выходили за рамки существующих порядков. Они сводились к защите элементарных условий жизни. Протесты их связаны с хищением солдатских провиантских сумм, с чинимыми ненавистными командирами жестокостями и непосильными учениями. Особенно сильное недовольство вызвано было военными поселениями, где вся жизнь подчинялась военному режиму, регламентация жизни была доведена до крайней степени (полевые работы проводились по команде капрала, браки устраивались по воле начальства и т. д.).

¹ Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 37

² Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. М., 1961 С. 40

Сказывалась парадоксальная ситуация, когда диалог власти и крестьянства превращался в свою противоположность, в конфликт, порождающий у той и другой стороны дискомфортное состояние, представление о нарастающем хаосе. Буквально все постановления правительства толковались в народе совершенно превратным образом. Например, запрет Петра III (1761—1762) на покупку заводчиками крестьян вызвал среди последних волнения, так как они решили, что их освободили от работы на заводах. Слухи о «вольности» возникали, например, в результате лишения церкви права владения крестьянами, в результате освобождения дворян от обязательной службы, в результате собрания комиссии Екатерины II. Крестьяне упорно рассматривали нежелательные указы как подложные и ожидали «истинного» указа. Смена царя сопровождалась новыми ожиданиями. Указ Павла I, требовавший присяги от крестьян, стал истолковываться следующим образом: присягать велено «для того, чтобы крестьянам не быть за помещиками». Распространился слух, что царь дал волю, но господа ее скрыли. Это тоже вызвало волнения. Такое же воздействие оказал указ 1796 года о дозволении крестьянам подавать жалобы на высочайшее имя. Инверсионное сознание не воспринимало промежуточных половинчатых решений. Указ 1803 года о свободных хлебопашцах был воспринят как право самих крестьян возбуждать дело о выкупе на свободу, в результате чего опять-таки имели место волнения. В этой ситуации любое изменение могло быть опасным, что порождало консерватизм власти, парализовало либеральные стремления к переменам. Страх перед иррациональным поведением народа, перед бунтом, перед новой пугачевщиной постепенно стал постоянным состоянием правящей элиты. Г. Федотов писал: «С последних дней Екатерины монархия находилась в состоянии хронического испуга». Правящая элита постоянно слышала угрожающий шепот, который не поддавался контролю и мог стать предпосылкой взрыва.

Требования крестьян носили антигосударственный характер, но это обстоятельство маскировалось тем, что непосредственным объектом их недовольства были помещики. Считалось, что все дело в экономических отношениях помещиков и крестьян, в стремлении крестьян «стать казенными», т. е. перейти в крепостную зависимость к царю. Однако причины недовольства крестьян были более глубокими: они тяготели к древнему земледельческому идеалу вольной догосударственной жизни. Постоянно выдвигались требования, разрушительные для государства, например, отказ от платежа податей, от рекрутчины. После разгрома Пугачева в течение

двадцати лет появились еще по крайней мере тринадцать самозванцев, распространялись подложные указы, вспыхивали бунты. *Крестьяне продолжали поиск пути в свое утопическое царство с народным царем, защищающим локальные миры от государства.* Усиление враждебности к начальству, помещикам, которые как будто потеряли моральное право владеть крестьянами, общая дезорганизация от бунтов вызывали рост дискомфорта состояния. Общее разочарование в сложившемся порядке толкало к господству авторитарного идеала. Эта тенденция охватила и высшие уровни власти. *Крах государственного либерализма привел к существенным расхождениям среди либерально настроенных людей.* Часть из них опасалась бороться за осуществление своих идеалов, страшась разрушительных последствий. Известный поэт и критик П. А. Вяземский (1792-1878) писал в 1820 году: «У нас что ни затей без содействия самой власти, все будет пугачевщина». С.И. Тургенев полагал, что «попечение об улучшении жребия России вовсе отложить должно». Подобные настроения означали, что часть образованного слоя продолжала поддерживать власть, поставляя ей просвещенных организаторов. Другая часть, однако, предпочла не отступать от своих идеалов. Возникло движение декабристов.

ДЕКАБРИСТЫ

Декабристы по своим целям были близки к реформистским идеям М. Сперанского, в той или иной степени пытаясь воплотить неосуществленные замыслы «дней Александровых прекрасного начала». Преследуя, казалось бы, либеральные цели, они в своих средствах намеревались вступить на путь насильственного подавления своих противников, полного отказа от идеала всеобщего согласия, отходя вновь на позиции авторитаризма. Декабристы мучительно переживали раскол между народом, прежде всего крепостным крестьянством, и высшим слоем общества. Патерналистская жалость к народу — характерная черта декабристов. Они были наследниками А. Радищева, хотя большинству из них «Путешествие из Петербурга в Москву» не было доступно. Радищев писал: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»¹³. *Мотив покаяния, покровительства и жалости становится неизменным элементом мировосприятия духовной элиты.* Декабризм развивался в русле этих идей. «Народ, для

¹³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Столетие безумно и мудро. М., 1986. С. 125.

которого мы восстали» — это слова П. Каховского. М. Лунин говорил о потребностях народа, которые надлежало удовлетворить. Народные бедствия — постоянная тема, обсуждавшаяся декабристами. По сути дела, это была партиципация, где народ рассматривался как тотем, как единственный источник Правды. При этом не делалось выводов из принципиальных различий в системах ценностей, что обрекало замыслы декабристов на полный провал, независимо от событий на Сенатской площади. Декабрист И. Д. Якушкин попытался освободить своих крестьян, сохранив за ними имущество, строения и усадьбу с огородами, а также выгон без денежной компенсации (примерно по одной десятине на двор). Он решил освободить их от крепостного состояния, в котором крестьянин работает, «никогда не напрягая сил своих», почему и не может выйти из нужды. Якушкин предоставлял крестьянам право аренды помещичьей земли, что, по его мнению, было крестьянам выгодно, но столкнулся с полным непониманием. Крестьяне отвечали помещику: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому, мы ваши, а земля наша»¹⁴. Страх перед системой аренды оказался сильнее тяги к личной свободе в либеральном ее понимании.

Почему же крестьянство не поддержало тех, кто сулил им волю, землю, народовластие? Крестьянство видело мир в соответствии с исторически сложившимися архаическими представлениями, в свете которых царь являлся началом позитивным, а начальство и, следовательно, декабристы — началом негативным. Расправа с ними царя повсеместно воспринималась как справедливое возмездие начальству: «Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевешали, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ли, коротко ли, им не миновать этого», — таков отклик кантонистов на происходившие события¹⁵.

Восстание декабристов связывалось с легендой о царе Константине, брате Александра I и Николая I, отрешившемся от престола. Ему приписывали желание освободить крестьян, чему мешали «господа». Слухи эти распространялись повсеместно. Любопытно, что солдаты не реагировали на лозунг: «Долой крепостничество, самодержавие, рекрутчину», но вышли из казарм после лозунга: «Ура, Константин!»

По сути дела, декабристы в обращении к солдатам использовали опыт самозванцев, вписываясь в архаичные представления о «природном царе». Как отмечал «Федор, Федоров сын»,

¹⁴ *Семевский В. И.* Декабристы и крестьянский вопрос // Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 180.

¹⁵ *Декабристы.* М., 1926. С. 37.

восстание декабристов — это все действия «господ» «против освобождения крестьян». По его мнению, Александр I жив, но «продан в рабство». Аресты дворян, причастных к декабрьским событиям, порождали у крестьян уверенность в «законности» выступлений против помещиков¹⁶. *В конфликте между декабристами и царем народ был на стороне царя, т. е. авторитарной власти первого лица.*

Изолированные как от власти, так и от народа, декабристы пошли по пути тайных организаций, следуя опыту дворцовых переворотов. Организации декабристов насчитывали всего лишь десятки и сотни человек. Насколько это мало, видно хотя бы из того, что во Франции, Италии, Греции общества карбонариев располагали тысячами и десятками тысяч членов. А. Грибоедов иронизировал: «Сто прапорщиков хотя бы изменить весь государственный быт России». Малочисленность декабристов была одним из свидетельств их отрыва от почвы.

Движение декабристов и его разгром — важная веха в истории страны. Духовная элита, еще совсем недавно не отделявшая себя от правящей, показала свою самостоятельную нравственную силу, способность следовать собственным принципам независимо от внешних обстоятельств. Однако уровень понимания этих задач оказался крайне низким. Декабристы считали, что достаточно добиться новой государственности революционным путем, чтобы автоматически осуществить все желаемые изменения, включая и улучшение нравов. Хотя мнение это и не было общим, тем не менее данная точка зрения легла в основу всей деятельности декабристов. Всегда и во всех планах у декабристов захват власти выступал как бесспорная практическая задача, как средство для достижения свободы. При этом не учитывался негативный опыт правящего либерализма.

Стремясь отменить крепостное право, они имели в виду лишь отношения крестьян с помещиками и государством, не зная о глубокой укорененности крепостничества в локальных крестьянских сообществах. Кроме того, отмена крепостничества означала бы развал всей сложившейся государственности, так как при этом помещики немедленно лишались возможности нести свои административные функции. Тем самым ломалась сложившаяся скверная, но тем не менее функционирующая система, питающая медиатор. Каким образом новая власть осуществляла бы связь с многочисленным свободным крестьянством, для которого враждебный мир начинался там,

¹⁶ Чернов С. Н. Слухи 1825-1826 годов (Фольклор и история)// Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи. Саратов, 1960. С. 329-346.

где кончалась граница локального мира? Об этом декабристы, кажется, не слишком беспокоились. Общинный крестьянин, почти не заинтересованный в рынке, стремился превратить свой локальный мир в крепость, защищающую от начальства и государства. Он бросил бы государство на произвол судьбы, чтобы затем вновь обрести себе тотем-царя, который бы «всех равнял» и охранял от внешнего зла. *Поэтому декабристское движение можно рассматривать как результат определенного слияния незрелого абстрактного либерализма, заполняющего свои пробелы синкретизмом, локализмом; как движение, объективно направленное на усиление локализма. Его мощь в обществе была столь велика, что любая активизация либерализма, попытка изменить общество на его основе вела к активизации локализма.*

РАСКОЛ СОЗНАНИЯ И САМОСОЗНАНИЯ

Независимый либерализм, как, впрочем, и правительственный, оказался несостоятельным как конструктивное начало. Он обнаружил значительную зависимость от синкретизма, которая выражалась не только как вера во всемогущество внешних сил, в данном случае государства, но и как склонность к инверсионным актам. Отсюда крайности — полная пассивность одних и вооруженное выступление других, отсюда характерное поведение арестованных декабристов, отвечавшее обычной схеме бунта: разочарование в инверсии вызывало обратную инверсию — раскаяние, отказ от идеи бунта. Следуя либеральным целям, декабристы тем не менее обратились к насилию, склоняясь к тайным методам заговора вплоть до готовности к убийству царя.

Либерализм столкнулся с исключительно сложной медиационной проблемой, которую он не мог даже осознать в удовлетворительной степени. Поражение правительственного и независимого либерализма, их неспособность реализовать свою программу имели одну и ту же причину — глубочайший раскол общества и слабость почвенных истоков либерализма.

Отсюда, однако, было бы неверно делать вывод, что либерализм в России — своеобразная ошибка, результат внешних влияний. Либерализм опирался на неистребимый источник, на пробивающееся через толщу синкретизма стремление к росту и развитию. Либерализм нес в себе знание, хотя на первых этапах абстрактное, одностороннее, крайне ограниченное, — знание того, как строить большое общество на основе новых социальных интеграторов. Развитие либерализма создавало необходимую предпосылку для осмысления реальности России,

для развития срединной культуры, способной стать предпосылкой ликвидации раскола. *Общество нуждалось в либерализме, даже если его активизация и вызывала враждебную реакцию синкретизма.*

Либерализм постоянно искал выход в медиации, в массовом творчестве, в создании более совершенной цивилизации, в поисках не только новых целей, но и новых, более совершенных, более эффективных средств. Именно за это ухватились разные слои общества, в особенности правящая элита. Но между западным либерализмом и либерализмом в России имелись существенные различия. Западный либерализм вызревал в условиях развитого сословного общества, стремясь оторвать государственность от сословий, положить в основу государственности ответственную личность. В России борьба вокруг государственности шла в иной плоскости, т. е. между сословиями, в той или иной степени растворенными в государственности, и уравнительными силами, угрожающими не только государству, но и самим сословиям. Российский либерализм развивался в традиционном обществе, что, однако, не исключало эпизодическое, эклектическое использование его как основы государственной политики. Это усилило в либерализме патерналистский аспект, озабоченность тем, чтобы все, прежде всего новые поколения, интериоризовали определенные ценности общества. *Элемент патернализма неизбежен в любой форме либерализма как импульс для широких слоев с целью их саморазвития. Однако в расколотом обществе патернализм в либерализме приобрел гипертрофированные размеры.* Патернализм опирался на представления о том, что высшие ценности либерализма должны быть внедрены в массы всеми средствами, включая административное давление (правительственный либерализм), революционный захват власти, т. е. в конечном итоге террор. *Подобный патернализм еще не оторвался от представлений синкретизма и выводил либерализм за его собственные рамки.*

Усложнение общества привело к переходу раскола в следующую стадию. Произошел раскол сознания и самосознания, правящей и духовной элиты, принявший форму вооруженного столкновения. Раскол произошел между людьми, которые пытались найти выход из создавшейся ситуации, опираясь, насколько это возможно, на консервативное массовое сознание, не склонное к переменам, и теми, кто искал выхода, опираясь на самосознание, на высшее содержание культуры, открывающее путь использованию изменений, прогресса. Правящая элита колебалась между этими решениями. Однако суровая необходимость следования ценностям массового сознания требовала

первого решения. Духовная элита тяготела ко второму решению. Менее озабоченная повседневным, локальным, частным, она была обременена заботой о будущем, устремлялась к всеобщим ценностям. *Сложная динамика отношений правящей и духовной элит является одной из важнейших проблем истории страны.*

КРАХ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ

Поздний идеал всеобщего согласия так же, как и все предшествующие, потерпел банкротство независимо от того, в каких формах он выступал. Общество не нашло в себе сил продолжать поиск альтернативы, выходящей за рамки возможностей инверсии. Это неизбежно вновь вызывало нарастание дискомфорта во всех слоях общества. Попытка Екатерины идти навстречу народным потребностям фактически оказалась попыткой идти навстречу дворянству. Эта часть общества выступила перед первым лицом как целое, как представитель целого. Государство уступало дворянству права на личность и труд крепостных, возлагая за это на него ответственность за уплату подушной подати и поддержание крестьянского хозяйства. Для русского крестьянства это означало лишь наступление нового этапа закрепощения. Ориентируясь на дворян, Екатерина II, по выражению Г. Плеханова, головой выдала им крестьян. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о крахе идеала всеобщего согласия.

Манифест о вольности дворянства нанес мощный удар по нравственным основам системы. Неслыханная в России отмена крепостничества хотя бы для одного сословия не могла не потрясти все здание. Сложившееся равновесие было нарушено. Все более перед лицом власти выступали особые интересы крестьянства. Крестьянин видел оправдание своей крепостной зависимости в том, что его труд был платой помещику за службу государю, за сохранение власти царя-батюшки. Попытка воплотить в жизнь либеральный идеал означала, что государство вступило в конфликт с синкретизмом, т. е. с реальной нравственной основой интеграции общества. Принцип партиципации личности к целому оказался подорванным в одном из социально значимых пунктов, тогда как либеральный идеал не мог заполнить образовавшуюся пустоту в массовом сознании. По крестьянской логике царь, освободив своих слуг от обязательной службы, должен был освободить и крестьян от обязанности их содержать. Эти настроения выражены небогатым дворянином Федором Кречетовым: «Раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян,

ведь они тоже человеки». Он был репрессирован и вышел из заключения лишь в царствование Александра I.

Локализм обескровливал государство. Весь государственный аппарат был подвержен его влиянию. Даже губернаторы были не только представителями самодержавия на местах, но и локальными центрами власти, в каких-то позициях противостоящими центру. Дворянину предоставлялось право ограничиваться своими местными делами. «Начался процесс обезгосударствления, „дезинтеграции" дворянства»¹⁷. В первое время на местах наблюдался известный энтузиазм, но уже вторые выборы выявили традиционное отношение к выборной должности как к обременительной обязанности, к тяглу. В начале XIX века гражданская служба у дворян «не пользовалась особенным сочувствием, клички „приказной", „чернильная душа", „крапивное семя" и т. п., бывшие в общем употреблении со времени Сумарокова и Фонвизина, наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные дела. Для дворянина вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживали иногда указанием высших правительственных лиц»¹⁸. Это негативное отношение распространялось также и на выборные должности.

Выборные органы пасовали перед бюрократией. Причины заключались в традиционной слабости государственного самосознания. Не дала также ожидаемого эффекта ликвидация самостоятельных центральных учреждений. Местный аппарат не справлялся с растущим потоком бумаг, поступающих сверху. Злоупотребления и волокита местных властей порождали недовольство. Новые учреждения работали медленно и обходились дорого. Коллегиальность рождала невиданную волокиту. Идеал согласия весьма быстро показал свою ограниченность, поскольку глубоко расколотое общество не создавало более или менее удовлетворительных организационных форм, соответствующих идеалу, да и сам он не получил достаточно конкретизированной разработки. Иначе говоря, этот идеал, как, впрочем, и все предшествующие, не создавал достаточной основы для преодоления социокультурных противоречий, противоречий между массовым сознанием и государством как социальным интегратором. Реформа управления, предполагавшая объединение государственного и локального интереса в единой организации, реально не смогла способствовать их слиянию. Не хватало творческого объединяющего начала, общей основы для большого общества и местного мира. Спонтан-

¹⁷ Федотов Г. П. И есть и будет. Париж, 1932.

¹⁸ Государственная канцелярия 1802-1902 гг. СПб., 1902.

ные силы во всех сословиях, включая дворянство, не стремились достаточно активно к интеграции, не были пронизаны сознанием ценностей большого общества. Положение все больше осложнялось. Отказ от некоторых элементов государственного крепостничества означал, что в правящей элите возникло стремление демонтировать основы синкретического общества и государства. Но этим не решался вопрос об альтернативе. Либерализм пытался выдвинуть новый идеал, но его абстрактность и оторванность от массовой базы практически не позволяли рассматривать его в качестве альтернативы, имеющей реальные шансы на реализацию. Принцип всеобщего согласия не мог быть превращен в государственную политику по отношению к основной массе населения — крестьянству. Оно в глазах власти выглядело скорее как нечто внешнее по отношению к государственности. Положение государства, высшей власти ухудшилось вдвойне как в связи с уходом дворянства в местные дела, так и с появлением в сознании крестьян представления о несправедливости своего положения, ростом враждебности ко всякому начальству, стремлением отдаться царю-батюшке. Все это угрожало катастрофической дезинтеграцией.

Поздний идеал всеобщего согласия, как и его ранний вариант, могли обеспечить основу для единства лишь до тех пор, пока изменения и конфликты не достигли некоторой критической пороговой величины. Новшества, сдвиги в отношениях между сословиями привели к распаду идеала. Ранний и поздний идеалы всеобщего согласия отличались условиями своего происхождения. Ранний возник в результате своеобразного остывания вечевой бури, пронесшейся над страной, как некоторая задержка инверсии движения от соборности к авторитаризму. На его основе сформировался Земский собор, т. е. своеобразное среднее звено между народом и властью.

Поздний идеал возник в процессе обратной инверсии, в результате отступления от крайнего авторитаризма. После банкротства авторитаризма народ потерял слабый и, очевидно, недостаточно глубокий опыт земских соборов и тем самым не выявил достаточного стремления развиваться по пути медиации, во всяком случае в масштабах, необходимых для преодоления раскола. Хотя господство этого идеала и не ознаменовалось серьезными организационными новшествами, тем не менее срединная культура продолжала развиваться. Это выражалось в росте утилитаризма, в развитии высших ценностей культуры.

Существенное различие между ранним и поздним идеалами всеобщего согласия заключалось в том, что развитие первого сопровождалось определенным укреплением сословий. Это соз-

давало предпосылки для укрепления власти, развития срединной культуры, ее организационного воплощения. Во втором случае, хотя развитие сословий и продолжалось, но тем не менее выявилось, что активизация почвенных сил объективно по своей сути носит уравнительный, антисословный характер. Двойственное отношение народа к власти практически означало признание власти царя и одновременно стремление ликвидировать сословия, а следовательно, и государство. Правящая элита под воздействием новых тенденций, роста утилитаризма сделала попытку ослабить жесткую связь между принадлежностью к сословию и служением государству, т. е. пошла навстречу локалистским настроениям.

Ослабление господствующего идеала усилило опасность растаскивания ценностей большого общества по локальным мирам. Это сопровождалось ростом общей дезорганизации, усилением социокультурных противоречий, т. е. столкновением между социальными отношениями и культурой, между субкультурами, внутри социальных отношений, усилением раскола. Одним из проявлений этого процесса было *двоевластие*: власть шла от локального мира и от правящей элиты. Это дало импульс дезорганизации общества и одновременно стимул поиску выхода, новой инверсии.

ГЛАВА VI ПОЗДНИЙ УМЕРЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ

«ДОЛЖНО ПОВИНОВАТЬСЯ, А РАССУЖДЕНИЯ СВОИ ДЕРЖАТЬ ПРО СЕБЯ»

Воспроизводственный процесс, опирающийся на идеал всеобщего согласия, разрушался, социальные отношения превращались в конфликт, возрастала социальная дезорганизация, что усиливало массовое ощущение роста дискомфорта состояния. Это неизбежно вызывало массовую инверсию, стремление отойти от господствующего идеала, инверсионным образом перейти к противоположному. Господство идеала всеобщего согласия сложилось в результате вялой инверсии как реакция на поражение крайнего авторитаризма. Теперь началась обратный процесс, обратная инверсия к авторитаризму. Этот процесс также носил вялый характер. Это была ограниченная флюктуация в рамках большой обратной инверсии, противоположной ушедшей в прошлое прямой инверсии от соборности к авторитаризму. Однако вера в царя как гаранта от хаоса, от бунтовщиков-начальников, царя как воплощения высшей Правды пока что вновь начала становиться первостепенной. На этой основе господствующее место занял массовый идеал *позднего умеренного авторитаризма*.

Авторитаризм, хотя и оттесненный господствующим идеалом, никогда не исчезал. Например, вскоре после прихода к власти Екатерины II, в июне 1763 года, был обнародован манифест, где отмечалось, что среди подданных государыни появились «развращенных нравов и мыслей люди», которые позволяют себе рассуждать о делах, совсем до них не принадлежащих. В манифесте им предлагалось замолчать и заняться своими собственными делами. «А если сие Наше матернее увещание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратит на путь истинного блаженства, то ведал бы всякий, что Мы тогда поступим по всей строгости законов и

неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть Нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители Нашей высочайшей воли». Следовательно, нарушение согласия сознательно воспринималось правящей элитой как сигнал, требующий обращения к авторитаризму.

Сильная авторитарная инверсия возникла в достаточно широком образованном слое, в духовной элите. Такие люди, как Пушкин, Гоголь, Тютчев, Вяземский, Жуковский, Надеждин, а также в определенный период Бакунин и Белинский, не противопоставляли себя авторитаризму. Само стремление Пушкина к слиянию представлений о государстве и свободе означало, что духовная элита в принципе принимала и поддерживала авторитарную государственность. Гоголь полагал, что весь смысл нашей истории в царе. «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо, клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах произвести этот знаменитый переворот всего в государстве, все потрясти и, всех разбудивши, вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть в себе самом ту же брань всему невежественному и темному, какую воздвигнул царь в своем государстве...»¹ По крайней мере часть духовной элиты последовательно разделяла древние представления массового сознания о зависимости человека от внешних сил, от Отца, берущего на себя ответственность за все.

Крестьянство предоставляло царю попечение о государстве, пытаясь ограничить свои заботы о большом обществе минимумом, — главным образом, действиями, связанными с борьбой против внешнего врага. Существование раскола сводило к минимуму взаимопонимание между народом и властью, делало активизацию каждого из этих полюсов фактором роста дискордантного состояния. Действия, высказывания, намерения, ценности власти в глазах народа и действия народа в глазах власти вызывали взаимный страх, выглядели как нечто иррациональное, не поддающееся пониманию, прогнозу и, следовательно, опасное.

Для дворянства, которое составляло важный элемент государственности, складывалась неблагоприятная атмосфера. Оно все больше выглядело между крестьянами и царем «третьим лишним», что вовсе не означало, что их государственные функции были не нужны или их мог выполнять кто-либо другой. Теперь народ уже не мог отождествляться с дворянством,

¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями// Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1984. Т. 7. С. 222-223.

как это было при Екатерине II. Власть должна была думать об организационном воплощении нового идеала, о решении медиационной задачи в изменившихся условиях, в условиях роста значимости локализма не столько в формах сообщества среднего уровня, сколько в формах низовых сообществ, крестьянских миров. Но это означало необходимость авторитаризма, следования стремлению крестьян освободиться от начальства, вступить в непосредственные отношения партиципации к царю-батюшке. Этот импульс пронизал все общество.

Ориентация на авторитаризм получила воплощение в длительном согласии общины на авторитарную власть над собой вотчины. Не было активного стремления общин освободиться от авторитарной власти вотчины, что ясно видно, например, из книги В. А. Александрова².

Николай I (1825-1855) начал свое правление в момент декабрьского восстания. «Ужас правительства был тем более велик, что оно обнаружило, с одной стороны, что все элементы дворянства и военной иерархии замешаны в заговоре, и что, с другой стороны, оно осознало отсутствие всякой реальной связи между собой и древним народом, оставшимся русским»³. Первыми его актами были подавление восстания и казнь руководителей. На фоне исторического опыта России действия власти вряд ли можно оценить как слишком жесткие. Из 39 человек, приговоренных к смерти, казнено было пять. Страх перед возмущениями диктовал линию поведения в период нового царствования. Уже в первом обращении к народу 12 мая 1826 года Николай I потребовал немедленного прекращения толков о свободе и отмене платежей. Принцип умеренного авторитаризма был сформулирован самим царем: «Ни хвалить, ни бранить наши правительственные учреждения, *для ответа на пустые толки*, не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком у нас, к счастью, существующим. Должно *повиноваться*, а рассуждения свои держать про себя». Ему же принадлежат слова: деспотизм «составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации»⁴. Интересно, что царь видит обоснование правомерности авторитаризма (деспотизма) в его почвенном характере. Еще более важно, что авторитаризм явно не рассчитан на веру в него всех. Требуется лишь, чтобы никто не высказывал вслух своих сомнений. Это свидетельствовало о том, что власть не могла и

² Александров В. А. Сельская община и России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.

³ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. 6.

⁴ Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826-1865 гг. СПб., 1908. С. 142.

не была склонна вернуться к синкретизму и полностью расстаться с либерализмом. Возражение против возможности хвалить правительство свидетельствовало не только о страхе перед диалогом, но и о признании реальности внутреннего духовного мира, неподвластного начальству, о признании реальности разномыслия. Господство нового идеала охватывает шестой этап развития большого общества, государственности в России. Его можно рассматривать как господство *шестой версии вечевого идеала. Либерализм был разгромлен и отброшен, но не уничтожен.*

Важнейшим проявлением усиления авторитаризма был рост значения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Широко известное третье отделение этой канцелярии заведовало политическим сыском. Однако агентура этого учреждения была очень слаба. В центральном аппарате в момент его организации работали 16 человек. В лучшие времена для отделения их количество возросло до 45. Происходила дальнейшая бюрократизация государственного аппарата, ликвидация остатков коллегиальности в центре и на местах. Права Государственного совета, значение которого существенно возросло после его преобразования в 1810 году, всячески ущемлялись. Правящая элита пыталась в максимальной степени сместить ответственность вверх. Известный журналист М. Катков (1818-1887) удачно выразился об администрации того времени, что она была «всё во всём», присвоила себе атрибуты, подобающие одному лишь всемогущему божеству⁵.

Наступающий авторитаризм опирался на силу, что в конечном итоге всегда требует согласия народа предоставлять эту силу и ее терпеть. Любопытно, что именно для военных была ясна ограниченность возможностей силы. Об этом свидетельствовали донесения офицеров — участников подавления беспорядков на местах. Например, по докладу флигель-адъютанта Сумарокова, войска оказались непригодны для принуждения крестьян к работе, кроме как на пашне. Опасно и сближение крестьян с солдатами. Жандармский офицер Ф. Загорский указывал на серьезную опасность использования для усмирения крестьян большого числа понятых. И т. д.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

Низкая продуктивность сельского хозяйства, основной отрасли хозяйства страны, становилась все более острой проблемой. Увеличение его производства объяснялось в значитель-

⁵ Московские ведомости. 1866. № 198.

ной степени ростом населения. Однако производство не поспевало за этим ростом, за растущими потребностями общества. За два века — с середины XVII до середины XIX — урожайность повысилась едва на 9-10%, в том числе за последние 50 лет этого отрезка — на 1,4%. В начале 30-х годов все чаще повторялись неурожайные годы. Подавляющее большинство работоспособного населения деревень не могло прокормиться собственным хозяйством и искало посторонних заработков. «Основная масса мелких сельских производителей оставалась во власти традиционных приемов полеводства, была бессильна применять систематическое удобрение полей, производить осушение и орошение почвы, покупать улучшенные сорта семян, повышать количество и качество скота». Налицо была общая «застойность сельскохозяйственной техники, низкая урожайность полей, плохое содержание скота и общая бедность государственной деревни. Периодические неурожай, массовые эпидемии, постоянные эпизоотии и хроническое нищенство наиболее нуждавшегося слоя крестьян были характерными явлениями 40-50-х годов XIX века. Еще тревожнее было начавшееся оскудение природных ресурсов и в северных, и в центральных, и в южных районах: истощение когда-то плодородной почвы, сокращение количества пушного зверя и рыбы, относительное уменьшение лугов и пастбищ, вырубка и недостаток лесов, когда-то процветающего пчеловодства». Почти безраздельно господствовала традиционная трехпольная система⁷.

В этой связи весьма любопытен следующий факт, относящийся к 1834 году. Жители села Коробова за заслуги своего предка Ивана Сусанина еще в Смутное время были поставлены в исключительно привилегированное положение. Они были освобождены от податей. Чиновники и полиция могли въезжать в село только по специальному разрешению правительства. Решение это неукоснительно выполнялось. Правительство невольно поставило длительный эксперимент. В 1834 году царь лично обратил внимание на исключительную бедность этой деревни. Льготы «были причиной слабого развития как Коробовского населения, так и самого благосостояния этих людей... Свобода от всех обязанностей... почти неограниченное изъятие от влияния всех местных властей, обеспеченность в пользовании пространством земли, достаточным, однако, для поддержания насущного существования, все это, вместе взятое, заставило их мало заботиться об улучшении своего

⁶ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 147.

⁷ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: Реализация и последствия реформы. М., 1958. Т. 2. С. 321, 575-576, 347.

положения и довольствоваться спокойным и свободным пользованием скудных средств своих»⁸.

Застой в хозяйстве вел к нарастающей социальной дезорганизации, что заставляло правящую и духовную элиты искать выход из создавшейся ситуации. Уже в 80-х годах XVIII века была осознана необходимость хозяйственного подъема, что предполагало выдвигание идеи ликвидации поземельной общины, введение мелкой земельной собственности, наследственно-индивидуального землепользования. В 30-х годах XIX века появились проекты постепенного преобразования помещичьих крестьян в «свободных сельских обывателей», установления над всеми крестьянами системы «попечительства». На этой основе и родилась идея реформы, которую сформулировал и проводил в жизнь министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев, занимавший этот пост в течение 19 лет.

Реформированию подлежало управление государственными крестьянами. В административных положениях 1837-1841 годов заложено стремление к всестороннему преобразованию государственной деревни, где проживала примерно половина крестьян. Государственные крестьяне, сословие которых было образовано указами Петра, отбывало повинности, подчиняясь непосредственно органам власти. Замысел реформы заключался в том, чтобы на основе ее позитивных результатов приступить к преобразованию частновладельческой деревни. Реформа была направлена на экономическое развитие деревни, предусматривала сложную систему государственных мероприятий: ликвидацию крестьянского малоземелья, введение более совершенной системы фискального обложения, повышение производительных сил, различные агрономические и культурно-бытовые улучшения, облегчение для крестьян занятий мелкой промышленностью и торговлей. В числе мероприятий предусматривались введение жребия при осуществлении воинской повинности, частичное наделение землей малоземельных селений, организация вспомогательных и сберегательных ассоциаций устройства сельского хозяйства, организация выставок, садовых питомников, случных конюшен. Планировались распространение грамотности, оказание врачебной и ветеринарной помощи, борьба против крестьянских пожаров. В конечном итоге ставилась задача снять различия между категориями государственных крестьян и обеспечить широкий сбор статистических сведений о положении государственной деревни.

⁸ *Вешняков В. И.* Белопащцы и обельные вотчинники и крестьяне// Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1859. № 5. С. 108.

Предусматривался также перевод натуральных повинностей в денежную форму⁹.

Другие действия правительства охватывали помещичьих крестьян. В 1826 году вышло Высочайшее повеление об истреблении всех железных вещей, употребляемых для истязания. В период с 1838 по 1853 год было взято под опеку 592 имения за жестокость помещиков по отношению к крестьянам. Например, в 1849 году специальным указом были преданы суду предводители дворянства двух уездов за допущение помещиков и их жен «к чрезмерному жестокому обращению с крепостными людьми их». Правительство усиленно занималось крестьянским вопросом; за время царствования Николая I было учреждено девять секретных комитетов в целях подготовки ряда реформ, в большинстве своем связанных с положением крестьянства.

Следует отметить закон, требующий предоставления крестьянам минимального надела в 4,5 десятины на душу. За его нарушение помещику грозила конфискация имения. Было запрещено продавать крестьян отдельно от семьи, а также без земли, отдавать крестьян на заводы, ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь, запрещено сдавать в аренду земли, населенные крестьянами. Министерству государственных имуществ предоставлялось право приобретения помещичьих крестьян. Не решая проблемы в целом, все эти мероприятия меняли нравственную и юридическую сторону взаимоотношений помещиков с крестьянами. Были подорваны нравственные основы — основы отношения к крестьянам как к одному из видов собственности. Один из законов содержал мысль, совершившую переворот в оценке социального статуса крестьянства: он предусматривал отказ от принципа оплаты личной свободы крестьянина при его освобождении. Не нанося дворянству заметного экономического ущерба и не слишком ущемляя его политически, медиатор пытался выйти на прямую связь с крестьянством.

Такая политика имела ряд существенных результатов: дворянская версия крепостничества, занимавшая преобладающее положение с 1762 года, потеряла свои позиции. В. Ключевский полагал, что установление взгляда на крепостного прежде всего как на подданного государства является «важным результатом, который сам по себе мог бы оправдать все усилия, потраченные Николаем на разрешение крестьянского вопроса»¹⁰. Николаевский режим ставил своей целью прекращение дворянского произвола в тех его проявлениях, которые

⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 7, 3, 573, 38.

¹⁰ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 278-279.

наиболее раздражали крестьян. В то же время эта политика ослабляла влияние дворянства на государственную жизнь. *Правящая элита в рамках авторитарного режима делала робкие движения в сторону либерализма.*

РАСКОЛ САМОСОЗНАНИЯ

Общество медленно шло по пути прогресса, и правящая элита не могла хотя бы смутно не осознать это, она должна была, в интересах государства, стремиться к прогрессу, явно или тайно. Именно поэтому в стране легально существовала духовная элита, могла развиваться величайшая литература. Правящая элита нуждалась в просвещенных людях. Либеральная интеллигенция была склонна сотрудничать с властью, с тем чтобы смягчить крайности ее деятельности, чтобы предложить правящей элите, а через нее — и обществу либеральную систему ценностей. Правящая элита стремилась привлечь интеллектуальные силы, в частности Пушкина. На государственную службу был вновь приглашен граф М. Сперанский, представивший Александру I еще в 1816 году записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Президент Академии наук (1818-1855), министр просвещения (1833-1849) С. Уваров пытался сочетать политику просвещения с полным его подчинением задачам государства. Отсюда его предписание: «Каждый из профессоров должен употребить все силы, дабы сделаться достойным орудием правительства».

Духовная элита, однако, сама не была в достаточной степени способна дать нравственное и теоретическое основание для политики правительства, для вывода страны из состояния раскола. Более того, раскол проник и в духовную элиту. Произошел *раскол самосознания*, проявившийся прежде всего в *расколе духовной элиты*. В результате рефлексии реального раскола сознания она предложила две противоположные его версии: *славянофильство и западничество*.

Оба направления болезненно переживали раскол с народом и видели в своих идеях средство его преодоления. Славянофил А. И. Кошелев (1806-1883) писал: «Все мы ощущали и сознаем необходимость прекращения разрыва интеллигенции с народом, разрыва, вредного для обоих, равно их ослабляющего и препятствующего самостоятельному развитию России»¹¹. И тех, и других угнетала, говоря словами Ф. Достоевского, «бездна между благородным и простолюдином». *Славянофилы пы-*

¹¹ Цит. по: Уланов В. Я. Славянофилы и западники о крепостном праве// Великая реформа. СПб., 1911. Т. 3. С. 176-177.

тались преодолеть раскол, углубляясь в народную почву. Для А. Хомякова (1804-1860), которого Н. Бердяев назвал камнем славянофильства, отношения Востока и Запада, раскол между ними — основная проблема русской истории. Это был помещик, который и в своих воззрениях, и в образе жизни пытался воспроизвести, реализовать древние идеалы патриархальной жизни. Раскол стал уделом русского общества, по мнению Хомякова, потому, что образованный слой, правящий класс, дворянство изменили русскому духу и, как Антей, должны были прикоснуться к матери-земле, чтобы набраться сил. *В этом движении самосознания к почве и заключалась сила славянофильства, столь мало оцененная современниками.* Н. Бердяев считал их основоположниками «нашего национального самосознания». «С них начинается перелом русской мысли», — говорил А. Герцен. И. Киреевский (1806-1856), один из отцов славянофильства, писал: «Наша философия должна развиваться из текущих вопросов и господствующих интересов нашего народного бытия». По словам М. Гершензона, мышление идеологов славянофильства Киреевского, Хомякова, Кошелева, Самарина оказалось «каналами, через которые в русское общественное сознание хлынуло веками накопившееся, как подземные воды, мироощущение русского народа». Свое внимание славянофилы сосредоточили на анализе исторически сложившегося сознания, культурных стереотипов, мировосприятия русского человека. Для И. Киреевского, как и для Пушкина, идеалом является целое, постигаемое эмоционально. Славянофилы, как и Пушкин, пытались рассматривать русскую культуру как нерасчлененную.

Однако углубление в ценности народной почвы привело славянофилов к отрицанию государства, большого общества, к идеалам жизни, чуждым и не соответствующим достигнутому мировому опыту. По словам Бердяева, славянофилы хотели навеки утвердить «безвластный, пассивный, неволевой характер русского народа». Они выступали как выразители массового сознания — «не государственного, не формалистического, мало склонного к политическому строительству». Фактически, признавая правомерность государства, славянофилы тем самым уже отступали от идеалов почвы. Они пытались выйти из этого противоречия, истолковывая государственность в почвенном духе. Как говорил Бердяев, их монархизм носил не государственный, а анархический характер. Славянофилы были сторонниками самодержавия не потому, что народ любит власть, а потому, что народ «отказывается от политической мощи». Следуя массовому сознанию, славянофилы дорожили русской общиной, связывали с ней будущее Рос-

сии, весь духовный облик русского народа. «Без общины не может существовать дух России», несмотря на то, что в русской общине заложено «исконно языческое начало»¹².

Славянофилы стремились строить государственную жизнь на основе догосударственных ценностей, локальной конструктивной напряженности. А. Хомяков, уверенный, что его имение передано ему народной сходкой в целях общего народного блага, питал непоколебимое доверие к решениям общины, к вечевым формам народной жизни. Все общественные отношения интерпретировались как семейные, т. е. сводились к взаимоотношениям отцов и детей, включая отношение царя к своему народу. Отношения власти с народом лишь тогда нравственны, считал он, когда они носят патриархальный характер. Даже отношения в промышленности предлагалось организовать на патриархальных началах: фабрикант — отец, рабочие — дети. Политический идеал Хомяков ищет в сельской общине и в народно-патриархальной монархии, что делает его позицию непримиримой по отношению к бюрократии, государственной службе. Реальная бюрократия и абсолютизм рассматриваются им как измена русским традициям и целиком относится к петербургскому периоду истории; власть не служит христианской правде, ее разрыв с народом является роковым. В отличие от Карамзина Хомяков склоняется к соборной интерпретации патриархальной модели. Идеал Хомякова распространялся на все общество, включая взаимоотношения помещиков с крестьянами, так как земледелец «был искони помещику родным кровным братом». Инициативу ликвидации раскола обязан взять на себя правящий и образованный класс, который сам должен вернуться к утраченным им патриархальным идеалам народа, вплоть до усвоения быта крестьян. Необходимость приобщения к жизни крестьянства обоснована тем, что в ней заложены нравственные основы общества, она олицетворяет идеал социальной и духовной жизни. Возвращение к целостной жизни с ее национальными и религиозными началами представляется Хомякову условием и средством преодоления раскола.

Славянофильство воспроизводило господствующее в массовом сознании двойственное отношение к власти. Оно противопоставляло государство как внешнюю Правду внутренней нравственной Правде народа, общины, земства, вечевского начала. «Русский народ по преимуществу есть народ не государственный»¹³. Народ отказывается от государственной жизни во

¹² Бердяев Н. А. Хомяков. М., 1912.

¹³ В См.: Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 242, 245; Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 3. С. 282.

имя общественной, он передал государству сферу политики, так как ищет свободы нравственной, духовной. Общественную жизнь Хомяков понимает как бытовую и семейную. Власть избавляет народ от антипатичной ему жизни политической. Здесь любопытно не только противопоставление народа власти, но и само признание правомерности такого противопоставления. Славянофилы, говоря о своей любви к царю, целиком стояли на позиции самодержавия и в то же время выступали, вопреки здравому смыслу, против всевластия чиновников. Они предлагали сформировать среднее организационное звено — земский собор, земскую думу. По мнению братьев Аксаковых, царю было бы полезно в критических условиях совещаться с сословиями о предметах, их непосредственно касающихся, но это не предполагало ограничения царской власти. *Фактически славянофилы санкционировали раскол общества и государства, пошли по линии апологетики своеобразного сложившегося в стране двоевластия — власти царя в сфере государственной и мирской власти на местах.* Такая позиция требовала, однако, ответа на вопрос: каким образом могут быть разрешены конфликты между двумя формами власти? Для славянофилов согласие между ними было чем-то естественным. По мнению И. Аксакова (1823-1886), власть в стране, в противоположность европейской, утвердилась с согласия народа, согласие это явилось выражением самой нравственной жизни русского народа. Однако закрывать глаза на возможность конфликтов между ними было невозможно. Решение, предложенное И. Аксаковым, было неподражаемо в своей доктринерской наивности. «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра, чем стоять с помощью зла». В сущности, здесь налицо *банкротство идеи согласия, идеи двоевластия, капитуляция перед реальностью раскола.*

Приверженность славянофилов монархии была весьма условной, так как они, как и народ, верили в царя, но были против начальства, чиновников, т. е. фактически против государства. Вера в царя сочеталась с убеждением, что «государство как принцип — зло... государство есть ложь», «правительство, а с ним верхние классы отделились от народа и стали ему чужим»¹⁴. «Все зло происходит от угнетательской системы нашего правительства», — писал К. Аксаков (1817-1860) в 1855 году. «Славянофилы и Хомяков не говорили прямо и не могли прямо сказать, что историческая власть у нас не народная, чуждая власть, но они думали это, все их ученье вело к

¹⁴ Теория государства у славянофилов. СПб., 1898.

этому выводу»¹⁵. Фактически они переводили массовые представления о государстве как о силе зла на язык образованного слоя.

Славянофилы стремились развивать высшую культуру на основе почвенных ценностей. Некритическое отношение к массовому сознанию, его апологетика, двойственное отношение к власти вело славянофилов к переводу ценностей синкретизма на язык большого общества. В лице славянофильства духовная элита осознавала свое назначение носительницы и хранительницы исторических ценностей народного духа, почвы как основы духовного и любого другого движения вперед. Но одновременно налицо попытка низвести высшую культуру до уровня массового синкретического сознания, что открывало путь развитию какого-то промежуточного слоя культуры, смешению высшей культуры и массовой народной культуры. Но тем самым и само славянофильство раздваивалось. Оставаясь достоянием высшей культуры, оно одновременно превращалось в систему расхожих представлений. Просчет славянофилов заключался в том, что, преклоняясь перед определенными аспектами массового сознания, они не знали пути построения реальной государственности на основе локалистского сознания, пути его соединения с реальными потребностями воспроизводства большого общества. Вместо государственности они защищали утопию крестьянского государства во главе с царем, но без государственного аппарата. Они пытались ввести в высшую культуру антигосударственные мифы массового сознания. Тем самым славянофилы углубляли основное заблуждение интеллигенции, т. е. слепую веру в народ, который они, по словам Бердяева, отождествляли с простонародьем, представление, что народ, освобожденный от власти, начальства, бюрократии, способен дать высочайшие образцы творчества, построить идеальное общество Правды. Славянофилы практически игнорировали всю бездну проблем, вытекающих из несоответствия между массовым догосударственным сознанием и реальной государственностью. Следовательно, они не только обезоруживали общество перед реальным расколом между народом и властью, перед ростом раскола, но и нарушали свой долг духовной элиты, пытаясь превратить утопические представления народа о власти и царе в официальную основу политики государства и всех сил общества. Объективно они консервировали низкий уровень рефлексии, отказываясь от критики народной культуры, сосредоточивая критику лишь на государственности. Но это значит, что

¹⁵ Бердяев Н. А. Хомяков.

они толкали страну по пути усиления социокультурного противоречия между культурой народа и властью во все более сложных условиях.

Западники, в отличие от славянофилов, осознавали необходимость изменять жизнь народа вместе с изменениями, происходящими в масштабах человечества, невозможность неизменности жизни в изменяющемся мире. Здесь истоки мощной критики ими действительности, официального мира. Западников поражало противоречие между идеалами высшей культуры и реальностью. Там, где славянофилы видели позитивные ценности, западники находили лишь невежество, насилие и страдания. Критика западников служила делу обновления общества. Т. Грановский (1813-1855) в своих лекциях в Московском университете говорил о том, какой большой «долг благодарности лежит по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации и человеческого существования, доставшиеся ей путем кровавых трудов и горьких опытов»¹⁶. Ограниченность этих рассуждений заключалась в том, что культурные плоды нельзя использовать так, как используются реальные плоды. Их нельзя просто взять — их нужно освоить в процессе производственной деятельности, которая по своему уровню, культурному содержанию близка к уровню, достигнутому деятельностью, создавшей эти плоды. Если уровень осваивающей деятельности отстает, то эти плоды иной культуры могут быть восприняты в лучшем случае односторонне. То, что в одной культуре — проявление творческой самооценности человеческой деятельности, в другой может стать всего лишь условием жизни. Например, город в одной культуре — результат и сфера творчества, в другой — место прожигания жизни. Чужие плоды могут быть средством, например, микроскоп может быть использован для забивания гвоздей (образ братьев Стругацких). Такое освоение чужой культуры не только не позитивно, но и вредно, даже опасно.

Идеи Запада в России неизбежно приспособлялись к национальной культуре. Западные идеи дробились, перемалывались и помогали рационализации тех или иных элементов массового сознания, стимулируя развитие высшей культуры.

Наиболее видным западником был Петр Чаадаев (1794-1856). Чаадаев рассматривает раскол России и человечества как драму страны и каждой личности: «Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства»¹⁷ со всем человечеством, со своим прошлым. С его точки зре-

¹⁶ См.: Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. СПб., 1881. С. 75.

¹⁷ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 195.

ния, национальное самосознание формируется в процессе совершенствования и единения отдельных личностей.

Но тем самым Чаадаев возлагает громадную нравственную ответственность на духовную элиту. Он углубляет старую идею о единстве всего человечества. Отсюда несогласие со славянофильством, препятствующим, по мнению Чаадаева, созданию из человеческого рода одного народа братьев.

Чаадаев выдвинул идею единого человечества, единства целей и путей нравственного совершенства, единства духовного и физического миров. То обстоятельство, что человечество нездорово, он объясняет нарушением этого органического единства. Трагизм судеб России он связывает с оторванностью от человечества: «Опыт времен для нас не существует... Здесь сведен на нет всеобщий закон человечества. Одинокое в мире, мы миру ничего не дали, мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унизительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности... Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия»¹⁸. «В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов»¹⁹. Итак, цельность России есть то, что еще должно быть достигнуто. Чаадаев признавался, что «любит в своей стране лишь ее будущее»²⁰.

Эта идея и явилась важнейшей в западничестве. Страдания Чаадаева, его тревоги о судьбах России достигают крайнего накала. Чаадаев — своеобразный подвижник нравственности, пренебрегший карьерой, отдавший свой интеллект делу создания собственной версии будущего России. Его путь — путь одиночки. Нравственный и интеллектуальный прогресс в русле христианства, преодоление провинциализма православия, воссоединение России с человечеством — основное для Чаадаева.

Сила западничества состояла в том, что оно ориентировалось на мировую культуру, на идею государственности, на науку как средство совершенствования общества. Развивая идею прогресса, западники защищали жизненно важный для

¹⁸ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч... Т. 1. С. 330, 323, 324, 330-331.

¹⁹ Там же. С. 569.

²⁰ Там же.

страны, для существования государственности тип конструктивной напряженности.

Слабость западничества была в том, что оно, указывая пути и цели прогрессивного развития общества, однако, не могло выявить реальных основ для этого движения в самой почве, в массовом сознании и деятельности. Отсюда абстрактность, отсутствие неутопического перехода от реальности к идеалу. В противоположность славянофилам западники недооценивали массовые реальные ценности и переоценивали все, что, как казалось, должно приводить к росту и развитию общества, от просвещения до государственности, от демократии до террора, от науки до идеологии. Славянофилы не могли показать путь решения медиационной задачи, так как не были озабочены несовпадением реальной государственности с народной мифологией, но становились на почву этой мифологии, пытаясь ее рационализировать. Однако западники также не могли предложить реализуемый вариант решения медиационной задачи. В споре государственности и народной мифологии они заняли противоположную сторону, т. е. стали на сторону государственности (не обязательно той, которая реально существовала в то время), игнорируя значимость для государства содержания массового сознания. И те, и другие с разных сторон толкали общество к обострению социокультурного противоречия.

Славянофилы и западники воплощали раскол своей неспособностью к синтезу расколотых частей самосознания. Борьба этих двух течений русской элитарной мысли свидетельствовала о том, что два типа конструктивной напряженности обратились друг против друга и на элитарном уровне, что духовная элита оказалась неспособной дать власти и оппозиции реальное нравственное основание для конструктивных решений, преодоления раскола.

Борьба славянофильства и западничества — не эпизод в истории духовной жизни России. Она — модель жизни духа в расколотом обществе. Принципиальная возможность синтеза заключалась в амбивалентности славянофильства и западничества как амбивалентности полюсов самосознания. До конца последовательное самоуглубление славянофильства должно привести к западничеству, так как глубокое укоренение в почву неизбежно приводит к выводу, что развитие почвы необходимо для самого ее сохранения. Вместе с тем, развитие и изменение общества возможны лишь как почвенный процесс, его реальное содержание. Тем самым до конца последовательное самоуглубление западничества неизбежно приводит к славянофильству. Раскол мешал этому самоуглуб-

лению. Эти теоретические соображения свидетельствуют о возможности синтеза. Для него требовался высокий уровень медиации, отказ от господства логики инверсии, на что духовная элита оказалась не способна. Славянофильство и западничество не осознали себя как равноправные взаимопроникающие голоса диалога.

Тем не менее раскол самосознания имел и позитивный смысл. Пушкин, как подметил В. Соловьев, легко мирился с противоречием. Он даже не подозревал, что в противоречии есть задача, требующая решения. Резкий разлад между творческими и житейскими мотивами был у него чем-то окончательным, не затрагивал сферу нравственности. Раскол самосознания изменил положение. Он подвел к осознанию этого противоречия как к задаче, требующей решения на путях анализа, формирования срединной культуры, углубления медиации.

«ТАИНСТВЕННЫЕ СТРУИ НАРОДНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ»

Не следует забывать, что в конечном итоге битвы, раскалывающие самосознание, как и мучительные попытки власти решать медиационную задачу, были, по сути, формами экстраполяции и интерпретации того, что происходило в океане массового сознания. В глубинах народного сознания шли сложные и исключительно важные процессы. Л. Толстой писал: «Между ними (крестьянами.— А. А.) всегда ходили какие-нибудь неясные толки, то о перечислении их всех в казаки, то о новой вере, в которую их обратят, то о царских листах каких-то, то о присяге Павлу Петровичу в 1797 году (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господу отняли), то об имеющем через семь лет воцариться Петре Федоровиче, при котором все будет вольно и так будет просто, что ничего не будет. Слухи о войне и Бонапарте и его нашествии соединились для них с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле»²¹. Толстой говорил о том, что существуют «таинственные струи народной русской жизни, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников»²².

Народ видел во власти силу стихийную и бессмысленную, действия которой не поддаются объяснению. Ее решения навя-

²¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3. Ч. 2// Собр. соч. в 12-ти т. М., 1987. Т. 5. С. 150.

²² Там же.

зываются силой. Она не способна ни понять, ни даже услышать возражения. Например, такой шаг, как царский рескрипт о злоупотреблениях помещиков в отношении крепостных, мог получить в глазах крестьян значение «грамоты» о воле и привести к эксцессам. Архаичное сознание склонно воспринимать с доверием слухи, которые элитарному сознанию представляются абсурдными; так, распространялись слухи, что в определенной местности выдают паспорта на проезд в какие-то земли на вольные поселения. Люди продавали имущество, покидали родные места, стремясь добраться до обетованной земли. Их силой возвращали обратно. Сам акт благодарности Александра I русскому народу за победу в войне над Наполеоном был воспринят многими как акт освобождения: «Царское спасибо только вольный человек может получить, а не раб». В манифесте от 12 мая 1826 года крестьянам предписывалось «беспрекословно повиноваться установленным над ними властям». В народе это объяснялось тем, что «господа принудили царя издать оный», а то обстоятельство, что манифест велено читать в течение шести месяцев, трактовалось среди городских низов, дворовых и кантонистов так, что «только шесть месяцев господа будут владеть нами, а там мы будем вольные». Причиной волнения на фабрике князя Гагарина в 1826 году был слух «об ожидаемой к весне вольности». Большое распространение получали слухи о подкупе тех или иных должностных лиц господами, о сочинении господами подложных царских указов. Реакция населения на уже упоминавшийся манифест Николая I была не слишком обнадеживающей. Крестьяне не только оставались непреклонны и упорны в своих требованиях, но, что особенно важно, каждый раз выражались сомнения в подлинности самого манифеста: «Вольно-де господам было написать оный», «много мы слышали таких указов». О том, что думали крестьяне о начальстве, можно судить, например, по распространявшемуся в 1839 году слуху, что наследник женится на дочери султана и на радостях будет сожжено три губернии²³.

Реальность постоянно интерпретировалась через представления о злых оборотнях. Во время эпидемии холеры в 1831 году народ искал реальных живых виновников этой болезни, людей, которых они отождествляли с холерой. Естественно, что такими людьми могло быть начальство и интеллигенция. Ходили слухи, что доктора и начальство рассыпают по дорогам яд, отравляют хлеб и воду. Эти слухи привели к восстанию солдат, к которому затем присоединилось население города

²³ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. М., 1961. С. 347.

Старая Русса (Новгородская губерния). Восставшие избивали фельдшеров, лекарей, офицеров, разграбили аптеку, присутственные места, квартиры начальствующих лиц. Бунт распространился по соседним поселениям. Толпы людей охотились за докторами, офицерами и даже унтер-офицерами, требуя у них признания в том, что они отравили воду. Более ста офицеров, врачей и начальствующих лиц умерло от побоев. В совершенной искренности действий мятежников не приходится сомневаться. После организации управления в захваченных округах мятежники отправляли депутатов в Петербург с докладом об истреблении изменников и отравителей. В 50-х годах распространился слух, что крепостная зависимость автоматически прекращается со смертью помещика. Это привело к росту покушений на их жизнь. Массовые слухи приводили подчас к совершенно неожиданным последствиям. Например, участились слухи об освобождении за особые заслуги — за службу в резервной гребной флотилии Балтийского моря, за участие в строительстве Петербургско-Московской железной дороги, за военную службу. Говорили, что царь обещал вольную, освобождение от рекрутских наборов и налогов. Множество семей снималось с места, чтобы достичь желаемой цели. Летом 1856 года распространился в южных губерниях слух, что в Перекопе в золотой палате сидит царь и явившимся лично раздает волю. Отсутствующим или опоздавшим воли не дают. Последняя деталь особенно характерна для типа мышления, не ведающего других отношений, кроме чисто личных. Возник слух о выдаче пособий беглым крепостным для поселения в разоренных крепостях Крыма, вызвавший массовое самовольное переселение в Крым населения из многих губерний.

Общее напряжение выразилось в усиливавшейся ненависти, которая проявлялась в эксцессах, направленных против тех, кто в глазах крестьян олицетворял враждебные силы — против чиновников, помещиков, евреев. Судя по донесениям полиции, во время так называемых питейных бунтов в одном из уездов Оренбургской губернии несколько человек распространяли слух, что правительство желает уничтожить откупа и ввести вольную продажу вина, что «помещики, вопреки распоряжениям правительства, медлят с освобождением крестьян из крепостной зависимости и что, следовательно, им остается грабить питейные дома, а потом приняться за расправу с помещиками». Росла ненависть к «слугам царя», которые якобы скрывали его распоряжения, утверждалось даже, что зачинщики беспорядков награждены от царя деньгами. В 1839 году в ряде губерний свирепствовали опустошительные пожары из-за весенней засухи. По этому поводу в справке III отделения гово-

рится: «В народе возникли толки о поджогах, и когда в некоторых селениях были учреждены караулы и конные разъезды, то жители, признавая эти меры подтверждением их догадок, распространяли превратные слухи, что поджигают чиновники или помещики для разорения своих крестьян прежде отобрания их в казенное ведомство, или же евреи, из мщения за установление рекрутской между ними повинности. Ожесточенный народ возмущался против властей, ловил на пожарах проходивших и проезжающих лиц, вынуждал от них признание в преступлении побоями и нескольких человек предали пламени». Далее приводится перечень лиц, погибших и пострадавших от самосуда. Крайне любопытно, что материализация слухов о поджигателях пошла гораздо дальше, чем только расправа с попавшимися под руку людьми. Слухи привели к появлению действительных поджигателей. Тот же документ отмечает: «Слухи сии дали повод некоторым лицам к умышленному поджигательству, по злобе или с целью умышленного грабежа»²⁴. Иначе говоря, не слухи были результатом поджогов, но поджоги явились результатом распространения слухов. Воистину, прав был Маркс, говоривший, что «сознание становится материальной силой, когда оно овладевает массами». Мифы массового сознания, получившие массовое распространение, — самая грозная сила в обществе.

На волне слухов возникали массовые движения. Неурожай 1832-1834 годов, холера начала тридцатых годов активизировали и хилястические движения, нацеленные на восстановление царства Божия на земле, «нового Иерусалима». Люди верили в «град сокровенный Китеж», который скрыт «невидимой дланью» от недостойных. Существовала легенда о Беловодье, заселенном беглецами из России, которые искали «древнего благочестия православного священства». Там было якобы изобилие благ, идеальный общественный строй. Синкретическое сознание рассматривало эти земли как нечто реальное. Люди поодиночке и группами до нескольких сот человек пускались на поиски этих земель, подчас имея весьма смутное представление не только о месте, где следует искать «обетованную землю», но и о географии вообще. Продолжала существовать легенда о царях-избавителях. Пользовалась популярностью легенда о великом князе Константине, отказ которого от престола после смерти Александра I был истолкован как результат его стремления к освобождению крестьян. Он якобы потребовал от брата своего Николая уступить ему «дорогу боярски-

24 См.: Крестьянское движение 1827-1869 годов. М., 1931. Вып. 1. С. 31-37; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 343 и след.

ми головами»²⁵. Продолжало существовать самозванство. Так, в 1826 году в Уманском уезде появился некий Семенов, солдат, выдававший себя за майора, «посланного от государя-императора арестовать помещиков и объявить мужикам свободу от повинностей». В сопровождении добровольных помощников он делил между крестьянами помещичье имущество, заковывал в кандалы помещиков, порол управляющих²⁶. В отчете III отделения за 1827 год можно прочесть: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят: „Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их“»²⁷.

Наряду с анонимными слухами в общий поток народного сознания вливались слова народных проповедников. Некоторые собирали «тысячи народа». Крестьянин Ф. Булгаков (1809-1876) писал о «земном царстве Божии, в котором возрождался земной рай, прекращалась вражда между людьми, исчезает война, перековывается оружие в орудие земледелия». Во второй половине 20-х годов появился труд представителя бегунской секты В. Москвина «Разглагольствование тюменского странника». Эта староверческая секта учила, что от власти надо «бегать и таиться»), не подчиняться законам. Бегуны отрицали царя, никонианскую церковь, паспорта и подушную подать, законы, установленные правительством, рекрутчину, армию, деньги, ревизию (т. е. перепись). «Не имети града, ни села, ни дому». Эта секта ярко воплощала антигосударственные ценности широких масс, под названием «истинно православных крестьян странствующих» она существует и сегодня. Москвин провозгласил, что на месте «сокрушенного Вавилона» воздвигнется «новый Иерусалим». Идеи бегунов получили широкое распространение.

Нетрудно видеть, что эти народные представления являются, по сути, проявлением древнего манихейского менталитета, связанного с истолкованием мира через абсолютизацию полюсов добра и зла, с тем, что все негативное идет от злых сил, в данном случае интерпретированных как начальство, помещики, а все позитивное идет от тотема или его потомков, т. е. в данном случае от природного царя. При этом и реальный царь может расцениваться как оборотень, как антитотем, как зло, принявшее обличие царя. Это могло иметь место в

²⁵ Чистов К. Б. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 211.

²⁶ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 39.

²⁷ Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 9.

тех случаях, когда действия царя, содержание его указов не соответствовали представлениям о тотеме.

БЕССИЛИЕ РЕФОРМАТОРОВ

Правящая элита оказывалась под возрастающим давлением людей, с которыми она не могла установить элементарное взаимопонимание. Страх стал ее постоянным состоянием. III отделение в 1839 году предостерегало, что «крестьянское сословие есть пороховая мина»²⁸. В 1841 году начальник III отделения А. Бенкендорф предупреждал царя: «Мысль о свободе крестьян тлеет между ними непрерывно. Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и сулят нечто нехорошее». Власть с большим трудом улавливала некоторые закономерности инверсионного типа. Среди них важное значение имела не только возможность быстрого перехода от покорности к бунту, но и возможность молниеносной локальной обратной инверсии как реакция разочарования в результатах прямой инверсии. Полнейшая покорность после вспышки бунта — довольно частое явление. В жандармском отделении по поводу одного из нападений на кабаки в Самарской губернии сказано, что после инцидента «по требованию полицейского чиновника крестьяне являлись на сход, и из них зачинщики грабежа заключались под стражу без особого возмущения»²⁹. По поводу возмущений, связанных с пожарами, в уже цитированной выше справке III отделения отмечается, что почти во всех местах, где жители возмущались, Перфильев (генерал, которому было поручено расследование на месте) находил их покорными, но собирал их, делал внушения, потом судил виновных. «В селениях, где крестьяне наиболее буйствовали, при появлении генерала Перфильева они являли искреннее в том раскаяние и со слезами на коленях просили пощады...»³⁰. Через двадцать лет, во время питейного бунта, можно было наблюдать аналогичную картину. В рапорте тамбовского жандармского офицера читаем: «Наказания по большей части были весьма умеренные, но при этом все более действовали на умы народа торжественность и строгий порядок, с которыми приступали к разбору и наказанию виновных, так что все они высказывали сильнейшее раскаяние и, на коленях изъясляя

²⁸ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 345. См. также: Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 31.

²⁹ Крестьянское движение 1827-1869 годов.

³⁰ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 350. См. также: Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 27 и след.

покорность, просили прощения в своем проступке». Это сильнейшее колебание настроений создавало для власти возможность сохранить относительный порядок.

Неспособность к взаимопроникновению смыслов крестьянства и власти была мощным препятствием для реформ, для всех планируемых властью и затрагивающих образ жизни крестьян изменений и в определенной степени сознавалась правительством. Николай I писал П. Д. Киселеву, что рассматривает крестьянские волнения как «заблуждение крестьян по случаю распространения ложных слухов о перемене их состояния». Реформаторская деятельность Киселева непрерывно сталкивалась с этим, с его точки зрения, иррациональным, неадекватным реальности поведением крестьян. Например, в 40-50-х годах во многих районах России прошла волна протестов против тех изменений, которые вносились в управление государственным имуществом и касались крестьян, живущих на государственных землях. Крестьяне решили, не имея на это объективных оснований, что их хотели лишить части земельных наделов и перевести на барщину, на положение помещичьих крестьян. «У крестьян вкоренилось прочное убеждение, что их обратят в удельные или помещичьи крепостные. Каждое нововведение Министерства подкрепляло эту мысль и возбуждало страстную жажду сопротивления...» Они отказывались принимать новое Положение, выбирать сельских начальников, подчиняться назначенным чиновникам. Исследования показывают, что волнения «возникли раньше, чем обнаружился результат новой системы, созданные реформой 1837—1841 годов». Крестьяне видели в самой идее реформ вмешательство в мирское самоуправление³¹. Все действия или бездействие власти, которые могли интерпретироваться крестьянами как проявление по отношению к ним мирового зла, злодейских действий начальства и т. д., имели парализующее значение для реформаторов. *Налицо заколдованный круг как проявление далеко зашедшего раскола. Раскол, непроницаемость смысловых полей крестьянства и правящей элиты заблокировали попытки власти внедрить в повседневную жизнь крестьян прогрессивные инновации.* Эти попытки интересны тем, что шаг новизны в этом случае был невелик. И тем не менее они не прошли. Большинство крестьян не приняло эту ограниченную альтернативу.

Раскол еще более усиливался в связи со сдвигами в массовых настроениях крестьян. Масштабы этих сдвигов могли быть и не очень велики, но, помноженные на численность крестьян-

³¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 521, 467, 457, 458.

ства, они оказывались фактором первостепенной важности. Определенный поворот крестьянского сознания отразился в фольклоре. В частности, в сказочном творчестве первой половины XIX века усилились мотивы глумления над помещиком, высмеивались его жадность, лень, тупость, что свидетельствовало о падении уважения к нему. В сатирических сказках крепостной мужик, как правило, герой положительный, противостоит барину, персонажу отрицательному. Крестьянское движение приобретает более массовый и стойкий характер.

Росли потребности крестьян. «Земледельческий журнал» в 1832 году писал, что крестьяне начали носить сапоги. Прежде мужик шапку носил всю жизнь и даже оставлял детям в наследство, теперь же он по три раза в год меняет картуз. Крестьяне стали заводить чай и самовары. Журнал отмечает изменение настроений с 1812 года, когда начали ослабляться старые патриархальные нравы. Возникло представление о вольности: «Пить и гулять, сколько душе угодно, не давая никому в поведении своем отчета»³². В литературе того времени говорится об опасности новой пугачевщины. Усилилось недоверие к местной и центральной власти. Не отдельные волнения, а общий «дух неповиновения» усиливал угрозу.

Волнения 1854—1856 годов существенно отличались от волнений 1826 года, возникших на почве слухов о воле и связанных с частными причинами. Теперь волнения возникали независимо от положения в том или ином имении. Крестьяне, уходя «в Таврию за волей», подчас вполне дружелюбно расставались с владельцами. В донесениях с мест учащаются сообщения о случаях неповиновения крестьян, об усиливающемся духе протеста. Шеф жандармов писал в 1858 году, что крестьяне «при ожидании переворота в их судьбе находятся в напряженном состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода»³³. По свидетельству будущего министра А. В. Головнина, лично ознакомившегося с положением в ряде губерний в 1860 году, в крестьянах заметно «нравственное пробуждение и проявление как бы чувства собственного достоинства. Они теперь оскорбляются поступками, которые в прежние времена не оскорбляли их». Далее он говорит о существенном различии между поколениями, о молодежи, которая в скором времени «составит буйную вольницу, какой Россия уже давно не имела и которая доставит правительству много

³² Довнар-Запольский М. В. Крепостники в первой четверти XIX в. // Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 131-132.

³³ Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 124.

затруднений»³⁴. Донесения с мест обращают внимание на упорное нежелание платить подати. Крестьянство стремилось отклониться от жизненно важной для медиатора функции, т. е. исключить из своей воспроизводственной деятельности воспроизводство государства, большого общества. *Активизация крестьянства проявлялась не в стремлении перестроить государство, а в желании отпихнуться от него, замкнуться в своих локальных мирах. Отход крестьянства от начальства неизбежно заставлял государство укреплять аппарат чиновников и поддерживать дворянство.*

Правящая элита пыталась активизировать творчество тех или иных слоев населения, вдохнуть живые силы в механизм управления, оживить дворянское самоуправление. В 1831 году права губернаторских и уездных дворянских собраний были несколько расширены, вводились штрафы за непосещение дворянами собраний, но это не дало результатов. Стремление власти к некоторому отходу от авторитаризма не встретило поддержки снизу. Дворянство было равнодушно даже к тем правам, которыми оно располагало по закону. Как крестьяне, так и дворяне не проявляли интереса к тому, что находилось за границей их локальных миров. Тем самым они передавали свои прерогативы чиновникам, первому лицу. Слабость, апатия, равнодушие парализующе действовали и на правящую элиту. Реформа, как казалось царю, могла быть единственным выходом. Здесь можно было опереться на авторитет высшей власти, на некоторое количество способных администраторов. Крайне важным обстоятельством, благоприятным для реформ, был рост понимания ценности государственных организаций, понимания ценности службы государству в интересах общества, ценности общества для воплощения личных интересов. Сам царь говорил о себе, что он «смотрит на всю человеческую жизнь как на службу, так как каждый служит». Гоголь писал: «Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»³⁵.

Однако эта вера в нравственную необходимость исполнять долг на своем месте, исправно служить обществу в государственной организации омрачалась рядом обстоятельств. Во-первых, она охватывала относительно тонкий элитарный слой. Во-вторых, само это стремление служить еще не оторвалось от

³⁴ Головин А. В. Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 году // Записки научного общества марксистов. М.; Л., 1927. № 7(1). С. 142, 143.

³⁵ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 190.

конструктивной напряженности, нацеленной на неизменность. По словам В. Линкольна, «паралич русской бюрократии середины XIX века усиливался из-за общей инертности и из-за того, что чиновники низших рангов пассивно противились каким-либо изменениям». Это совпадало с общим безразличием к общественным делам. Дворяне избегают выборов, «и скоро надобно будет собирать их жандармами, чтобы принудить пользоваться правами»³⁶.

Отсутствие в обществе достаточно развитого сословия, способного взять на себя ответственность за большое общество, за государственность, неизбежно усиливало значение бюрократии. С 1796 по 1847 год численность чиновников возросла в четыре раза, а с 1796 по 1857 год — почти в шесть раз. Государственный аппарат в первой половине XIX века рос примерно в три раза быстрее, чем население. Причина этого была в усложнении функций общества, которые в значительной степени должно было брать на себя государство. И все же удельный вес бюрократии в стране был невелик.

В Петербурге на 1 000 жителей было всего 1,1-1,3 человека администрации, тогда как в Лондоне и Париже эта величина соответственно составляла 4,1 и 4,8³⁷. Это свидетельствует о слабости якобы всемогущего государства. Мировосприятие чиновника, рассматривающего общество как силу внешнюю и чужую, с неизбежностью порождало коррупцию и вместе с тем *конфликт в самом медиаторе*. Вся история государства есть глухая скрытая борьба правящей элиты с массой собственных чиновников.

Именно в этот период учреждения, канцелярии, палаты, конторы приобрели славу разбойничьих притонов. Взятка давно стала формой связи локального сообщества с местными властями. Подношение считалось чем-то естественным, и поэтому дача взятки официально предусматривалась в мирском приговоре, о чем делалась соответствующая запись. Взятка чиновнику по решению мира была системой, что превращало ее в ренту держателя монополии. Из сохранившейся расходной книги старосты одной из деревень владения Орловых И. Иванова (1822 год) видно, что взятки давались по самым различным поводам: при сдаче подушной подати, за выписку квитанции, сторожам, за принятие показаний в суде и т. д. Общая же их сумма составляла более шестой части официальных платежей. Складывалась специальная шкала «по-

³⁶ Сперанский М. М. Письма Сперанского к А. А. Столыпину // Русский архив. 1869. Т. 7. № 9. С. 197.

³⁷ См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 66-68.

дарков»³⁸. Чиновники не выходили в основном за рамки локальных идеалов, они не могли подняться до понимания необходимости защищать интересы всего общества, до осознания социальной роли чиновника как носителя общественного служения. Следуя локальным и, одновременно, утилитарным ценностям, они разрушали медиатор как организационную силу общества, пытаясь в каждой ее точке подчинить аппарат случайным, личным, местным целям.

«СВЕРХУ — БЛЕСК, ВНИЗУ — ГНИЛЬ»

Силы, казалось бы, могучего государства оказались ничтожно малы для подъема хозяйственного и социального уровня многомиллионного крестьянства, точнее, той его части, которая находилась в непосредственном ведении Министерства государственных имуществ. Государственный аппарат оказался бессильным в деле обеспечения агрономической службой основной массы населения. Врачебная помощь и призрение престарелых были организованы в микроскопических размерах. Ежегодно недоборы налогов и сборов возрастали, сумма недоимок за 19 лет реформ выросла на 66%. С мест продолжали поступать сведения о бедности крестьян, их ропоте недовольства, коррупции чиновников. Полная неудача привела к отставке П. Д. Киселева. Новый министр М. Н. Муравьев, как и Киселев, следовал логике хромающих решений, каждый шаг которых частично или полностью отвергает предшествующие решения. Он пытался перевести «свободных сельских обывателей» (государственных крестьян) в условия, в которых находились частновладельческие, сократить их наделы, повысить оброчные платежи, т. е. покончить с «попечительными» преобразованиями³⁹. Но таким способом была лишь подготовлена почва для следующего витка хромающих решений. Потребность в изменениях и одновременно неспособность общества их обеспечить создавали тупиковую ситуацию. Люди, склонные к поверхностным наблюдениям, оценивали положение оптимистически, тогда как более глубокий взгляд на ситуацию породил прямо противоположную точку зрения. Николай I говорил в 1842 году: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному было бы злом, конечно, еще более гибельным. ...Я никогда на это не ре-

³⁸ Александров В. Л. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). С. 171-172.

³⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 575, 289, 517.

шусь... Но... необходимо, по крайности, приуготовить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей»⁴⁰. Ясно видно нарастающее осознание бессилия правящей элитой, самим царем, явный страх перед неконтролируемыми последствиями изменений и одновременно признание их необходимости.

Консервативные, застойные тенденции особенно усилились в результате революции 1848 года в Европе, за которой в России последовало наступление правящей элиты на просвещение. Отставка в связи с этим С. Уварова означала поражение интеллигенции, перешедшей на позиции медиатора. Его деятельность показала, что управление наукой и просвещением в условиях раскола содержит в себе постоянную угрозу конфликта, вытекающую из расколотости системы ценностей.

К двадцатилетию царствования Николая I в правящей элите в целом (были и исключения) царили оптимистические настроения. Царь полагал, что «положение России и ее монарха никогда еще, с самого 1814 года, не было более славно и могущественно». Тем не менее подспудные силы, на которые можно было до времени закрывать глаза, подтачивали систему. В стране назревала новая инверсия. Правящая элита, однако, не была к этому подготовлена. Жизнь ускользала из теряющей связь с реальностью системы власти.

Н. Милютин (1818-1872) писал в марте 1856 года новороссийскому генерал-губернатору: «Сердце обливается кровью при чтении ваших депеш... Все, что мы тут (в Петербурге) ни сделали, принесет ничтожную пользу стране». Граф П. Валуев (1815-1890), впоследствии председатель комитета министров, в 1856 году указал на один из наиболее слабых пунктов бюрократической централизации: «Управление доведено в каждой отдельной части до высшей степени централизации, но взаимные связи этих частей малочисленны и шатки. Каждое министерство действует по возможности особняком и ревностно применяется к правилам древней системы уделов»⁴¹. Валуев подметил крайне важное обстоятельство. *Каждый бюрократический институт превращался в особый локальный мир, противостоящий другим мирам.*

М. Корф, главноуправляющий II отделения личной канцелярии царя, полагал, что система могла существовать, без сомнения, лишь потому, что на самом деле большая часть предписаний высшего правительства на местах не исполнялась и действительная жизнь шла врозь с ними. Трудно дать более

⁴⁰ См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 60-61.

⁴¹ *Дневник графа П. А. Валуева. 1847-1860 гг. // Русская старина. 1891.*

убийственную характеристику управлению, указав на то, что оно могло существовать лишь потому, что его предписания не исполнялись. «Дела обыкновенно шли прекрасно на бумаге, но никто не сверял бумагу с действительностью» (А. Н. Пыпин). На это полнейшее расхождение всей жизни общества и государства указывал И. Аксаков. Он писал о периоде царствования Николая: «„Фасад“ его был действительно блестящий до такой степени, что он и теперь (т. е. в 1884 году) вызывает иногда ретроспективное удивление. Но не даром же сказано было про Россию, что она — страна фасадов и парадов». Граф П. Валуев писал: «Сверху — блеск, внизу — гниль»⁴². Можно без конца цитировать авторов, вскрывавших совершенно неестественное противоречие между видимым блеском и внутренней несостоятельностью строя, основанного на умеренном авторитаризме. *В условиях раскола, неорганического существования общество оказывается неспособным воспроизводить себя на основе определенной конструктивной напряженности, на основе органического процесса воспроизводства.* Общество, с одной стороны, вступило на путь изменений, развития, включая развитие самосознания. Но, с другой стороны, оно стремилось ничего не менять, дабы не вызвать неконтролируемых последствий. Например, С. Уваров писал: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовит ей теория, то я исполню свой долг и умру спокойно»⁴³.

Правящая элита оказалась в мучительном противоречии. Опираясь на сословия, она видела, что взаимоотношения между ними требуют изменения, так как растет опасное недовольство крестьян. Однако сместить опору власти достаточно близко к крестьянам было невозможно, так как их локалистские представления мешали воспроизводить государственность.

Усилившийся раскол, неспособность преодолеть коренное расхождение векторов конструктивной напряженности парализовали общество. *Страх перед катастрофой превратился в страх перед изменениями*, а это означало, что авторитарная система привела к застою, к отставанию общества от предъявляемых к нему требований извне и изнутри. Политика правящей элиты судорожно металась между исключаящими друг друга принципами, усиливая дезорганизацию. Академик, цензор, тонкий наблюдатель А. Никитенко (1804—1877) писал вскоре после смерти Николая I: «У нас ныне настоящее царство хаоса. Хаос во всем: в администрации, в нравственных началах, в убеждениях. Хаос в головах тех, которые думают

⁴² Дневник графа П. А. Валуева. 1847-1860 гг. // Русская старина. 1891. Кн. 5. С. 354.

⁴³ Цит. по: Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 264.

управлять общественным мнением»⁴⁴. Каждое важное решение в условиях раскола превращалось в собственное отрицание. Система позднего авторитаризма подтачивалась локальными силами даже внутри государственного аппарата. Решение медиационной проблемы оказалось под угрозой, так как массовое сознание уходило из-под влияния государственности. Ставка на силу оказалась ставкой на слабость. Крымская война (1853-1856), в которой Россия выступила против объединенных сил Англии, Франции и Турции, показала всю гнилость режима. Армия технического уровня 1812 года не могла противостоять армиям передовых европейских держав. С. Витте писал впоследствии: «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим; они осознали, что Россия не может быть сильной при режиме, покоящемся на рабстве»⁴⁵. По определению Витте, николаевский режим завершился «севастопольским погромом». «Мы накануне сильного потрясения, тяжких испытаний,— если не конечного распада того, что доселе называлось Россией. Правительство ежедневно более или менее обнаруживает и свой внутренний разлад, и свое внешнее бессилие. А в тех силах, которые под ним движутся и его колеблят, как мало признаков будущего единства»,— писал П. Валуев в 1859 году⁴⁶. О настроениях, вызванных крымской катастрофой, говорят записки известного дипломата князя А. Горчакова (1798—1883): «Если бы мы продолжали борьбу, мы лишились бы Финляндии, остзейских губерний, Кавказа, Грузии и ограничили бы тем, что некогда называлось Великим княжеством Московским».

Массовый отход от власти свидетельствовал о росте социокультурного противоречия между ценностями массового сознания и исторически сложившейся государственностью, о ее нарастающей дисфункциональности. Срединная культура росла, но манихейство оставалось господствующим мировоззрением. Новые утилитарные и либеральные ценности не могли переварить толщу массового синкретизма, что делало положение правящей элиты, стремящейся отстоять некоторые либеральные ценности, все более трудным.

Общество пыталось преодолеть ограниченность синкретизма, использовать элементы либерализма. Они приобрели характер ограниченного культурного плюрализма в образованных слоях, стремления к реформам, к техническому и экономическому развитию и т. п. Элементы либерализма играли

⁴⁴ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 38.

⁴⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2.

⁴⁶ Дневник графа П. А. Валуева. 1847-1860 гг. // Русская старина. 1891. Окт. С. 140.

роль, по крайней мере отчасти, некоторого критического фактора, некоторой потенциальной возможности, которая могла организационно воплощаться в тех или иных случаях, например, в законодательных актах, несколько ослаблявших давление на крестьян. Либерализм, следовательно, выступал и как некоторый внутренний элемент господствующего идеала, и одновременно как некоторое неофициальное движение, претендующее на то, чтобы вырабатывать на основе мирового опыта некоторую альтернативу вариантам вечевого идеала, альтернативу инверсии.

В конечном итоге государственность была вынуждена опереться на иллюзии совпадения реальности большого общества с мифами синкретического сознания, что и воплощалось в официальной идеологии единства православия, самодержавия и народности. Провозглашая это единство, идеология тем самым скрывала реальность раскола. Таким образом, государство само оказывалось во власти мифов и, следовательно, не могло предотвратить уход широких масс из-под влияния государства, рост общей социальной дезорганизации общества, а значит, и банкротство господствующего идеала, его смену на противоположный, распад внешней и внутренней политики. Государство, пытавшееся реализовать новую альтернативу, оказалось бессильным перед бездонным морем повседневности миллионов, не вышедших за рамки альтернативы инверсионного типа.

ГЛАВА VII

СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И НОВАЯ КАТАСТРОФА

НОВАЯ ИНВЕРСИЯ

Банкротство позднего умеренного авторитаризма означало, что вялая инверсия, попытка общества преодолеть инерцию истории, найти альтернативу за рамками исторически сложившихся циклов оказалась неудачной. Обществу не хватило массовой критической рефлексии своего исторического пути, уровня медиации, способности формировать срединную культуру.

Катастрофическое поражение в Крымской войне и неожиданная смерть императора произвели гнетущее впечатление, усиливая массовое дискомфортное состояние. Князь П. Кропоткин (1842-1921), теоретик анархизма, писал в своих воспоминаниях: «Ужас охватил как наш, так и соседние дома. Передавалось, что „народ" на базаре держит себя очень подозрительно... высказывает опасные мнения. Взрослые разговаривали не иначе как шепотом... Помещики ждали ежеминутно бунта крепостных — новой пугачевщины»¹. Для страха были определенные основания. Если в первой четверти века в год в Центральной России было восемь волнений, то в следующую четверть века их количество возросло до девятнадцати, а в 1851-1860 годах до сорока семи. Волнения, вопреки представлению о всемогуществе государства, способного вооруженной рукой подавить любое выступление недовольных, часто оканчивались победой крестьян, т. е. взятием помещика в опеку. Это могло быть связано со снижением оброка и отменой натуральных поборов, с отменой решений о переселении, с отказом помещика от попыток принудить крестьян работать на своих заводах, с уничтожением барщины, с возвращением отобран-

¹ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 94.

ных земель и т. д. «Со временем независимость крестьян от помещиков росла»².

В сообщениях, поступающих из губерний, говорилось о «духе упорства и ослушания в исполнении не только вотчинных, но и правительственных распоряжений». Например, в 1858 году крестьяне ряда уездов Тверской губернии объявили себя вольными, отказывались от несения повинностей, самовольно уходили на заработки и игнорировали распоряжения помещиков. Крестьяне вышневолоцкой помещицы фон Ренгартен заявили полицейским и чиновникам: «Мы... уже вольны, и помещица над нами не имеет никакой власти». Чиновники свидетельствовали, что крестьяне не исполняли никаких обязанностей перед помещицей, «которую знать не хотят», уходили из имения, «кому где захочется, нанимались в других уездах на постройки в работы». Восставшие крестьяне одного из поместий Костромской губернии заявили, что «они теперь должны управляться миром, а не помещиком». В другом поместье крестьяне вырубил и продали помещичий лес, «в том убеждении, что земля принадлежит вся крестьянам, и помещица не имеет на нее права». Крестьяне отказывались платить подати. Костромской помещик Лугинин в 1857 году сообщает губернатору: «В имении моем проявляется брожение в умах крестьян и остановка в уплате оброка. Те же из крестьян, которые оброк отрабатывают в лесных дачах моих, стали всячески от исполнения сих работ уклоняться, не оказывая, впрочем, явного и общего неповиновения, но под разными предложениями и отговорками». Крестьяне одной из деревень вотчины князя Б. Черкасского запретили отправлять соборный оброк, будучи убеждены, что «скоро получат свободу и деньги их пропадут». Крестьяне помещика Салова отказались платить оброк, заявляя, что «они уже вольные» и т. д.³ В обществе складывалась драматическая ситуация. Рост утилитаризма, самосознания, активности крестьянства приводил к тому, что оно отслаивалось от государственности, отпихивалось от нее, пытаясь построить свою жизнь на принципах догосударственности, отказываясь воспроизводить большое общество, государственность. Миллионы людей творили историю, однако весьма слабо представляя, какую именно.

Банкротство позднего умеренного авторитарного идеала дало импульс новой инверсии, переходу к соборному идеалу,

² Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 51.

³ Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800-1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 135—138 и др.

возврату к исходной точке движения государственности, т. е. к альтернативе в рамках сложившегося богатства культуры. Импульс инверсии шел не только от дискомфортного состояния, вызванного банкротством господствующего идеала предшествующего этапа, но и от остаточного дискомфорта состояния, обусловленного скрытым накоплением результатов банкротства ряда последовательных господствующих идеалов, начиная с крайнего авторитаризма. Инверсия, следовательно, накопила значительный потенциал, набирая массовую энергию в движении к господству соборного идеала. Это грозило придать процессу сокрушительный характер. Отход от вялой инверсии, от попыток преодолеть ограниченность возможностей альтернатив вне рамок инверсии, а также мощь накопленной инверсии таили в себе угрозу разрушительного конфликта распавшихся частей общества. В стране с массовым господством локализма это неизбежно ведет к громадным бедствиям. Правящая элита, находясь во власти новой инверсионной волны, несущей общество к катастрофической дезорганизации, вновь судорожно искала свою интерпретацию инверсии, вновь стала сближаться с духовной элитой.

Новая соборная инверсия стала интерпретироваться как либеральная.

ОТ УТИЛИТАРИЗМА К МАТЕРИАЛИЗМУ

Важнейшей движущей силой изменений в обществе было дальнейшее развитие утилитаризма не только умеренного, но и развитого. Развитой утилитаризм является нравственной основой для совершенствования производства, саморазвития инициативы, творчества. Утилитаризм возник из синкретизма, постепенно его расчленил, разрушая. Это, однако, не мешает тому, чтобы на протяжении громадных отрезков времени утилитаризм служил средством укрепления синкретизма.

Развитой утилитаризм с его ориентацией на прогресс производства, требующий развития личности, высокой оценки потребностей личности, в конечном итоге подготавливает почву для либерализма с его повышенным вниманием к духовным ценностям, идеалам свободы, саморазвития, законности, диалога и т. д. Но для духовной элиты России характерна стойкая неприязнь к утилитаризму. В. Белинский говорил о царстве «материальной животной жизни, чиновлюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торговли бесстыдной и наглой глупостью, посредственности, бездарно-

сти». Русская литература подхватила представление массового сознания о богаче как о воплощении зла. Гоголевский Плюшкин, Иудушка Салтыкова-Щедрина воплощали ужас перед, как казалось, нечеловеческой, безнравственной силой растущего утилитаризма, лишённого элементарной целесообразности. Вот картина, которую дал Салтыков-Щедрин. «В последнее время русское общество выщелило из себя нечто вроде буржуазии, т. е. новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентщиков, железнодорожников, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов... В короткий срок эта празднующаяся гля успела опутать все наши палестины: в каждом углу она сосет, точит, разоряет и вдобавок нахальничает. Во многих городах и в особенности в деревнях она подла и невыносима. Это ублюдки крепостного права, выбивающиеся из всех сил, чтобы восстановить оное в свою пользу, в форме менее разбойничьей, но, несомненно, более воровской».

Г. Успенский говорит о «живорезном направлении» в деревне. Слова, которыми он описывает кулака: «жрет», «утроба» и т. д.— очень напоминают образы врагов у Аввакума. Это также синкретическое, чувственно воспринимаемое зло, не отделяемое от личности. Подобное направление литературы свидетельствовало не только о разрушительном воздействии утилитаризма на синкретизм, но и о неспособности духовной элиты на этом этапе найти формы ассимиляции утилитаризма. Общественное мнение, направленное против роста утилитаризма, не смогло осознать того, что утилитаризм в стране развивался не столько на своей собственной основе, сколько на основе синкретизма. Отсюда крайняя болезненность этого процесса. Утилитаризм опирался на древнюю нравственность, тем самым создавая химеры. Общество, двигаясь по пути утилитаризма, парадоксальным образом тяготилось им. Его рост не получил позитивной нравственной санкции ни в элитарном сознании, ни в массовом. Общество за это жестоко расплачивалось, так как носители утилитаризма начинали самоощущать себя в качестве носителей зла. Утилитаризм оказался как бы на нелегальном положении. Он выступал антиподом нравственных принципов, дьявольской силой, разрушающей жизнь. И в этом отношении Россия представляла собой противоположность Западу, где рост утилитаризма на определенном этапе находил обоснование в философских, этических, религиозных системах. *Тяга к утилитаризму и одновременно страх перед ним порождали раздвоенность сознания, усиливали нравственное напряжение, сознание греховности общественной жизни. Этот конфликт в условиях раскола общества приобрел застойную форму, стал элементом раскола. Сло-*

жилося, следовательно, своеобразное двойственное отношение к утилитаризму. Это открывало путь инверсионным крайностям в отношении к нему, переходу от ничем не ограниченного мироедства к попыткам его уничтожить. *Вся великая русская литература XIX века, несшая в себе гигантский нравственный заряд, была направлена против реального утилитаризма. Тем самым она толкала общество на борьбу не столько с его уродливыми формами, сколько с утилитаризмом как таковым.*

Впрочем, ограниченную нравственную санкцию утилитаризм получил в материализме, который пытался соединить его с синкретизмом. Трудно представить тот энтузиазм, который охватил русское образованное общество, овладевшее наконец истиной. В 50-60-х годах материализм проповедовали с большим эмоциональным подъемом, с истинно религиозным энтузиазмом. Русский философский материализм, формировавшийся на элитарном уровне, основывался на достижениях мировой культуры и являлся выражением общемировой тенденции.

Поворот к материализму в России происходил как переосмысление определенных сторон синкретизма средствами высшей культуры. Древняя Правда осмыслялась как тождественная реальности. Мифологическое мышление с его принципом «всё во всём» не знало различия между мыслью и реальным миром. А. Афанасьев писал: «В эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятие не могло быть иначе выражено, как чрез посредство материальных уподоблений. Поэтому кривизна служила для обозначения всякой неправды...»⁴. Для синкретического мышления все окружающее представлялось телесным, т. е. обладающим чувственно воспринимаемой формой. Материя стала преемницей языческого божества. Идол древнего славянина был капризен. Материя же рассматривалась как носительница однозначных строгих законов, включая, в конечном итоге, и нравственность. *Философский материализм в России противопоставляет материю и сознание как две абсолютные противоположности, но при этом сознание парадоксальным образом целиком определяется материей. Это представление можно рассматривать как философское воплощение раскола и умозрительную попытку его снять. Оно несет в себе постоянную возможность отпадения человека от материи, которая воплощает Правду. Здесь воспроизводится старая тотемическая схема. Гарантом, истолкователем этой Правды выступали вла-*

⁴ Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1982. С. 325.

стителю дум, журналисты, писатели, а затем и «отцы народа». Эта партиципация человека к объективным законам материи делает его владыкой мира, т. е. хозяином всех вещей и процессов, что открывает путь утилитаризму.

На Западе получила преобладание философия, выдвигающая на первый план активность человека. Это направление включало в себя и марксизм. В рамках последнего материализм приобрел антикапиталистический характер. В марксизме отрицалась необходимость творческой предпринимательской деятельности. Иначе говоря, принимались результаты развития капитализма — рост благосостояния, успехи науки и техники, но сам капитализм, создававший все более совершенные формы труда, деятельности, соответствующие формы конструктивной напряженности, отвергался. *Если западный материализм расчищал путь капитализму и либерализму, то русский вариант явился формой защиты общинных идеалов от капиталистических разрушений, от либерализма.* Европейский материализм развивался под лозунгом раскрепощения человека, переделки общества, созидания царства разума в процессе личного творчества.

Материализм в России унаследовал от синкретизма его монологический характер, признание возможности лишь одной точки зрения, противостоящей бесконечным заблуждениям. Этот монолог должен формироваться наукой, так как материализм рассматривает себя как ее результат и одновременно как ее основу. Возможно, именно в оценке науки с наибольшей силой сказалась связь русского материализма с синкретическим миропониманием. Наука в этом случае выступала как предмет веры. Материализм был одним из важных результатов утилитаризма, попыткой привязать человека к «науке» как внешней силе. Однако наука в этих условиях вопреки своей сути становилась отражением ранее сложившейся культуры, попыткой ее модернизировать, подчиняя не столько логике формирования предметного знания, сколько новым ценностям, возможно, новых социальных групп. Между расколотыми частями общества неизбежно складываются различные промежуточные группы. Важнейшая среди них — интеллигенция. Это был слой, который усваивал высшую культуру в той степени, в какой это позволяло перевести менталитет массового сознания на язык науки или того, что принималось за таковую. Относительная образованность интеллигенции позволяла интерпретировать явления социально-инверсионного типа на языке науки, например, трактовать бунт как революцию. Но этого было недостаточно для понимания сущности как бунта, так и революции. Представления элитарной культуры,

используемые для подобной интерпретации, блекнут, теряют свою внутреннюю связь с высшей культурой. Основной задачей интеллигенции было включение содержания массового сознания в культурный контекст большого общества, стремление преодолеть раскол между народной и элитарной культурой, возможно, через ликвидацию того или иного полюса. При этом народ с его нравственными принципами воспринимался как тотем, с которым интеллигенция должна находиться в состоянии партиципации. Поскольку речь шла об инверсионном, локальном сознании, эта деятельность интеллигенции тяготела фактически к ликвидации большого общества, государственности, по крайней мере в тенденции. Тем самым *интеллигенция игнорировала свою социальную функцию критики народного сознания*, стимуляции приобщения народа к реальным высшим ценностям культуры, хотя практически такой процесс в ограниченных масштабах имел место.

В монологических идеалах интеллигенции, в ее подчас доктринерском пренебрежении к ценностям культуры просвещивала и способность во имя абсолютной цели, т. е. высшего утилитарного блага, быть беспринципной в средствах вплоть до пренебрежения всеми нравственными ценностями. *Утилитаризм логически и исторически занял некоторое промежуточное состояние между синкретизмом и либерализмом*. Он сходен с синкретизмом в некритическом отношении к целям, в рассмотрении их как чего-то естественно заданного. Но утилитаризм, в отличие от синкретизма, откачивается от подобного отношения к средствам. Средства для него — это сфера поиска безгранично растущих возможностей. В этом определенное сходство утилитаризма с либерализмом. Однако между либерализмом и утилитаризмом существовало важное различие. Утилитаризм сохранил некритическое отношение к целям, тогда как либерализм, опираясь на науку, на представление о прогрессе, распространял критическое отношение и на них.

Интеллигенция стимулировала инверсионное сознание на уровне философии. *Материализм в стране стал философией инверсии*, которая нацеливалась единовременным актом утвердить на развалинах государственности высшую народную Правду. Революционеры, т. е. сторонники инверсии — бунта — революции, ставили своей задачей вызвать, ускорить, усилить массовую инверсию. Они верили в молниеносное чудо. «Мы не можем ждать... Революция в России действительно необходима и необходима именно *в настоящее время*. Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления»⁵. Интел-

⁵ Ткачев П. Н. Избр. соч. М., 1933. Т. 3. С. 70.

лигенция говорила на языке науки и одновременно на языке синкретизма — с народом, и тем толкала его к инверсии. Еще Рылеев и Бестужев накануне 14 декабря 1825 года распускали в Петербурге слух о том, что покойный царь Александр дал народу волю, а Николай не желает выполнять волю прежнего царя. Восставшие офицеры объяснили народу на Сенатской площади, что «вот теперь немцы всем заправляют и угнетают народ». Об этом же стремлении говорить на языке народа, раствориться в его системе ценностей свидетельствует воззвание 3 марта 1881 года после убийства царя: «Сегодня, 1 марта Александр II убит, мучитель своего народа убит нами, социалистами. Объявляем об этом всенародно. Убит за то, что отдал рабочего грабителям и мироедам. Он не давал воли народу. Мирских людей, которые стояли за народ и Правду, он вешал, ссылал на каторгу. Александр II был волком. А царь должен быть пастырем добрым». Здесь налицо целый букет синкретизма: вера в абсолютное деление реальности на Правду и кривду, абсолютная вера в единственность своего истолкования Правды, персонификация зла в живом оборотне, в данном случае в Александре II, который не соответствовал представлениям об идеальном царе.

Все подчинялось одной цели — вызвать массовую инверсию, бунт — революцию. Прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1860-1861) содержала призыв «волю добыть» посредством вооруженного бунта во имя того, «чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всей этой чиновной дряни» не было, чтобы «мир был всему голова».

Рассматривая общество как поле битвы двух сил — добра и зла, отождествляя себя с силами добра, авторы текста пытались преодолеть раскол, доведя его до крайней степени обострения, до гражданской войны, до всеобщей резни, до катастрофы. *Интеллигенция превращалась в активного проводника слепой исторической инерции, разрушительных инверсионных колебаний.* Однако груз ценностей большого общества мешал ей целиком слиться с народом (отказ от этого груза означал бы потерю специфики интеллигента). *Фактически эти люди работали над формированием нового нравственного идеала. Таким идеалом стал, например, социализм, в котором сочетался общинный социализм, т. е. идеал локализма, и государственный социализм, т. е. идеал, связанный с заботами о большом обществе.* Хотя духовная деятельность интеллигенции питалась крошками со стола высшей культуры, это не уменьшало ее значения в области подготовки новых нравственных идеалов.

Критическое острие этой деятельности интеллигенции было направлено против либерализма как источника зла, социального хаоса, дискомфорта. *Интеллигенция стремилась манихейством подменить либерализм, оценивая существующую государственность как воплощение зла. Зло объяснялось уже не кознями Антихриста, а утилитаризмом буржуазии.*

Формируя свою специфическую субкультуру, интеллигенция стремилась соединить несоединимое, в данном случае массовое вечевое сознание и элементы высшей культуры.

ГИБРИДНЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Усиление раскола при неспособности общества его преодолеть требует усиления идеологической деятельности для того, чтобы предотвратить необратимую дезорганизацию. Власть создавала идеологию — искусственную культуру, которая имитирует менталитет массового сознания, монтируя в него ценности большого общества, государственной жизни, непостижимым образом их соединяя. *Идеология правящей элиты выступает как результат интерпретации массового сознания, которое, в свою очередь, есть результат интерпретации своих исторически сложившихся идеалов, прежде всего синкретического вечевого идеала.* Идеология, следовательно, есть интерпретация второго порядка, диктуемая необходимостью решать медиационную задачу, следовать социокультурному закону. Ее формирование реально лишь в результате осознания возможности превращения культуры в предмет манипулирования. Формирование идеологии органически связано с возможностью гибридных нравственных идеалов, т. е. особой формы нравственного идеала, характеризующейся отождествлением, слиянием существенно различных, даже противоположных и, по сути, конфликтующих между собой идеалов, связанных с различными, подчас враждебными социальными группами, с разными частями расколотого общества. Сама гибридность должна тщательно скрываться. Она несет в себе тайну. Гибридный идеал выполняет интегративную функцию лишь тогда, когда, например, либеральный и вечевого идеалы воспринимаются в обществе не как два идеала, но как один, истолкования которого разными группами могут, однако, отличаться.

«Русская государственность могла, должна была погибнуть от просвещения», — писал Г. П. Федотов. Корень трагического расхождения между исторической властью и интеллигенцией «в измене монархии своему просветительскому призванию... Благодаря петровской традиции и отсутствию революционных

классов для русской монархии было вполне возможно сохранить в своих руках организацию культуры). Отказ от просвещения нес гибель. «Без опасной прививки чужой культуры, и притом в героических дозах, старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью». Но и просвещение «православно-национальное славянофилов или космополитическое и безбожное западников» несло в себе опасность, так как оно «разоблачало основную ложь», поддерживающую всю систему⁶. Итак, Россия не могла жить без просвещения, так как, отстав от других, она могла потерять свою государственность и национальное существование. Вместе с тем просвещение несло в себе для пораженного расколом общества смертельную опасность. Оно всем показало бы, что власть, государственность, царь, большое общество ничего общего не имеют с теми представлениями о социальной жизни, которые характерны для синкретического сознания, древнего тотемизма во всех его модификациях. Однако если для всех стало бы ясно, что царь вовсе не батюшка, а глава сословной системы и бюрократии, то это означало бы, что люди, опирающиеся на принципы древнего локализма, могли инверсионным образом отказаться от воспроизводства государственности, большого общества. В этом случае исчезла бы возможность решать медиационную задачу, так как локалистски настроенные слои, верящие в необходимость иметь некоторого вождя-тотем-батюшку, неизбежно отказали бы сословной бюрократической системе в воспроизводстве, так как она оказалась вовсе не тотемом, а превратилась бы в разоблаченного оборотня, в антитотем.

Принципиальная возможность гибридного идеала возникает лишь при развитии по крайней мере в одной из расколотых частей общества метафорического мышления, способности формировать, использовать метафорический смысл, осознавать различие между словом и вещью, понимать, что, например, представление о злом ветре не означает, что ветер — это человек, могущий быть злым, неприятным и т. д. В основе идеологии и лежит подобное отождествление. В истории различают мифопоэтическое и понятийно-логическое мышление, которые существовали одновременно. Разрыв между ними мог означать кризис, раскол, грозящий гибельными последствиями для общества. Предотвращение этих опасных последствий обусловлено возможностью использовать метафорическую сущность мышления. Метафора «соизмеряет разные сущности, создавая новый „гештальт“ из редуцированных прототипов, формируя

⁶ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 130.

на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей»⁷. Эта попытка метафорического отождествления типов мышления может стать основой для убеждения общества или его части в том, что реально нет двух значимых типов мышления, а есть лишь один. Обе эти формы мышления выступают «не как независимые, параллельные явления, а как ипостаси нового, высшего звена, со своей особой ипостасной грамматикой», где «слово не равно себе и равно другому и в своем тождестве другому воплощает Единое»⁸. Например, идея Бога, сформулированная в высококультурных слоях, может слиться в сознании полуграмотного мирянина с идеей местного тотема. Тем самым нивелируется представление о двух разных типах мышления, двух концепциях мироздания, двух путях интеграции общества.

Метафорическое мышление может быть использовано в расколотом обществе, где одна его часть владеет метафорическим мышлением, а другие истолковывают метафоры буквально (например, идею «капиталист-грабитель»).

Гибридный идеал включает в себя *ипостаси*, т. е. исходные нравственные идеалы, различие между которыми этот идеал и должен скрыть. Такими ипостасями явились вечевой и либеральный идеалы, взятые в усеченном, одностороннем виде, прежде всего как кладезь средств, а также некоторый дополнительный элемент, который позволяет манипулировать этими ипостасями. Им как раз и является ипостась утилитаризма, которая позволяет вопреки исторической традиции рассматривать любой элемент культуры, любой идеал как средство для каких-то целей, в данном случае для решения медиационной задачи, следования социокультурному закону. В сущности, сама комбинация синкретизма и либерализма, определенная версия гибридного идеала могла формироваться как некоторый утилитарный компромисс, конъюнктурная сделка, приспособленная к конкретной ситуации, к сиюминутной расстановке сил. Гибридный идеал открывает такую возможность, хотя и далеко не безграничную. Он создает иллюзию, что то или иное социальное явление, которое по своей сути чуждо исторически сложившейся культуре данной группы и, следовательно, могло бы вызвать массовое дискомфортное состояние, является старым, привычным комфортным явлением. Известная формула «царь-батюшка» является гибридной попыткой изобразить новую государственность, подчинить ее структуру и функции тотемическому сознанию, представлению об обще-

⁷ Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 4.

⁸ Померанц Г. С. Национальное мышление как система и диалог семиотических систем // Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 422.

стве, сложившемуся в локальных мирах. Это открывает возможность подключить людей к воспроизводству большого общества, по крайней мере до тех пор, пока тайна этого гибрида сохраняется, известна лишь узкому кругу посвященных.

Подобные гибриды всегда формировались в мышлении стихийно, неосознанно и были в какой-то степени формой развития осмысления мира вообще. Однако на определенной степени развития большого общества формирование гибридных идеалов стало осознанной деятельностью правящей элиты, первого лица как монополиста на жреческо-идеологические функции. Формирование подобных идеалов в конечном счете может быть особой формой профессиональной деятельности специалистов-идеологов, состоящих на службе у первого лица, ставших определенным элементом правящей элиты и, возможно, черпающих свои идеи в культурном богатстве духовной элиты.

Важнейшей проблемой гибридного идеала является соотношение между собой его ипостасей, соотношение социальных групп, стоящих за каждой из них. В свете либеральной ипостаси вечевой идеал может рассматриваться как результат невежества, которое, как представляется, можно в результате просвещения изжить. Либеральный идеал может расцениваться группами, стоящими за вечевым идеалом, как удобный для достижения «послабления» от государственности, как средство получения «воли», т. е. освобождения от обязанностей перед большим обществом. *Гибридный идеал неизбежно включает определенную уровень взаимонедопонимания, взаимный страх и подвергается нападкам с обеих сторон, т. е. и от носителей вечевого, и от носителей либерального идеалов. Но, тем не менее, позитивный смысл гибридного идеала в том, что он помещает взаимный страх и непонимание в рамки некоего абстрактного единства, того самого, которое сохраняет интеграцию, несмотря на раскол, несмотря на двойственное отношение к власти, на вражду к начальству.*

Гибридный идеал может существовать только тогда, когда различия двух сторон этого идеала не достигают некоторого порогового состояния. Логика гибридного идеала сходна с логикой алхимии, т. е. с попыткой универсализации, синтеза через рецепт, который предусматривает смешение разнородных явлений, прокладывающее путь к синтезу вопреки самой природе подлежащих объединению явлений. Гибридный идеал, как и работа алхимика, является священнодействием, так как он обращен к некоторым высшим ценностям, например, к общему благу. Но гибридный идеал, как и алхимия, является кощунством, так как разрушает эти высшие ценности, соединяя

их с чем-то чуждым и инородным. В гибридном идеале отождествляется различное и несовместимое. Импульс к этому идет от общества, от его стремления к интеграции, в результате потребности сохранить целое от распада, от обособленного существования. Следовательно, налицо стремление скорее навязать это целое компонентам, чем открыть его в их развитии. Поэтому как алхимия не была наукой и производством вещей, так и гибридный идеал весьма условно можно рассматривать как действительный нравственный идеал, как принцип реальной перестройки общества.

Однако как алхимия, так и гибридный идеал необходимы на определенном этапе развития культуры, так как они воплощают некоторую культурную потребность общества, а именно потребность в интеграции, т. е. в определенных условиях возникает культурная потребность в гибридном идеале, когда старые методы в этой области уже себя не оправдали, а новые только зарождаются. Неэффективность, непрактичность, слабость, заземленность, отсутствие научной, нравственной последовательности алхимии и гибридного идеала — результат мучительной попытки интеграции в переломную эпоху. В них старое и новое встречаются, но не узнают друг друга. Они принимают друг друга за свое отражение, возможно, слегка затемненное, искривленное. Алхимия, как и гибридный идеал, — результат потребности в срединной культуре, растущей вместе с развитием общества. Они сами — формы этой культуры, но и одновременно ее эрзац в силу своей неорганичности, в силу ограниченности и поверхностности, неспособности в стрессовой ситуации соединить науку и производство, расколотые компоненты общества. Однако и алхимия, и гибридный идеал озаменовали важное новшество — развитие личного начала в рецепте, в формировании нравственности. Рецепт деятельности в алхимии, как и нравственность в гибридном идеале, перестает быть чем-то сверхчеловеческим. Распался древний синкретизм. Как алхимик стремится изменить природу, так и носители гибридного идеала стремятся изменить общество. Синкретизм стал в возрастающей степени подчиняться утилитаризму.

Гибридный идеал можно видеть в идее общего блага как государственной политики еще до Петра I. Синкретические тенденции постоянно перерабатывались в духовной элите. Например, Пушкину «грезилось нечто среднее между псковской вечевой вольницей и сенсимонистским идеалом общества, где царствует аристократия ума и талантов»⁹.

⁹ Волков Г. Пушкин и Чаадаев: высокое предназначение России// Новый мир. 1978. № 6.

Гибридные идеалы постоянно формируются, интерпретируются в рамках господствующей и оппозиционной идеологии. В первом случае в них находят свое выражение стремление доказать единство, тождество власти и народа, доказать, что между ними нет и не может быть раскола, а последний существует лишь между Правдой и кривдой, между нерасторжимым единством народа и власти, с одной стороны, и, например, басурманами, немцами, революционерами, папистами и т. д.— с другой. Гибридный идеал «отводит глаза» от реального раскола и строит его иллюзорный образ. Раскол в этом случае рисуется как результат происков реальных или мифических врагов, что позволяет использовать эту идею для возбуждения ярости народной, открывая путь манипулированию. Идеология постоянно стремится как бы передвинуть раскол, как тяжелый шкаф переносят из одной части квартиры в другую, с тем чтобы изменить ее планировку, а следовательно, и образ жизни, закрыть один из входов в комнату и то ли открыть другой проход, то ли обнажить ранее скрытую стену в надежде, что там обнаружится новый коридор. Государственная идеология пыталась так «передвинуть шкаф», чтобы доказать, что нет раскола между народом и властью, но есть раскол между их единством, тождеством и внешними, внутренними врагами (например, революционерами). То же делала революционная интеллигенция, но «толкала шкаф» в противоположном направлении. Она пыталась доказать, что раскол существует между народом и властью, тогда как по сути его нет между революционерами и народом. Шла борьба версий гибридного идеала. Но в этой борьбе актуален был лишь вопрос, где именно проходит раскол и кого охватывает тождество, т. е. шла борьба между коренным образом отличными программами воспроизводства общества, между противоположными альтернативами, однако *обе эти альтернативы не выходили за рамки приспособления к расколу.*

СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Вооруженные практикой формирования гибридных идеалов правящая элита, царь вновь пошли по пути интерпретации новой инверсии, поворота к соборному идеалу в свете идеалов либерализма. Тем самым формировался господствующий идеал седьмого этапа инверсионного цикла, седьмая господствующая версия вечевого идеала — *соборно-либеральный идеал*. Он может быть осмыслен как одна из разновидностей гибридного *вечевого либерального идеала*, т. е. идеала, который может возникнуть в результате *растущего влияния либерализма в*

условиях господства разных видов вечевового идеала. Соборно-либеральный идеал существенно отличался от раннего соборного, с которого начиналась государственность в стране. Тогда общая тенденция развития, хотя далеко и не прямолинейно, вела к созданию большого общества. Теперь же рост творческой активности шел к укреплению локализма, разрушительного для большого общества. По сути, нравственный идеал возвращался к исходной точке возникновения государственности, что означало завершение глобального инверсионного цикла.

В этой критической ситуации правящая элита пошла по пути беспрецедентной в истории страны интерпретации господствующей инверсии в духе либерализма. Это воплотилось в курсе на *коренные реформы*. Александр II (1855-1881) в 1856 году заявил: «Лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Началась невиданная в истории России *эпоха великих реформ*.

В духовной элите стремление к реформам зрело уже давно. В известном письме Гоголю Белинский в 1847 году писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»¹⁰. Эти идеи широко распространялись в образованных кругах. В кризисной ситуации они не могли не оказать влияния на правящую элиту. Александр II как-то сказал, что с тех пор, как он прочел «Записки охотника» И. С. Тургенева, его ни на минуту не оставляет мысль о необходимости освобождения крестьян от крепостной зависимости. Л. Толстой полагал, что освобождение крестьян было делом не Александра II, а Радищева, Новикова, декабристов.

Влияние идей декабристов на правящую элиту было существенным, так как их разделяли не столько цели, сколько средства. Еще Николай I пытался руководствоваться в своей деятельности «Сводом показаний» декабристов, который был составлен по велению царя и касался недостатков государственного управления.

Идеал просвещения, либерализма охватил образованные слои. В науке, разуме видели силу, способную преодолеть бедность, глупость, невежество, лень, раболепие. В массе листов, газет, журналов, количество которых резко возросло, преобладало стремление переосмыслить действительность, выработать новые нравственные начала жизни. Добролюбов, Герцен гово-

¹⁰ Белинский В. Г. Избр. философские сочинения. М., 1941. С. 468.

рили о конституции. Катков писал: «Бывают эпохи, когда силы мгновенно обновляются, когда люди с усиленным биением собственного сердца смыкаются в общем чувстве; благо поколениям, которым суждено жить в такие эпохи».

На первом в России политическом банкете, где собравшиеся 28 декабря 1857 года приветствовали новые времена, встретились консерватор Погодин, либерал-конституционалист Катков, откупщик Кокорев, профессор Бабст, впервые в своем тосте провозгласивший Александра II царем-освободителем. Общий порыв объединил Чернышевского, предрекшего Александру II славу, которой не был увенчан ни один государь Европы, славянофила И. Аксакова, воспевшего грядущее освобождение в стихах, Герцена, обратившегося к императору со словами: «Ты победил, галилеянин!»

К. Леонтьев (1831-1891) вспоминал впоследствии, что он думал, будто «мужики и мещане наши, теперь более свободные, научат нас жить хорошо по-русски, укажут нам, какими господами нам быть следует, предоставят нам живые образцы русских идей, русских вкусов, русских мод, даже русского хорошего хозяйства, наконец! Верили, кроме того, в знаменитый какой-то „здравый смысл“, в могучую религиозность их, в благоразумные, почти дружеские отношения к землевладельцам и т. д.». «Мы думали, что, погрузившись в это „народное море“, мы его еще более сгустим и сами окрасимся его оригинальными, яркими неевропейскими красками».

В невиданном восторженном единении всех направлений с властью сказалась *всеобщая жажда преодоления раскола*. К. Леонтьев вспоминал: «За исключением немногих рассудительных людей, которые нам тогда казались сухими, ограниченными и „отсталыми“, все мы сочувствовали этому либеральному движению».

Все предыдущее развитие либерализма готовило соответствующую духовную атмосферу. Уже в начале века появились работы, которые в той или иной форме ставили проблему освобождения крестьян (работа А. А. Кайсарова, вышедшая в 1806 году в Геттингене на латинском языке; работы Стройновского, Джунковского, профессора Якоба и др.)¹¹. Ведущие деятели либерализма К. Кавелин, профессор Б. Чичерин в более позднее время стали авторами программы, предусматривающей освобождение крестьян без общественного потрясения, а также допущение свободы совести, книгопечатания, преподавания, смягчение цензуры, сохранение неограниченной монархии с участием населения в местном самоуправлении, права

¹¹ См.: Пичета В. И. Противники крепостного права в начале XIX века// Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 107-123.

которого должны быть существенно расширены, свободы оппозиции, гласности правительственной деятельности и судопроизводства.

Либерализм выступал как течение, которое отчетливо противопоставило прогрессивное развитие, основанное на медиации, инверсионному типу социальных изменений. Например, Б. Чичерин доказывал, что до сих пор в стране одна крайность могла быть побеждена лишь другой крайностью. Поэтому задача заключалась в уходе от такого рода разрушительной системы, в переходе к спокойному, всестороннему развитию. Один из вариантов либерального развития был разработан адмиралом Н. Мордвиновым (1754—1845), который считал необходимым работать над изменениями экономических отношений и культуры с тем, чтобы в новых условиях крепостничество исчезло «само собой». Для этого необходимо было развивать промышленность, поднимать культуру земледелия, культивировать в крепостнической среде работоспособность. Он предлагал открывать школы, удалить из деревни кабаки, проектировать финансовые меры для поднятия крестьянского благосостояния. По его мнению, одновременная административная отмена крепостничества без должной подготовки в малонаселенной стране, при недостатке капиталов, слабой городской промышленности, недостатке рабочих рук и т. д. может привести к разного рода осложнениям. Мордвинов не верил в чудодейственные последствия свободы, если она будет соединена с бедностью, с неизбежной зависимостью бедного от богатого. Он полагал, что свободу надо давать не сразу, а постепенно, «в виде награды трудолюбию и приобретенному умом достатку: ибо сим только ознаменовывается всегда зрелость гражданская»¹². Он считал, что экономическая, производственная, культурная активизация крестьян должна быть не только результатом, но и предпосылкой отмены крепостничества, что превратило бы освобождение в естественный элемент поступательного прогресса. Он делал ставку на частный интерес, т. е. в конечном итоге на личность: «Благосостояние частное есть начало и основание общественного»¹³.

Однако эти идеи, основанные на логике медиации, были неприемлемы для общества, где господствовала вера в инверсионное чудо, во всемогущество власти. Эти идеи противоречили ценностям крестьян, склонных верить не столько в свои силы, сколько в царскую волю. Идеи Мордвинова противоречили за-

¹² См.: Довнар-Запольский М. В. Крепостники в первой четверти XIX в. // Ветхая реформа. Т. 2. С. 152.

¹³ Морозов Ф. Н. С. Мордвинов как экономист // Мордвинов Я. С. Избр. произв. М., 1945. С. 23.

мыслам царя, стремившегося дать свободу своими руками, играть роль отца-благодетеля. Эти идеи противоречили поверхностному либерализму, склонному верить в чудо, в то, что на основе свободы все устроится само собой, склонному разделять основное заблуждение интеллигенции.

Либеральная ориентация требовала продолжения линии, начатой Петром III в 1762 году, на раскрепощение сословий, на расширение круга лиц, ответственных за собственную судьбу. Либерализм стремился к начатой еще Павлом I политике отхода от безоговорочной опоры на дворянство. Эта политика, которую пытался проводить и Николай I, логически требовала отмены закрепощения крестьян. Реформа, однако, уже на уровне замысла несла в себе двусмысленность. С одной стороны, она стремилась укрепить общество в его целостности, но, с другой стороны, шла навстречу массовым локалистским ценностям.

Объединение различных сил на основе стремления к реформам привело к тому, что каждое слово реформы носило двусмысленный характер. Даже стремление крестьян к земле трактовалось по-разному. Земля для крестьян есть синоним Правды, воплощение всех ценностей древней жизни. Земля — «это лишь в некотором смысле свобода, в некотором смысле богатство, а в некотором (главном) — обязанность, а в некотором (высшем) — мистическая связь с миром, ощущение самоценности»¹⁴. Земля для крестьянина — воплощение его права на жизнь, права на труд для жизни. В «Слове об Адаме» можно прочесть: земля как дар божий человеку и есть та самая Правда, которая «с небес причиче». Насильно отторгнутая от человека, земля не перестает оставаться «божьей». Кривда пошла по земле, но она ходит не по своей земле, а по божьей, топчет «божью землю» и на ней «божьих людей», вынужденных голодать и насильем дать на себя «рукописание». Бог и человек совместно борются за Правду. Сам Христос выступает как «землепашец и сеятель, возделывающий ниву, погоняющий волов с палкой в руке — вылитый, с головы до ног, крестьянин не только по трудовым признакам, но и по социальным: Христос отбывал за ратая трудовую повинность»¹⁵. Поэтому если крестьянин говорил, что он борется за землю, то это не та земля, о которой спорили реформаторы. Крестьяне боролись за Правду, т. е. за утопию, за жизнь без дворян и чиновников, но с царем-батюшкой. Реформаторы сосредото-

¹⁴ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания// Из-под глыб. Москва — Париж, 1974. С. 24.

¹⁵ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 16. 18.

чили свои усилия на таком распределении земли между крестьянством и дворянством, которое, по их мнению, обеспечило бы и тем, и другим экономические условия существования. Это, как предполагалось, в свою очередь обеспечит и эффективность поддержки государства всеми сословиями. В принципе, все это было проблематично, так как экономические предпосылки существования зависели в тех условиях не столько от величины надела, сколько от способности поднять уровень производства, встать на путь интенсивного развития. Кроме того, эффективная поддержка сословиями государства обусловлена стремлением сословий воспроизводить большое общество, государственность, а это, в свою очередь, не находится в прямой, однозначной зависимости от экономических условий существования.

Борьба за распределение земли оттеснила на задний план более важную проблему — воздействие реформы на способность общества следовать социокультурному закону, решать медиационную задачу. Помещик был лишен своих государственных функций, перестал быть элементом государственной системы. Исчез посредник между высшей властью и локальными сообществами, который сочетал в себе черты патриархального отца и государственного чиновника, скрепляющего «жидкий элемент». Тем самым был нанесен сокрушительный удар исторически сложившейся синкретической государственности. Либералы в соответствии с основным заблуждением интеллигенции полагали, что отменой крепостничества автоматически раскрывается возможность для развития либеральной государственности, ответственной личности, способной заполнить вакуум снизу. Реформаторам казалось, что новая система, опирающаяся, с одной стороны, на свободного человека, с другой стороны, на человека, верящего в царя (противоречие между этими двумя принципами, по-видимому, их не очень беспокоило), окажется вполне функциональной и эффективной. Славянофилы оказывали давление на реформаторов с целью превратить локальный мир в единственную низовую ячейку власти, считая, что община сохранит и усилит свою роль как средоточие социальной и экономической жизни. Община, по их мнению, и должна быть волостью, т. е. административной единицей.

Правящая элита, однако, ощущала опасность такого решения. Поэтому реформаторы пошли по пути разделения общины и сельского общества, т. е. создавалась выборная, отличная от общины система органов управления. Сельские общества объединялись затем в волости. Эта система управления основывалась на стремлении опереться на инициативу низов, на

модернизированный древний вечевой институт. Председатель редакционной комиссии генерал Я. Ростовцев говорил, что контроль за мирским сообществом «вреден; нет, вы уже отнимите и эту пиявку у народа. Пусть волостное управление является, когда его призовет мирское общество, и этого уже довольно, но во всех других случаях пусть мир управляет сам собой». В каждом сельском обществе и в каждой волости заведование общественными делами предоставлялось соответствующему миру и его избранным. Сельское общество и волость на сходах решали свои хозяйственные и общественные дела, выбирали должностных лиц. Государственные функции помещиков теперь в основном перешли к миру. Была сделана серьезная попытка своеобразного, чисто либерального разделения властей; волостной суд был отделен от администрации, было гарантировано невмешательство в его дела местных крестьянских властей. Однако эти меры не спасли положения. Выявилось — что, собственно, было вполне естественным для архаичных форм жизни, — что крестьяне совершенно не способны влиять на состав и политику даже волостных депутатов. Это опять-таки хорошо чувствовали славянофилы, абсолютно, однако, не понимая всей трагичности складывающейся ситуации. Славянофил Ю. Самарин говорил, обращаясь к реформаторам: «Вы навязываете народу такую насильственную правительственную реформу в волостном управлении, в которой крестьяне не поймут ни вашего учреждения, ни того, что вы от них требуете, и примут на себя предписанные вами обязанности как тяжелую для них повинность. Они совсем не будут интересоваться этим управлением»¹⁶.

Был создан институт мировых посредников для проведения в жизнь реформы. Они мало вмешивались в дела крестьянского самоуправления. В министерстве внутренних дел преобладала точка зрения, что не следует чрезмерно вмешиваться в дела мира, во внутренний мир крестьян. Напротив, мировые посредники должны были охранять мир от местных начальников и уездной полиции. Абстрактный либерализм тщетно верил, что народ как источник высшей Правды, освобожденный от прессы сверху, быстро вступит на путь развития свободной ответственной инициативной жизни.

Многие критики реформы упрекали ее за недостаточную радикальность, хотя для своего времени ее радикальность была беспрецедентна. Однако этот упрек можно интерпретировать как указание на несоответствие реформы идеалам крестьянства. Оно стремилось к «воле», которую даст царь, к утопи-

¹⁶ См.: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование Александра II. СПб., 1889. Т. 1. С. 215.

ческому обществу без начальства на всех уровнях, к догосударственному состоянию, но с царем, к переходу к общине всей земли, к разделу хлеба в господских амбарах, к отмене барщины, всех крепостных повинностей. Сам акт объявления реформы крестьяне воспринимали не в том содержательном ключе, который вкладывали в нее реформаторы, но как сигнал, данный царем крестьянству, реализовывать свои идеалы даже вопреки сопротивлению начальства и дворян. Отсюда бунты, неповиновение, массовый отказ от сотрудничества с властью при проведении реформ.

Центральной проблемой реформы являлся раскол в ее интерпретации, хотя это и не создалось в должной степени. Крестьяне рассматривали ее как царскую милость, как «слушный час», как самореализацию Правды и воли. Текст манифеста был совершенно непонятен крестьянам. Это вызвало волну его интерпретаций, которые не только были далеки от реального содержания акта, но практически представляли собой голос иной цивилизации. Крестьяне разыскивали грамотных людей, например, священников, приказчиков и т. д. Однако им «вычитывали такое, что совсем не совпадало с их понятием об истинной воле». Эти книжные люди, по мнению крестьян, «нарочно вычитывали не то, что надо... они подкуплены господами». Такие представления были вполне естественны для людей, которые жили в мире, наполненном оборотнями, коварными силами зла. Крестьяне кричали становому приставу, читавшему манифест: «Не тот указ читаешь, знаем мы вас!.. Тебя господа подкупили... Земля теперь вся наша. Сам царь отдал... работать больше не пойдем». — «Это мошенничество» — «земли скорее нам подавайте». Распространилось убеждение, что объявленная царем воля скрыта помещиками, что они подменили царские книги о воле другими, своими, вымышленными. Солдатам, которые прибыли для восстановления порядка, крестьяне кричали: «Они царские послушники, барами подучены», «Это войско не царское!» Вновь активизировалось стремление истребить все начальство. Крестьяне грозились, что они «предводителя (дворян) сожгут... царь велел дворян не миловать, а головы рубить». Следовательно, акты насилия, по мнению крестьян, санкционировались царем, великим князем Константином. Крестьяне говорили: «Помещиков не приказано больше слушать, а где исправник или становой попадет, то бить надо; а артачиться будет, то в землю живым закапывать. А господ таких щадить не велено, потому барское добро всем нам приписано. Барам, значит, шабаш». Чрезвычайно любопытно здесь это «не велено», т. е. архаичная интерпретация своих собственных действий как результата «слова», «приказа»

высшего авторитета — царя, «избавителя». Острейшая потребность в комфортной интерпретации царской воли неизбежно привела к возникновению «адекватных» интерпретаторов, способных выполнить социокультурный заказ, вписаться в массовый миф. Одним из них был крестьянин-сектант Антон Петров, который верил, что в Положении дана «истинная воля». Цифру «10%» в уставной грамоте он посчитал за печать святой Анны. Он разъяснял, что воля царя заключается в том, чтобы отпустить крестьян после десятой ревизии, которая была еще в 1858 году, т. е. по этой логике к моменту выхода манифеста крестьяне были уже свободны. Подобные представления толкали к массовой деструкции, что парализовывало возможность реализации реформ. Самоуверенность Петрова была столь велика, что он кричал стоящим под пулями крестьянам: «Крепко стойте, только три раза стрелять будут», — что, несомненно, повлекло множество дополнительных жертв. Этот человек интересен еще и тем, что он сформулировал некоторый принцип отношения крестьян к начальству, важный для понимания массового поведения. Если помещик «переступит шаг со своей земли — гони добрым словом; не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду»¹⁷. С этим *принципом Петрова* еще придется сталкиваться в дальнейшем. По свидетельству помещика Носовича, крестьяне ожидали воли два года после объявления реформы с таким эмоциональным подъемом, что отвергали новые повинности, если даже они были легче прежних, подозревая, «что, вероятно, тут есть какой-нибудь обман со стороны помещика, иначе он не принял бы на себя подобного убытка, вероятно, он делает это для того, чтобы обязать нас навечно». Потому-то они требуют «быть по-старому», полагая, что настанет такое новое, о котором им не говорят и которое от них скрывают¹⁸. Крестьяне расценивали действия властей как хитроумный бесовский обман, как попытки заманить их в ловушку, навязывая им подписание обязательств, выгоду же оценивали как приманку.

Услышав о двухлетнем сроке, в течение которого сохраняется порядок несения повинностей в пользу помещика, один из крестьян воскликнул: «Какая же это воля?» Двухлетний срок, предусмотренный для нового устройства, вызвал реплику: «Да господа-то в два года-то все животы наши вымотают». По свидетельству современника, «манифесту никто не обрадовался. От крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться, дескать, два года крепостными, да и шабаш, а

¹⁷ *Игнатович И. И.* На другой день после «освобождения». М., 1931. С. 35, 60, 36, 81, 59-60, 71-72, 78, 73.

¹⁸ *Носович С. И.* Крестьянская реформа в Новгородской губернии. СПб., 1899.

льгот никаких нет. Снова уныло повесил он голову»¹⁹. Налицо чисто эмоциональная реакция, двухлетний срок, отделяющий от воли, заслонил положительные перспективы. Общую отрицательную реакцию подтверждает Ю. Самарин: «Отпущенники грызут пальцы и рвут на себе волосы. Нигде не было выпито ни единого штофа, потому что разочарование было всеобщее и полное». Крестьянство, ожидавшее «полной чистой воли и в придачу бесплатного отвода земли», готово было «допустить обман или подлог»²⁰, т. е. что манифест подделан.

«ПРИКАЗАНО ИЗБЫ СТУДИТЬ»

Реформаторы не оценили всю глубину и значимость для общества, для судьбы реформы расхождения между ценностями расколотых частей общества. Правящая элита не могла наладить взаимопонимание с крестьянством ни в процессе подготовки, ни в процессе воплощения реформы в жизнь, несмотря на то, что реформа освобождала крестьян и расширяла их права. Идеалы крестьян были чистой утопией. Синкретическое сознание стремилось к уничтожению начальства, в конечном итоге — государства. Либерализм ориентировался на идеи свободы и прогресса. Но с этой идеей он обращался к крестьянству, для которого прогресс сводился в лучшем случае к росту утилитарных требований, а свобода — к воле. «Воля есть прежде всего возможность жить или пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личности немыслима без уважения к чужой свободе: воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо»²¹. О различном толковании слова «земля» уже говорилось. Каждое слово реформы скрывало раскол, пропасть взаимного непонимания.

Поэтому она формировалась по принципу хромающих решений. Реформу вначале даже боялись «назвать своим именем» — говорили не об «освобождении» крестьян, а только об «улучшении их быта», до конца разработки плана реформы правительство колебалось, «на каждом шагу ставило препятствия ее публичному обсуждению, ссылало наиболее откровен-

¹⁹ Соловьев И. Манифест 19 февраля в народном сознании// Крепостное право в России и 19 февраля. М., 1911. С. 356-357.

²⁰ Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. М., 1963. С. 26.

²¹ Федотов Г. П. Россия и свобода// Знамя. 1989. № 12. С. 204.

ных сторонников ее и т. д.». Реформа несла в себе раскол между стремлением к «полному уравниванию гражданских прав крестьян, в частности их прав землевладения, с правами других» сословий и оставлением в силе «личных, сословно, публично-правовых ограничений, исстари тяготевшим над „податными“ сословиями»²². Налицо *раскол между либерализмом и традиционализмом*.

Любой шаг реформы вел гибридный идеал к распаду на его составляющие.

Реформа сама по себе не увеличивала благосостояние крестьян. Наоборот, она в среднем несколько уменьшала наделы, которыми они пользовались. Кроме того, выкупные платежи были тяжелее, чем оброк. Реформа, следовательно, не отвечала принципам умеренного утилитаризма, оценивающего все с точки зрения наличных благ. Она не отвечала инверсионной логике, т. е. требованиям одномоментного чуда. Утилитарные выгоды, которые крестьяне могли извлечь из реформы, носили потенциальный характер, т. е. требовали развития социально-экономической, политической активности. Реформа открыла возможности для активности личности, но не могла сотворить этой активности. *Стремление к повышению активности не входило в систему ценностей большинства крестьян, и, следовательно, для них не существовало то, что для реформаторов было главным*.

«В то время, как интеллигенция шла к нему (мужичку) с своей гордой самонадеянной верой, со своей мечтой о возрождении человечества, он был еще в эпохе Дажь-бога и молился аллилуевой жене, без мысли о собственном достоинстве»²³. Качоровский писал о русском крестьянстве, что, «застывшее в смутной и неподвижной религии, под властью привычки, традиций, не освящаемых ни одним почти проблеском критической мысли, оно было темным и инертным... В России, как и повсюду, сложился еще до крепостного государства общинно-трудовой быт, и я подчеркиваю... что эта форма „первобытной культуры“ не была... разрушена крепостным государством»²⁴. Отношение к начальству основывалось на древних мифах.

Писатель В. А. Слепцов (1836-1878) в рассказе «Свиньи» писал, что мужики легко поверили слуху, будто на людях скоро начнут ездить, и бабы под впечатлением этих слухов били горшки. Астырев сообщает, что появление на улице нового урядника с саблей привело в деревне к возникновению двух точек зрения: одни предполагали, что он будет головы рубить,

²² Вормс А. Э. Положение 19 февраля// Великая реформа. Т. 6. С. 6-7, 53.

²³ Андреевич. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905.

²⁴ Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 17.

другие — что «только поджилки на ногах будут подрезывать»²⁵.

В основе Великой реформы лежало стремление усилить значение законности и права в стране. *Однако синкретическое сознание не в состоянии понять абстрактную природу закона, его независимость от человека, от представителя власти.* «Мужик не знает „законов“; он уважает только какой-то божий закон»²⁶. Иван Ермолаевич, один из персонажей Г. Успенского (1843-1902), почти ничего не знает насчет «своих правое, ничего не знает о происхождении и значении начальства... Царь пошел воевать, царь дал волю, царь дает землю, царь раздает хлеб. Что царь скажет, то и будет; деньги платят царю, а разбирать, что такое урядник или непререженный член,— это уже совершенно ненужные подробности»²⁷. Закон для крестьян — это древняя внешняя языческая сила. Роль закона в крестьянской жизни совершенно подобна грозным стихийным явлениям природы: смысл его непонятен, но сила непреборима и терроризирует всю жизнь мужика. Закон «в лучшем случае непонятен, а часто неподвластен, как нарушающий интерес, и возмутителен, как идущий против установившихся и развивающихся в трудовых слоях понятий совести и чести». Законы отождествлялись с волей начальства. Народ «знает только один закон: это то, что говорит или приказывает начальство, какое бы оно ни было — урядник ли, писарь, мировой или судья или судебный следователь... Закон стал атрибутом власти; власть по-прежнему внушает только страх (признаков уважения, доверия, любви — нет), закон, в глазах мужика, это — нечто грозное, необъятное, таинственное, то нечто, во имя которого начальство напускает страх, ругается, порет, выколачивает недоимки, ссылает в Сибирь, потрошит покойников, сносит избы, убивает большую скотину, брест лбы, прививает оспу и т. д. и т. п. до бесконечности. „Сделать по закону“, значит с точки зрения мужика, сделать так, чтобы начальство, с которым придется иметь дело, осталось довольным, не придиралось бы»²⁸.

Синкретическое сознание продолжало существовать в малопонятном для образованных современников мифологическом мире. В народе продолжали жить легенды и мифы об

²⁵ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. 3-е изд. М., [б. г.], С. 239.

²⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 109.

²⁷ Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд// Успенский Г. И. Избранное. М., 1952. С. 385.

²⁸ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 234, 235.

избавителях. «В различных деревнях можно услышать рассказы, что не только Стенька Разин и Емелька Пугачев до сего дня живы и скрываются в змеиной пещере на том острове, где живут получеловеки, или сидят, заключенные в Жигулевских горах»²⁹. С ними связывалась надежда на создание идеального мира на земле. Легенда о движении Разина распространялась на огромные регионы — до Якутска, Печоры, Бессарабии. Разин в песнях о сыне клянется не только освободить угнетенных, всех заключенных и разнести по кирпичам темницы, но отомстить даже детям своих врагов, сажать их на кол, не делая зла добрым христианам.

То, что для образованного общества было древним фольклором, для широких масс оставалось реальной жизнью. Слухи в народе формировались на основе древних представлений, и казалось, что они заимствованы из сказок. «Крестьянин молится царю-Граду, чтобы он, батюшка, поля не побил градом».³⁰ Грамотных в середине XIX века насчитывалось 6%. Следовательно, отсутствовала важнейшая необходимая предпосылка выхода за рамки локального сознания.

Если начальство было для крестьянина чем-то вроде антихриста, то крестьянство было для начальства темной невежественной массой, которую надо было любыми средствами вынуждать к иной, лучшей, по понятиям начальства, жизни. Поскольку живое содержательное слово не преодолевало пропасть раскола, начальство опиралось на административную власть. Например, было приказано избы «студить», как выражаются мужики, т. е. растворять по нескольку раз в день двери в избах для очищения воздуха, приказано было для чистоты по два раза в неделю менять белье. Образованные современники недооценивали особую специфическую природу массовых представлений, необходимость понимания их внутренней структуры, особого древнего видения мира. Такого рода методами можно добиться тех или иных сиюминутных результатов, но они одновременно закрепляли и усиливали раскол, взаимное непонимание.

В конце 70-х годов распространился слух о «черном переделе». В некоторых местах толковали, что земля от дворян и купцов будет отнята и роздана крестьянам по числу душ, в других же местностях говорили, что земля будет отнята у всех, без различия звания, землевладельцев, имеющих более 100 десятин. К слухам о земле присоединились разговоры об освобождении от подушной подати, а также и от всех платежей, писал министр внутренних дел Маков в 1879 году.

²⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2.

³⁰ Энгелмарт А. Н. Из деревни. С. 442.

Его попытка специальным объявлением, изданным массовым тиражом, опровергнуть эти слухи была безрезультатна. Для крестьян черный передел земли был чем-то совершенно естественным. Это была попытка перенести уравнильные отношения внутри мира на отношения крестьян и помещиков, на все общество. Отсутствие такого передела воспринималось как несправедливость, как результат господства кривды.

Известный государственный деятель С. Ю. Витте (1849-1915) писал: «Раз ты попечитель и я голодаю, то корми меня. На сем основании вошло в систему кормление голодающих и выдающих себя за голодающих... Раз ты меня держишь на уздечке: не даешь свободы, труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшай налоги, так как нечем платить. Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай землю по мере увеличения населения. Земли нет.— Как нет, смотри, сколько ее у царской семьи, у правительства (казенной), у частных землевладельцев? — Да ведь эта земля чужая.— Ну так что же, что чужая. Ведь государь-то самодержавный, неограниченный. Видно, не хочет дворян обижать, или они его опутали.— Да ведь это нарушение права собственности. Собственность священна.— А при Александре II собственность не была священна? Захотел и отобрал, и нам дал, значит, не хочет. Вот те рассуждения, на которых держится крестьянство». Действительно, если царь-отец мог своей волей освободить крестьян и наделить их землей, то почему он не мог вновь пожаловать им землю? Ведь царь как отец должен заботиться о народе, поскольку он полновластный хозяин в своей вотчине, а вотчина — вся Россия. В сущности, реформа 1861 года рассматривалась крестьянами как предпосылка к общему переделу всей земли, прелюдия ко «второй воле», теперь уже настоящей. Реформа породила дискомфортные факторы, ускоряющие инверсию. Крестьяне в громадных масштабах саботировали проведение реформы. По состоянию на 4 января 1863 года 57,9% крестьян уставных грамот не подписали. Саботаж приобретал довольно острые формы. П. Валуев писал о положении в Саратовской губернии: «Крестьяне отказывались вспахать и обсеменить свои поля в том убеждении, что принятие от помещика земли на 1863 год противно воле царя и что, приступая ныне к обработке полей, они лишатся в будущем году новых милостей».

РАСКОЛ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ

Реформаторы не учли, что значение реформы не в умозрительных целях, но прежде всего в том, какие социальные силы активизировались в процессе подготовки и реализации реформы, какие силы ослабли, как изменилась социокультурная ситуация. Прогноз этих процессов необходим был при подготовке реформ. Между тем реформы привели к существенному социальному сдвигу в обществе. Правомочия помещика публично-правового характера, например, его власть применять «исправления», наказания, ссылать, перешли полностью к органам управления, частью к общегосударственным органам, а главным образом к «миру, к сословному крестьянскому обществу. Последнему была дана почти безотчетная власть над личностью своих членов»³¹, вплоть до возможности их ссылки. Следовательно, *во-первых, возросла реальная социальная сила общины, а личность оказалась еще более подавлена, что не соответствовало самому смыслу реформы.* Теперь отсутствовал некоторый противовес власти мира в лице помещика, т. е. укрепились силы, склонные к локализму, к автаркии, к усилению натуральных отношений. *Во-вторых, между крестьянами и властью, т. е. чиновниками, исчез амортизирующий слой помещиков. Практически это означало, что раскол между народом и властью перешел к новой более глубокой стадии, а локализм, нараставший с момента апогея крайнего авторитаризма, сделал важный шаг к своему утверждению.*

Реформаторы пытались развязать скрытые, задавленные, по их представлениям, творческие силы народа, развитие которых должно было привести к хозяйственному и всем прочим формам прогресса. Они тем самым отирались на основное заблуждение русской интеллигенции. Но крестьянство не включало в свою систему ценностей представление о том, что рост благ есть следствие их собственной активизации, перехода к более совершенным формам труда, воспроизводства, а ждало милостей от царя, от начальства, т. е. следовало основному заблуждению массового сознания. Реформаторы следовали либеральным представлениям о росте значимости личности в обществе, ориентировались на ценности развитого утилитаризма как на формы осознания связи личных усилий и личных благ. Те же, кто реально должен был стать субъектом реформы, в своей массе стремились замкнуться в своих локальных мирах, ориентировались на господство натуральных

³¹ Вормс А. Э. Положение 19 февраля. С. 32.

отношений. Здесь столкнулись два типа ценностей, две цивилизации, два типа воспроизводства. Рациональная форма проекта реформы не учитывала потенциал раскола. Реформаторы не смогли спрогнозировать рост массового дискомфортного состояния в результате крушения утопических иллюзий, связанных с реформой, т. е. с интерпретацией ее народом как царской милости. Реформаторы не смогли понять свою реформаторскую деятельность как форму реализации некоторого назревшего в обществе инверсионного циклического поворота, как попытку его предотвратить, смягчить. Иначе говоря, они действовали неадекватно.

Таким образом, важным последствием реформы было выявление ранее скрытого раскола между народом и властью, обществом и государством, усиление двоевластия, раскола медиатора. Реформа обнажила нарастающий локализм, из чего, впрочем, общество не сделало надлежащих выводов. Помещики как важный элемент медиатора были устранены, и поэтому было необходимо продумать соответствующую замену. Существовало сильное стремление саму общину превратить в орган власти, как это, собственно, и рассматривалось некогда князьями. Решено было, однако, над общиной, которая получила название сельского общества, организовать волость, объединяющую одну или несколько общин. Волость насчитывала от 300 до 2 000 душ. Значение волости было велико. Она была узловым пунктом, переводящим с языка государства на язык крестьян и обратно всю необходимую для функционирования государства информацию. Волостные должностные лица избирались на волостном сходе. Идея казалась демократичной и отвечающей замыслу реформы. Однако выясилось, что «никаких общих хозяйственных нужд,— по крайней мере таких, которые непосредственно интересовали бы крестьян,— в волости не было»³². Все споры вокруг замеров земельных участков, которые должны были достаться крестьянам и помещикам, имели меньшее значение для судьбы страны, чем это обстоятельство. Это означало, что страна в своей основе не развила сильных культурных и экономических интеграторов даже на уровне межобщинных отношений и уж во всяком случае не превратила эту проблему в содержание, в предмет массовой политической деятельности. Это означало, что угроза локализма, распада на массовом уровне была осязаемой повседневной реальностью, что по закону инверсии стимулировало авторитаризм. Его симптомы быстро проявились во вмешательстве мировых посредников в дела общины, а

³² Корнилов А. А. Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля// Великая реформа. Т. 6. С. 154.

затем в возникновении в 1889 году института земских начальников.

Второй, не менее важный вывод: *замкнутость общин приводила к тому, что крестьяне не интересовались выборами на волостном уровне, не несли ответственности за деятельность волости, стремясь уклониться от ее повседневного воспроизводства, т. е. лишали низовую власть социальной энергии.* «Волостное правление как коллегиальное учреждение оказалось совершенной фикцией...»³³. Н. Астырев пишет, что крестьяне не имели общих волостных интересов. «Мужик волостью, волостными делами и своим всякого рода волостным начальством ни мало не интересуется и даже не вспоминает о них»³⁴. Использовать же волостное управление для борьбы за какие-то новые цели, для отстаивания своих требований перед начальством широкой массе крестьян не приходило в голову. Власть вне мира всегда оставалась внешней силой, а не результатом их собственной силы. А. Н. Энгельгардт писал: «Крестьянам все равно кого выбирать в гласные,— каждый желает только, чтобы его не выбрали... Гласный от земледельцев, гласный от крестьян никакой инструкции от избирателей не получает, никакого отчета им не отдает: говори там, батюшка, что хочешь; спасибо, что идешь в гласные»³⁵. Общественная служба рассматривалась как одна из форм тягостной повинности.

Сельский сход оказывается подчас инструментом, разрушительным для интересов даже собственного мира. «Желание выпить в компании, поразнообразить бесшабашной гульбой свою вечно серую, будничную жизнь, заговаривает с особой силой, и сход делает невероятные вещи: отдает за бесценку мирскую землю, пропивает, в виде штрафа, чужой стан колес, закабляется за грош на многие годы, обездоливает правую из числа двух спорящих сторон, прощает крупную растрату мошеннику-старосте, ссылает невинного односельца на поселение, принимает заведомого вора обратно в общество и т. д. и т. п.». Назавтра «не более 5% из опрошенных... будут *сознательно* защищать и отстаивать совершенное ими вчера гнусное дело». Каждый из 95% скажет: «Да нешто это я? Я ни Боже мой, ни в жисть на такое дело сам не пошел бы, а общество... А супротив общества что ж поделаешь?» И далее Астырев пишет: «Тут *каждый* прчется за всех: выходит, будто каждый пил только

³³ Кузьмин-Караваев В. Д. Крестьянство и земство// Великая реформа. Т. 6. С. 154, 187.

³⁴ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 339.

³⁵ Энгельгардт А. И. Из деревни. С. 184, 84.

потому, что пили все... Решительно как маленькие дети, напроказившие вместе, но потом сворачивающие беду друг на друга»³⁶.

Волостные старшины и писари, окруженные поголовно безграмотными крестьянами, не способными, даже если бы хотели, контролировать многие аспекты деятельности своих выборных, получили возможность вступить на путь хищений и злоупотреблений. *Провал реформы определялся не тем, что крестьяне получили мало прав, а тем, что они не понимали смысла прав, которые им были предоставлены.* «Через 30-40 лет после освобождения гласные из крестьян обычно представляют собою в земских собраниях молчаливых манекенов, послушных малейшему жесту „своего“ земского начальника или предводителя дворянства»³⁷. Волостное начальство неизбежно попадало в двусмысленное положение между нижними и верхними этажами власти. «Чем лучше староста для волости, для начальства,— тем хуже для общества»,— писал Н. Астырев³⁸. *Усилилось двоевластие, раскол медиатора, раскол каждого сообщества.* Его главным проявлением была мощная дезорганизация, целая фронтальная линия, несущая угрозу отсечения медиатора от почвы. *Недостаточная зависимость нижних уровней власти от государства угрожала отрывом государства от почвы, а следовательно, угрожала самому его существованию.* Низшее начальство, хотя и стремилось угодить высшему, жило локальными представлениями. «Сравнительно самостоятельное положение местного управления покупается довольно дорогой ценою: ценою некоторого разрушения единства управления»³⁹. «Со стороны очень странно было видеть, как различно понимают дело разные люди: высшие полицейские чины „из господ“ под злонамеренностью понимали одно, а низшие полицейские чины „из мужиков“ понимали совершенно другое, противоположное. По одним, тот, кто думает, что нужно поравнять земли,— злонамеренный человек, по другим злонамеренный тот, кто думает, что не нужно равнять землю»⁴⁰.

Мощь уравнивательных ценностей, идущих из глубин народной почвы, пронизывала все общество, снижая престиж госу-

³⁶ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 291-294.

³⁷ Великая реформа. Т. 1. С. 287.

³⁸ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 68.

³⁹ Лазаревский Н. И. Самоуправление// Мелкая земская единица. СПб., [6. г.]. С. 51-52.

⁴⁰ Энгельгардт А. Я. Из деревни. С. 538.

дарственности, организатора, чиновника. Нет недостатка в документах, показывающих, что борьба крестьян с помещиками и чиновниками была всего лишь непосредственным проявлением уравнилельных стремлений, достигших стадии борьбы с государством. Требования крестьян Нижегородской губернии, как они изложены в записке чиновника министерства внутренних дел в 1857 году, включали и ликвидацию государственного управления. «Государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах». Крестьянин «не обязан платить подушных и нести земской и рекрутской повинностей»⁴¹. Крестьяне требовали предоставления отдельным общинам самоуправления, независимого как от помещика, так и от царской администрации. Рост творческой активности крестьян был направлен на освобождение личности от обременительной обязанности воссоздавать большое общество, государство. Поскольку, однако, большое общество существовало, подобные стремления крестьян приводили к нарастающей дезорганизации.

Локальные ценности, враждебность к центральной власти были характерны не только для крестьян, но и для земств, судов присяжных. М. Катков, подводя определенный итог земской деятельности, говорил о полной неудаче попыток ввести земства в систему государственных учреждений, доказывая, что земства «не имеют ничего общего ни с каким управлением, отнюдь не служат местным продолжением общего и государственного управления». Это «как бы частные общества, хотя и организованные государством, но ему чуждые и от него отдельные»⁴².

Как особый тип местных учреждений земства были созданы в процессе Великих реформ. В январе 1864 года вышло Положение о земских учреждениях, предназначенных для заведования местным хозяйством. Земства должны были дать выход стремлениям либерально настроенных кругов к самоуправлению на местах и на этой основе улучшить местное хозяйственное управление. Земства переносили центр тяжести своей деятельности на местные «нужды», а не на «повинности». Конфликт земства с высшими этажами власти носил постоянный характер. Например, отчеты губернаторов полны жалоб на безрассудную, по их мнению, трату земских средств, на постоянную тенденцию к увеличению земских расходов. Земства стали ярким дополнением двоевластия в стране. Попытка ми-

⁴¹ См.: Федоров В. А. Крестьянское движение в центральной России. 1800-1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 151, 152.

⁴² Московские ведомости. 1867. № 14. 18 янв.; № 153. 15 июля.

нистерства внутренних дел объединить деятельность земств предписаниями центральной власти оказалась бесплодной. Через два года после земской реформы правительство начало против них наступление. Население относилось к земствам пассивно. В гласные нередко «наряжали» недоимщиков, т. е. людей, обладающих минимальным социальным престижем.

Особый интерес представляет судебная реформа, введение суда присяжных. Она была проведена в либеральном духе наиболее последовательно и была серьезной попыткой воплотить в жизнь принцип разделения властей. Однако *право и нравственность в судах оказались в подчинении антиправительственного общественного мнения*, о чем недвусмысленно свидетельствует, например, оправдание судом присяжных в 1878 году революционерки В. Засулич. Ее судили за покушение на жизнь петербургского градоначальника. Эти действия разрушительно влияли не только на право, но и на нравственность. «Присяжные заседатели оправдывали иногда по мотивам нравственно-физиологическим и тяжких преступников, а к сознанию народа, не имевшему возможности возвыситься до этих мотивов, примешивают чувство безнаказанности греха. Теперь эти оправдательные приговоры во многих случаях сделались поощрением порока и преступлений»⁴³. На «прогрессивном общественном мнении России лежит тяжкая ответственность за срыв единственной попытки в истории страны поставить дело так, чтобы правительство тягалось со своими подданными на равных»⁴⁴. *Суд присяжных стал элементом медиатора, открыто подрывавшим его основы.*

Реформа привела к тому, что по пути либерализма пошла лишь крайне ограниченная часть народа. Основная же масса населения, жившая в сельских общинах, а также переселившаяся в города, но живущая еще старыми ценностями, практически не вышла за рамки крепостничества. Главная сфера ее жизни, т. е. отношения людей внутри локальных миров, не была затронута реформой. Да это было и не под силу реформаторам. Были ликвидированы только верхние этажи крепостничества. Государственность оказалась под угрозой повиснуть в воздухе. Попытки ее реформировать не ослабляли раскола, но скорее усиливали его. Кроме того, существовала скрытая угроза выбросов этого затаившегося в локальных мирах крепостничества вверх, стремление привести «надстройку» в соответствие с «базисом». Последующие события невозможно понять без учета того, что все значимые события в обществе

⁴³ Антонов Н. Р. Русские светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание. СПб., 1912. Т. 1. С. 38.

⁴⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж (Массе), 1980. С. 398.

находились под постоянным давлением локализма и его крепостнических ценностей.

Глубокие изменения, происшедшие в обществе, привели к углублению раскола, к возникновению его новой формы. Пассивность низших этажей управления, их тяга к локальным идеалам, неспособность стать основой обновления государства внесли в медиатор и общество угрожающую дезорганизацию. Почвенные силы, проникшие в низший этаж управления, отрывали его от медиатора и тем самым подрывали основы его существования. В медиаторе произошел разрыв коммуникаций; открыто столкнулись два типа конструктивной напряженности с противоположно направленными векторами, что неуклонно усиливало социокультурные противоречия в обществе. В конце 70-х годов власти буквально *была* объята паникой. «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания бывает такая паника, какая овладела всеми в России в конце семидесятых годов и в восьмидесятом. Во всей России все замолкли в клубах, в гостиницах, на улицах, на базарах... И как в провинции, так и в Петербурге все ждали чего-то неизвестного, но ужасного, никто не был уверен в завтрашнем дне»⁴⁵.

В этой ситуации правящая элита сделала попытку отказаться от либеральной интерпретации идущей инверсии и перейти к авторитарной (так называемый период контрреформ). Авторитаризм имел своих идеологов. Например, влиятельный деятель двух царствований К. Победоносцев рассматривал народовластие как ложное начало. К. Леонтьев полагал, что ради спасения архаики от разрушения, в борьбе против прогресса, либерализма, влияний западной культуры годятся любые средства — «внутреннее рабство», «организованное насилие, сложный деспотизм». Он призывал сохранять безграмотность населения, поскольку в этом «наше счастье, а не горе»⁴⁶. Государство, по его мнению, должно взять на себя инициативу установления нового феодализма, своеобразного социализма. Прямо провозглашая культ силы, Леонтьев выдвигал на первый план в христианстве не любовь, но страх. Консерватизм есть естественная реакция на опасности, которые связаны с изменениями. Однако коренная слабость такой позиции заключалась в поверхностности, в неспособности понять, что общество уже не может отказаться от прогресса как источника энергии.

Министерство внутренних дел, которое ранее придерживалось политики невмешательства, пришло к выводу, что вме-

⁴⁵ Плансон А. А. Былое и настоящее. СПб., 1905. С. 261-262.

⁴⁶ Леонтьев К. Н. Собр. соч. СПб., 1917. Т. 7. С. 23.

шательство в дела мира, мировых посредников не только необходимо, но и неизбежно. Усилилась атака на земства. Они представлялись как «какая-то бессмысленная оппозиция». М. Катков так характеризовал позицию, занятую земскими деятелями: «Система устранения правительства потребовала, чтобы оно отказалось от всякого дела, признавая себя ни к чему не пригодным. Сама администрация в ее разветвлениях по стране объявлена не делом правительства. Против государства выдвинута... земля, т. е. учреждения 1864 года, именуемые земством»⁴⁷. Министр внутренних дел с 1882 года граф Д. Толстой предлагал ввести земские и городские органы самоуправления «в общий строй государственных установлений. Лежащие в основе сих учреждений начала общественного самоуправления должны быть заменены началом государственного управления». К. Победоносцев также писал о необходимости ввести судебные установления «в общий строй государственных учреждений. В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной». Принятый в 1889 году закон о земских начальниках нарушил принцип разделения судебных и административных функций, установленный в 1864 году; они были сосредоточены отныне в руках земских начальников. Им вменялось в обязанность иметь надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления. «Нужен сильный начальник уезда,— писал князь Мещерский императору,— народ любит единоличную власть и ненавидит всякие коллегии».

Рядом законов 1889-1892 годов были расширены права губернатора на вмешательство в дела земского и городского самоуправления, а также общины. В 1880-1890 годах «либеральное направление» журналистики было раздавлено цензурой. Искоренение всякого инакомыслия стало первостепенной задачей; медиатор уже не ждал ничего хорошего от новых идей. Цензурой был резко ограничен круг подлежащих обсуждению вопросов, не подлежали обсуждению в печати деятельность земских начальников, городских общественных органов самоуправления, судебные процессы по должностным преступлениям, ограничивалось обсуждение аграрного вопроса и т. д. Категорически запрещено было упоминание о двадцатилетней годовщине отмены крепостного права. Князь Мещерский не постеснялся опубликовать следующую сентенцию: «Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен хлеб русскому мужику,— так ему нужны розги. И если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ.

⁴⁷ Московские ведомости. 1884. 19 окт.

Человеколюбие требует розог»⁴⁸. Неспособность преодолеть раскол, непроницаемость смысловых полей подтолкнула консервативную часть общества к тому, чтобы решать проблему повседневным насилием.

ПОПЫТКА ПОВЕРНУТЬ ЦИКЛ

Ответом на либеральные реформы было появление в стране террористов-революционеров, после ряда неудачных попыток убивших Александра II. Этот зловещий и трагический акт свидетельствовал о том, что вырос слой интеллигенции, который стал ударной силой активизирующегося манихейства, воинственного антигосударственного традиционализма. Появились люди, склонные противопоставить обществу, существующей государственности, социальному разнообразию кровавый погром во имя Правды всеобщей уравнительности, готовые срезать, истребить все, что выше некоторого среднего уровня. Террор был симптомом нравственного разложения определенной исторической формы революционного движения в стране. Попытка обратиться к террору была реакцией на отказ народа, крестьянства признать революционную интеллигенцию как «свою». Отсюда стремление этой группы — осознанное или неосознанное — вызвать массовое всеобщее замешательство, убив тотем. Расчет был на то, что в результате всеобщего замешательства, необходимости обращения к новому тотему интеллигенция смогла бы занять место, заменить царя-тотем.

После убийства террористами Александра II правительственный авторитаризм стал перерастать в полицейское государство. Глава департамента полиции в начале XX века писал, что все население России было поставлено в зависимость от личного усмотрения полиции. Р. Пайпс считает, что Россия в это время была уникальным государством. До первой мировой войны ни одна страна не имела, кроме обычной, еще и особую политическую полицию, да еще наделенную судебными функциями⁴⁹.

Эта уникальность объяснялась взрывом сил хаоса, дезорганизации, нарастающей угрозой государственности, что проявлялось в массовом усилении враждебности к ней на всех уровнях общества, включая не только интеллигенцию, но, что особенно любопытно, и представителей самой правящей элиты.

Правящая элита повернулась против либерализма, против реформ, против диалога, против начавшегося процесса разде-

⁴⁸ Гражданин. 1888. № 49.

⁴⁹ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 405.

ления властей. *Политика контрреформ* была реакцией на явные симптомы ослабления власти и развала системы, на нараставший в результате активизации синкретизма кошмар отрыва от почвы. Трагедия страны проявилась в полной мере в невозможности длительной политики, противоположной реформам. Если локализм вел к распаду общества, к усилению раскола на разные социальные и территориальные группы, то политика усиления авторитаризма вошла в конфликт с основной массовой инверсией, которая, начиная с этапа крайнего авторитаризма, подрывала доверие к высшей власти и тем самым обрекала на крах всякие попытки установить авторитарную систему.

Стремление власти к авторитаризму не могло рассчитывать даже на равнодушие. Оно встречало возрастающее сопротивление как в городе, так и в деревне. В критической ситуации сказался недостаток способных организаторов, которые могли бы взять на себя творческую организационную работу. Система выталкивала наверх людей, скорее склонных хорошо лавировать при дворе, чем в должной степени осознавать свою ответственность за судьбу страны. Сложившиеся условия требовали от власти большей гибкости, знаний, умения проникаться существом проблем, но близкие к трону деятели отличались непониманием ситуации и неспособностью к поискам выхода из кризисов. Например, о К. Победоносцеве говорили: «Он всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает, что надо». Министр народного просвещения (потом министр внутренних дел) граф Д. А. Толстой отличался тупой прямолинейностью. Его преемник А. А. Сабуров был «вполне бесцветной личностью, никогда и ни в чем не проявлялась его инициатива»⁵⁰. О министре внутренних дел И. Н. Дурново установилось мнение, что «он только чиновник, старающийся убогатворить свое начальство, но совершенно неспособный посоветовать ему что-либо разумное»⁵¹. Сам Александр III (1881—1894) первоначально не готовился к тому, чтобы занять престол, не обладал необходимым минимумом знаний, не мог вникнуть в суть обсуждаемых дел, мыслил упрощенно и прямолинейно. Например, он был убежден, что евреи — богом проклятый народ, так как они «распяли своего спасителя». Неспособность адекватно оценить реальное положение вещей, принимать глубокие содержательные решения — характерная особенность правящей элиты того времени. Уровень этих людей определялся не случайными обстоятельствами, а состоянием общества, его духовными силами.

⁵⁰ Воспоминания Е. М. Феоктистова. Л., 1929. С. 170, 174, 189.

⁵¹ Ламздорф В. Н. Дневник. М.; Л., 1934. С. 105.

Но одновременно и духовная элита была совершенно беспомощна. Философ Н. Н. Страхов (1828-1896) хорошо выразил общую растерянность: «Общественное сознание почувствовало, что в путях прежних прекрасных реформ был какой-то существенный недостаток, что их следовало бы чем-то восполнить. И движение остановилось, потому что прежние пути оказались опасными, а нового пути никакого не видно; кажется, что мы как будто вернулись назад, к той точке, с которой начались преобразования. Этот опыт, продолжавшийся четверть века, как будто ничему не научил нас; по крайней мере мы не умеем извлечь из него поучения. Растерянность общественной мысли очевидна; эта мысль несколько не созрела, потому что вовсе и не работала над вопросами об основах нашей государственной жизни, и хотя прошлое царствование, казалось бы, давало сильнейшие поводы к занятию этими вопросами, наши понятия о таком существенном деле не продвинулись вперед ни на шаг»⁵². Власть видела выход в силе, ее противники — в свободе-воле. Оба стремления были разрушительны, так как первым уничтожалось творчество, а вторым — сложившиеся социальные отношения, культура.

Реальная интеграция большого общества обеспечивалась слабой синкретической государственностью, хрупкой сословностью, разделением функций, которые росли и совершенствовались под прикрытием веры народа в царя. Реформа, вдохновленная смесью вечевых и либеральных идей, движимая в конечном итоге возрастающей силой уравнительных ценностей миллионов, была мощным ударом по сословности и, следовательно, по существующему способу интеграции общества.

Дворянство в результате реформы понесло непоправимый ущерб. За тридцать последующих лет оно потеряло более четверти земли, перешедшей в руки купцов и крестьян. Влияние дворянских собраний падало. Дворянство теряло экономическую силу, социальный престиж, разваливалась бывшая главная социальная опора медиатора, что в расколоте обществе, в условиях неустойчивых взаимоотношений народа с властью создавало растущую опасность разрушительного взрыва. Сама по себе реформа не вызвала появления людей, способных активно развивать экономику и восстанавливать большое общество, хотя создала более благоприятные предпосылки для их постепенного развития. И после реформы как крестьяне, так и дворяне по-прежнему нуждались в помощи правительства, т. е. прежде всего в принудительной перекачке ресурсов сила-

⁵² Новое время. 1886. № 3599.

ми высшей власти. Привыкшие к опеке сословия не могли без организационной помощи со стороны государства устоять на ногах. Правительство пыталось с помощью Дворянского земельного банка облегчить дворянам сохранение наследственных владений, предотвратить обезземеливание крестьян путем образования Крестьянского земельного банка. Все эти меры, однако, не достигали цели, так как в основной своей массе крестьянство и дворянство не поднялись до осознания необходимости совершенствования производства, культуры, техники, организации. Патерналистское мировоззрение в этих условиях парализовало общество: все ждали подачек от власти.

Правящая и духовная элиты не уловили, что реформа, по сути, явилась приспособлением общества к новому бескомпромиссному инверсионному повороту широких масс, весьма далеких от либерализма. Либералы надеялись, что, создавая организационные формы, соответствующие потребностям диалога, определенным требованиям интеграторов либерального типа, они тем самым создают предпосылки для соответствующего развития народа, его приобщения к либеральным ценностям. Они пошли по пути создания некоторых организационных форм (например, системы выборов в волость) в надежде на то, что эти формы постепенно будут наполнены реальным культурным содержанием. Тем самым реформа строилась на заведомом нарушении социокультурного закона, поскольку предполагалось, что это стимулирует творческую активность людей. Но предположение не оправдалось. Крестьяне не проявляли интереса к работе выборных органов. Разрыв был заполнен локальными ценностями, битвой монологов, что меньше всего соответствовало ценностям либерализма.

Власть не имела средств приостановить перерастание шепота недовольства в громогласный угрожающий крик, воплотить в жизнь альтернативу гигантской обратной инверсии, двигающейся от крайнего авторитаризма к торжеству соборного локализма. Политика контрреформ быстро захлебнулась. Под натиском снизу правящая элита вновь повернула к прежнему соборно-либеральному курсу. Однако теперь положение значительно усложнилось.

РАСКОЛ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В основе замысла Великих реформ лежало представление, что их результатом будет формирование условий, которые будут благоприятствовать частной инициативе, толкать производство, стимулировать развитие его отраслей. Реформа делала ставку на развитой утилитаризм, на развитие либеральных,

капиталистических ценностей. И действительно, эти процессы получили соответствующий толчок. К концу века появились европейски образованные предприниматели, способные к творческой организационной работе в больших масштабах. *Однако основная черта развития хозяйства заключалась в том, что оно также приобрело расколотый характер. С одной стороны, его развитие было явным продолжением государственной монополии на хозяйство на основе крепостнических традиций. С другой стороны, в результате общей слабости государства, его аппарата возникала определенная возможность ограниченного независимого развития пробивающейся из глубин народа частной инициативы.* Отношение между этими двумя силами определяло дальнейшую хозяйственную динамику. Эти две линии развития имели различный, противоположный социальный смысл. Прежде всего, первая из них закрепляла и воспроизводила натуральные отношения, тогда как вторая тяготела к рынку, к товарно-денежным отношениям. Первая тяготела к тому, чтобы приспособить новейшую техническую базу к культуре и социальным отношениям традиционной цивилизации, тогда как вторая через развитой утилитаризм тяготела к либеральной цивилизации.

Шло развитие государственных железных дорог, телеграфа, организовывались кредитные учреждения. Государство владело громадным земельным фондом, 60% всех лесов, горными предприятиями, золотыми, платиновыми, серебряными рудниками. На казенных горных промыслах и заводах добывались руды, производились металлы и выделялись из них артиллерийские орудия, снаряды, оружие, паровозы для строящихся казной железных дорог и корабли для военного флота. А в 1897 году была организована казенная винная монополия, включавшая крупнейшие винокуренные и ректификационные заводы. Государственное хозяйство в 90-х годах прошлого века имело значительные размеры и разветвленный характер⁵³.

Мощный рост монополий привел к тому, что в начале XX века они стали важной основой хозяйственной жизни. Эти монополии, однако, постоянно нуждались в защите государства, практически сливались с государством, как это и должно быть в условиях синкретической государственности. Очевидно, их развитие приспособлялось не столько к рынку, сколько к государству. То, что у Ленина рассматривалось как государственно-монополистический капитализм, т. е. то, что связано с «высшей, загнивающей стадией капитализма», в действительности было *результатом недоразвитости капитализма, его*

⁵³ Подробнее см.: *Ляценок П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 190 и след.

существования в условиях господства докапиталистических отношений и власти монополий под защитой синкретического государства. Государство брало на себя в той или иной форме ответственность за промышленное производство, так как стремилось приобрести определенную независимость от рынка. Это касалось прежде всего тяжелой промышленности. Американский экономист Джеконсон в изданной в США книге «Commercial Russia in 1904» писал: «Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны; оно владеет и управляет $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети и $\frac{7}{8}$ всех телеграфов. Почти $\frac{1}{3}$ всей земли и $\frac{2}{3}$ лесов еще в его непосредственном заведывании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки... скупает весь спирт». Русское правительство — «самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире»⁵⁴. Л. Троцкий писал: «Самодержавие с помощью европейской техники и европейского капитала превратилось в крупнейшего капиталистического предпринимателя, в банкира и монопольного владельца железных дорог и винных лавок»⁵⁵. Важнейшей формой этого подчинения хозяйства высшей власти была система государственных заказов. «Нити всех промышленных экономических вопросов тянутся к правительственным учреждениям, без которых нельзя решить ни одного общего вопроса... Самыми существенными сторонами горного дела занято не горное ведомство, а другие учреждения»⁵⁶. В этих условиях развитие собственно капитализма приобрело довольно односторонние, уродливые формы. Определяющим было господство патриархальных дорыночных отношений, слабость рынка при недостатке капиталов, в условиях «крайне робкой и слабой предприимчивости населения»⁵⁷, массовой враждебности к этим формам деятельности. Эта в целом неблагоприятная ситуация для развития экономики, повышения эффективности могла, однако, открыть зеленую улицу для тех

⁵⁴ Цит. по: Фридман М. Наша финансовая система. СПб., 1905. С. 9.

⁵⁵ Троцкий Л. Д. 1905 год. М., [б. г.]. С. 22.

⁵⁶ Авдаков Н. С. О желательном преобразовании горного ведомства в связи с интересами горной и горнозаводской промышленности. СПб., 1907. С. 5-6.

⁵⁷ Что дает нам новая государственная роспись?!// Промышленность и торговля. 1909. № 20. С. 389.

немногих, кто обладал капиталом и инициативой, кто вырвался вперед и смог идти по пути концентрации производства и формирования монополий. Здесь господствовала манихейская схема развития, т. е. гипертрофирование крайних форм и слабость средних форм, как и срединной культуры вообще. «Обычным стало образование предприятий сразу в огромных масштабах»⁵⁸, что требовало больших капиталов, и, возможно, именно с этим связано снижение с 70-х годов относительного числа выходцев из крестьян в московском купечестве⁵⁹. В 80-х годах происходило гигантское обобществление труда на крупных предприятиях. «Высокая концентрация русской промышленности замедляла количественный рост предприятий еще в конце XIX в. и почти приостановила в XX в.»⁶⁰. Монополизация происходила на таком уровне производительных сил, который соответствовал домонополистической стадии на Западе.

Благоприятствование крупным предприятиям в ущерб мелким было результатом неблагоприятных исторических обстоятельств. Оно было следствием того, что давление синкретической государственности на развитие хозяйства, которая предпочитала крупное производство мелкому, получило развитие в условиях, когда товарно-денежные отношения, ремесленничество, частное предпринимательство не достигли уровня, который позволил бы отстоять себя экономическими и политическими средствами. Стремление к развитию именно крупного производства, по крайней мере в тенденции тяготеющего к авторитаризму, как характерная черта хозяйственного развития страны — один из результатов слабости почвенных потенций развития производства.

Еще Петр I насаждал именно крупные промышленные предприятия: горные, оружейные, литейные и т. д. С середины XIX века изделия крупной промышленности стали вытеснять кустарей. С. Ю. Витте, еще будучи министром финансов, видел одну из задач своего министерства в развитии производительности, которое он отождествлял с насаждением крупной индустрии. Это не только разоряло кустарей, лишало побочных заработков крестьян, но и «этим сразу были выбиты из прежних позиций миллионы мелких производителей, перед которыми была поставлена задача приспособления к быстро изменяющимся условиям хозяйственной жизни страны. Приспособление никем не поддерживаемых мелких производите-

⁵⁸ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 291.

⁵⁹ Там же. С. 250.

⁶⁰ Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 3.

лей к условиям жизни, меняющимся по мановению руки все- сильных чиновников — невежественных и безответственных, — не могло происходить с той быстротой, с какой изменялись эти условия. И в этом обстоятельстве следует видеть одну из причин, ускоривших расстройство крестьянского быта и обна- живших ненормальность экономического строя России»⁶¹.

Более того, подобное развитие — и на это следовало бы исто- рикам обратить самое пристальное внимание — подавляло, уничтожало, парализовывало развитие почвенной инициативы, развитие рынка, товарно-денежных отношений, прогресс сво- бодной личности. Тем самым *при видимости роста новых тенденций подрывалась возможность качественного суб- станциального изменения общества, закреплялась его тради- ционная основа, использующая новые средства*. Все это могло иметь место лишь на основе исторического развития, обусло- вившего, с одной стороны, согласие общества на функциониро- вание государства, правомочного принудительно перерас- пределять ресурсы, сливать в единое нерасчлененное целое собственность, власть, идеологию, а с другой стороны, форми- рование общества с крайне низким уровнем хозяйственной инициативы и товарно-денежных отношений. Последние могли пробиться, лишь используя слабости власти, в особенности вы- являющиеся в условиях хозяйственных кризисов. И действи- тельно, эти возможности постоянно использовались, что свиде- тельствовало об определенном росте сил медиации.

«КРИЗИС ПЕРВОБЫТНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»

Положение крестьян после реформы постепенно и существен- но ухудшалось. В 1900 году крестьянин был беднее, чем в 1800 году⁶². Вряд ли можно видеть основную причину этого в платежах государству. Реформа потребовала существенного усилия от крестьян для приспособления к новым условиям. Она бросила своеобразный вызов, но не все могли справиться с новыми задачами. Усилилось расслоение. Если судить по бел- летристике 60-х годов, послереформенная деревня являла собой довольно безотрадную картину. Периодический голод свидетельствовал об оскудении. В 80-х годах можно было гово- рить об экономическом упадке крестьянства. Часть крестьян находилась в состоянии хронического недоедания. В стране,

⁶¹ В. В. [Воронцов В. П.] Очерки экономического строя России. СПб., 1906. С. 102.

⁶² Пайнс Р. Россия при старом режиме. С. 217.

где крестьяне составляли основную массу населения, эти процессы грозили вырождением всего общества.

Беспрецедентный рост населения крайне ухудшил ситуацию⁶³. По подсчетам департаментов окладных сборов, в пятидесяти губерниях европейской России за сорок лет после реформы население возросло на 72%, т. е. с 50 до 86 миллионов. За сорок пять лет после реформы масса людей, скопившихся на земле, почти удвоилась. Если в течение пяти веков количество земли в стране росло быстрее населения, то теперь положение коренным образом изменилось. С ростом населения сокращался крестьянский надел: если на ревизскую душу приходилось в 60-х годах 4,8 десятины, то в 1880 году надел уменьшился до 3,5 десятин, а в 1900 году — до 2,6 десятины⁶⁴. В дальнейшем надел сократился до двух десятин. Недостаток земли не компенсировался ни повышением урожайности, ни новыми запашками. Положение ухудшалось с падением цен на хлеб. Недоедание, высокий уровень заболеваемости — такова картина крестьянского оскудения в послереформенной России. Господствующей системой было трехполье. На юге преобладало залежное хозяйство. Травосеяние и разведение специальных культур встречалось лишь в немногих местах. Почвы плохо обрабатывались. На русских черноземах, которым нет равных в Европе, чаще, нежели в других районах, отмечались неурожаи и голод. Запад в сфере культуры земледелия далеко ушел вперед. Плодопеременная система там существовала уже давно. Комиссии, создаваемые в губерниях для выявления роста недоимок, сообщали весьма неблагоприятные сведения. Например, предводитель дворянства Ливенского уезда Орловской губернии писал о сельском хозяйстве своего уезда: можно подумать, что «местность эта разорена неприятелем, до такой степени она представляется жалкою». Курский губернатор отмечал, что сельское хозяйство «осталось в том же диком состоянии, в каком оно было прежде, как у помещиков, так и у крестьян».

К началу XX века крестьяне были приведены в «тяжелое положение», писал крупнейший специалист того времени⁶⁵. Крестьянские хозяйства разорялись в массовом масштабе, так как росли издержки сельскохозяйственного производства, прежде всего за счет арендной платы⁶⁶.

⁶³ Качоровский К. Народное право. С. 20.

⁶⁴ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 44, 159.

⁶⁵ Маслов П. П. Крестьянское движение в XIX столетии // Образование. 1907. № 10. С. 158.

⁶⁶ Он же. Аграрный вопрос в России. 3-е изд. М., 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 25.

Суть процессов оскудения заключалась в том, что на изменение целого ряда условий, включая рост товарно-денежных отношений и населения, основная масса крестьянства не сумела ответить повышением эффективности своего труда, поднятием культуры земледелия, новыми формами организации производства. Изменения условий требовали отказа от архаичных экстенсивных методов труда, от древней системы конструктивной напряженности, нацеленной на постоянное повторение старых методов деятельности в измененных условиях. Теперь существовать можно было, лишь перейдя к конструктивной напряженности, нацеленной на развитие. Раньше крестьянин был уверен, что помещик не даст ему умереть с голоду, теперь же он в стрессовых ситуациях оказывался наедине с бедствиями. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало, что *крестьянская реформа не увенчалась успехом.*

Чем примитивнее способ земледелия, тем больше земли он требует. В древности человеку для промыслов, сельского хозяйства нужны были огромные просторы. Прогресс сельского хозяйства есть интенсификация использования земли. Между тем способы хозяйствования оставались те же, что и 50-75 лет назад. Основная масса крестьян рассматривала улучшения в хозяйстве как барскую затею. Крестьяне — депутаты Думы говорили: «Культура — дело барское!» Деревня прежде всего пыталась увеличить свое землепользование. Крестьянин, если у него оказывались деньги, использовал их не на улучшение хозяйства, но для покупки земли. Общая пахотная площадь в стране в 1881 году увеличилась на 14,2%, а в 1887 году — на 25,8% по сравнению с 60-ми годами.

Сталкиваясь с другими народами — китайцами, корейцами, латышами, — русские крестьяне не могли не видеть преимуществ высокой сельскохозяйственной культуры. Если русским переселенцам не хватало 25—30 десятин, то местное население благоденствовало на 4—5 десятинах. Страх перед новшествами мешал переселенцу перенимать более совершенные методы. Переселенцам, по их словам, «не с руки», «не подходящее дело» копать в земле, как «копаются» латыши, сарты или корейцы; им надо распахаться пошире да побольше посеять, хотя бы его широкая запашка давала ему, в конце концов, гораздо меньше, чем дают маленькие поля китайца или сарта, пишет А. Кауфман. Этот же автор приводит выдержку из одного крестьянского приговора Новгородской губернии: «Чухна, хозяйствующая на участке такого размера, при котором русский крестьянин едва имеет хлеб, не только сыт, но и ест ветчину, мясо, масло, пьет молоко и прочее». Важен вывод Кауфмана:

«Никак нельзя будет сказать, чтобы многоземельным крестьянам жилось лучше, чем малоземельным. Скорее выходит как будто наоборот... а расширение крестьянского землевладения поведет к несомненному подрыву производительных сил страны»⁶⁷. Все это говорит о том, что не столько малоземелье, сколько низкая культура земледелия лежала в основе аграрной проблемы страны.

Алябьев, путешественник, посетивший в 60-х годах XIX века Амур и Уссури, писал, что крестьяне-переселенцы жаловались на тесноту. Между тем даже к концу века там приходилось по одному человеку на десять квадратных верст. Крестьянин в Западной Европе, обладая 1,8—4,5 десятинами, мог вполне жить на доход со своего участка, не только сам не нанимаясь в батраки, но даже имея возможность пользоваться наемной силой. «Сущность аграрного вопроса — кризис первобытного земледелия»⁶⁸, — четко констатирует А. Кауфман. А. Энгельгардт писал: «Хороших хозяев очень мало... Между крестьянами есть много таких, которые не только не могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе как за чужим загадом, но даже и работать хорошо не умеют»⁶⁹. Уровень сознания большинства крестьян не давал основы для интенсификации производства, для поисков путей повышения культуры и эффективности земледелия. «На все несчастья, бедствия, неудачи в своей жизни крестьяне смотрят как на божье наказание. Трудно вести в деревне борьбу с такими бедствиями, как пожары, эпидемии, эпизоотии и вредители сельскохозяйственных культур. Крестьянин убежден, что с этими бедами бороться грешно. Организованные по деревням пожарные обозы в момент пожара оказываются почти всегда в полной пассивности ввиду мнения: „Все равно сгорит, если на то воля божия“, пожары же от молнии уже всегда приписываются гневу божию или Ильи-пророка. Во всех этих случаях (появление саранчи, вредной мухи, червя и т. п.) крестьянин обращается часто к священнику для совершения молебна, крестного хода или другого церковного обряда, следит со вниманием за точным исполнением его и считает, что если обряд выполнен, то он должен пассивно ожидать результатов молитвы»⁷⁰. Крестьянин чувствовал себя во власти капризного языческого бога: «Бог не дает — и земля не родит», даже «це-

⁶⁷ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. С. 140, 141, 157, 175, 242.

⁶⁸ Там же. С. 135, 170, 205, 246, 265.

⁶⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 385.

⁷⁰ Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России/ Сост. Петерсон Н. Л. СПб., 1904.

ны бог строит». Он просил божество, как в глубокой древности: «уроди, боже, с мешка три мешка», «дай, боже, дождю в толстую вожжу».

В условиях низкой культуры земледелия никакая экспроприация помещичьих земель не решила бы проблемы. К февралю 1917 года три четверти всей пахотной земли принадлежало крестьянам. Нельзя также забывать, что раздел помещичьих земель, где урожай вдвое, а в хороших хозяйствах — вчетверо превышали урожай окружающих крестьянских хозяйств, не только бы сократил объем сельскохозяйственной продукции, но нанес бы непоправимый ущерб культуре земледелия. Это обстоятельство особенно важно в связи с тем, что в 70-80-х годах помещичье земледелие достигло определенных успехов. Отсюда очевидно, что *борьба крестьян за землю имела совсем иной смысл, чем тот, что вкладывали в нее как сами крестьяне, так и та интеллигенция, которая переводила на язык «науки» мифы массового сознания. Эта борьба по самому своему существу не могла привести к конструктивным решениям, но была лишь активизацией древних ценностей, мощной попыткой растревоженной общины перейти в наступление и перенести свои уравнительные идеалы на все общество, превратить все общество в уравнительную общину,*

РЕНЕССАНС ОБЩИНЫ

Основная масса крестьянства ответила на ухудшение условий не переходом к новому типу конструктивной напряженности, связанному с развитым утилитаризмом. Реакция крестьянства оказалась попыткой прорваться опять к синкретизму, усилением борьбы крестьян за сохранение древнего локального типа жизни. Наиболее ярко этот процесс проявился в укреплении сельской общины, древнего сельского мира.

Можно считать определенной исторической закономерностью, что на переломе эпох, когда новые ценности активно вторгаются в жизнь, старые, казалось, давно обесцененные идеалы неожиданно обретают волю к борьбе. В Среднем и Новом Царстве Египта историки констатировали полное или почти полное разложение общины, тогда как в птолемеевском Египте она существует. В поздней Римской империи также отмечается возрождение общины. Для Европы XV и XVI веков характерно возрождение древних суеверий как формы самозащиты древнего уклада, традиционных ценностей. Серьезные социальные бедствия всегда способствовали оживлению древних идеалов. «Черная смерть» в Западной Европе в конце XIV

века, унесшая почти четверть населения, вызвала многочисленные акты насилия, возрождение древних языческих ритуалов, массовую истерию. В последние 50-100 лет во многих странах третьего мира также наблюдается активизация древних ценностей.

Первые 10—12 лет после отмены крепостничества деятельность общины не носила активного характера. Но беллетристы 70-х годов описывают в деревне процесс возрождения общины. В стране учащаются общинные переделы земли, отчетливо просматривается стремление к уравнительному землепользованию. Массовость этого процесса заставляет привлечь к нему пристальное внимание. Этот процесс означал одновременно попытку бросить на произвол судьбы государство, замкнувшись в своих локальных мирах, отказ от роста и развития товарно-денежных отношений. Правительство, через реформы толкавшее страну на путь товарно-денежных отношений, столкнулось с мощной волной стремления крестьян укрепить локальные дотоварные отношения. Древняя, казалось бы, потерявшая силу под властью помещика община вновь активизировалась. Сравнительный анализ положения по 66 уездам различных губерний на 1880 и 1897-1902 годы показывает⁷¹, что за этот период процент общин, сохранивших беспеределное неуравнительное землепользование, уменьшился с 65 до 12. Общинно-уравнительные тенденции резко возросли, причем процент общин с наиболее уравнительным принципом передела — по числу едоков — вырос с 6 до 19%. Налицо явный возврат к древним уравнительным ценностям. По губерниям картина не менее впечатляющая. В Саратовской губернии процент общин, производивших передел, возрос за период с 1870 по 1900 годы с 33 до 63. Переделы по числу едоков произведены были в 41% общин по сравнению с 1% в 1870 году. Во Владимирской губернии с 1870 по 1902 год процент общин с уравнительным принципом распределения земли возрос с 20 до 94, в Московской губернии с 1870 по 1899 год — с 27 до 77. Причем повсеместно преобладает уравнительный принцип, возрастает удельный вес общин, перераспределяющих землю в зависимости от количества едоков. В упомянутых 66 уездах 68% общин бывших государственных крестьян изменили порядок разверстки в пользу уравнительности и только 11% — наоборот. По Саратовской губернии в 73% общин произведены уравнительные переделы и лишь в 10% наблюда-

⁷¹ См. богатый и интереснейший материал: *Вениаминов П.* Крестьянская община (что она такое, к чему идет, что дает и что может дать России?). [Б. м.], 1908.

лась противоположная тенденция, по Московской губернии в 90% общин переделы приняли более уравнительный характер.

Участилась купля земли общинами. С 1901-1903 по 1905—1906 годы она увеличилась в три раза, тогда как покупка отдельными домохозяевами снизилась. Рост товарно-денежных отношений в этой сфере фактически приводил к усилению общины. Общинное крестьянство, т. е. три четверти общей его численности, не только не намерено было отказываться от уравнительных принципов, но явно стремилось к их утверждению. Активизация древних ценностей — далеко не редкое явление в момент обострения социальных противоречий. Вероятно, такого типа социальный процесс имел место и в древности, когда возникавшая ограниченность земли приводила к ее периодическим уравнительным переделам. Каждый шаг в развитии товарно-денежных отношений, угроза перерастания умеренного утилитаризма в развитой усиливали набат древнего вечевого колокола, способного поднять на ноги несметные силы. Основная масса крестьянства с неохотой включалась в систему товарно-денежных отношений, противостояла дальнейшему их усилению, т. е. экономической необходимости капитализма. Перед слабым капитализмом возник грозный противник. Это был крестьянин, сформировавший свои представления в незапамятные времена и тяжело страдавший от перемен. По переписи 1897 года в деревне проживало 87,2% населения, причем грамотных там было 23,8% (по стране в целом — 28,4%). Сама практика общинных переделов показала ограниченность влияния утилитаризма: передел был невыгоден доброй половине крестьян, а некоторым наносил серьезный ущерб. Тем не менее крестьяне шли на это. Крестьянство неуклонно двигалось к торжеству локализма.

Эта активизация синкретизма получила свое выражение и в религиозной сфере. Усилилось движение к староверию, рост протестантских сект, что было еще одним свидетельством раскола почвы. Возросло стремление к языческой критике православия. Возникшая секта «хлыстов» пыталась вызвать ритуальными плясками — радениями — откровение святого духа, причем святой дух в понимании хлыстов — в сущности языческое «красное солнышко», которое обогреет «сирот бедных». «Духовные радости» хлыстов были проникнуты натурализмом крестьянских верований, в отделениях сект — кораблях — совершались языческие обряды ярилиной ночи. Количество староверов и сектантов в 80—90-х годах составляло не менее 20 млн., т. е. 20% всех православных и 13,6% всего населения

страны⁷². В высших кругах в середине века также отмечалось увлечение староверием.

Очевидно, что реформы не ослабили, а скорее усилили антимедиацию, т. е. массовое стремление вернуться к архаичным локальным формам жизни, основанным на натуральных отношениях, вернуться к миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность. Реформаторы же стремились к противоположным целям.

РАСКОЛ ПОЧВЫ

Ренессанс общины был ответом на развитие утилитаризма, товарно-денежных отношений. Умеренный утилитаризм перерастал в развитой, усилился процесс индустриализации, возросло значение денег, в частности, в результате появления на рынке после реформы гигантских денежных сумм. Некоторая часть крестьян шла по пути развития товарно-денежных отношений, занималась торговлей, промышленностью, земледелием на необщественных землях. Они обычно занимались и ростовщичеством. Если общине в нашей исторической науке явно не повезло, то развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве было любимой темой. Однако результаты этих исследований свидетельствуют об ограниченном и одностороннем росте товарно-денежных отношений. Например, производство товарной продукции в сельском хозяйстве крестьянами во второй половине XVIII века было «явлением спорадическим, даже исключительным»⁷³. Рост товарно-денежных отношений в России носил скорее циклический характер, чем прогрессивно нарастающий.

Проблема роста товарно-денежных отношений не может быть рассмотрена в отрыве от раскола. Высшая власть постоянно стремилась навязать крестьянству расширение масштабов товарно-денежных отношений, что было скрытой причиной конфликтов. Еще правительство Московского государства «с великими усилиями пыталось вводить денежные повинности в старинных культурных местностях суздальско-московской Руси; в земских уставных грамотах XVI века мы на каждом шагу чувствуем, как привык тогдашний плательщик к платежу натурой... Попытки ввести денежное обращение идут сверху, от

⁷² Пругавин А. Отщепенцы. СПб., 1884.

⁷³ Шапиро А. Л. Советская литература по проблемам истории русского феодализма в 1962 году // История СССР. 1963. № 4. С. 150.

правительства»⁷⁴. Петр I, да и все последующие правители практически проводили ту же политику. Например, министерство П. Д. Киселева при Николае I «всемерно поощряло перевод натуральных повинностей в денежную форму»⁷⁵. П. Милюков писал в конце прошлого века: «В классе крестьянском натуральное хозяйство процветало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный труд на рынок»⁷⁶. Современный автор считает, что государство заставляло крестьян увеличивать производство для рынка и для того, чтобы они учились больше производить⁷⁷.

Причина этого — не только возрастающая нужда государства в деньгах, но и стремление создать рынок для промышленности, которая задыхалась без сельского рынка, что заставляло ее ориентироваться на сбыт своей продукции государству. Однако рост товарно-денежных отношений еще не являлся свидетельством, что производственная жизнь крестьян, массовый менталитет перестраиваются на основе рыночных и тем более капиталистических принципов. Этот рост носил для большинства крестьян внешний характер. «В крестьянском хозяйстве, как имеющем ремесленную организацию производства, так и работающем „на скупщика“, отсутствуют элементы капиталистического характера. У крестьянина нет, как и в промышленной работе на скупщика, капитала в истинном смысле этого понятия, так как он заменяется здесь простыми орудиями производства, которые должны быть во всяком, даже чисто натуральном хозяйстве. Здесь нет, следовательно, и экономических последствий применения в производстве капитала, т. е. нет прибавочной стоимости и капиталистического стремления получить ее эксплуатацией наемной рабочей силы. В хозяйстве нет также и ренты...»⁷⁸. Крестьяне, по крайней мере подавляющее большинство, могли производить продукты, которые через покупателей попадали в капиталистический оборот. Но сами они своим строем жизни и ментальностью ему противостояли. Мало этого. Следует обратить внимание на крайне важное обстоятельство, проливающее свет на скрытые тенденции крестьянства. «В продажу поступает не только тот хлеб,

⁷⁴ Покровский. М. Н. Местное самоуправление в Древней Руси// Мелкая земская единица. Вып. 1. С. 199.

⁷⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 38.

⁷⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1. С. 67.

⁷⁷ Анфимов А. М. Особенности аграрной истории России. М., 1960.

⁷⁸ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. 3-е изд. Л., 1924. Т. 1. С. 62-63, 255.

который является излишним за покрытием собственного довольствия, но и тот, который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой»⁷⁹. Торговля хлебом превращается в его залог под проценты, т. е. приобретает далекие от капитализма формы. Отсюда мощное накопление ненависти к росту товарно-денежных отношений даже в их докапиталистической форме, что угрожало разгромом товарно-денежных отношений с архаичных дорыночных позиций. Без учета этой постоянно тикающей мины, заложенной в фундамент государственности, невозможно понять историю страны. Крестьянин мог вести полностью натуральное хозяйство, а получатель крепостнической и натуральной ренты мог продавать ее в качестве товара⁸⁰.

Постоянная необходимость крестьян продавать, чтобы потом покупать, имела еще одну важную сторону. По сути дела, это было приспособлением к принудительному изъятию хлеба по заниженным ценам. Общество как бы стихийно приспособлялось к своей собственной неспособности установить сбалансированные цены, нормальные экономические отношения между городом и деревней, обеспечить то, что впоследствии стало называться «смычкой города и деревни» путем стихийного создания механизма принудительной экспроприации хлеба, т. е. некоторой скрытой продрозверстки. Здесь не было еще прямого насилия, изъятия хлеба, но создавалась ситуация, когда крестьяне вынуждены были осенью продавать свой хлеб, включая и необходимый для пропитания. Эта продажа была необходима для выплаты государству. За недоимки крестьяне наказывались не только изъятием имущества (например, коровы), а также, по старой традиции, они подвергались телесным наказаниям. Положение изменилось лишь в результате отмены выкупных платежей в 1907 году. Поэтому реальный рынок хлеба в стране начал складываться лишь с этого момента, незадолго до начала первой мировой войны, т. е. существовал лишь краткий миг, не оставивший глубокого следа в ментальных структурах миллионов людей.

Между тем крестьянская реформа в конечном итоге открывала путь силам, которые вступали в противоречие с древним менталитетом. Она расширяла возможности личной инициативы, возможности менять занятия, продавать и приобретать землю. Этот разрушительный для синкретизма процесс приобретал подчас крайне болезненные формы. Незрелость утилитаризма проявлялась часто в том, что рост творческой инициати-

⁷⁹ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. С. 243, 251.

⁸⁰ Чаянов А. В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Чаянов и Восток. М., 1991. С. 185.

вы был направлен не столько на производство, на созидание ценностей, сколько на использование сложившихся условий для закабаления соседа, для захвата чужих ценностей. Это стимулировало стремление найти виновника, оборотня, несущего зло. Им могли быть все те же начальство, студенты, евреи.

Однако для поднимающейся волны синкретической реакции существовал более близкий враг. Это был свой же сосед-крестьянин, который лучше приспособлялся к новым формам жизни, шел по пути перехода от умеренного к развитому утилитаризму, ослаблял свои узы с древней общиной. Те, кто пошел по пути развитого утилитаризма, получили название «кулаки» и «мироеды». Раньше, в 60-70-е годы XIX века, так называли лишь кабатчиков и ростовщиков. Теперь эти ярлыки оборотней зла распространялись на значительную часть деревенского населения. Манихейство «творчески» развивалось. К. Качоровский писал: «Существовал слой крестьян, связанный с культурными и экономическими формами индивидуализма». Он составлял контраст с «некультурным союзно-трудовым бытом массы народа». Очевидно, «тотчас же должна была начаться борьба между этими двумя социальными типами, борьба не на жизнь, а на смерть». Внутри общины усилились столкновения между двумя принципами жизни. Одна Правда противостояла другой. «Насколько плуг берет глубже сохи, настолько глубже укореняется и личное право; аргумент: „сколько я пота пролил“ — уступает перед аргументом: „сколько я навоза ввалил“, в праве труда выступила за человеческой силой затрата силы лошадиной и других средств производства. И это трудовое право, доставляемое лошадиной силой, служит рычагом, все резче разлагающим общину и застопоривающим уравнилельно-передельный ее механизм... Скоро плотные ряды „заможных“ антипередельцев как-то разрознились и сжались островками среди волнующихся и напиравших на них сторонников передела, лица их помрачнели, голоса охрипли и потонули в реве толпы: видно было, что за передел стоит значительное большинство»⁸¹.

Наступление уравнилельности постепенно превратилось в борьбу сел и деревень «против заимок и хуторов». В 70-х и 80-х годах эта борьба составляла «по-видимому главное содержание и во всяком случае — наиболее резко бросающееся в глаза явление в области земельных отношений...» Хуторян заставляют «подчиняться общим для всех... порядкам выпаса скота... Заимщики уклоняются от участия в деревенских нату-

⁸¹ Качоровский К. Народное право. С. 18, 153, 178.

ральных повинностях — их заставляют бросать заимки и переезжать на жительство в деревни»⁸². Усиливалась внутриобщинная регламентация, которая распространялась также и на хутора. Подвергаемая разнообразным формам насилия, часть крестьян обращалась к властям с просьбой защитить их жизнь и здоровье⁸³.

Возникла новая, самая глубокая и самая трагическая форма раскола. Расколелась народная почва. Раскол разделил миллионную толпу народа на две враждебные группы, между которыми исчезало взаимопонимание. Раскол прошел между умеренным и развитым утилитаризмом. Он приобрел в сознании общества искаженную форму раскола между кривдой и Правдой, между силами, стремящимися к социализму, к народному благу, и силами, стремящимися к людоедскому эгоизму, к капитализму.

Было бы ошибочным расценивать меньшинство как людей, принявших капиталистические ценности, перешедших на позиции активного предпринимательства, ориентированных на освоение новых видов производства, на повышение культуры земледелия, производительности труда. Вообще проблема развития капитализма в российской деревне требует более глубокого изучения, так как есть основания думать, что раньше здесь было больше идеологизированных мифов, чем осмысления объективных процессов. Система ценностей меньшинства в основном характеризовалась задачей освобождения от власти общины — внешней силы на локальном уровне, большей ориентацией на рынок. Меньшинство стремилось быть хозяином для достижения более высокого эффекта своего труда, для расширения сферы своей инициативы. Развитой утилитаризм боролся не столько с капитализмом, сколько с предшествующими ему формами утилитаризма.

Отношения между расколотыми слоями почвы постепенно достигали крайней степени обострения. Среди крестьян было распространено «убеждение, что земля не может составлять чьей-либо собственности, а должна состоять в пользовании только трудящихся и что поэтому необходимо произвести принудительное отчуждение всех частновладельческих земель»⁸⁴. В приговоре крестьян села Елховки Нижегородской губернии сказано: «Чтобы поднять экономическое положение крестьян и установить Правду и справедливость на земле, вывести нас,

⁸² Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 35.

⁸³ Крестьянское движение в России в 1890-1900 гг. М., 1959. С. 232. Документ 1893 года.

⁸⁴ Правительственный вестник. 1906. 20 июня.

крестьян, из столь тяжелого положения, необходимо... добиться, чтобы земля стала общим достоянием всех трудящихся, чтобы каждый имел возможность иметь столько земли, сколько он может обработать своей семьей без найма рабочих... Земля должна принадлежать обществам, а не отдельным лицам и находиться в пользовании обществ бесплатно». Именно в вопросе уравнительного передела всей земли выявился раскол внутри самого крестьянства, расхождения, подчас доходящие до вооруженных столкновений. Так, в октябре 1905 года в Черниговской губернии крестьяне после разгрома помещичьей усадьбы пытались полностью осуществить принцип уравнительного передела и принялись отбирать у более состоятельных односельчан лошадей и потребовали денег. В результате были убиты пятнадцать человек⁸⁵.

Имели место случаи разгрома имущества богатых крестьян. В жандармском сообщении из Пензенской губернии читаем: «Настроение крестьян весьма враждебное не только в отношении помещиков, но даже и в отношении тех крестьян, которые владеют землей». «У нас не должно быть гладких, пусть лучшие все будут шершавые», — говорили саратовские крестьяне в 1905 году, объясняя аграрные беспорядки, которые уже тогда не ограничивались помещичьими имениями, а обращались и против более достаточных крестьян. «И под знаком подобного поравнения проходила вся современная земельная разруха»⁸⁶. Теперь уже вражда, ненависть прошла не между народом и начальством с белыми пуговицами, а между самими общинниками. Община стала ареной раздоров между соседями. Страшная болезнь раскола все глубже врезалась в тело народа.

ОБЩИНА: ДА ИЛИ НЕТ?

Правящая элита испытывала возрастающую обеспокоенность положением крестьян и их настроением. С. Витте в письме к царю в 1898 году говорил, что «крестьянский вопрос является нынче первостепенным вопросом жизни России». Правящая элита искала путей к крестьянству. В проекте так называемой булыгинской думы содержалась явная ориентация на крестьянство, крестьянским выборщикам предназначалось не менее трети мест. Специальное совещание под председательством царя, посвященное подготовке Думы, рассматривало

⁸⁵ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. М.; Л., 1925. С. 98-109.

⁸⁶ Котляревский С. А. Оздоровление// Из глубины. М., 1989. С 187 (курсив мой. — А. А).

крестьян как «ценный балласт, который придаст устойчивость кораблю — Думе в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли».

На заседании Совета министров 24 января 1906 года было решено, что крестьянский вопрос имеет «бесспорное первенствующее значение», от разрешения его зависит весь правовой уклад местной жизни и экономическое будущее России.

Недоимки катастрофически возрастали. В 1875 году их сумма не превышала 29 млн. руб., в 1900 году они составили 119 млн. Если в 1871-1875 годах процентное отношение крестьянских недоимок к годовому окладу по Симбирской, Тульской и Казанской губерниям соответственно составляло 5, 3 и 4%, то в 1898 году они уже составляли 277, 244 и 418%. В 1886 году министр внутренних дел граф Д. Толстой доказывал: «Так продолжаться не может, отовсюду я получаю известия о поголовном разорении, еще несколько лет — и мы дойдем до пугачевщины». Как и в Смутное время, наблюдалась «шаткость в умах и общественная рознь, то же пренебрежение к нравственным основам жизни... падение всякого авторитета власти среди крестьян»⁸⁷. Крестьянство обрывало свои связи с государством, отказывалось платить.

Тревога правящей элиты особенно усилилась после голода 1891-1892 годов. Правительство пыталось снять остроту земельного голода и ослабить налоговый гнет. Были понижены выкупные платежи, отменена подушная подать. Власть пыталась сочетать свое устремление к авторитаризму с уступками крестьянству. Она шла навстречу древним ценностям. Аграрное законодательство способствовало консервации патриархальных отношений в деревне: ограничивались семейные разделы с целью воспрепятствовать дроблению крестьянской семьи. Ориентация власти на архаичное крестьянство главным образом получила выражение в политике сохранения общины. С. Витте полагал, что «общинное землевладение наиболее способно обеспечить крестьянство от нищенства и бездомности». Община была удобна в фискальных целях, правительство могло ее полностью подчинить чиновникам. По закону от 14 декабря 1893 года запрещался выход из общины крестьянам, досрочно погасившим выкупные платежи. Николай II усиленно сопротивлялся мерам, которые могли бы подорвать общину.

Правящая элита все больше увязала в неразрешимом противоречии. С одной стороны, в обществе развивалась промышленность, социальные слои, связанные с прогрессивными формами производства. С другой стороны, значительная часть

⁸⁷ Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 50, 18.

страны находилась, по словам Витте, в «некультурном (диком) или полукультурном виде». *Правящая элита пыталась теперь решать медиационную проблему, согласившись с ценностями общины, локализма. Тем самым правящая элита вписывалась в определяющую на этом этапе массовую инверсию, что объективно было поддержкой разрушительного для большого общества локализма.* Эта политика не могла долго продолжаться. Для самого существования государства было необходимо обеспечить неуклонный прирост творческой энергии, экономического роста, развитие, повышение доходной части бюджета. Это требовало политики, покровительственной в отношении промышленности и торговли. Потребности обороны также диктовали необходимость развития транспорта, промышленности. Власть стояла перед необходимостью ориентации на социальные слои, связанные с системой товарно-денежных отношений. Но это, в свою очередь, требовало отказа не только от курса на авторитаризм, но и от политики поддержки уравнилельных ценностей, т. е. ценностей большинства. В декабре 1904 года был издан указ, который возлагал на комитет министров обязанность изыскивать меры для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов. Однако противоречивость ситуации толкала Николая II в противоположную сторону, провоцируя хромающие решения. Попытки прогрессивных реформ показались правящей элите угрозой государственному строю. Исполнение указа от декабря 1904 года встречало все больше препятствий, и вся деятельность в соответствии с этим постановлением прекратилась.

В ноябре 1905 года был выработан законопроект о принудительном отчуждении части помещичьих земель с соответствующим выкупом их в том случае, если помещик добровольно не соглашался на продажу земли крестьянам по сходной цене. По свидетельству управляющего земским отделом министерства внутренних дел В. Гурко, правительство готово было в это время «передать в руки крестьянам если не всю, то значительную часть земельных владений частных лиц»⁸⁸. В октябре 1905 года профессор П. Мигулин предлагал отчуждение в пользу крестьян около половины помещичьих земель, причем немедленно. Однако власть не решилась на осуществление столь радикальных проектов. Боязнь ущемить помещиков не могла иметь для нее определяющего значения: опасность крестьянских бунтов была страшнее. Подобные меры не соответство-

⁸⁸ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 42-43.

вали важнейшему элементу системы ценностей медиатора — экономическому укреплению крестьянства, обеспечению его платежеспособности. Власть не решалась пойти по пути всеобщего уравнительного перераспределения земли, что лишь ухудшило бы положение сельского хозяйства. Правящая элита все время стояла перед убийственной альтернативой: либо идти навстречу системе ценностей большинства и тем самым снизить творческий потенциал сельского хозяйства, либо сохранить очаги с более высоким потенциалом и тем самым разойтись с большинством. Урожай хлебов на помещичьих землях были существенно выше и возрастали быстрее⁸⁹, не говоря уже о том, что качество зерна там было выше. Оба решения могли иметь катастрофические последствия. В этой связи все острее становилась проблема существования общины — оплота синкретизма.

В среде правящей элиты росло влияние противников общины. Они видели главную причину неурожаев в пределах общинной земли, «которые повторяются в неопределенные сроки по усмотрению сельского схода, ставя крестьян в полную неуверенность относительно продолжительного пользования ими данными участками земли»⁹⁰. Статс-секретарь А. А. Половцов называл общинную систему земледелия «табунным ковырянием земли»⁹¹, предупреждал о катастрофе, которой угрожало сохранение общинного землепользования. С. Витте, ссылаясь на массовые обследования земствами общинных порядков, на выводы, полученные на местах, соглашался с тем, что община, уравнительное землепользование «убивает основной стимул всякой материальной культуры» вследствие «временного владения и зависимости от большинства $\frac{2}{3}$ домохозяев, в том числе и тех, которые запустили хозяйство по неумению, лени и нерадению и которые... стремятся пожить за счет более хозяйственных...». Витте предостерегал против смешения «начал первобытного экономического строя и высококультурного». «Временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли: все сводится к тому, чтобы спяхать побольше, хотя и как-нибудь...» Витте называл общину «патриархальной организацией, давно исчезнувшей в других странах»⁹². Он рассматривал общинные порядки как величайшую несправедливость, деморализующую население и уни-

⁸⁹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 329.

⁹⁰ Неурожай и опасность народного бедствия. СПб., 1892.

⁹¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 9.

⁹² Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 105, 112, 124, 107, 122.

чтожающую в корне понятие о праве и гражданской ответственности.

Возобладало мнение тех, кто меньше считался с системой ценностей крестьянства. Было ясно, что раздел земли может отсрочить катастрофу, но не предотвратить ее, что выход нужно искать в интенсификации крестьянского хозяйства и переселении части семей на новые земли.

Община являлась мощным бастионом синкретизма, силы которого не только не ослабевали, но и укреплялись.

Отступление от авторитарного курса вновь усилило влияние на правящую элиту либеральных сил. Реформы, начавшиеся в 1861 году, продолжались. Стимулом для дальнейшего углубления реформы послужило катастрофическое поражение в войне с Японией. Сама логика либерализации, активизации инициативы толкала к следующим шагам. От ликвидации помещичьего и государственного крепостничества, что не привело к осуществлению оптимистических надежд, общество двинулось дальше — попыталось освободить личность крестьянина из-под власти усиливающейся общины. В соответствии с Положением от 19 февраля 1861 года «свободный сельский обыватель» должен быть приписан к определенному «обществу» и не мог без его разрешения отлучиться. «В состоянии податных безвестное отсутствие или *самовольная отлучка считается побегом* и подлежит наказанию» (Общее положение... от 19 февраля). «Мир» имел право наказывать и ссылать. Неплательщика или члена его семейства можно было отдать в частные и мирские работы «для заработка недоимок», подвергнуть телесному наказанию до 20 розог, отдать в рекруты. Так как большак представлял семью, то он пользовался соответствующей властью по отношению к младшим ее членам. О характере общинного крепостничества можно судить, например, по такому факту. С 1861 по 1882 год число семейных разделов в 46 губерниях составило 2,4 миллиона. Из них только 12,8% получили разрешение сельских сходов⁹³. Некоторые ограничения свободы личности отменялись (например, круговая порука), однако это мало меняло общую картину.

9 ноября 1906 года Николай II утвердил указ, по которому «каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли». *Это означало отказ от поддержки общины, решительный поворот в политике правительства.* Правящая элита перемещала центр тяжести своей системы ценно-

⁹³ Леонтьев А. А. Законодательство о крестьянах после реформы// Великая реформа. Т. 6. С. 173.

стей от архаичного крестьянского большинства в сторону меньшинства. В гигантском конфликте, который расколол крестьянство, правящая элита заняла позицию, благоприятную для экономически активного, ориентированного на товарно-денежные отношения меньшинства. Закон от 14 июня 1910 года и положение о землеустройстве от 29 мая 1911 года были направлены на разрушение общины. Это был исторический поворот. Обращает на себя внимание исключительная смелость власти, не побоявшейся в период нарастания синкретической реакции фактически бросить вызов большинству крестьянства, нанести удар локальному миру. *Причину этой смелости следует искать в непонимании силы общины. Этому способствовала атмосфера, связанная с основным заблуждением массового сознания, что сама община якобы была создана правительством в своих интересах и, следовательно, правительство могло ее ограничить, оттеснить, уничтожить.*

Центральной фигурой этих реформ был глава правительства П. А. Столыпин (1862-1911). Он руководствовался соображениями об «оскудении земледельческой России», о том, что крестьянство является «самой большой, самой слабой частью» государства, что оно «хиреет», что необходимо освободить его «от тисков», т. е. от общины⁹⁴. Его политика была направлена на формирование в обществе среды мелких и средних собственников, которая повсеместно служит оплотом и цементом государственного порядка. Конечной целью новой политики было создание единоличных владений в форме отрубного и хуторского хозяйства. Лишь развитие у крестьян инстинкта собственности, освобождение наиболее энергичных и предприимчивых крестьян от гнета мира могут поднять деревню и упрочить ее благосостояние. «Правительство,— говорил Столыпин,— ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»⁹⁵, т. е. отказывалось от поддержки уравнительной справедливости в пользу справедливости, основанной на стремлении к большей эффективности.

Хотя эти соображения и кажутся убедительными, следовало бы тем не менее задать вопросом, способна ли власть вообще решать эту задачу, да еще в ограниченные сроки. Столыпин оказался жертвой все той же трагической иллюзии всемогущества государства. Кроме того, не было исследований, доказывающих, что ликвидация общины явится реальной предпосылкой экономического подъема. Фактически уровень сельского хозяйства в России был столь низок, что в чисто экономическом плане община, как это ни парадоксально, не изжила себя.

⁹⁴ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 87, 94, 97.

⁹⁵ Стенографический отчет 3-й Государственной Думы. С. 2283.

Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже⁹⁶. Община может быть выгодна для крестьян в условиях «примитивной культуры и дешевизны сельскохозяйственных продуктов»,— полагал С. Витте⁹⁷. Община на том уровне не исключала и определенного ограниченного прогресса земледелия. Например, незадолго до начала первой мировой войны целые уезды с преобладающей общинной формой землепользования переходили на более прогрессивную плодосменную систему.

Страна встала перед роковым противоречием. С точки зрения мировых достижений общинное земледелие было непродуктивной архаикой, но с точки зрения непосредственных носителей этой системы переход к более сложным формам хозяйства представлялся неоправданным и в значительной степени невозможным.

Либеральные идеи, положенные в основу реформы П. А. Столыпина, опять-таки носили ограниченный и абстрактный характер. А в бюрократическом истолковании они приобрели характер своеобразной антиобщинной инверсии. Община стала отождествляться со всем, что было негативного в деревенской жизни: круговой порукой, чересполосицей, бюрократическим нажимом, низкой культурой земледелия, отсутствием инициативы и стремления к прогрессивным новшествам и т. д.

Непосредственным и самым существенным результатом реформы явилось усиление раскола в крестьянстве. Правительство с присущей ему бюрократической прямолинейностью перешло на позицию поддержки интересов меньшинства, тогда как основная масса крестьянства стойко сопротивлялась политике, ориентированной на сильных. За период до 1 сентября 1914 года только 26,6% пожелавших выйти из общины получили согласие своего общества, 72,3% из выделившихся должны были для этого прибегнуть к помощи полиции или войск⁹⁸. Выделилось около одной пятой всех крестьян, т. е. меньшинство, хотя и значительное. Упорное сопротивление выходу из общины весьма убедительно объяснил саратовский губернатор: «Существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание. Доискиваясь причины этого зла, нельзя не останавливаться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения землей,

⁹⁶ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. С. 147.

⁹⁷ См.: Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 45.

⁹⁸ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 211.

общинного строя. Строй этот вкоренился в понятие народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил; он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. Вместе с тем, у русского крестьянина страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого деятельного и умного, то лучшие элементы деревни должны быть принижены к пониманию и стремлению худшего инертного большинства»⁹⁹.

Столыпинскую реформу можно охарактеризовать как беспрецедентную попытку высшей власти перестроить общество на атомарном уровне, предпринятую без страха перед последствиями такого вмешательства. Это вмешательство не увенчалось успехом.

Крах столыпинской реформы фактически означал, что альтернативная линия на переход страны к либеральной цивилизации, на освоение ценностей правового государства, частной инициативы, на переход к господству интенсивного производства зашла в тупик. Движение вперед было отрезано массовым нежеланием крестьян встать на путь частной инициативы. Но вместе с тем и путь назад, т. е. формирование государства, всей социальной и хозяйственной структуры, политической надстройки, соответствующих архаичным ценностям большинства, уравнительной справедливости, автаркии локальных сообществ, явно угрожал хозяйственным банкротством.

Страна раздиралась явными и скрытыми противоречиями. С одной стороны, общество пыталось идти вперед, развивая либеральные политические формы, пытаясь стимулировать частную инициативу, экономическое развитие. Но, с другой стороны, социальная расстановка сил менялась в пользу противоположных сил, что проявлялось в двойственности самой политики правящей элиты, в хромающих решениях, в шараханье от одной политики к противоположной, в попытках совместить несовместимое, продолжать Великие реформы и одновременно идти путем контрреформ. Мощная активизация общинных отношений, казалось бы, могла привести к возврату к каким-то давно ушедшим этапам развития общества. Но этому мешало усиление потребностей общества в росте разнообразных ресурсов, что вынуждало двигаться в противоположную сторону. В результате нарастало социокультурное противоречие между массовой архаичной культурой и теми отношениями, которые были необходимы для обеспечения роста потребления. Одним из последствий этого противоречия был

⁹⁹ Крестьянское движение в России. 1907-1914 гг. М.; Л., 1966.

разрыв между потенциальными возможностями работника, культурой труда и управления и каждой попыткой общества сделать шаг вперед. «Представители нашего землевладельческого сословия не в состоянии обеспечить доходность своих поместий, не только не могут поднять уровень сельского хозяйства, но не способны вообще сколько-нибудь толково заведовать своими имениями, а потому отрываются от земли, причем постепенно разоряются. Не в лучшем положении находится торгово-промышленный класс; его молодые силы также не обладают теми познаниями и свойствами характера, что требуют современные условия жизни от лиц, занимающихся торговлей или промышленностью»¹⁰⁰. Недостаточная склонность «к торгово-промышленной деятельности... объясняет в значительной степени ослабление производительности страны, малое использование ее естественных богатств». Автор связывал это с плохим состоянием образования. Речь идет не о неспособности овладеть более сложной техникой, технологией, но прежде всего о формах труда, связанных с выходом за рамки господства натуральных отношений, о тех формах, которые требуют ориентации на рынок, на подчинение человеческих отношений постоянно меняющимся проблемам все более сложного общества. Поэтому страна «занимала последнее место среди других великих мировых держав...». С 1905 года «экономическое положение проявляет грозные признаки ухудшения: количество многих производимых страной ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят все в большее расстройство»¹⁰¹. Налоговое бремя составляло в стране 15 рублей на душу из годового дохода (1904 г.). Этот налог почти вдвое меньше, чем у народов Западной Европы, однако переносился он с гораздо большим трудом, так как на Западе он выплачивался из безмерно большего дохода. Значительная часть хлеба вывозилась, что, без сомнения, усугубило продовольственные затруднения и голод после начала мировой войны. Уже в 1915 г. прошли сотни голодных бунтов. Германия в 1904 году, которая, как и Россия, производила в 1904 г. 26 пудов хлеба на душу населения, вывозила хлеб из России. Соответственно душевое потребление хлеба составило в том же году в России 18,34 пуда (т. е. упало по сравнению с 1894 годом на 20%) против 28,06 пуда в Германии. Из великих держав того времени потребление хлеба нигде не падало ниже 23 пудов. Налицо были «грозные признаки оскудения»¹⁰².

¹⁰⁰ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. С. 226—227.

¹⁰¹ Там же. С. 18.

¹⁰² Там же. С. 10, 5, 6, 15, 75.

«ИДИТЕ БИТЬ СТРАЖУ И СОБСТВЕННИКОВ!»

Новый этап раскола стал отливаться в новые мировоззренческие формы. Крестьянское большинство стало отождествлять тех, кто выходил из общины, с начальством, с помещиками. Депутат Думы крестьянин А. Кропотков говорил в своем выступлении: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников... Этот закон восстанавливает нас друг против друга». «И только начинают его применять в нашей местности, как с применением этого закона у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома». 18 сентября 1908 года самарский губернатор сообщал об имевшем место избиении односельчан, пожелавших выделиться из общины. Они могли пахать лишь под охраной. Крестьянин И. Болтышев, «искренний патриот отечества и верноподданный его величества», как он именовал себя в письме к Столыпину от 9 ноября 1906 года, из своих личных наблюдений делал следующие выводы: «Закон 9 ноября производит страшную пертурбацию в среде крестьян, и по моему убеждению в законе 9 ноября зарыто начало очень серьезной будущей всеобщей революции». Настроения крестьян, по-видимому, выразились в призыве крестьянина села Домашки Самарской губернии, который в 1911 году выступил во время акта межевания: «Бейте в набат, берите вилы, колья. Что вы стоите? Идите бить стражу и собственников!» В результате последовавших столкновений были с обеих сторон раненые, трое из них умерли¹⁰³. В характерном лозунге, выкликнутом Балмашевым, отразилась *ненависть к собственникам*, т. е. к тем, кто отринул общинные ценности и действует вкупе с начальством. *Их, как и начальство, отождествляли с силами зла.*

Сведению воедино крестьян-собственников и начальства способствовали бюрократические методы, которыми проводилась реформа. Одним из свидетельств этого явилась проникнутая большим драматизмом речь правого депутата крестьянина В. Образцова, утверждавшего, что даже мобилизация всей русской армии не позволит юридически и фактически превратить 50 млн. крестьян-общинников в личных собственников. «От неумеренного применения закона 9 ноября, — говорил он, — к осуществлению которого, в течение последнего полугодия, правительство приняло особые меры давления, образовалась

¹⁰³ Крестьянское движение в России. 1907-1914 гг. С. 286.

величайшая опасность не только для благосостояния, но и для самого существования России. Опасность эта чрезвычайная...»

Столыпинская реформа столкнулась с непреодолимой преградой. Исследования показывают, что «столыпинская аграрная реформа провалилась еще до первой мировой войны. В целом крестьянское землепользование осталось низкотоварным, надельно-натуральным... Реформа не привела к сдвигу в развитии земледелия...» Особенно интересен и неожидан вывод, что «земледелие все в большей мере основывалось на середнячко-бедняцких слоях деревни. Столыпинская реформа не только не прервала эту тенденцию, но в начале XX в. еще более усилила ее... В целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замышлялось, но их роль даже заметно уменьшилась». Налицо было «нежелание основной массы крестьян выходить из общины и общая малочисленность зажиточной прослойки в деревне...»¹⁰⁴.

Крестьяне, выделившиеся из общины, не могли стать достаточно прочной опорой власти, так как частично разорялись, частично продавали землю и уходили в город, частью включались в общекрестьянский конфликт с властью, требуя уравнительного передела. В этом сказался *просчет правящей элиты, являющийся следствием основного заблуждения русской интеллигенции, той иллюзии, что стоит лишь снять внешние утеснения (в данном случае — общину), и начнется процесс, благотворный для общества, для творчества свободных людей.* Заблуждение это выявилось также и в точке зрения, что творчество обязательно будет конструктивным для общества и государства. *В действительности рост творчества на локальном уровне может быть разрушительным для медиатора.* Власть втянулась в конфликт с массовой силой общества. Убийство Столыпина лишь символизировало крах реформы. *В конечном итоге реформа была сорвана массовым сопротивлением крестьянства.* Тем не менее определенные экономические результаты реформы заслуживают внимания. Часть новых отрубников и хуторян успела сделать кое-что для улучшения своего земледельческого хозяйства, повышения производительности земли. Большими темпами росла крестьянская кооперация. Ощущались экономические сдвиги. *Однако основное историческое значение этой реформы заключалось в том, что она послужила важным звеном в развитии мощной нарастающей активизации массовой уравнительности, в нарастании эффекта бумеранга, что и явилось определяющим*

¹⁰⁴ Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа // История СССР. 1991. № 2. С. 63, 65, 67, 68.

фактором дальнейшей динамики общества, а не в тех или иных ограниченных и покоящихся на зыбкой почве экономических достижениях. Господство умеренного утилитаризма толкало к уравнительному перераспределению земли, к ее приобретению не за счет собственного труда, а за счет помещика, крестьянина-соседа. На этом пути невозможно существенно поднять производство. Большинство рассматривало деятельность правительства как бесовскую, разрушительную. Это отношение стимулировалось, в частности, тем, что власть стала на сторону разрушительной уравнительности, а также тем, что она толкала к рынку, заставляя платить денежный налог.

Советские историки, склонные везде искать классовую борьбу, ищут истоки раскола крестьянства чуть ли не с конца XVIII века¹⁰⁵. Действительно, борьба внутри крестьянства против более богатого соседа, резко усиливавшаяся с начала XX века, началась гораздо раньше. Но это не была борьба «сельской буржуазии» (кулаков) и «сельского пролетариата» (бедняков).— *Это было сопротивление носителей древних уравнительных идеалов против развивающегося утилитаризма, против тех, кто разрушал, или казалось, что разрушал, этот древний уравнительный образ жизни.* Эта форма раскола имела особенно тяжелые последствия для страны, так как она непосредственно вторгалась в повседневную жизнь почти всего народа.

«ВЗЯТЬ В РУКИ ДУБИНУ И СОКРУШАТЬ ВСЕ»

Набирающий силы утилитаризм получил поддержку и у растущих по численности рабочих, проживавших в городах. Русский рабочий — вчерашний крестьянин, оказавшийся в условиях городской жизни, но остававшийся тесно связанным с деревней. На Западе рабочие рекрутировались из городских ремесленников и свободных крестьян, тогда как в России — главным образом из крепостных крестьян, общинников. Немаловажным фактором было то обстоятельство, что фабрично-заводские предприятия часто возникали вне городов, т. е. там, где имелась избыточная рабочая сила. К 1902 году 57% предприятий и около 58% рабочих размещались в сельской местности¹⁰⁶. Из числа вновь поступивших на Трехгорную ману-

¹⁰⁵ См. подборку литературы в кн.: Федоров Б. А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800-1860. С. 111.

¹⁰⁶ Погожее А. В. Учет численности и состав рабочих России. СПб., 1906. С. 51.

фактуру в 1880-1882 годах крестьяне составляли 60%, а в 1889-1890 годах — 77%.

Власть земли, поскольку рабочий живет на зарплату, замещается в его сознании властью денег, этого всеобщего эквивалента жизненных благ. В этих условиях формировалась *неустойчивая, маргинальная система ценностей*. Целиком завися от зарплаты, он не мог не видеть в ней важнейшего элемента своей системы ценностей, что создавало почву для чисто утилитарного конфликта с хозяином. Этот конфликт по существу означал отрицание принципа патернализма — права хозяина определять объем потребностей рабочего. Рабочий прокладывал себе путь к либеральным ценностям, сознавая правомерность диалога, спора сторон во имя достижения компромисса. Но это не исключало возможности обращения к идеалу, который чужд компромиссу и доводит любой конфликт до бунта. В то же время синкретический груз мешал безболезненному замещению власти земли властью денег: стремление к деньгам, от которых зависела вся жизнь рабочего, не могло не сочетаться с ненавистью к жизни, в которой деньги играют столь важную роль. Рабочий Орлов, литературный персонаж Горького, мечтал «уничтожить копейку». Рабочего не покидало чувство вины, поскольку он вынужден был приспособляться к жизни, не соответствующей Правде и греховной по существу. Отсюда поиск виновников, темных сил, оторвавших человека от жизни по Правде. Раскол почвы переносился из города в деревню.

Рост недовольства усиливался и в городе, прежде всего среди рабочих. Тесно связанные с деревней как родственными связями, так и своей системой ценностей, рабочие отличались от крестьян более сильным утилитаризмом, стремлением бороться за материальные блага. Вот образец мировосприятия городских низов. Это текст речи, произнесенной на улице перед шествием народа к царю 9 января 1905 года: «Товарищи, вы знаете, зачем мы идем. Помните ли вы Минина, который обратился к народу, чтобы спасти Русь? Но от кого? От поляков. Теперь мы должны спасти Русь от чиновников, под гнетом которых мы страдаем. Из нас выжимают пот и кровь. И вот, товарищи, мы идем к царю. Если он наш царь, если он любит народ свой, он должен нас выслушать». Здесь недвусмысленно ставится под вопрос роль царя как носителя Правды, ему предложено испытание, быть может, последнее.

Требование Правды неотделимо от утилитарных требований улучшения условий жизни. Рабочие, в отличие от крестьян менее связанные с традициями, добивались осуществления своих утилитарных целей, становясь в конфронтацию к хозяе-

вам и власти и доводя ее подчас до крайних форм. Забастовки стали обычным явлением, их запрет лишь приводил к ожесточению конфликтов. Министр внутренних дел в 1897 году писал: «Обращает на себя особое внимание образование в последнее время среди рабочих так называемых „боевых дружин“, т. е. групп наиболее революционно настроенных рабочих, которые путем угроз и насилий принуждают менее решительных рабочих присоединиться к стачке или препятствуют желающим стать на работу, а также подвергают всякого рода насилиям, до убийства включительно, рабочих, влияющих на товарищей в смысле прекращения забастовки или заподозренных в обнаружении перед полицией или фабричной администрацией главных стачечников». Один текстильщик заявил: «Нет другого выхода, как взять в руки дубину и сокрушать все, что мешает нам жить». Архаичная психология крайностей в сочетании с древней и вечно молодой верой в возможность борьбы со злом, сокрушая его силой, налицо. В России, где господствовало инверсионное сознание, забастовки были частым и бурным явлением. В этой области с ней вряд ли могла в то время сравниться какая-либо другая страна. Возможность бунта перемещалась вместе с рабочими в город, где, однако, могли существенно возрасти масштабы бунта.

КОНЕЦ ТАЙНЫ

Рост недовольства и беспорядков в городе и деревне стимулировало сближение широких масс и неэлитарной интеллигенции. Непосредственно это выразилось в том, что новые слова, в которые интеллигенция облекала элементы массового сознания, стали проникать в толщу народа. «Раньше можно было думать, что народная душа недоступна и непроницаема для проповеди интеллигенции. Последнее же десятилетие, особенно же последнее трехлетие показало, что народ, особенно молодое поколение деревни и городские рабочие, оказываются восприимчивыми к интеллигентскому воздействию и постепенно обинтеллигентиваются или, как это называется, становятся „сознательными“»¹⁰⁷. Этот процесс напоминал прорыв материалистического элитарного сознания к широкому слою интеллигенции. Он не ликвидировал разрыва между духовной элитой и интеллигенцией, так как элита тем временем ушла вперед.

¹⁰⁷ Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия// Русская мысль. М., 1908. Кн. 3. С. 98.

Да и сама элитарная культура, попав в среду интеллигенции, изменилась. Теперь проникновение идей интеллигенции в массовое сознание объяснялось стремлением широких масс бунтарской инверсией выйти за свои локальные рамки, раздвинуть свои идеалы до масштабов страны.

Интеллигенция несла в народ разоблачение тайны. Она доказывала, опираясь на «науку», что общество вовсе не то, за что оно себя выдает, это сословная, основанная на эксплуатации система, во главе которой стоит главный бюрократ и главный эксплуататор. Эти слова вряд ли могли иметь успех, если бы навстречу им не шло снизу стремление распространить на царя представление об оборотне, о носителе зла.

Разрабатывая свою идеологию, свою версию гибридного идеала, интеллигенция «двигала шкаф», пытаясь создать впечатление, что реальный раскол существует лишь между народом и властью, а не между народом и революционерами, интеллигенцией. Интеллигенция, постепенно приобретая влияние на широкие слои населения, делала все, чтобы разоблачить тайну господствующей идеологии, апеллируя в соответствии с двойственностью гибридного идеала как к научной истине, так и к народной Правде, игнорируя, что между ними лежит раскол, совершенно различные принципы формирования. Обманутыми почувствовал себя не только народ, но и монархисты различных толков, включая черносотенцев. Все осознали, что царь не соответствует царю из мифа. Обманутыми почувствовали себя либеральные круги, которые увидели неспособность общества эволюционировать по либеральному пути. Обмануты были люди, связанные с развитым утилитаризмом, которые увидели, что власть не в состоянии способствовать их развитию. Власть стала рассматриваться как сословная, т. е. отражающая чьи-то интересы. Это воплотилось в лозунге: «Долой власть помещиков и капиталистов!» То обстоятельство, что все увидели обман, вернее самообман, вовсе не означало, что восторжествовало истинное в научном смысле представление о власти. В качестве истины фигурировала некая манихейская карикатура, которая заклеила власть как некий шабаш зла, насилия, мироедства. В сущности это было не обнаружение обмана в обычном понимании этого слова, а инверсия в понимании власти, включая царя. Массовое сознание, совершив эту инверсию, было столь же далеко от истинного понимания сути происходящего, как и сознание своих не столь отдаленных предков, которые «узнали», что царь — антихрист. Отсутствовало понимание того, что реальные и мнимые пороки власти, всего строя являются пороками самого общества, в той или иной форме — каждой личности. Лич-

ность видела кривду вне себя — в начальстве, что затемняло действительную суть дела, лишало личность ответственности за зло, открывало путь взрыву уравнительности.

Усилились новые формы интерпретации мирового зла прежде всего как тайных организаций, которые глубоко законспирированы и какими-то особыми недостижимыми методами управляют событиями, преследуя злодейские, корыстные цели. Если угодно, в этом можно видеть «прогресс» архаичного сознания, где зло в форме нечистой силы замечалось образами современного мира. Тайно организованные группы становились синонимом скрытой силы Правды или кривды. Д. Мережковский приводит следующий любопытный факт о беглом матросе Черноморского флота (1906): «Ему казалось, что декаденты составляют что-то вроде тайного общества и что они обладают каким-то страшным, но действительным способом, „секретом“ или „магией“ — он употреблял именно эти слова, — для того, чтобы „сразу все перевернуть“ и сделать человека богом. Сколько я ни убеждал его, что ничего подобного нет, он не верил мне и стоял на своем, что секрет есть, но мы не хотим сказать». Очевидно, эта вера в могущество организации стимулировалась появлением партий, а также ростом организаций, включая хозяйственные, что могло вызывать у народа дискомфортное состояние. При этом курьез был в том, что как раз организационное творчество, создание эффективных организаций, да еще способных сохранить тайну, было слабым местом российского общества.

ЦАРЬ-КАИН

Заводской крестьянин, судившийся в 1880 году за упорное нежелание платить подати, сказал, что «Бог дал всем землю без всяких пошлин и налогов, и это божественное установление соблюдалось до 1861 года, до которого заводские крестьяне пользовались всеми заводскими землями, лесами, покосами и другими угодьями, не неся за них повинностей. Положение 19 февраля 1861 года нарушило этот божий закон, введя уставные грамоты, выкупные платежи, размежевание и урезку земель, но нарушитель этого закона есть антихрист, ибо идет против установления Христа. Следовательно, с 1861 года власть стала антихристовой, император является антихристом, все чиновники и военные, „одевшие светлые пуговицы“ — слуги антихриста; поэтому „сыны божии“ не должны повиноваться антихристовой власти, не должны платить ей никаких податей и повинностей, не должны брать паспорта и отбывать воинскую повинность». Основатель секты еноховцев Андрей

Черкасов назвал антихристом Николая II, обвинив его в убийстве Александра II, отравлении Александра III и убийстве 30 тыс. человек во время коронации¹⁰⁸.

Рост массовых антицаристских настроений, которые имели длительную историческую традицию, приобрел разные формы. Важнейшая из них — попытка возложить ответственность за отпадение царя от народа на богатых и начальство. «Паны задурили царя», — говорил агитатор из крестьян в 1906 году. Логическим завершением этой линии было распространение лозунга: «Долой самодержавие!»¹⁰⁹, использующего язык интеллигенции.

Катализатором массового перелома отношения к царю послужили события 9 января 1905 года. Мирная демонстрация 200 тыс. человек под руководством священника шла к царю, чтобы передать ему петицию. В результате ее расстрела более тысячи человек было убито и около пяти тысяч ранено.

Среди кровавых событий, которыми изобилует русская история, безжалостный расстрел мирной демонстрации приобрел особое значение. Неизвестно, кто принял решение о расстреле, но для царя оно было в конечном итоге равносильно смертному приговору. Обвинения, обрушившиеся на царя, встретили возрастающее сочувствие не только в городе, но и в деревне. Сельский священник выступил перед односельчанами с ожесточенными нападками на правительство, назвал царя кровопийцей, тираном народа, настаивал на необходимости иметь выборного правителя. Предложение одного из крестьян бросить оратора в прорубь поддержки не встретило. Крестьяне повсеместно выступали с явно антицарскими речами: «Нас, крестьян, правительство ждало; виною всего — дом Романовых, государь продал Россию Японии. Дом Романовых за триста лет ничего для крестьян не сделал, а князья лишь пьянствуют; нам надеяться не на что, а брать надо все силой» (Казанская губерния). Священник Г. Гапон (1870-1906), возглавивший шествие, заклеил «царя-Каина», убившего своих братьев. Среди крестьян раздавались призывы: «Не надо ходить в церковь, так как там молятся за царя-убийцу». Любопытно, что сам Гапон ориентировался на веру в царя и мечтал быть мужицким царем в России¹¹⁰.

Лозунг свержения самодержавия приобретал массовую поддержку. Несомненно, большое значение имел рост утилитаризма, определившего взгляд на царя и его двор как на дармо-

¹⁰⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1988. С. 371, 403.

¹⁰⁹ Дроздов И. Г. Аграрные волнения и карательные экспедиции. М.; Л., 1925. С. 163.

¹¹⁰

Пассе В. А. Воспоминания (1905-1917). Пг., 1923. С. 48.

едов, тунеядцев, расходы которых и являются причиной нищеты народа. Однако, видимо, более важную роль сыграло то, что царь перестал всех равнять. А. Энгельгардт писал, что в сознании народа «царь хочет, чтобы всем *равно*, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — *всех равнять*»¹¹¹. Теперь все поняли, что царь отказался от этой функции. Очевидно, что *превращение царя в народном сознании в антитотем, разоблачение его как оборотня означало, что одновременно шел напряженный, подчас мучительный поиск нового тотема.*

РЕВОЛЮЦИЯ?

Интеллигентское сознание пыталось истолковать инверсию, ее пик как революцию. Под революцией в европейской традиции обычно подразумевали социально-политическую ломку изживших себя отношений, учреждений и установление новых политических форм в соответствии с новыми, более совершенными производительными силами, новым уровнем потребностей, новыми социальными отношениями. Эталоном служила французская революция XVIII века. *В общенациональном кризисе 1905 года можно найти некоторые элементы революции; либералы стремились к революции, действительно желали установления новых социально-политических порядков, тем не менее это были всего лишь элементы, потонувшие в хаосе разрозненных бунтов.* Бунт — характерная реакция низов на раскол, на коммуникационный разрыв народа с властью. Нравственные мотивы бунта носят древний догосударственный характер, и власть не может не только принять, но даже понять требований бунтарей. Утилитарная сторона их требований в принципе понятна властям, что создает условия для компромисса. *Но бунт направлен против нового, он разрушителен, бесперспективен, неконструктивен и анархичен в силу своей догосударственной природы, своего архаичного нравственного идеала.*

Всплеск инверсии и приходится именно на так называемую «революцию» 1905 года. Историк М. Покровский признает: «Нет никакого сомнения, что если бы московские и ряда других центров рабочие не выступили в декабре с оружием в руках, говорить о 1905 г. было бы очень трудно»¹¹². Характерно, что он не решается назвать события в деревне революцией.

¹¹¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 540.

¹¹² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 405.

Вооруженные столкновения крестьян с войсками были явлением крайне редким, а сопротивление — слабым, действий же наступательного характера крестьяне почти не предпринимали. Лишь в Латвии и на Кавказе имели место вооруженные выступления. Сплошной массой крестьяне поднимались лишь в районе левобережной Украины. Между тем крестьянские волнения достигали значительных масштабов и направлены были в основном против помещиков, начальства, а также против интеллигенции, которую крестьяне считали виновницей перемен. Бунтарский по существу характер крестьянских выступлений, заключавшихся в разгроме и поджогах имущества, а также в убийстве или изгнании помещиков, раскрывается в требованиях, чуждых реальности государственной жизни, далеких от задач развитого общества. Крестьяне шли на разгром имений, руководствуясь интерпретацией своих архаичных представлений. Одна крестьянка объясняла, что люди «приехали грабить панское добро», так как «сам царь-батюшка повелел это делать и прислал нам бумагу с короной». Крестьяне были убеждены, что революционные прокламации «идут от начальства», и поэтому им «нужно верить»¹¹³. Крестьяне боролись не только против помещичьего землевладения, но выступали против частной собственности на землю вообще.

Бунтарская стихия, лишённая реальной перспективы, рационального расчета, вспыхивала и угасала, подчиняясь сложным эмоциональным законам. Люди, претендовавшие на руководство, ощущали существование этой ускользающей эмоциональной основы движения. Большевик И. Ф. Дубровинский призывал воспользоваться короткой вспышкой: «Настроение среди рабочих достигло высшего напряжения, необходимо немедленно действовать,— иначе начнется разложение»,— писал он¹¹⁴. Зависимость движения от эмоциональной сферы подчеркивалась многими. Один из руководителей восстания З. Доссер так характеризовал московские события: «Начало восстания было проведено блестяще, но оно уже опоздало. В городе уже начало чувствоваться понижение настроения, число митингов сокращалось, проходили они с меньшим воодушевлением, и район боев заметно сокращался...»¹¹⁵. Между 14 и 27 декабря «восстание начало гаснуть не вследствие победы царских войск,— такой победой не хвастался даже генерал-губернатор Дубасов,— а по причине истощения сил восставших, во-первых и бесцельности дальнейшей борьбы, во-вторых»,— писал

¹¹³ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. М.; Л., 1925. С. 25, 26.

¹¹⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 400.

¹¹⁵ Там же. С. 401.

М. Покровский¹¹⁶. Ни о каком вооруженном разгроме революции не могло быть и речи. На войска, находившиеся в распоряжении правительства, нельзя было положиться. Дальневосточную армию, потерпевшую позорнейшее в истории страны поражение, правительство боялось возвращать ввиду полнейшей ненадежности. Положение власти было жалким. Действительной «причиной» ее «победы» была абсолютная неконструктивность бунтов, их обратная инверсия.

События 1905 года еще раз опровергли миф о насилии, которым держится русская государственность, о силе штыков как единственной ее опоре. С падением нравственного авторитета таяли ряды защитников власти. Нарастающий кризис толкнул власть на новый поворот к либеральным ценностям.

ТОРЖЕСТВО ЛИБЕРАЛИЗМА И ВЗРЫВ ЧЕРНОСОТЕНСТВА

17 октября 1905 года был опубликован знаменитый манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», вводивший в стране либеральную систему. В каждом слове манифеста слышна жажда единения с народом: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная — его печаль». Манифест дарует «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», он гарантирует участие в Думе классам населения, лишенным ранее избирательных прав, «предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права». Далее власть проявляет озабоченность реальным осуществлением свобод, данных манифестом, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия постановленных от нас властей»¹¹⁷. По существу, Россия была объявлена свободной страной, либерально-демократические принципы восторжествовали, утвержденные как официальная доктрина. Была совершена попытка беспрецедентных изменений в нравственных основах жизни. Казалось, на мгновение

¹¹⁶ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 403-404.

¹¹⁷ Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 90-91.

правящие круги забыли о своем вечном страхе перед непредвиденной реакцией народа. Все без исключения классы населения находились в активной или пассивной борьбе с властью. Все газеты, объединившись для сопротивления цензуре, сплотились, по словам Витте, вокруг одного лозунга: «Долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора». Можно лишь поражаться полнейшей изоляции, в которой оказалась власть. «Никто и нигде искренне не высказывался в защиту или оправдание правительства и существующего режима; разница была лишь та, что одни винили его за одно, а другие за другое».

Против правительства настроены были крайние реакционеры, обвинявшие его в либерализме и бессилии. Высшие классы были в состоянии ожесточения. Молодежь, учащаяся в средних и высших учебных заведениях, поголовно симпатизировала крайним партиям. Земские и городские деятели требовали конституции, к ним присоединялись торгово-промышленные круги. Национальные меньшинства выступали с требованием автономии и равноправия. Армия обвиняла правительство в поражениях на фронте, участились волнения и беспорядки в войсках.

Противники власти и в то время, и впоследствии пытались изобразить ее политику как обман, ссылаясь на многочисленные отступления от духа и буквы манифеста. *Но для синкретического сознания всякий акт развития либерализма может восприниматься как обман. Развитие либеральной свободы есть прежде всего по своей природе призыв общества к ответственности, к диалогу. Однако синкретическое сознание, рассматривающее весь мир как источник коварных оборотней, корыстных замыслов, оценивает либерализм как попытку слабейшего противника прикрасить свой особо коварный монолог массой слов, дискомфортной говорильней.* На всякий акт развития либерализма в этих условиях синкретическое сознание реагирует как на обман, как на козни оборотней. Это, в свою очередь, разрушает либерализм, превращая его в столкновение монологов, борьбу одной Правды против другой. В 1905 году выявилась ранее скрытая бешеная ненависть разных слоев общества друг к другу. Все они или почти все рассматривали свою позицию как воплощение единственно возможной высшей Правды. Инверсионное сознание каждой группы требовало от власти безоговорочной, а не половинчатой поддержки. Власть же пыталась найти компромисс. Логика инверсионного сознания неизбежно воспринимала это как измену Правде, как переход на позиции кривды, как до-

казательство продажности власти. Идея продажности стала типичной формой модернизации древних представлений о функции зла.

Основная масса возмущившихся не имела разработанной конструктивной программы, так как синкретическое сознание верило, что ликвидация кривды, в данном случае самодержавия, тождественна реализации Правды. Разочарование в манифесте носило тот же характер, что и разочарование крестьян в реформе 1861 года. Он не удовлетворил крайне антигосударственные вечевые ценности. Многие рассматривали манифест лишь как этап в победоносной борьбе с самодержавием, а не как ценность саму по себе, требующую реализации, воплощения.

Либеральный манифест вызвал взрыв антилиберализма. Крестьяне расценивали этот манифест как санкцию на их борьбу с помещиками. В Самарской губернии крестьянин Шаров так разъяснял односельчанам суть манифеста: «Теперь свободно, айда, ребята, валите теперь к помещикам и разграбляйте их добро — за это теперь ничего не будет»¹¹⁸. На улицах городов появилась новая, ранее неизвестная сила, получившая название «черных сотен». Уже 17 октября, т. е. в день объявления манифеста, в Москве в Марьиной роще началось настоящее побоище. На следующий день по стране прокатилась волна антилиберальных погромов, жертвой которых стали прежде всего интеллигенция и евреи. Генерал Дубасов сообщал о таком ходившем толковании манифеста 17 октября: «Царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов»¹¹⁹. Погромы прокатились в районах «черты оседлости», где до этого антиправительственных выступлений не было. Всего за две-три недели было убито 3,5-4 тысячи человек, искалечено до десяти тысяч. В Одессе насчитывалось до 500 убитых, в театре города Томска было заперто и сожжено более 1 000 человек. Были случаи, когда революционеры вызывали полицию.

Черносотенство — это прежде всего городское движение мелких собственников, стремившихся в духе традиционализма сохранить существующий порядок, оградить себя от перемен. В отличие от крестьянства, эти люди в значительной степени были своими интересами привязаны не к натуральному хозяйству, а к определенному типу товарно-денежных отношений, к первому этапу развитого утилитаризма. Они, однако, боялись углубления, расширения утилитарных отношений, что потре-

¹¹⁸ 1905 г. в Самарском крае. Самара, 1925. С. 401.

¹¹⁹ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. С. 143.

бывало бы новых навыков, квалификации, способности к переменам и т. д. Отсюда страх перед интеллектуализмом и либерализмом, перед всем, что могло пошатнуть их положение.

На манифест 17 октября они ответили бунтом, который, как и бунт крестьян, проходил под лозунгом поддержки царя. Идеальный царь, по их представлению, должен был заботиться о сохранении привычного порядка. В действительности это был бунт против царя, подписавшего либеральный манифест, сдавшего свои позиции враждебным либеральным силам. На местах между черными сотнями и властью возникало взаимопонимание. Власти, далекие от сочувствия либерализму, подчас потворствовали погромщикам, вступали с ними в контакт, рассчитывая использовать в целях борьбы с беспорядками. По свидетельству С. Витте, местные власти сочувствовали погромам. Выявилась слабость либеральных влияний в аппарате власти, а также близорукость власти, неспособность разглядеть опасность для себя в союзе с погромщиками. Впрочем, распространенные представления о замешанности министра Плеве в организации еврейских погромов не находят подтверждения.

Черносотенное движение явно демонстрировало невозможность для правящей элиты если не либеральной политики вообще, то быстрого инверсионного типа перехода к либерализму. Оно показало, что диапазон возможностей правящей элиты уменьшается. Население было склонно жить и действовать на основе древних синкретических принципов, следуя инверсионному типу поведения, эмоциональные механизмы оставались ведущими. Люди действовали на основе локального противопоставления своего монолога всем иным монологам. Выяснилось, что вся страна представляла собой картину столкновения относительно замкнутых миров, что не либерализм при содействии власти овладел массами, а синкретически настроенные массы овладели либерализмом, превратили его в собственную противоположность. Ни одна предложенная версия развития страны не могла рассчитывать на всеобщее признание. Общественное сознание было ошеломлено выявившимися ранее скрытыми силами и их взаимной ненавистью. Все видели друг в друге злых демонов, возникла ситуация некоей иррациональной междоусобицы ослепленных ненавистью людей. Дух насилия охватил страну. С. Витте писал о настроениях правящих кругов в этот период: «Тогда был лозунг: „Нужно драть, и все успокоится“, как впоследствии явился лозунг: „Нужно расстреливать, и все успокоится“». А. Хвостов, будущий министр внутренних дел, выступил с проектом, по которому следовало всех смутьянов, лиц, заподозренных в принад-

лежности к революционной организации, попросту уничтожать любыми средствами.

«НАРОД ОДИЧАЛ»

Революционные партии перешли к самому разнузданному террору. В 1905 году только эсерами было убито 1 000-1 500 человек. За несколько месяцев 1906 года в результате индивидуальных террористических актов был убит и ранен 1 921 человек, включая 33 губернатора и генерал-губернатора, 38 начальников полиции и их помощников, 31 духовное лицо, 64 фабриканта и управляющих, их помощников, столько же банкиров и торговцев¹²⁰. Большевики с 1907 года также перешли к индивидуальному террору, занимались грабежами банков. Возник анархический «безмотивный террор» против «буржуазии вообще». Все это безумие скрывало под собой *глубокое нравственное разложение общества*. Л. Толстой в 1910 году писал: «Вандалы... уже вполне готовы у нас в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как эти ни странно кажется, глубоко религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких, каких-либо сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается благодаря таким же, как и пугачевские, деяниям нашего правительства последнего времени с его ужасами полицейских насилий, безумных ссылок, тюрем, каторги, крепостей, ежедневных казней»¹²¹. Среди крестьян жила вера, что Разин скоро вернется и расправится с врагами. Усилился массовый процесс разложения нравственных устоев общества. «О хулиганстве в деревне заговорили в начале столетия. Учитель делается первым объектом деревенских шуток, интеллигенция как класс — объектом ненависти»¹²². Существуют убедительные свидетельства быстрого нравственного разложения широких масс в этот период. «Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет

¹²⁰ Спекторский С. (Пименов Р. И.) Происхождение современной власти. (Рукопись).

¹²¹ Толстой Л. Н. Три дня в деревне // Собр. соч. в 12-ти т. М., 1987. Т. П. С. 497.

¹²² Федотов Г. Л. Россия и свобода. С. 210.

трудиться»¹²³. Положение ухудшалось тем, что после освобождения крестьян начинается «полоса отчуждения народа от Церкви и духовенства»¹²⁴. Современники пишут о распутстве, воровстве, лени, хулиганстве, безверии, пьянстве, ослаблении традиционного уважения к старшим, буйстве, лжи, сквернословии, богохульстве, зависти к зажиточным, вражде между родственниками и знакомыми, жестоком обращении с людьми, склонности к даровщине, об отсутствии у народа религии и нравственности¹²⁵.

Нравственное разложение было результатом и формой разложения древних ценностей и попыток возместить их умеренным утилитаризмом, приобретающим форму хулиганства, рвачества и прямого саботажа. Вот живой рассказ о довоенном периоде жизни в деревне: «Совести не стало в народе... Честь пропадает... Нравственные убийства страшнее уголовных... Государство распадается снизу. Этого никто не замечает, но это факт. Невозможно никакое общественное дело с этими массаами. Начните вы что-нибудь делать у себя в имении... Если вы сами не приглядите за ним, можете быть уверены, что будет сделано не так, как надо и как было уговорено. А сделайте замечание рабочему или прогоните с работы, он в отместку сожжет вам в поле стог сена... Спички дешевы... Рабочие друг друга не жалеют в той же степени, как и самые жадные, самые злые кулаки... Нельзя никакого дела иметь в деревне. Ни плотника, ни печника, на пастуха не найти честного. Все норовят забрать деньги вперед, сделать кое-как... Рабочие требуют денег вперед, уходят с работы; а получив деньги запирают и тоже уходят... Всюду жалобы, что в крестьянах совести не стало... Убыль специальных знаний в ремесленнике идет рука об руку с косностью производства»¹²⁶.

Происходила нравственная инверсия, затрагивающая глубокие пласты сознания, праздник перерастал в повседневность. Апелляция революционеров к культурному низу, стремление вызвать инверсию требовали превращения нарушителя порядка, разбойника в ведущую фигуру, в героизированного персонажа. Вечевой идеал подсказывал, что битва с дьявольскими силами неизбежна и нужно готовиться к ней, победить или по-

¹²³ Родионов И. А. Наше преступление (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. 6-е изд. СПб., 1910. С. 111.

¹²⁴ Антонов И. Р. Русские светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. Т. 1. С. 37.

¹²⁵ Зосимовский З. Второе и последнее продолжение моей книги: «Есть ли у русских религия». СПб., 1913. С. 147.

¹²⁶ Фаресов А. И. Голоса земли: Очерки с натуры. СПб., 1909. С. 111-115.

гибнуть. Цель заключалась в том, чтобы предельно расширить сферу конфликта, втянув в него все общество, и на поле этой битвы утвердить свою версию Правды. В глазах той части общества, которая была субъектом инверсии, революционеры стали воплощением высокой нравственности, так как они готовы были пожертвовать собой ради «освобождения» общества, всего народа. Но тем самым они превратились в авангард аморальности, нравственного разрушения, так как стали организующим центром всех разрушительных сил общества, стихии культурного низа, который всерьез решил не ограничиваться карнавалом, погромом, но сформировать общество по своему образу и подобию.

ОТСТУПЛЕНИЕ ИНВЕРСИИ

Реформа не нашла путей к тому, чтобы организационно направить рост активности людей на поддержку государства, не предотвратила превращения этой активности в разрушительную силу. Великий звездный час России, вступившей на путь свободы и прогресса, оказался шагом в бездну.

Однако ошибочно делать вывод, что, не будь реформы, страна избежала бы последующих катастрофических событий. Последние определялись не реформой, а расколом, его динамикой. Катастрофических событий можно избежать лишь на путях отхода от господства инверсионного типа социальных изменений, от раскола, разрывающего государство и творчество народа.

Инверсионная волна после хаоса 1905-1907 годов постепенно ослабела, не дойдя до своей крайней точки. Могло показаться, что инверсия захлебнулась. Конструктивные силы получили возможность активизироваться. Их деятельность оказалась успешной как в сельском хозяйстве, строительстве, так и в промышленности. В 1912 году прошла амнистия. Либеральные свободы были значительными. Суд был независимым. Книги более двухсот страниц издавались без цензуры. Социал-демократы имели свои газеты. В революционных партиях наступил разброд и развал. Все это создавало предпосылки стабилизации.

Перед войной отмечался подъем тяжелой промышленности. Имело место такое интересное явление, как рост тех отраслей, которые производили предметы потребления и были значительно меньше, чем другие, связаны с государственным аппаратом. Происходило определенное усиление независимости капиталистического хозяйства от государства. Все эти позитивные процессы, однако, происходили в неблагоприятной среде,

расколотой между разными системами ценностей, негативно реагирующей на значимые изменения, особенно на те, которые угрожают уравнительности, господству натуральных отношений.

Начавшаяся в 1914 году мировая война постепенно показала, что стабилизация системы охватила лишь ограниченную сферу. Война оказалась непосильным испытанием для общества. Успехи экономического, социального, культурного развития не закрепились, но под мощным давлением испытаний общество ответило на этот страшный по силе вызов истории откатом от уже имевшихся достижений, что, впрочем, во многих сферах можно было наблюдать и до войны. Испытания войны привели к тому, что дезорганизация общества, усиление раскола привели к разрухе. Общество реагировало на нее фактическим крахом рынка. Крестьяне прекратили продажу хлеба, и правительство вернулось к дорыночной системе принудительного изъятия и распределения натуральных ресурсов.

ТРЕТЬЯ КАТАСТРОФА

Большая война дала новый стимул инверсии, привела к катастрофическому нравственному и организационному развалу, к ослаблению способности медиатора черпать энергию в обществе. Серьезное недовольство зрело в деловых кругах. Пойти на уступки либералам царь не решался. По-видимому, причины отказа были разные: страх перед непредвиденными последствиями такого шага, традиционная вера в неограниченность и непогрешимость царской власти («сердце царево в руке божьей») и т. д. Положение осложнялось тем, что Николай II пытался повернуться к синкретизму, восстановить свой тотемический статус «царя-батюшки» вплоть до фактического отказа от манифеста 17 октября, до оценки себя как «абсолютного монарха»¹²⁷. В ситуации поистине отчаянной царь пытался отыскать пути к народу. До последней минуты он надеялся на поддержку крестьян. Он персонифицировал народное начало в личности Г. Распутина. Получив громадную власть, этот человек лишь усилил общий паралич и разложение. Любопытно, однако, что после убийства Распутина в провинции говорили, что его убили придворные, так как он доводил до царя голос народа, защищал народ. Ряд идей Распутина: мир с Германией, раздел помещичьих земель — действительно соответствовал стремлениям масс. Власть в условиях острого кризиса

¹²⁷ См.: Уортман Р. Николай II и образ самодержавия// История СССР. 1991. № 2. С. 124, 126.

и возрастающего недовольства, неспособности обеспечить свое нормальное функционирование обанкротилась. Произошла так называемая Февральская революция.

В соответствии с либеральными и марксистскими теориями это должна была быть буржуазная революция, т. е. уничтожение политических и, в конечном итоге, социальных форм отжившего феодального строя, что должно было расчистить путь для либерального общества, для перехода власти к буржуазии. *Но буржуазия не только не представляла собой политической силы, способной стать ведущим фактором общества, перевести страну на путь либеральной цивилизации, но и не была еще способна стать ведущим фактором хозяйства, превратить рынок в основу жизни большинства населения.* Собственно буржуазия (т. е. люди, живущие на основе идеалов частной инициативы, способные искать пути для движения, самовозрастания капитала) была зажата между двумя мощными социальными силами: с одной стороны, основной массой населения, живущей дорыночными представлениями, способной лишь на ограниченное участие в рынке, а с другой стороны, властью, которая, опираясь на нравственные основания синкретической государственности, должна была держать частную инициативу под непосредственным контролем и управлением. Р. Пайпс не единственный, кто считает, что «Россия пропустила случай создать буржуазию, когда это было еще возможно, т. е. на основе мануфактуры и частного капитализма; поздно было это делать в век механизированной промышленности, в которой господствовали акционерные общества и банки»¹²⁸.

В февральских событиях имели место элементы либеральной революции, стремление воплотить в жизнь демократию, частную инициативу и т. д., тем не менее их движущие силы были иными. Это было возмущение масс против дезорганизации. Нарастающий локализм дошел до крайней точки своего отказа от государственности, сокрушив ее не столько своим действием, сколько полным нежеланием ее поддерживать, воспроизводить. Это создало ситуацию, когда монархия рухнула как бы сама собой, от малозначимых причин. На последнем этапе своего существования царь, правящая элита шли, не без колебаний, по пути либерализма. Новая власть практически стремилась к тем же целям. Парадокс февральских событий заключался именно в том, что они были не концом инверсии, идущей от крайнего авторитаризма, но началом ее последнего решающего рывка. Рухнула

¹²⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 291.

структура власти, что и должно было произойти в результате банкротства авторитаризма, глобальной обратной инверсии, возвращающей общество к торжеству локализма, локальной собранности.

Самодержавие пало с молниеносной быстротой: власть оказалась не в состоянии обеспечить столицу хлебом, что послужило сигналом к взрыву ненависти. Повторилась ситуация предшествующего краха государственности в Смутное время, когда «дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому, с криком и вопом, а говорят: до чего им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и нечего взяти негде и купить нечем!»¹²⁹. В обоих случаях результатом было разрушение власти. Правящая элита не смогла организовать вооруженной защиты монарха. Поражает полная неспособность власти к сопротивлению. Ее защитники нравственно созрели для капитуляции. Гвардейские полки, казаки не желали охранять императора. Ни один из великих князей также не попытался выступить на защиту царя. Кажется, что правящая элита не сочувствовала монархии и государственности. Враждебно к царю были настроены не только либералы, но и националисты и монархисты, например, В. М. Пуришкевич, который выступал с резкой критикой царя. Вновь, как и во время Смуты, разрыв между векторами двух типов конструктивной напряженности перешел критический рубеж. Могучая синкретическая многомиллионная волна уже давно отхлынула от государственности, еще раз показав беспомощность властителей страны.

Закончился еще один этап истории России, третья государственность завершилась полным крахом. Еще в 1908 году Д. Мережковский писал: «В химерической государственности народ любит собственно одну только ослепительную точку — самодержавие. Но любит ли он и самую государственность?.. Для него „государственность“ значит „казенщина“, а „казенщина“ значит мертвая вода, которая на что ни брызнет, все мертвит»¹³⁰. Народ отвернулся от этой «ослепительной точки». Государство тем самым лишилось всякой опоры. *Победившие синкретические силы были склонны поддерживать некоторую неопределенную фантастическую версию синкретически-либерального идеала, который выдвигал на первый план либеральные формы, чтобы практически ежесекундно их ломать, разрывать в клочья в битве монологов.*

¹²⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1937. С. 330.

¹³⁰ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 267.

«ЧТО НАМ ДО РОССИИ, ЕЖЕЛИ МЫ ПСКОВСКИЕ»

Массовая сила, отхлынувшая от государства и тем самым свалившая власть, была не конструктивна и не могла управлять государством. Эта сила локализма, боровшаяся против власти как таковой, не стремилась к строительству реальной государственности. Либералы и Дума были единственным конструктивным началом, которое могло быть положено в основу повседневной государственной функции.

Власть свалилась либералам как снег на голову. Они сами были изумлены происшедшим. За два дня до свержения царизма собрание друзей у А. Керенского, ставшего вскоре главой правительства, пришло к выводу, что «революция в России невозможна». Влияние либеральных кругов во время войны выросло. Такого типа общественные организации, как Всероссийский земский союз и др., оказывали существенное влияние на государственные дела. В земских и городских союзах сконцентрировались значительные творческие силы, способные к организационной работе, к налаживанию производства. Они показали, что есть люди, способные организованно укреплять страну. Власть, испытывая потребность в их помощи, вынуждена была с ними считаться, что, в свою очередь, давало повод этим организациям требовать расширения своих прав. Либерально-буржуазные круги, целясь в самое сердце медиатора, уже во время войны, потребовали создания «ответственного министерства». Либералы апеллировали к прогрессивным формам труда, к более совершенным формам организации государственной жизни, опираясь на более высокую способность к эффективным решениям. В августе 1915 года все партии, кроме крайних, объединились, образовав так называемый прогрессивный блок, который выдвинул ряд требований либерального характера. Власть пыталась сдержать этот напор. Однако нарастающая дезорганизация общества парализовала всякую конструктивную деятельность.

О самочувствии новой власти в то время В. Шульгин (1878-1976) писал: «Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас. Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце»¹³¹.

Тем не менее либерализм стал ощутимой нравственной силой в обществе. Это было подтверждено фактом принятия его

¹³¹ Русская мысль. Прага, 1922. № 6-7.

лозунгов всеми партиями. Не имея ничего другого, все партии встали на защиту либеральных институтов, идей свободы слова, печати, митингов и т. д. Все это, однако, практически рассматривалось большинством не как самоценность, но как средство ликвидации плюрализма.

Высшая власть вновь намеревалась идти по пути формирования либерального государства. Она стремилась подключиться к творческим, динамичным источникам инициативы. Для успеха, однако, было необходимо, чтобы эти источники сами стремились воспроизводить государство, а не пользоваться слабостями незрелого либерализма для борьбы против него под знаменем локальных идеалов. Либеральные ценности, носители которых склонны поощрять рост и развитие, тем самым открывали путь к изменениям. Но в России это означало открыть путь антигосударственным силам, стремящимся обескровить центры власти.

Правительство в этих условиях могло быть либеральным скорее в лозунгах, целях, но не в конструктивных решениях. Его деятельность проходила в условиях продолжающейся инверсии. Страна буквально разваливалась на куски, как и во времена великой Смуты XVII века. *Выявилось, что в Российской империи не существовало единого российского общества.* Мало общего было не только между селами и городами, расположенными в разноплеменных областях, но даже и в самой Великороссии многие города, как говорится, знали лишь свой округ, а деревни — лишь свою колокольню, и псковичанин, которому говорили о гибели России, отвечал: «Что нам до России, ежели мы псковские»¹³².

Слабость социальных интеграторов пронизывала все общество, все его стороны на протяжении всей истории. Это сказывалось, в частности, и в слабости транспортных связей, о чем писали еще в XIX веке: «Главная причина голода заключается в невозможности скорого и дешевого передвижения хлеба из местностей им изобилующих»¹³³. Именно отсутствие внутреннего единства, естественных для общества торговых и экономических связей порождало возможность голода. Временное правительство оказалось лицом к лицу с хаосом. Достаточно сказать, что чуть ли не все пулеметы были в руках дезертиров. Высшая власть превратилась лишь в символ, который держался по инерции, из-за того, что общество еще не нашло

¹³² Тахтарев К. М. Об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Пг., 1919. С. 133.

¹³³ Фон Дершав. О влиянии железных дорог на равновесие хлебных цен и устранение голода от неурожаев// Современная летопись. М., 1868. № 24. С. 2.

в своем культурном арсенале более или менее приемлемой альтернативы поверженному тотему старой власти.

Нарастала дезинтеграция, части общества отключались от целого. В обращении Временного правительства России можно прочесть: «К сожалению и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процессов распада, вызванного крушением старого государственного строя». Разгул вечевой стихии вел к атомизации общества. Казалось, что каждый город, каждое поселение становились очагом сепаратизма и анархии. Локальные идеалы торжествовали победу. Попытки создания самостоятельных республик были уже в 1905 году в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сочи, Красноярске, Чите. Теперь этому развалу мало что могло помешать. В Петроградской губернии возникла, например, Республика Шлиссельбургского уезда. На съезде волостей в апреле было принято решение, что внутренняя жизнь управляется только гражданами уезда. Никакие декреты правительства, Петроградского Совета отныне ничего не могут предписывать гражданам новой республики. Аналогичные решения принял и Кронштадтский Совет. Точно так же была создана Республика Петроградского уезда. Возникли республики в Гельсингфорсе, Риге, Ревеле, Пензе, Казани, Самаре, Минске, Екатеринбурге, Царицыне, Красноярске, Енисейске и др. Например, губернский крестьянский съезд в Пензе объявил себя пензенским учредительным собранием. Перечень примеров можно продолжать. Фактически, даже если на местах формально и не объявлялась республика, то все равно центральное правительство не могло мешать местным властям управлять в соответствии со своим локальным идеалом. Характерна в этой связи телеграмма Енисейского Совета в адрес Петросовета: «Мы протестуем против желания ввести опять чиновничество, во-первых, мы не допустим управлять назначением чиновников, во-вторых, изгнанным крестьянским начальникам возврата нет, в-третьих, признаем только органы, созданные в Енисейском уезде самим народом, в-четвертых, назначением чиновников следует повелевать только через наши трупы» (апрель 1917 года).

Идея государства без начальства и чиновников вновь, как и во времена Пугачева, получила свое воплощение. Выдвигалось предложение о создании партии «Удельно-республиканская Русь»¹³⁴. В Балтийском флоте царила полнейшая анархия. На Северном Кавказе республики возникали чуть ли не в каждом уезде. Казаки также провозглашали свои республики. Инте-

¹³⁴ Красильников Н. За демократию социализма. 1917. Вып. 2.

ресно, что Ленин в этот период категорически отстаивал отмену «всяких государством назначенных местных и областных властей»¹³⁵.

Разваливалось производство. В записке временно управляющего министерством торговли и промышленности В. А. Степанова говорилось: «Страна стоит перед экономическим и финансовым крахом. Эти угрожающие симптомы особенно явственно проявляются в главнейших отраслях промышленности»¹³⁶. Разруху нельзя объяснить войной как таковой. Ее причины глубже. Расколота страна, источающая каждой своей клеточкой дезорганизацию, оказалась неспособной ответить на новый вызов истории, на напряжение, обусловленное войной. Неуклонно разрушались внутренние связи, дезорганизация охватывала жизненно важные центры производства, связи между отраслями, слабый рынок. Во все поры общества проникал иррациональный страх, заставлявший искать выход в обращении к древним формам жизни, к нравственности локальных миров. Это было разрушительно для большого общества, для государства, для способности обеспечить производство и доставку жизненно важных ресурсов. Господство традиционализма и ограниченных форм утилитаризма не создавало условий для культивирования и массового распространения такого объяснения и понимания ситуации, которые позволяли бы искать конструктивный выход. Страна погибала от повсеместно наступающего хаоса, разрушающего прежде всего наиболее сложные и эффективные достижения накопленного культурно-богатства.

В стране господствовала атмосфера митинга, где все были заняты оттачиванием своего монолога. Времени на работу, естественно, уже не оставалось. Разгул вечевой стихии вел к параличу функций общества. Газеты констатировали падение производительности на заводах на 20-40%, писалось об угрозе экономического краха¹³⁷. Газетные страницы заполнялись взаимными обвинениями в дезорганизации. Вполне в духе традиционного русского сознания каждая сторона могла указать персональных виновников хаоса. Рабочие видели виновников в буржуазии, буржуазия возлагала вину на рабочих. Фактически все слои населения вносили свою лепту в растущую дезорганизацию. Большевицкая газета «Правда» неоднократно обращалась к рабочим, призывая их к более конструктивному поведению. 5 апреля 1917 года в ней была помещена информа-

¹³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 220.

¹³⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 220.

¹³⁷ Речь. 1917. 13 мая.

ция о заседании Петроградского Совета: «Разбирались причины дезорганизации жизни на заводах. Указано было, между прочим, что производительность на некоторых заводах едва ли превышает в среднем 25% производительности дореволюционного времени. Причиной этого является непривычка к организованным действиям рабочего класса». В своей резолюции Совет призывает рабочих прекратить разрозненные экономические выступления, дезорганизующие ряды революции, и спокойно ожидать выработки советскими рабочими депутатами минимума заработной платы. В номере от 7 апреля можно прочесть: «На фабриках и заводах Петрограда замечается безусловно ненормальное явление. Забастовки нет, но процесс производства дезорганизован, работа не клеится, не идет. Иногда даже неизвестно, почему не работают». 4 августа английский военный атташе доносил: «Если судить по теперешнему положению вещей, то страна движется к развалу. До тех пор, пока в тылу не восстановят дисциплину и не заставят войска сражаться, невозможно принудить рабочих работать в железнодорожных ремонтных депо и в угольных шахтах. Если они будут продолжать работать как теперь, то зимой произойдет окончательный развал железнодорожного транспорта с неминуемым голодом в армии и Петрограде»¹³⁸.

А. Солженицын оценил общее настроение в это время как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей»¹³⁹. Митингование охватило армию. 7 июля 1917 года из ставки сообщали: «Наши неудачи в значительной степени объясняются тем, что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ, собрались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ». Некоторые казачьи части самовольно вернулись на Дон. Общий развал сопровождался ростом бесконечных требований к правительству, что свидетельствовало об активизации умеренного утилитаризма в ущерб развитому.

В Докладе Совету Московского совещания общественных деятелей говорилось: «В образовавшемся хаосе идей, программ и обещаний устойчиво лишь то пугачевское настроение, которое составляет в настоящее время общую духовную сторону народной жизни,— настроение, не заключающее в себе никаких положительных, ни культурных, ни государственных элементов».

Нравственное разложение нарастало. М. Горький, издававший с апреля 1917 года газету «Новая жизнь», дал ужасаю-

¹³⁸ Ллойд-Джордж Д. Воспоминания. М., 1938. Т. 5. С. 38.

¹³⁹ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания. С. 25.

щую картину. «Мы переживаем, — писал он, — не только экономическую разруху, но и социальное разложение...» (27 апреля 1917 года). Горький пишет о растущем насилии и беззаконии, убийствах, самосудах, грабежах, разрушениях. «На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут „творить историю русской революции“» (18 октября 1917 года). Газеты заняты «желчной и злобной грызней», разжигая ненависть десятков миллионов людей (9 июня 1917 года). «Количество людей, обезумевших от страха», который разжигается прессой, растет (31 мая 1917 года). «„Свободное слово“ постепенно становится неприличным словом» (31 мая 1917 года)¹⁴⁰.

«Главнейшим возбудителем драмы» являются, по мнению Горького, «не „ленинцы“, не немцы, не провокаторы и темные контрреволюционеры», а некоторые черты широких масс, и прежде всего «тяжкая российская глупость» (14 июля 1917 года). В русском народе «слабо развито чувство личной ответственности», мы привыкли «карать за свои грехи наших соседей» (31 мая 1917 года). Горький пишет о чудовищном холоде, безразличии в отношении людей. Чувства накаляются лишь тогда, когда появляется возможность расправы, «сладостная возможность судить... судом неправедным» (12 мая 1917 года)¹⁴¹.

Все это было результатом процесса всеобщего нравственного разложения общества, распада древних идеалов, слабой борьбы в обществе за новые конструктивные принципы.

КАПИТАЛИЗМ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНОПОЛИЯ?

Для объяснения необычных, с точки зрения мирового опыта, явлений в российском хозяйстве следует прежде всего ясно видеть, что оно развивалось на *архаичной монопольной государственной основе*. В этой связи интересно, что появление богачей во второй половине XVIII века было результатом не торговли, как обычно полагают, а откупов и казенных подрядов, т. е. подключения к государственной монополии¹⁴². Да и развитие всего хозяйства имело скорее характер государственной монополии, хотя и не всегда последовательной. Это каса-

¹⁴⁰ См.: Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). М., 1990. С. 27, 75, 54, 50, 49.

¹⁴¹ Там же. С. 69, 50, 41.

¹⁴² См.: Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономическо-историческое исследование. СПб., 1874.

лось не только промышленности, но и, что особенно важно, сельского хозяйства. Не следует забывать, что помещик при крепостничестве выполнял функции государственного чиновника, воплощал, хотя опять не всегда последовательно, крепостнические функции и всего государства. Недостаточно осознано, что после 1861 года изменилась форма, но не суть этого монополизма государства в деревне. К. Зендер пишет¹⁴³, что платежи крестьян (например, в Новгородской губернии) по отношению к их доходам с земли составляли от 100 до 215%, и можно говорить о «централизации государственной власти царизма», которая «отчетливо проявляется как раз в налоговом насилии». Эти деньги перекачивались в промышленность, что, по словам Маркса, позволяло говорить о «капиталистическом паразите», об «определенном роде капитализма», основанном на принудительной перекачке средств. Сам рынок поэтому встречал сопротивление деревенской общины. Рынок, который вынуждал крестьянина продавать жизненно необходимое, выступал как изощренное средство государственного монополизма. Это обстоятельство проливает свет не только на суть российского рынка именно в те периоды, когда, казалось, можно было говорить о его реальном развитии, но и на характер сложившихся отношений между городом и деревней. Здесь же следует искать корни ценообразования, являющегося средством перекачки ресурсов.

Все это создавало, мягко говоря, странную основу для развития капитализма в стране, появление и укрепление которого всегда есть некоторая загадка, так как на его пути стоит понижающий все общество традиционализм. Капитализм может возникнуть лишь при сочетании ряда условий. Во-первых, в обществе должен получить достаточное распространение развитой утилитаризм, что требует, по крайней мере, прочных массовых корней торговли, массового стремления втягиваться в нее как в признанную, позитивную форму воспроизводства. Во-вторых, для капитализма нужно массовое распространение соответствующих ценностей, санкционирующих позитивное отношение к этой деятельности, стремление расширить ее и углубить. И наконец, в-третьих, развитие капитализма на Западе происходило на основе сочетания зрелости традиционализма и роста критического к нему отношения, роста способности перестраивать традиционализм на основе развитого утилитаризма. Этот процесс создавал предпосылки для свободного движения капитала. В России развитой утилитаризм складывался некоторыми анклавами, не охватывая все общество. Эти

¹⁴³ Зендер К. Ленинизм и цивилизации: Русская община// Диалог. М., 1992. № 3. С. 82.

анклавы могли носить высокоразвитый характер, однако были окружены массовым недоброжелательством со стороны сил уравнительности. Стремление к модернизации сдвигало власть в сторону ценностей капитализма. Попытка полного невмешательства в хозяйственную деятельность, надежда на то, что частная инициатива сама по себе установит в обществе хозяйственную гармонию, имели место при Временном правительстве.

Своеобразный по российским масштабам звездный час капитализма наступил за несколько лет до начала первой мировой войны. Подъем промышленности превысил подъем, который имел место в конце прошлого века. Этому способствовало падение влияния высшей власти на хозяйственный процесс. Наибольшее развитие получили отрасли, не связанные с казной — производящие предметы потребления. На этом отрезке времени можно говорить о независимой основе русского капитализма. Эти спонтанные процессы могли возникнуть в результате существования определенного слоя носителей частной инициативы, неспособности власти удовлетворять хозяйственные потребности общества.

В период правления Временного правительства высшая власть выпустила из рук механизмы непосредственного управления хозяйством. Это было логическим завершением предшествующего процесса усиления влияния на власть абстрактного либерализма и давления локализма. Новая власть пыталась отказаться от всякого вмешательства в хозяйственную деятельность, т. е. стать на либеральную точку зрения, доведенную до некоторой абстрактной крайней формы.

Эта политика оказалась нефункциональной. Она столкнулась с потребностью общества ответить на кризис усилением монополии власти на распределение ресурсов. Правительство под влиянием нарастающей разрухи ввело несколько государственных монополий: хлебную (25 марта), кожевенную (21 апреля), на торговлю донецким углем (1 августа), сахарную (14 сентября). За два дня до своего падения правительство приняло решение о введении монополии на спички, махорку, кофе. Попытка сосредоточить сбыт в руках государства означала не только формирование принудительной циркуляции ресурсов, но и избавляла производителя от проблемы сбыта, а заодно и от проблемы рентабельности.

Хозяйственная разруха в стране породила стремление принудительно синдицировать промышленность и тенденцию к трестированию во всех отраслях. Существовало намерение осуществить их в масштабе предприятий и отраслей спешно и принудительно, независимо от желания владельцев. Отноше-

ние к этому процессу в обществе не было однозначным. Против усиления монополии власти выступала часть промышленников. В частности, П. П. Рябушинский указывал, что хлебная монополия «разрушила торговый аппарат, который бездействует». Однако эти действия правительства опирались на сочувствие рабочих. В протоколе частного совещания при министерстве торговли и промышленности констатировалось сочувствие социалистических рабочих кругов к проектам обязательного синдицирования. «Рабочие полагают, что объединенный капитал сможет легче удовлетворить ничем не ограниченные их требования, чем отдельные, порою уже истощенные предприятия»¹⁴⁴.

Важной формой складывающегося единства производства и власти явилось оказание за счет казны финансовой помощи крупному производству в разных формах — отсрочка взысканий ранее выданных ссуд, передача новых ссуд и субсидий. За время своего существования Временное правительство выдало 40 млн. руб. в виде гарантий прибылей частным железнодорожным обществам, крупные ссуды выдавались металлургическим заводам и т. д. «Всевозможные подачки за счет казенных средств стали массовым явлением»¹⁴⁵.

Рост государственного вмешательства усиливался в связи с общей разрухой в стране. В «Проекте правительственной декларации по вопросам экономической политики» от 8 июня можно прочитать: «Предприниматели, не чувствуя под собой устойчивой почвы и утерев надлежащую энергию, обнаруживают желание приостановить производство или стремятся переложить на широкие потребительские круги и на казну непомерно возрастающие издержки производства путем крайнего увеличения цен». И далее автор документа пишет, что «перед лицом развала... необходимо планомерное вмешательство государства в экономическую жизнь, регулирование главнейших отраслей хозяйства»¹⁴⁶.

В этой ситуации с предложением о монополизации государством в различных формах могли выступать сами предприниматели, что еще раз демонстрировало слабое развитие рынка и капитализма. Например, съезд заводчиков и фабрикантов сельскохозяйственного машиностроения заявил, что «заказы и закупки сельскохозяйственных машин и орудий... должно при-

¹⁴⁴ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Ч. 1. С. 593, 186, 198, 277.

¹⁴⁵ Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России: Очерк истории. М., 1959. С. 239, 240.

¹⁴⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Ч. 1. С. 225, 226.

нять на себя государство», оно должно «принимать на себя заботу о планомерном и непрерывном снабжении заводов сельскохозяйственным сырьем, топливом и полуфабрикатами, оказывая в то же время содействие для наивысшей производительности заводов»¹⁴⁷. Тем не менее позиция предпринимателей нуждается в дальнейшем изучении. Она не была однозначной и отражала противоречивость самого их положения. Преобладало стремление к свободе частного предпринимательства, и одновременно было немислимо в условиях разрухи вести дело без активного вмешательства государства.

Исследования показывают, что «Временное правительство подвигалось к идее монополии очень медленно, исключительно под давлением слева». Первое из временных правительств игнорировало требования советов регулировать хозяйство. Однако затем был выработан радикальный план государственного регулирования экономики, предусматривавший государственный контроль над промышленностью. Значительную роль при этом играл германский образец. Меньшевик В. Г. Громан выдвинул идею «планомерной организации народного хозяйства». Состоявшееся в марте — апреле Всероссийское совещание Советов одобрило основные идеи этого плана, рекомендовало правительству «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны». В записке В. А. Степанова указывалось, что он «не может рекомендовать стране возврат к свободной экономике, как это настойчиво желали еще недавно представители торгового капитала. Как раз хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов»¹⁴⁸.

Одновременно крестьянство «согласилось на хлебную монополию, требуя введения такой же монополии на промышленные товары массового потребления»¹⁴⁹. Все это — свидетельства существования в городе и деревне массовой базы для восстановления хозяйственной монополии государства, на что, однако, Временное правительство практически не было способно. Ленин, который выступил с предложением об объединении всех банков и государственном контроле над их операциями, о национализации, принудительном синдицировании¹⁵⁰, двигался в общем русле существующего давления на власть.

На этом этапе сложилась крайне сложная ситуация. С одной стороны, ценности капитализма пробились до вершин власти и стали основой либеральной политики правительства,

¹⁴⁷ Промышленность и торговля. 1917. № 16-17. С. 325.

¹⁴⁸ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 192, 62-63, 74.

¹⁴⁹ Там же. С. 446.

¹⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 304-306.

делавшего ставку на свободную конкуренцию, на частную инициативу, в конечном итоге опираясь в явном или скрытом виде на представления о саморегулирующемся механизме рынка. В России это всегда выступало как форма проявления основного заблуждения интеллигенции — представления, что если народу не мешать совершить инверсионный скачок, то он сам, в кратчайший срок решит все проблемы. В данном случае под народом понималось не только простонародье, но и носители частной инициативы, однако исключались все представители власти. С другой стороны, в стране существовали мощные социальные силы, склонные отвечать на любое кризисное явление, на любое ухудшение ситуации стремлением подавить частный интерес и частную инициативу и восстановить монополию государства на хозяйственную деятельность, подавить рынок и соответственно усилить прямое распределение ресурсов. Силы, стоявшие за частной инициативой, были слабы и имели против себя гигантскую мощь традиций, пронизывающих весь общественный порядок, массовые традиционные патерналистские представления. *Временное правительство, оказавшееся во власти либеральных идей, не имело реальной среды для проведения либеральной политики. Мощное давление активизирующегося традиционализма, подкрепленное умеренным утилитаризмом, стало определяющим фактором в обществе.*

НОВОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ

Мощь усиливавшегося на волне инверсии локализма привела к новой форме двоевластия, т. е. параллельного существования рядом с государственной властью системы советов. *Советы были организационным воплощением локальных ценностей.* Они фактически не несли ни за что ответственности, лишь выдвигая бесконечные утилитарные требования. *Существование этой странной двойственной системы власти раскрыло тайну раскола, сделало явным то, на что обычно закрывали глаза, т. е. существование в стране двоевластия как результата раскола.* Оно никогда не исчезало, концентрируясь обычно в низах общества. Но теперь, в период вечерней инверсии, в условиях национальной катастрофы эта скрытая, не замечаемая историками власть поднялась до вершины общегосударственного управления.

Двоевластие после гибели государства свидетельствовало о том, что великий спор верха и низа вступил в драматическую разрушительную фазу. Низ выплеснулся наверх, но, увы, там он оказался «не у себя дома». Бесконечные требования советов

к власти перерастали в ее разрушение. В этих условиях деятельность правительства постепенно парализовывалась кризисами. С марта по октябрь существовало четыре правительства (два правительства князя Г. Львова и два — А. Керенского). Первое правительство действовало два месяца, второе — менее двух месяцев, третье — месяц с небольшим и последнее — месяц. Одновременно росла длительность кризисов. Деятельность первого правительства завершилась двухдневным кризисом, второго — трехнедельным, третьего — почти месячным (вследствие мятежа Л. Корнилова).

Временное правительство не имело поддержки прежде всего потому, что оно пыталось затормозить гигантскую инверсию, задержать ее в момент, когда, как многим казалось, до чуда, до новой жизни, до победы Правды оставалось совсем немного. Правительство не истребляло богачей, когда это было так легко. Оно не отдавало землю крестьянам, отодвигая решение аграрных проблем к созыву Учредительного собрания, т. е. защищало помещиков. Оно требовало укрепления государственности и дисциплины, т. е. насаждало чиновников и поддерживало хозяев. И т. д. А между тем Правда, как казалось большинству, была рядом. Оружие в руках, власть слаба и занята разговорами. В стране не было силы, которая могла бы остановить инверсию, движущуюся к полному торжеству локальных идеалов, к власти, которая удовлетворит все утилитарные потребности.

Либеральная власть и народ жили в разных измерениях. Интересные образцы этого оставил И. Бунин. Мужик слушает предвыборную речь оратора, который говорит: «Осуществляйте свой великий долг перед Учредительным Собранием... Все голосуйте за список номер третий». Казалось бы, здесь крайне простое, прозрачное высказывание, не допускающее кривотолков. Между тем мужик понял в этой фразе два слова: «долг» и «голосуйте». Первое слово он осмыслил как упоминание о его долгах власти, а второе — как угрозу наказания, в результате которого он будет голосить. Вот его реплика по Бунину: «Ну и пес! Долги, кричит, за вами есть великие! Голосить, говорит, все будете, все, значит, ваше имущество опишу перед Учредительным Собранием. А кому мы должны?.. Нет, это новое начальство совсем никуда... Ну да стой: как бы не пришлось голосить-то тебе самому в три голоса!» Бунин также приводит разговор с другим мужиком, который уже точно знает, кто виноват во всех бедах. Он говорит: «Покуда буржуазию не пере-

режут, будет весь люд голодный, холодный... Будут буржуазию резать, ох будут»¹⁵¹.

Об отношении широких масс крестьянства в ряде северных областей к выборам в Учредительное собрание свидетельствует эсер А. Суэтин: «Население голосовало, как говорится, наугад, смотря по тому, на кого указывают голосовать влиятельные в волости лица. „А мне и ни к чему, кто они такие, кандидаты-то — незнакомые какие-то...” Значение выборов население, видимо, не сознавало и относилось к ним как к какой-то повинности, кстати, не совсем приятного свойства»¹⁵². Особенность голосования в мирах заключалась в стопроцентном голосовании за одного кандидата. Иногда глава семьи опускал бюллетени за свою семью, «чуть ли не за всю деревню»¹⁵³.

Одним из проявлений двойственности ситуации явилась трагическая судьба Николая II и его семьи. Николай сам являлся воплощением двойственности. Еще С. Витте писал: «В натуре государя было постоянно качаться то в одно направление, то в другое. То, что сегодня он одобряет, завтра от этого отказывается». Эти хромающие решения были результатом приспособления к двойственности ситуации, результатом неспособности подняться над ней. Но синкретическое сознание народа не могло отделить личность царя от института монархии. Как раньше люди не могли понять, как «неприродный» царь может быть царем, так и теперь они не могли понять, как можно уничтожить монархию, но оставить в живых царя. Идея ликвидации монархии включала и истребление всех до последнего членов семьи, всего его «семени». Акт отречения царя в пользу сына Алексея, который, казалось, было можно воспринимать как победу революции, был встречен возмущением рабочих и столицы¹⁵⁴. В их понимании, ничто не изменилось, совершена лишь попытка обмана народа, спасения носителей зла. Гучков был задержан рабочими, которые потребовали от него уничтожения акта отречения.

По словам Керенского, «настроение солдатских масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебным Николаю. Раздавались требования казни, прямо ко мне обращенные. Сама сила злобы рабочих лежала глубоко в их настроениях. Смертная казнь Николая II и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или в Кронштадт, яростные, иногда иступленные требо-

¹⁵¹ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 157, 156.

¹⁵² Известия совета крестьянских депутатов. 1917. № 170. 25 нояб.

¹⁵³ Русские ведомости. 1917. 22 дек.

¹⁵⁴ Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. Вып. 1.

вания сотен всяческих делегаций, депутатий и резолюций, являвшихся и предъявлявшихся Временному правительству». Охрана должна была обезопасить жизнь царской семьи от покушений, особенно при перевозке, возможность убийства членов семьи была более реальна, нежели вероятность попытки монархистов организовать побег. Левые эсеры и анархисты Екатеринбурга разработали план нападения на дом, в котором размещалась царская семья, с целью убийства Николая. Будучи выслана в Тобольск, царская семья столкнулась с враждебностью значительной части охраны и большеинства населения. Комиссар Временного правительства эсер В. Панкратов писал, что на его имя «получались анонимки с угрозами с фронта, из Омска, Красноярска, Екатеринбурга и даже от самих тоболяков. Грозил даже послать целую дивизию за то, что я „распустил царскую семью“»¹⁵⁵.

На уральской областной конференции большевиков в первой половине 1918 года большинство делегатов с мест высказывалось за скорейший расстрел Романовых, мотивируя это угрозой реставрации монархии. Ярость масс обрушилась на всех членов царской семьи. В Перми, куда был выслан великий князь Михаил, брат Николая, на заседаниях совета и на рабочих собраниях неоднократно поднимался вопрос о его расстреле. По-видимому, местные власти воспротивились этим требованиям. Князь Михаил был убит вместе со своим секретарем группой из пяти человек, которые, очевидно, не были непосредственно связаны с властью. Находившиеся в заключении в Алапаевске некоторые члены царской семьи, в том числе великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, были расстреляны по решению местных властей. Сам царь был расстрелян по решению Екатеринбургского областного Совета. Народ издревле черпал уверенность в себе, растворяясь во внешней силе отца, идола, царя. Теперь к царю приобщаться было нельзя, так как он потерял моноличность, черты однозначной Правды, стал антитотемом. Им овладели силы зла, и его следовало убить, как некогда уничтожали не оправдавших себя божков. Не случайно в истории страны почти всех свергнутых царей убивали, так как «природный царь» парадоксальным образом оставался царем, пока был жив. *Это убийство было ритуалом уничтожения мирового зла. Советское правительство несло юридическую и моральную ответственность за это убийство. Однако нельзя не признать, что оно действовало в соответствии с настроением значительных масс населения, включая солдат.*

¹⁵⁵ Панкратов В. С. С царем в Тобольске // Былое. 1924. № 26. С. 213.

Любопытна такая деталь — сообщение, сделанное на заседании правительства Свердловым о расстреле царя, было встречено молчанием. Быть может, на миг присутствующие почувствовали ужас перед надвигающейся неизвестностью.

КРАХ СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Либеральное Временное правительство пыталось продолжать либеральный курс, который старая власть, хотя и со значительными колебаниями, проводила с 1861 года. Временное правительство старалось делать это более последовательно, опираясь на свою безграничную веру в народ, в демократию. Абсурдность ситуации состояла в том, что власть с этими идеалами обращалась к обществу, где преобладала массовая вечевая стихия, массовое стремление к локализму, к уравнительности, к натуральному хозяйству, к слову власти. *Новая власть встречала возрастающую враждебность и массовое неповиновение. Ее рассматривали как буржуазную, хотя постепенно под давлением снизу правительство превратилось по своему партийному составу в социалистическое.* Возрастающее сопротивление встречали попытки управлять посредством закона. Правительство предлагало ожидать Учредительного собрания для решения аграрного вопроса. Соборная стихия непосредственно не могла породить из себя государство в масштабе большого общества по той причине, по какой она не могла участвовать в обсуждении и подготовке крестьянской реформы 1861 года. В масштабе большого общества эта сила была неконструктивна, не вписывалась при решении сложных проблем в государственность и мыслила в утопических категориях приоритета локальных натуральных интересов над целым, над всеобщим. *Господствующий гибридный соборно-либеральный идеал распался. Выявились, что именно либералы казались народу главным врагом. Более того, сама монархия пала потому, что царь, правящая элита повернули на путь либеральных реформ, а не потому, что эти реформы оказались недостаточно либеральными или недостаточно радикальными.* В этой ситуации либеральная власть не могла не стать очередной жертвой отказа народа воспроизводить большое общество, государственность, жертвой повсеместного стремления захватить что можно для себя и замкнуться в своей деревне.

Временное правительство пало по той же причине, что и царское. Его никто не защищал: ни войска, ни население. Его сбросили при полной безучастности народа, воспроизводственная деятельность которого уже давно покинула государство. В

городе шла нормальная жизнь, работали кино и театры. Высшие классы не выступали решительно против переворота. Имеются сведения, что «боязнь анархии парализовала много заговоров» (А. Амфитеатров, 1922).

Рассматривая сегодня последние полтора десятилетия существования старой государственности, нельзя не обратить внимание на то, что, если судить по ряду существенных сфер жизни до начала первой мировой войны (развитие экономики, высшей культуры, образования, расширение свободы), можно предположить возможность стабилизации общества, отход от господства инверсионного типа социальных изменений, возможность усиления интеграторов либерального типа. То обстоятельство, что вскоре все развалилось с молниеносной быстротой, может свидетельствовать о том, что действительно решающие факторы, движущие силы исторического процесса, коренных поворотов истории следует искать значительно глубже, чем все эти лежащие на поверхности факты. Их следует искать в законах изменения отношения личности к самой себе, к обществу, к характеру творческого воспроизводства.

Факты, указывающие на развитие, прогресс экономики, не должны, однако, скрывать от нас ту сферу реальности, где формируются механизмы воспроизводства, накапливаются дискомфортные представления, формируются силы инверсии и медиации. Анализ культурных процессов, игнорируемых экономическим материализмом, показывает, что *рост масштабов товарно-денежных отношений далеко не всегда свидетельствует о развитии капитализма или даже о движении к нему. Этот процесс может иметь обратный смысл, т. е. быть фактором массового роста дискомфортного состояния, которое подготавливает массовый взрыв, уничтожающий не только капитализм, но и формы жизни, ему отдаленно предшествующие, все, что несет отдаленную угрозу уравнительности.* Без знания этой сферы реальности нельзя понять механизмы исторического движения России.

Конец инверсионного цикла был предопределен всей предшествующей историей страны, господством инверсионного типа социальных изменений в сочетании с расколом. Он был предрешен не свыше, а деятельностью сменяющих друг друга поколений, которые не знали никакого другого типа изменений, кроме инверсионных. Предшествующие поколения не нашли в себе сил преодолеть раскол, инерцию истории. В России существовали иные возможности, пример тому дает древний Новгород. Однако они не реализовывались в широких масштабах и подавлялись другими вариантами развития.

Много говорилось о том, что если бы то или иное важное событие в России произошло иначе, то вся последующая история страны пошла бы по-другому. П. Струве писал о возможностях, которые открылись бы в случае победы декабристов и более ранней отмены крепостного права¹⁵⁶. А. Керенский говорил о пассивности своего правительства, о возможности победы над большевиками, если бы Временное правительство заключило мир с Германией, и т. д.

Подобные гипотезы весьма сомнительны. *В истории трудно назвать какое-то отдельное событие, которое само по себе изменило бы весь ход последующей истории. Отдельные события могли произойти как-то иначе или не произойти совсем, но ход истории определяется в конечном счете не ими, а деятельностью миллионов.* Можно предположить, что Керенский попытался бы заключить мир с Германией. Но для этого ему пришлось бы порвать со своим окружением, т. е. сделать шаг к большевикам и силам, стоящим за ними. Можно даже предположить, что это помогло бы ему удержать власть. Но инверсионная волна требовала бы от него все новых и новых уступок, до тех пор пока он не стал бы на точку зрения борца за землю и волю, за народную Правду. *В конечном итоге ему пришлось бы максимально приблизить свою позицию к ленинской.* Иначе говоря, можно предположить, что те или иные действия Керенского спасли бы правительство, но нет основания предполагать, что это изменило бы направленность дальнейшей истории. Не следует вообще забывать, что *история высшей власти в России — это сплошная цепь крушения иллюзий, проявлений неспособности существенно изменить положение, воплотить в жизнь альтернативу сложившейся циклической динамике без массовой конструктивной поддержки. Не в деятельности вереницы неудачников, возглавлявших страну, следует искать глубокие причины важнейших событий истории.*

КОНЕЦ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИКЛА

Завершился глобальный цикл русской истории. Общество прошло гигантский тысячелетний путь развития государственной жизни. Он отчетливо разделялся на две части. Первая — прямая инверсия от соборного идеала до крайнего авторитаризма. Это был переход, через промежуточные этапы, от локальности разрозненных частей общества к объединению

¹⁵⁶ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. С. 264.

страны под властью единого отца-тотема, которому была предоставлена власть, разрушительная для локальных миров и в конечном итоге подрывающая свои собственные основы. *Банкротство порядка, связанного с крайним авторитаризмом, привело к обратному процессу, к обратной инверсии, ко второму полупериоду.* Массовое стремление отождествлять Правду с первым лицом, с его решениями инверсионным образом амбивалентно перешло в стремление отождествлять Правду с локальной соборностью. Произошло массовое отпадение от первого лица как от Антихриста, от силы зла, переставшей нести функции тотема, даровать милости, всех равнять, защищать от хаоса и дезорганизации исторически сложившиеся формы жизни. Началось движение к идеалу, при господстве которого, как надеялся Аввакум, не будет всякого начальства и всякой власти. Это движение дошло, преодолевая колебания, до своего логического конца, когда царь, портрету которого еще сравнительно недавно молились, был уничтожен как антитотем. Этому движению противостоят альтернативы, связанные с развитием товарно-денежных отношений, усилением влияния в обществе утилитаризма, либерализма, с качественными сдвигами в культуре, в развитии социальных групп. Они приводили к определенному пониманию нового, но ни разу не смогли преодолеть инерцию истории, выйти за рамки механизма прямой и обратной инверсии, которая, однако, под влиянием прогрессивных изменений, накопления культурного богатства приобретала модифицированный характер. На последнем этапе общество превратилось в хаотическое скопление локальных миров, где силы отталкивания перевешивали силы единства, где идеалом стало локальное соборное сообщество, ошестинившееся против всего, что находилось за его пределами. История окончилась или, как полагали некоторые, лишь с этого момента началась.

Какой же вывод можно сделать из анализа истории страны, охватившей тысячелетний период?

Циклы российской истории могут быть обнаружены и изучены лишь при условии выхода исследования непосредственно на социокультурную реальность, фокусации внимания на историю как воспроизводственную деятельность конкретно-исторического субъекта. Эта самовоспроизводственная деятельность направлена на преодоление постоянно возникающих социокультурных противоречий, противоречий между господствующим массовым нравственным идеалом и реальными социальными отношениями этого субъекта как целого. Субъект постоянно находится под угрозой, что социальная энтропия, потоки дезорганизации окажутся сильнее его способности

предотвратить рост опасности. Перемещение в центр внимания общественного субъекта, а также исследователя этой проблемы имеет важные теоретические и практические последствия как для методологии познания социальных процессов, так и для практики управления обществом.

Важнейшее требование такого подхода заключается в признании критики исторического опыта жизненно важным элементом, включенным в массовую воспроизводственную деятельность. Воспроизводство фактически — рефлексивный процесс, в конечном итоге обращенный субъектом на самого себя, а история — это рефлексивная способность субъекта выходить за собственные рамки.

Человеческая история сталкивается с ростом сложности задач, стоящих перед людьми. Это требует принципиально новых решений, формирования социальных отношений, выходящих за рамки древних сообществ, требует соответствующих культурных форм, соответствующего увеличения творческого потенциала воспроизводственной деятельности, массовой рефлексии истории, всесторонней критики исторического опыта, опыта воспроизводства, требует постоянного формирования альтернатив. *История тем самым превращается в сложный, противоречивый драматический процесс спора человека с самим собой, с постоянно возобновляемым вызовом истории, является произвольным или непроизвольным результатом стремления людей ответить на этот вызов, т. е. повысить эффективность своей воспроизводственной деятельности, ослабить, устранить опасные для общества внешние и внутренние процессы.*

Путь этот оказывается невероятно трудным и мучительным. Постоянно существует соблазн реагировать на новые условия так же, как на старые, действовать старыми средствами, преследовать старые цели, т. е. свести к минимуму критику исторического опыта, что грозит необратимой дезорганизацией. *В центр понимания, объяснения истории должно переместиться не стремление производить блага, не изготовление орудий, не метафизическая вера или утилитарные ценности, хотя и без всего этого нет истории. Все это лишь разные стороны одного процесса, т. е. способности человека выходить за свои собственные исторически сложившиеся рамки через идеальную и практическую рефлексию.* Этот путь не прямолинеен, он не предрешен, не запрограммирован. Человек находится под воздействием инерции истории, запечатленной в культуре, в социальных отношениях, на него действуют явные или скрытые тенденции всей прошлой истории, которая всегда с ним. Человек, возможно, не сознавая

этого, повисает над непроходимой пропастью между тем, что он хотел бы видеть, и тем, что реально видит, между тем, чего он хочет, и тем, что может, между своими надеждами и реальностью, между самосознанием своего Я и оценкой этого Я обществом и т. д. Этот разрыв, который может дойти до раскола, причиняет людям бесконечные страдания. От них ведут два пути. Один — к нравственному упадку, к озлоблению против не оправдавшего надежды реального мира, что является попыткой уничтожить его, истребляя тех, кто персонифицирует негативность мира. Но это путь к самоубийству, к разрушению собственного дома. Однако есть и другой путь. Он лежит в творческом преодолении человеком своей ограниченности, в прогрессивном саморазвитии, в рефлексии.

В любом обществе заложена способность поиска устойчивого состояния. В этом поиске Россия, постоянно захлестываемая кризисом, опасностью омертвления государства, выбрала странный колебательный маршрут. Он диктовался древним инверсионным типом принятия решений, и поэтому история представляла собой цепь переходов от одной крайности к другой и одновременно альтернативное стремление преодолеть эти крайности. Инверсионное движение проникалось медиацией, развитием, поступательным прогрессом общества, техники, науки, возникновением новых ценностей, усложнением общества и государства, ростом рефлексии. Поэтому инверсии не возвращали общество к исходной точке, а постоянно смещали точку возврата в соответствии с более высоким уровнем медиации, что не исключало возможность разрушительного для медиации обратного процесса. Инверсия, оставаясь по своей природе движением в статичной ситуации, совмещалась с поступательным развитием, становилась как формой этого развития, так и силой, парализующей прогресс. Отсюда *формирование глобального модифицированного инверсионного цикла: глобального, так как он охватывает значительный период истории страны; модифицированного, так как первоначальная исходная инверсионная логическая клеточка в результате роста медиации, накопления срединной культуры деформируется, распадается на этапы. Инверсия и медиация как логические категории имеют реальный социальный смысл, воплощаемый в социальных процессах, в истории общества.*

Первый полупериод глобального цикла, характеризуемый в иных терминах, означал, что динамика страны, испытывая колебания, шла к утверждению государственности, подавлению локализма. С. Соловьев понял этот процесс как формирование единого государства в борьбе с родовыми отношениями. Второй полупериод — от крайнего авторитаризма до краха государ-

ственности в 1917 году. Динамика страны повернула назад, к торжеству догосударственного локализма. Этот аспект истории, однако, остался вне внимания С. Соловьева. Первый процесс можно рассматривать как *прямую инверсию*, второй — как *обратную*. Первый процесс означал преобладание массового согласия на государственность, хотя и в неадекватных, мифологических формах. Его воспроизводство происходило на основе экстраполяции ценностей догосударственных локальных сообществ на большое общество. Этот процесс, разумеется, не мог осуществляться без определенного элемента интерпретации, определяемого попытками нащупать специфику государственной жизни.

Второй полупериод означал обратный процесс и был результатом снижения ориентации на государственность, разочарования в ней, стремления людей направить свою производственную деятельность на локальные миры. Результаты дознания, «какие понятия имеют крестьяне о свободе», представленные министру внутренних дел в 1852 году, таким образом раскрывают содержание массовых крестьянских представлений: 1) «государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах», которые в том числе исполняют судебные функции по гражданским и уголовным делам; 2) отказ от оплаты подушных податей, от земских и рекрутских повинностей; 3) «денежное имущество, т. е. капиталы, должны быть уравниваемы между бедными и богатыми крестьянами»; 4) землями владеет чернь, а не помещики. По словам автора записки, подобные идеи господствовали повсеместно, «начиная от гор. Владимира, во Владимирской, Нижегородской, Костромской, частью в Казанской и Вятской губерниях»¹⁵⁷. Эта программа не нуждается в комментариях. Из нее следует, что активизация основной массы населения шла в направлении воспроизводства догосударственных, дофеодальных отношений. Эта тенденция сдерживалась, корректировалась верой в царя, носящей, однако, по своей природе тотемический характер. Государственность существовала, опираясь на массовую веру крестьян, что она служит царю, выполняет его волю. Возрастающая активность архаичных ценностей, направленность обратной инверсии делала эту нравственную основу государственности весьма эфемерной. Механизм этого процесса заключался в том, что в обществе неуклонно усиливалось социокультурное противоречие, которое выражалось прежде всего в противоречии между массовой культурой и государством. Это неизбежно приводило к перио-

¹⁵⁷ См.: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 296-297.

дическим банкротствам господствующего нравственного идеала.

В связи с этим нельзя не коснуться споров о характере крестьянских движений в России. Одни историки утверждают, что они имели антифеодальный характер, расшатывали основы феодализма и тем самым расчищали путь капитализму, а следовательно, в конечном итоге и социализму. Другие исходили из того, что крестьянские движения не выходили за рамки феодализма. Мне кажется, что возможна еще одна гипотеза. *Если понимать под феодализмом не европейскую модель, а власть некоторого среднего звена между локальными мирами и высшей властью, кормящуюся за счет локальных миров, то крестьянское движение носило безусловно антифеодальный характер. Однако эта оппозиция боролась с феодализмом с дофеодальных позиций.*

Обычный инверсионный цикл включает три состояния, т. е. исходный полюс, например, соборный идеал, противоположный полюс, например, авторитарный идеал, и вновь исходный полюс, но уже обогащенный прохождением через прямую и обратную инверсии. В случае существенной модификации цикл в идеальном случае превращается в модифицированную инверсию, включающую семь состояний. Этот переход вполне естествен. Каждый из двух переходов нормального инверсионного цикла в результате возникновения вялой инверсии превращается в тройной переход. Например, переход от соборного идеала к крайнему авторитарному испытывает дополнительные колебания от соборного к раннему авторитаризму. Это колебание компенсируется отходом от авторитаризма к идеалу всеобщего согласия, и лишь после этого общество переходит к крайнему авторитаризму. Следовательно, прямая модифицированная инверсия включает семь состояний (именно семь, а не восемь, так как крайний авторитаризм, составляя последнее состояние прямой инверсии, одновременно является первым состоянием обратной).

Сочетание двух типов социальных изменений — инверсионно-колебательного и прогрессивно-поступательного — привело в России к расколу между ними. Раскол является результатом противопоставления двух форм социокультурных изменений, двух форм принятия решения, двух форм социальной интеграции, двух менталитетов. История страны сложилась таким образом, что сложность и масштабы большого общества существенно опередили развитие медиации, способности людей формировать срединную культуру, социальных форм интеграции общества. Это парализовало развитие общества и даже поворачивало его вспять. Инверсия, ее переход от

одной крайности к другой связаны подчас со сложными внутренними конфликтами. В различных слоях общества могут происходить разные, подчас противоположно направленные процессы. В одних слоях начинается обратная инверсия, в других продолжается движение прямой инверсии. Одновременно может происходить борьба за преодоление инверсионной формы движения вообще. Но победа в рамках определенного этапа остается за тем из процессов, за которым стоит основная часть народа, основной энергетический ресурс. При этом альтернативные тенденции как некоторый элемент культурного богатства отесняются на задний план. Раскол приобретает множество различных форм. Важнейшая из них заключается в расколе между ростом потребности общества в благах и отставанием потребности в развитии воспроизводства, соответствующего более сложным эффективным формам труда, необходимым для удовлетворения этих потребностей. Углубление этой формы раскола привело к тому, что постепенно в ситуации, когда экстенсивные формы попыток преодолеть это противоречие все больше сталкивались с ограниченностью ресурсов (например, ограниченностью земли), раскол стал приобретать форму столкновения внутри народной почвы. В этой борьбе за Правду активизировались архаичные пласты культуры, неотделимые от локализма, уравнительности и т. д. Это не могло не привести к трагическим последствиям.

Раскол законсервировал архаичные циклы, транслировав их в сложное общество, где они приняли разрушительный характер. Их проявления и результаты многообразны, о чем справедливо пишет А. Янов: «В какой другой стране могло случиться, чтобы одно и то же политическое нововведение понадобилось вводить снова и снова — дважды, трижды... Трагедия сталинизма столетия спустя повторила трагедии грозненской опричнины и петровского террора. В этом смысле русская история, можно сказать, постоянно беременна трагедией»¹⁵⁸. Анализ циклов позволил Янову увидеть закономерную смену реформ контрреформами.

Проделанное исследование дает основание для определенных выводов о самобытности истории страны. Проблема самобытности неотделима от специфики исторического пути России, от реальных возможностей и способностей общества ее разрешить. *Центральный элемент самобытности — существование раскола*, который пронизывает культуру, социальные отношения, воспроизводственную деятельность, личность. Раскол сформировался в результате исторически сложившегося

¹⁵⁸ Янов А. Если перестройка потерпит поражение...// Общественные науки. 1990. № 3. С. 46, 47.

промежуточного положения России как страны, находящейся между двумя суперцивилизациями: традиционной, где господствующее место занимает статичное воспроизводство, стремление сохранить соответствующие ценности, и либеральной, основанной на интенсивном воспроизводстве. История России сложилась таким образом, что она уже перестала быть страной чисто традиционного типа и одновременно не стала страной либерального типа. Можно сказать, что здесь сложилась особая промежуточная цивилизация. Раскол не позволяет обществу ни перейти к либеральной суперцивилизации, ни вернуться к традиционной. Отсюда постоянные мучительные пароксизмы, постоянные шараханья между попытками приобщения к ценностям, нашедшим высшее воплощение в либеральной суперцивилизации (наука, техника, развитый рынок и т. д.), и попытками приобщения к ценностям традиционной суперцивилизации — уравнительности, локализму.

Для истории страны характерно ослабление единого древнего органического нравственного идеала, способного интегрировать общество. Это превращает возможность раскола в угрозу существованию общества. Для ее сдерживания необходимы особые методы, в частности, гибридные нравственные идеалы. Такие идеалы оказываются возможными на основе развития утилитаризма.

Циклы истории России держат государственность, интеграцию общества под постоянной угрозой краха. Последний не обязательно происходит в результате бунта или действий чисто политических механизмов. Люди просто могут перестать воспроизводить государство, поддерживать его своей социальной энергией, ресурсами, например, крестьяне могут перестать поддерживать государство, общество хлебом, уплатой налогов и т. д. *Катастрофа может наступить в результате роста разнообразия, превосходящего конкретно-исторические возможности обеспечивать единство. В этом случае рост разнообразия из позитивного процесса превращается в рост дезорганизации, которая, достигая порогового состояния, приводит к катастрофе. Эта катастрофа не одномоментный акт. Падение социальных интеграторов неизбежно влечет за собой попытку последующей интеграции. Эта попытка может иметь разрушительные последствия, т. е. быть реальным развитием, продолжением начавшейся дезинтеграции. Например, гражданскую войну в России после 1917 года можно рассматривать как борьбу двух версий интеграции.*

Инверсионные повороты, наступление нового этапа были актами определенной исторической критики, которая отвергла господствующий идеал предыдущего как несостоятельный.

Тем самым изменялись условия решения медиационной задачи, формы соединения государственности и массового сознания. Массовый поворот включал в себя и поворот правящей элиты, которая вырабатывала свою версию этого события, создавала соответствующую форму идеологии. Она, в свою очередь, служила основой для политики, проводимой властью в новых условиях. Эта политика могла быть эффективной, но могла и не суметь решить медиационную задачу, что несло за собой снижение эффективности господствующего уровня воспроизводства ниже критического порога. Критика исторического опыта — массовый процесс, элемент воспроизводства, воспроизводственной деятельности самого человека. Она сама может быть предметом критики силами духовной элиты. Однако в обществе далеко не всегда существовали благоприятные для этого условия. Кроме того, раскол препятствовал тому, чтобы голос духовной элиты мог повысить культурный уровень массовой критики истории. Критика истории носит многоплановый иерархический характер. Историческая наука не может не включать в себя критику исторической практики отдельных групп, всего общества с точки зрения того, в какой степени соответствующий субъект использовал в принятии своих решений весь исторический опыт, способности опереться на свой теоретический потенциал, расширять и углублять его для принятия эффективных решений, для преодоления исторической инерции, для совершенствования воспроизводственной деятельности в соответствии с усложнением вызова истории. Эта критика сама является элементом человеческой истории, необходимой предпосылкой дальнейшей истории, роста рефлексии, медиации.

Анализ логики истории не может быть ограничен лишь частью истории. *Логика всеобща, и каждый дальнейший шаг истории может оказаться творческим актом, преодолевающим ограниченность логики предшествующей истории.* Это преодоление может быть как опровержением, так и развитием, новым витком самой логики. Отсюда необходимость *испытать критикой логику истории в масштабе всей истории страны.* Возможно, это поможет пролить новый свет на весь исторический процесс, на последующие беспрецедентные в мировой истории события, поможет в формировании обоснованного прогноза.